

ПАТРУЛЬ
ВРЕМЕНИ

Зарубежная

фантастика

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

Сборник научно-фантастических
произведений

Издательство «Мир» Москва

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

Сборник научно-фантастических
произведений

Составитель Р. Рыбкин

Предисловие К. Булычева

МОСКВА «МИР» 1985

Сб.3
П20

П20 **Патруль времени: Сб. научн.-фант. произведений;** Пер. с англ., нем., исп., итал., польск./
Сост. Р. Рыбкин; Предисл. К. Булычева. — М.:
Мир, 1985. — 496 с. — (Зарубежная фантастика)

Сборник из произведений писателей-фантастов США, Великобритании, ФРГ, Италии, Кубы, Испании, Польши на тему о перемещениях во времени.
Для любителей научной фантастики.

П 4701000000—294
041(01)—85 175—85, ч. 1

ББК 84(0)6
Сб.3

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

Лаборатория парадоксов

Предтечей современной фантастики, которая началась на рубеже XX века, принято считать Жюля Верна. Именно в его век наука, до того не вторгавшаяся в жизнь обитателей Земли, вдруг рванулась вперед, затопляя планету новыми реалиями. В юности Жюль Верн жил в окружении керосиновых ламп, карет, парусных фрегатов, в мире, где самым быстрым способом передвижения считалась тройка лошадей, а самым быстрым и надежным способом контакта между людьми в разных городах было письмо. Когда он завершал свой жизненный и писательский путь, уже утвердились телеграф, автомобили, электрические лампы, появились первые самолеты и радиосвязь. И все же Жюль Верн остался человеком XIX века — не потому что отвергал новые открытия, а потому что до конца дней сохранил уверенность в том, что наука — благо для человечества, что технический прогресс ведет к изобилию и благоденствию. Лишь к исходу столетия его начали одолевать сомнения, и тогда появились тревожные повести: «500 миллионов Бегумы» или «Экспедиция Барсака».

XX век нес с собой не только надежды, но и тревоги. Достижения человеческого разума все чаще попадали в руки шульцев (милитарист из повести «500 миллионов Бегумы») и обращались против людей. Мир первой декады нового столетия становился все более жестоким и вовлеченным в борьбу хищных держав. Телеграф передавал депе-

ши о военных походах и карательных экспедициях, деловитые оружейники устанавливали пулеметы на неспешные цеппелины, в тихих лабораториях испытывались смертоносные газы. Мыслящие люди, еще вчера видевшие в науке панацею, с тревогой разворачивали газеты. Сквозь грохот пушек боксерского восстания в Китае, залпы Цусимы, треск пулеметов в Абиссинии прорывались сполохи грядущей мировой войны.

Именно в это тревожное время и появилась современная фантастика. Рожденная темпом XX века, его надеждами и его страхами.

Будущее Жюля Верна во многом было продолжением настоящего. Его преемникам будущее нередко представлялось пугающим, хотя они и пытались разглядеть в нем светлые дали.

Герберт Уэллс, великий начинатель, свой первый научно-фантастический роман назвал «Машина времени». Он жаждал понять будущее, внимательно глядя на современность. Отыскивая в будущем заложенное в нем сегодня, Уэллс открыто полемизировал с крупными писателями-реалистами, своими современниками — Конрадом или Джойсом, — ставившими перед собой задачу психологического исследования личности. Он писал: «Почему мы должны считать, что человек — это только его лицо, манеры, его любовные дела? Чтобы дать полное представление о человеке, необходимо начать с сотворения мира, поскольку это касается его лично, и кончить описанием его ожиданий от вечности. Если человек должен быть изображен полностью, он должен быть дан сначала в его отношении ко вселенной, затем — к истории и только после этого — в его отношении к другим людям и ко всему человечеству».

Недаром советские исследователи отмечают

пионерскую сущность творчества Уэллса, для которого человек существовал, прежде всего, как часть человечества и средоточие не только биологических, но и социальных сил. Вот это и было манифестом новой фантастики, ибо человек, изучаемый Уэллсом, был частью общества XX века, общества динамичного, сложного, нацеленного в будущее активнее, чем в прошлое. Фантастика из путешествий в настоящем, обогащенная дарами научного прогресса, обратилась к социальным проблемам, тянувшимся в завтра, и стала средством раздумий о судьбах мира. До этого издавна существовала утопия, но она никогда не была частью художественной литературы, не интересовалась конкретно человеком, а представляла собой лишь популярное изложение той или иной философской концепции.

«Машина времени» Уэллса открыла не только новую страницу в истории фантастики — она положила начало размежеванию внутри этой отрасли художественной литературы.

Порой фантастику называют одним из жанров литературы, ставя в один ряд, например, с детективом. Неверность этого определения очевидна. Фантастика включает в себя множество жанров — многожанровость ее уловил еще Уэллс, показав возможности фантастики в своих произведениях. Фантастический детектив завоевал в ней сегодня прочные позиции, а фантастическая комедия так же привычна, как и фантастическая трагедия. Жюль Верн не эмоционален — он деловит, его герои считают мили, фунты, минуты, ящики с гвоздями и число насекомых на квадратный метр. В этом они — наследники Робинзона Крузо, которому Дефо подарил возможность заняться бухгалтерским учетом. Жюль Верн спешит образовать читателя, просветить его. Герои его однозначно

благородны или столь же однозначно непривлекательны. Мы их любим в детстве, детство чаще видит мир в резких красках — черное и белое. Уэллс же понял, что в фантастическом мире должны жить и действовать наши современники, которые не бывают только хорошими или только плохими. Вот почему, читая его книги, взрослый человек испытывает те же эмоции, которые дарит высокая реалистическая проза. Чувства уэллсовских героев, а значит, и чувства самого Уэллса — это чувства читателя. Когда Уэллс огорчается, нам больно, когда он смеется, мы смеемся вместе с ним. Жаль только, что смеется он редко.

Помимо различных жанров фантастическая литература получила в наследство от Уэллса «правила игры» — основные темы. Их немного, но они прослеживаются практически в любом сегодняшнем произведении. Это — путешествие во времени, путешествие в пространстве и путешествие мысли. Основы этих тем Уэллс заложил в первых же своих книгах. Вспомним: «Машина времени» — путешествие во времени, «Война миров» — путешествие в пространстве, «Остров доктора Моро» — путешествие мысли. Темы эти широки, и границы их трудноопределены. Но они реальны, они отражают направления наших размышлений и тревог. Это поиски ответов на вопросы: что будет завтра и что было вчера? Что там, вдали, в глубинах океана и пропасти космоса? Чем грозит и что обещает нам сумма открытых и изобретений, в сущности которых так трудно разобраться?

Когда эти темы раскрывает художник, пишущий в первую очередь о людях, и читатель может ассоциировать себя с героем, появляются крупные произведения литературы, которые живут долго. «Машина времени» читается и сегодня, хотя после

нее рождено множество антиутопий и описаны тысячи путешествий во времени. Не только художественная достоверность романа, но и актуальность его ничуть не потускнели, ибо, заглядывая в будущее, Уэллс клеймил современное ему буржуазное общество. И можно понять (однако нельзя с ним согласиться) одного редактора, который утверждал, что после «Машины времени» путешествия во времени писаться и публиковаться не имеют права — Уэллс уже все сказал.

К счастью, тема эта широка и она лишь метод, лишь привычный уже ход, позволяющий автору поделиться с читателем тем, что у него на душе.

Есть литературные произведения, не претендующие на полноту раскрытия человеческих характеров или отражение крупных проблем. Мы имеем в виду небольшие рассказы, характерные преимущественно для юмористической литературы. Это рассказ-анекдот, рассказ-развлечение. То, что подобных произведений тьма, отнюдь не означает, что все они дурны или не нужны. Ранний Чехов — это очень часто рассказ-анекдот. Уэллс тоже не чуялся таких рассказов. Очевидно, с его легкой руки и родился в фантастике рассказ-парадокс, будящий мысль и вызывающий улыбку. Для таких парадоксов фантастика открывает широчайший простор. Жизнь вообще во многом парадоксальна, а возможности фантастики позволяют этот парадокс гиперболизировать. Последователей у Уэллса множество, и число их растет. Патриарх советской фантастики Александр Беляев создал серию рассказов о профессоре Вагнере. Замечательно владел этим жанром другой советский фантаст Илья Варшавский. В США мастерами парадоксальной новеллы по праву считают Роберта Шекли или Ген-

ри Каттиера. Если рассказ написан талантливо, то за анекдотом, парадоксом открывается мысль, заставляющая читателя задуматься.

Путешествие во времени позволяет писателям-фантастам чрезвычайно широко пользоваться парадоксами. Пожалуй, ни одна другая тема в фантастике не родила столько рассказов и повестей, построенных именно на парадоксах. В самом деле, сколько раз приходилось сталкиваться с серьезным (а то и лукавым) вопросом: а что, если?.. Уже у зачинателей этой линии в фантастике таких вопросов возникало множество. Есть среди них и такие, что, признаться, успели набить оскомину. Вспомним:

А что, если я отправлюсь в прошлое и убью там своего дедушку? Значит ли это, что я не появлюсь на свет? А если я не появлюсь на свет, кто отправится в прошлое убить моего дедушку?

А что, если я отправлюсь в будущее и встречу там самого себя? Значит, одновременно будут существовать два идентичных человека?

А что, если я нарушу течение истории в прошлом? Может ли тогда Наполеон победить при Ватерлоо?

Уэллс в своей «Машине времени» использует путешествие во времени, чтобы осознать настоящее и разглядеть тенденции будущего, и это направление в фантастике можно назвать социальным. В одном из рассказов Брэдбери человек в прошлом нечаянно раздавил бабочку и тем нарушил весь ход истории — это направление в фантастике можно назвать парадоксальным.

Есть и третье направление.

Путешествие во времени дает удивительно богатые возможности для приключений. Герою повести ничего не стоит сражаться с римскими легионерами или космическими бандитами из далекого буду-

щего. Он спасает вавилонскую рабыню и уносит ее в свой двадцать первый век, снимает кинофильм о викингах, расположив Юпитеры в десятом веке, как в романе Гарри Гаррисона «Фантастическая сага». Это направление можно назвать приключенческим.

Вот из этих трех направлений и складывается в основном сегодня большая тема — путешествия во времени.

В сборнике «Патруль времени» присутствуют все три направления. Наиболее полно представлено второе, парадоксальное направление. И это понятно, так как состоит он в основном из новелл. Пожалуй, несколько скучнее отражено социальное направление. Но и это понятно — такая тема требует романа, неспешного осмыслиения. И все же сошлемся на рассказ Уильяма Тенна «Посыльный». Цель автора — показать современного делового хищника, не способного ни на миг отвлечься от пагубной страсти к наживе. Перед нами типичный американский бизнесмен, лишенный человеческих чувств и обуреваемый лишь мыслью о прибыли. Резко заостряя этот образ, автор бичует мир, в котором живет.

Сборник привлекает своей представительностью. Не только географической — в нем представлены писатели США, Англии, Италии, Польши, Кубы, Испании, — но и тематической. Читателя, который не очень искушен в правилах фантастической литературы, он знакомит с основными парадоксами и проблемами путешествия во времени. Читателю, который многое знает, предлагает неожиданные, новые ходы и проблемы, доказывая тем самым неисчерпаемость темы.

Любопытно, что в одном из рассказов — «А мы лезем в окно» — автор, Барри Молзберг, обращает-

ся непосредственно к читателю, как бы к члену многотысячного клана знатоков и ценителей фантастики. Описывая крайне парадоксальную, но логически строгую ситуацию, когда в одном отрезке времени из-за неточностей во временных перебросках скапливается более трехсот совершенно одинаковых персонажей, автор рукой своего героя пишет: «Ладно, ладно, мистер Пол (имеется в виду адресат письма — известный американский писатель Фредерик Пол. — Ред.), я знаю, о чем вы сейчас думаете. Вы говорите себе, что для вас и для ваших авторов это старье, которое давно в зубах навязло... и что вы уже рассматривали эту тему с тысячи сторон». Но смысл этого рассказа как раз и заключается в том, что можно отыскать неожиданную и плодотворную тысячу первую сторону.

Уязвимая сторона почти любого тематического сборника в том, что в нем можно встретить писателей, разных не только по своему складу, но и таланту. Вместе с тем тематический сборник имеет и свои преимущества: читатель как бы входит в компанию, где собрано десятка два разных людей; каждый из них в силу своего умения и таланта рассказывает историю — так из суммы новелл рождается яркий букет, как из множества ночей Шехерезады, веселых и скучных, ярких и обыденных, родилась «Тысяча и одна ночь».

Так, известный американский фантаст Ван Вогт ограничивается парадоксом («Часы времени»). Но парадоксом умным, окрашенным юмором, в нем проступают человеческие характеры, и герой его, и тем более героиня действуют, переживают и вызывают нашу симпатию. Возникает возможность подмены — а как бы я поступил на его месте?

Озорно и лукаво шутит Джанни Родари («Профессор Грозали»), но шутка его удивительно жиз-

ненна и сатирична, и вдруг становится страшно, когда читаешь: «Он очень хороший паренек, этот Альберти, и, если в рождественскую ночь ему присудят премию за доброту, это будет вполне справедливо, более чем справедливо». А доброта эта бездумна, как полет бабочки, внутренне жестока и отвратительна — двадцать четвертый удар ножом, убийство, которое никому не кажется убийством. Телеоператоры, гротескно повторяющие дубль «Убийство Юлия Цезаря», толпы идиотски внимательных туристов — кого мы воспитываем, кем мы стали? Читатель слышит крик Джанни Родари, и парадокс перерастает в горькую социальную сатиру. Изобретение пуговицы и смерть оказываются в одном ряду.

В классическом рассказе Уиндема «Хроно-клизм» за цепью парадоксов вырисовываются человеческие судьбы — вроде бы и нет трагедии, да и сам писатель мастерски уходит от подчеркивания трагичности ситуации. А непрочность человеческого счастья, зыбкость жизни — и завтра и сегодня — заставляют нас взывать к писателю: пожалейте Тавию! Нам не жалко Лэттери, он переживет разлуку, он станет лордом, получит свои премии — страдает лишь Тавия, отдающая всю себя, но остающаяся лишь винтиком в хорошо отлаженной машине общества.

Но если трагедия Тавии дана в полутонах, недосказана, приглушена, то в рассказе Болларда «Из лучших побуждений» трагедия обнажена, ибо обнажена жестокость жизни буржуазного общества, жестокость, в которой беспомощен герой, пытающийся изменить ход событий и не могущий этого сделать. Не потому, что ошибся с выстрелом и, вместо того чтобы спасти в прошлом свою возлюбленную, убил ее вторично. Просто одинокий борец

за свое счастье не способен исправить мир, и если даже ему удалось установить справедливость в одном мгновении истории, то безжалостная логика социальных условий, рождающих жестокость, отомстит ему, и все пойдет, как прежде.

Понимая это, Пол Андерсон в двух небольших повестях «На страже времен» и «Быть царем» (из цикла «Патруль времени»), которые занимают значительную часть сборника и которые, скорее всего, следует отнести к приключенческому направлению нашей темы, вместо одиночки вводят могучую организацию. Организацию, которая, по замыслу автора, может что-то изменить к лучшему. Но тут же мы сталкиваемся с иной проблемой: а что лучше? И справедлива ли высшая, разумная и размененная справедливость Патруля?

Пол Андерсон — опытный, популярный писатель, один из тех плодовитых авторов, что умело балансируют между серьезной фантастикой и космической оперой, и потому его читают и те, кто ищет только развлечения, и те, кто хочет задуматься. Можно следить за увлекательным сюжетом повести, когда герой, почти супермен, но не лишенный человеческих чувств, совершает смелые поступки и пускается в рискованные авантюры. Можно глазами заинтересованного читателя следить за судьбой людей, втянутых в перипетии временных перемещений, но можно и задуматься: а вправе ли отдельная человеческая личность противопоставлять свое счастье законам общественного развития? Нам важно, что герой Андерсона все же поднимается на бунт, понимая его безнадежность, и побеждает несмотря ни на что. Особенно важно, что делает это он не для себя, а ради других, и порой вопреки собственным чувствам и интересам. Здесь перед нами не конфликт любви и долга, а скорее

конфликт между долгом, навязанным сверху, и долгом личности.

Говоря о путешествиях во времени, мы, естественно, имеем в виду путешествие в прошлое и проникновение в будущее. Характерно, что авторы, представленные в данном сборнике, как, впрочем, и западные фантасты в целом, отдают предпочтение путешествиям в прошлое, включая сюда и полеты из будущего в настоящее. Будущего в изображении современных буржуазных фантастов мы почти не увидим. Тому есть две причины. Первая — будущее чаще всего рисуется им мрачным, бесчеловечным, бездуховным, лишенным перспективы, оно как бы развивает и усугубляет тему «Машины времени». В этом коренное отличие западной фантастики от советской, как в капле воды отражающее различие в убеждениях представителей двух разных социальных систем: мы верим в то, что будущее оптимистично, западные буржуазные писатели чаще всего будущего боятся.

Вторая причина также социально объяснима — она обусловлена ностальгией. Когда окружающая действительность претит и пугает, человеком овладевает эскапизм, желание спрятаться и не видеть того, что происходит вокруг. И здесь западные писатели-фантасты выступают выразителями настроений своего общества: они обращаются к читателю, который хотел бы спрятаться куда угодно от постоянных разговоров об атомной угрозе и перенаселении. Путешествие во времени предоставляет им отличную возможность убежать. В прошлое, в «славное, доброе прошлое», когда воздух был чистым и жизнь подчинялась неспешным законам человеческого общения. Пожалуй, наиболее показателен в этом отношении роман американского писателя Джека Финнея «Меж двух времен». Герой

романа делает все возможное, чтобы спрятаться в прошлом, поселиться там, пользоваться допотопными омнибусами и радоваться не загаженным пластиковыми пакетами зеленым лужайкам.

Тема ностальгии отчетливо проступает и в произведениях сборника «Патруль времени». Причем не только по направлению из настоящего в прошлое, но и из будущего в настоящее. Для Тавии, героини рассказа «Хроноклазм», наши дни кажутся добрым, неторопливым прошлым — возникает ситуация, когда страх автора перед будущим светит как бы отраженно. Джек Финней в рассказе «Хватит махать руками» также решает эту тему не прямо, вводя дополнительный парадокс и устами генерала Гранта, героя гражданской войны в США, отрицая саму допустимость использования самолета для бомбардировки. Здесь, как и в романе «Меж двух времен», Финней не скрывает своей симпатии к людям XIX века, не противопоставляя их нам впрямую, а предоставляя читателю возможность самому делать выводы.

Но ярче всего тема тоски по прошлому звучит в рассказе Робина Скотта «Третий вариант». Стать директором музея или продолжать нелегкую работу агента во времени — таков выбор, стоящий перед героем. Будущее, в котором живет Джонатан Бёрк, намечено скучными штрихами, и они, увы, не вызывают у нас симпатии. В самом деле: там царит перенаселение, там люди лишены возможности свободно передвигаться без особого на то разрешения... Бёрк выбирает для себя второй путь — он отправляется в прошлое, в самое начало нашего века. Там ему как агенту разведки времени приходится постепенно и осторожно вживаться в чужой, но становящийся с каждым днем все более привычным мир маленького американского город-

ка. Автор весьма подробно описывает, как Бёрк выполняет свое задание — пожалуй, нечасто в фантастической литературе писатели столь скрупулезно воссоздают достоверность в действиях героя. Но вот перед ним возникает еще один вариант. Неожиданный, казалось бы, но подготовленный всеми его предыдущими поступками и размышлениями. Бёрк возвращается к себе, в будущее, чтобы сообщить о своем выборе, — и, подобно герою Финнея, остается в прошлом.

Мне этот рассказ-бегство, в такой теме отнюдь не новый и типичный, показался интересным в ином. Чего добивается Бёрк? Спасти ценные картины, которым предназначено погибнуть при пожаре. Он выполняет задание, преодолевая немало трудностей и рискуя, более того, отправляется к себе в будущее, опасаясь, что его не отпустят к возлюбленной, чтобы сообщить, где и как спрятаны картины. И тогда вдруг будущее, сначала набросанное черными штрихами, открывается нам с другой стороны. Оказывается, сам Бёрк и его начальник — вполне доброжелательные, гуманно мыслящие люди, и никто не ставит препон на пути Бёрка к счастью. Более того, если обществу будущего нужны картины старых мастеров, значит, оно, это общество, не омертвело, не деградировало. И читатель понимает, что к черным штрихам вступления добавились яркие мазки оптимизма, сдержанного, но жизненного.

Очень трудно заглянуть в будущее, которого писатель боится. Но все же какая-то, пусть противоречивая и неполная, картина его создается. Современники Тавии не признают насилия и убийств. Для мальчика из будущего делец XX века в рассказе «Посыльный» невероятен и гадок. Патруль времени делает попытку бороться не только с нарушения-

ми временного процесса, но и с крайними выражениями несправедливости... Так западные фантасты пусть робко, непоследовательно, но все же нащупывают надежду на свет, пробивающейся из грядущих времен.

Но есть в сборнике и рассказ-исключение. Рассказ, в котором прошлое полно страдания и боли, а будущее светло. Рассказ этот печален, настроение его задано тем, что главным героем выступает Эдгар По, не раз уже попавший в художественную литературу в таком качестве. Создался даже определенный стереотип: одинокий гений, преследуемый несчастьями.

Эдмонду Гамильтону в рассказе «Отверженный» его коллега из прошлого понадобился как привычный читателю образ, однако сам же автор этот образ разрушает, отыскивая в творчестве По надежду на существование светлых миров и далеких земель счастья. Правда, приписывает он знакомство с такими мирами не самому По, который полагает, что они всего лишь плод его воображения, а «замурованному» в нем человеку из будущего. Здесь перед нами прекрасное будущее, сродни мечтам Эдгара По. Оно и есть воплощение стремлений и надежд гения.

Уэллс после «Машины времени» написал роман «Люди, как боги». Он тоже искал альтернативу обществу, которое грозило гибелью земной цивилизации. И он тоже умел не только предостерегать, но и мечтать о будущем. Писатель-гуманист, он призывал к тому, чтобы не мириться с происходящим вокруг, а работать и бороться во имя светлых дней, что неминуемо наступят.

Время — необъятная арена для героев фантастических книг, для путешествия и парадокса. Но в любом случае его линия проходит через наш день.

И неизбежно на этом пути писатели-фантасты рисуют нас, современных людей, и ищут, порой предостерегая, порой надеясь, тот вариант будущего, в котором людям предстоит жить и которое создается уже сегодня.

Кир Булычев

Пол Андерсон

Из цикла «Патруль времени»

На страже времен*

1

На высокооплачиваемую работу с заграниц. командировками требуются мужчины: возраст 21—40 лет, желательно холост., с военным или техн. образ., в хорошем физич. состоянии.

Обращаться: Компания технологических исследований, 305 Е., 45, с 9 до 10 и с 14 до 18 час.

— Работа, как вы понимаете, несколько необычная, — сказал Гордон. — И строго секретная. Надеюсь, вы умеете хранить тайны?

— Как правило, да, — сказал Мэнс Эверард. — Впрочем, смотря по обстоятельствам.

Гордон улыбнулся — странная это была улыбка. Эверард не представлял, что можно так улыбаться — не разжимая губ.

Гордон свободно говорил по-английски с обычным американским акцентом, носил общепринятый деловой костюм, но было в нем что-то от иностранца, и не только смуглый цвет лица с гладкими, без

* Печатается по изд.: Андерсон П. Патруль времени: Пер. с англ. — Л.: «Звезда», № 8, 1981. — Пер. изд.: Anderson P. Time Patrol; Brave to Be a King: Guardians of Time. Pan Books, Lnd., 1961.

© Перевод на русский язык, «Звезда», 1981.

© Перевод на русский язык с исправлениями, «Мир», 1985.

намека на бороду щеками и узкие раскосые глаза, совершенно не вязавшиеся с прямым носом. Трудно было понять, откуда он родом.

— Мы отнюдь не шпионы, если именно эта мысль пришла вам в голову, — сказал он.

Эверард усмехнулся.

— Простите. Только, пожалуйста, не подумайте, что я поддался всеобщей шпиономании. К тому же у меня никогда не было доступа к секретным данным. Но в вашем объявлении говорится о заграничных командировках, а при теперешней ситуации... Словом, я не хотел бы лишиться своего заграничного паспорта.

Эверард был высокого роста, широкоплечий. В коротко подстриженных волосах не было и намека на седину, но на лице уже проступали следы пережитого.

Он выложил на стол документы: свидетельство об увольнении из армии, справки о работе в различных фирмах в качестве инженера-механика. Гордон, казалось, и внимания не обратил на эти бумаги.

Кабинет был похож на все другие помещения такого рода: стол, несколько стульев, бюро и дверь, ведущая, по-видимому, в другую комнату. Из окна открывался вид на забитую автомобилями нью-йоркскую улицу.

— Вы независимы, — сказал Гордон. — Мне это нравится. Многие из тех, кто к нам приходит, чуть ли не ползают на брюхе и готовы благодарить даже за пинок в зад. Конечно, с вашими данными вы еще не потеряли надежду и можете получить работу и в другом месте. Кажется, теперь это называется «в порядке временного трудоустройства».

— Меня интересует работа у вас, — сказал Эверард. — Я не раз бывал за границей, как вы

можете видеть по документам, и хотел бы еще поездить, хотя, по правде говоря, до сих пор не понимаю, чем вы занимаетесь.

— Мы занимаемся многими вещами. Позвольте, позовите... Вы ведь воевали во Франции и Германии.

Эверард вздрогнул: в документах упоминались все его ордена и медали, но он готов был поклясться, что Гордон не успел прочитать ни строчки.

— Гм... Будьте любезны, положите руки на подлокотники вашего кресла. Благодарю. Скажите, как вы реагируете на физическую опасность?

Эверард напрягся.

— Послушайте...

Глаза Гордона были прикованы к какому-то прибору на столе: это была простая пластмассовая коробка с индикаторной стрелкой и двумя циферблатами.

— Впрочем, неважно. Можете не отвечать. Скажите, каковы ваши взгляды на международную солидарность?

— Послушайте, я...

— Коммунизм? Фашизм? Как вы относитесь к женщинам? Чем еще интересуетесь?.. Все. Можете не отвечать.

— Какого черта, что все это значит? — взорвался Эверард.

— Небольшой психологический тест. Забудьте об этом. Меня не интересуют ваши взгляды, разве только с точки зрения основных эмоциональных рефлексов.

Гордон откинулся на спинку кресла и сомкнул перед собой кончики пальцев.

— Пока все идет отлично. Теперь я объясню вам, в чем дело. Как я уже говорил, мы занимаемся работой особой секретности. Мы... гм... собира-

емся устроить небольшой сюрприз нашим конкурентам. — Он усмехнулся. — При желании можете прямиком отсюда отправиться в ФБР. Но предупреждаю, нас уже проверяли и выдали, так сказать, полное отпущение грехов. Там вам сообщат, что мы действительно ведем финансовые операции и занимаемся технологическими исследованиями во всех странах мира. Но существует еще один аспект нашей работы, и вот для него-то нам нужны люди. Я заплачу вам сто долларов, если вы пройдете вон в ту комнату и разрешите себя обследовать. Это отнимет у вас три часа. Если вы нам не подойдете, тем дело и кончится. Если подойдете, мы подпишем с вами контракт, расскажем о работе и начнем вас обучать. Ну как, годится?

Эверард заколебался. Ему не нравилась такая поспешность. Обычный кабинет, но этот странноватый человек... За всем этим явно что-то скрывается...

— Я подпишу контракт только после того, как узнаю, в чем заключается работа, — наконец сказал он.

— Как угодно. — Гордон пожал плечами. — Тесты покажут, подходите ли вы нам. Мы пользуемся самой совершенной аппаратурой.

Во всяком случае, здесь он не покривил душой. Эверард довольно сносно разбирался в методах современной психологии, знал об энцефалографии, ассоциативных тестах. Но ему никогда прежде не доводилось видеть ни одного из тех зачехленных приборов, которые жужжали и мигали вокруг. Вопросы, которые ему задавал ассистент — лысый мужчина неопределенного возраста с белым, ничего не выражаящим лицом, — казались ему беспредметными. А что это за металлический колпак,

который ему надели на голову? Куда ведут эти бесчисленные провода?

Эверард украдкой бросал взгляды на шкалы различных приборов, но таких букв и цифр он раньше никогда не видел. Не похожи ни на латинские, ни на славянские, ни на греческие буквы, ни на китайские иероглифы. Такие буквы и цифры вообще не могли существовать в году 1954 от рождения Христова. Возможно, уже тогда Эверард начал подозревать истину.

Он с удивлением отметил, что в ходе испытаний лучше узнал самого себя: Мэнсон Эммерт Эверард, 30 лет, лейтенант в отставке, служил в инженерном корпусе вооруженных сил США; работал проектировщиком и производственником на родине, в Швейцарии, на Ближнем Востоке; холостяк, с каждым годом все больше завидующий своим женатым друзьям; не имеет возлюбленной; в некоторой степени библиофил; превосходно играет в покер, любит лошадей, оружие и парусный спорт; на отдыхе увлекается рыбалкой и туризмом. Все это, разумеется, он знал о себе и раньше, но только в качестве отдельных фактов. Сейчас же он вдруг ощущил себя единственным организмом, каждая отдельная его черточка стала частью чего-то целого.

Он вышел из комнаты, почти шатаясь от усталости, насквозь мокрый от пота. Гордон предложил ему сигарету и торопливо пробежал глазами закодированные листки, которые протянул ассистент. Время от времени он бормотал вслух:

— Зета-20 кортикальная... здесь недифференцированная оценка... психическая реакция на антитоксин... ослабление центральной координации...

В разговоре с ассистентом он перешел на незнакомый язык с такими интонацией и чередованием гласных и согласных, каких Эверард, знавший

разнообразнейшие английские сленги и диалекты, прежде не слышал.

Прошло еще полчаса. Эверарда охватило беспокойство, его так и подмывало встать и уйти, но любопытство одержало верх. Наконец Гордон обнажил невероятно белые зубы в широкой улыбке.

— Наконец-то! Знаете ли вы, что мне пришлось отклонить уже двадцать четыре кандидатуры? Но вы подойдете. Вы определенно подойдете.

— Подойду — для чего?

Эверард подался вперед, чувствуя, как учащается его пульс.

— Для Патруля. Вы будете своего рода полицейским.

— Где именно?

— Везде. И во все времена. Приготовьтесь, сейчас вам предстоит услышать нечто невероятное. Наша компания, хоть и вполне легальная, всего лишь ширма, предназначенная для добывания необходимых средств. Настоящее же наше дело — патрулирование времени.

2

Академия была основана еще в те времена, когда среди лесов и поросших травой полян жалкие предки человека в страхе скрывались, заслышав поступь гигантских млекопитающих. Она находилась на западе Американского континента в теплом олигоценовом периоде и должна была просуществовать еще добрых полмиллиона лет — срок, вполне достаточный для того, чтобы обучить и выпустить столько патрульных, сколько потребуется Патрулю времени, — после чего ей предстояло быть бесследно уничтоженной. Позже настанет ледниковый период, и появятся люди, и в году 19 352 (7841 год

Мореннианской победы) откроют способ путешествий во времени и вернутся в олигоценовый период, чтобы основать Академию.

Это был комплекс больших низких зданий с округлыми линиями, окрашенных в мягкие цвета и расположенных на травянистых полянах между гигантскими древними деревьями на фоне холмов и лугов, спускавшихся к большой коричневой реке. По ночам временами слышались рев тираннозавров и далекий рык саблезубого тигра.

Эверард вышел из машины времени — громоздкой металлической коробки неопределенной формы. В горле у него пересохло. Он чувствовал себя так же, как в первый день в армии — двенадцать лет назад или, если угодно, пятнадцать-двадцать миллионов лет в будущем: одиноким и беспомощным. Как и тогда, им владела одна только мысль — найти достаточно благовидный предлог, чтобы удрать домой. Его немного утешило, что из других машин времени вышло около полусотни молодых мужчин и женщин. Вновь прибывшие сбились в кучу, видимо чувствуя себя очень неуютно. Первое время все молчали и только глазели друг на друга. Эверард заметил на одном из новичков воротник и котелок времен президента Гувера; моды и прически, насколько он понял, доходили до середины двадцатого столетия, а вот из какого времени взялась, например, девица в узких переливчатых брюках, с зеленой помадой на губах и фантастически взбитыми желтыми волосами?

Рядом с Эверардом очутился мужчина лет двадцати пяти, судя по худощавому лицу и потертым твидовым брюкам — англичанин. Вид у него был такой, что казалось, под изысканными манерами он скрывает глубокое горе.

— Привет, — сказал Эверард. — Давайте знакомиться.

И он назвал себя.

— Чарлз Уитком, Лондон, 1947 год, — смущенно ответил молодой человек. — Только что демобилизовался из Королевского воздушного флота и решил податься сюда. Теперь не знаю, может и зря.

— Вполне понятно, — отозвался Эверард, думая о предложенной ему зарплате. Пятьнадцать тысяч в год для начала! Интересно, как они исчисляют время. Очевидно, исходя из срока жизни каждого.

К ним подошел приятного вида молодой человек в ладно сидящей форме, поверх которой был накинут темно-синий жемчужно переливающийся плащ. У него было открытое улыбающееся лицо, говорил он без акцента.

— Привет, ребята, — сказал он приветливо. — Добро пожаловать в Академию. Полагаю, все тут говорят по-английски?

Эверард заметил поблизости мужчину в потрепанной нацистской форме, индийца в национальной одежде и еще нескольких человек из разных стран.

— В таком случае будем говорить по-английски, пока вы не выучите темпоральный. — Мужчина в форме встал поудобнее, упервшись руками в бока. — Меня зовут Дард Келм. Я родился... минуту... да, в 9573 году от рождества Христова, но специализировался как раз на вашем периоде. Кстати, этот период охватывает годы с 1850 по 1975, и каждый из вас родился где-то в промежутке между этими датами. Можете, когда вздумаетесь, поплакаться мне в жилетку, если что не так. Я здесь специально для этого. В нашей Академии учат не совсем так, как вы, возможно, думаете.

У нас не принято обучать большое число людей одновременно, и мы не требуем школьной или военной дисциплины. Каждый из вас пройдет как индивидуальное, так и общее обучение. За неуспеваемость здесь не наказывают, так как предварительное обследование каждого из вас исключило всякую ее возможность и предопределило почти полную гарантию успеха в вашей будущей работе. Все вы обладаете высоким умственным потенциалом, исходя из критериев своей эпохи. Однако различие в ваших способностях требует индивидуального подхода, только таким способом можно будет добиться максимума от каждого. Никаких формальностей у нас не существует, если не считать правил обычной вежливости. Помимо занятий у вас, естественно, будет и время для отдыха. Мы не собираемся требовать от вас более того, на что вы способны. Мне остается только добавить, что рыбалка и охота здесь недурны даже в двух шагах от зданий Академии, а если отъехать подальше, то вообще сплошная фантастика. Если нет вопросов, следуйте за мной, и я размешу вас по комнатам.

Дард Келм показал им технические приспособления в каждой из стандартных комнат для занятий и отдыха. Таким техническим новинкам предстояло войти в повседневный обиход примерно в 2000 году: мебель, послушно принимающая формы того, кто на нее садится, кондиционеры, экраны, способные производить любую видеозапись из большой коллекции. Впрочем, ничего необычайного. Каждый учащийся имел свою комнату в спальном корпусе. Общая столовая помещалась в другом здании, но при желании еду можно было заказать в комнату, если предстояла какая-нибудь вечеринка. Эверард почувствовал, как напряжение постепенно отпускает его.

Для вновь прибывших был устроен банкет. Блюда, за редкими исключениями, были знакомые, но бесшумные машины, подававшие их, были совершенно необычны. На столах появились вино, пиво, сигареты. Должно быть, в пищу было что-то подмешано, потому что Эверард, впрочем как и все другие, почувствовал приятное возбуждение. Дело кончилось тем, что он сел за рояль и принялся барабанить быстрый танец, в то время как группа молодых людей неподалеку сотрясала воздух, пытаясь спеть какую-то песню.

Только Чарлз Уитком молча сидел в стороне. Дард Келм, смаковавший в уголке вино, был достаточно тактичен и не пытался втянуть его в общее веселье.

Эверард решил, что ему здесь понравится. Но в чем заключается его работа и как она будет организована, каковы ее цели, все еще оставалось для него неясным.

— Принцип путешествия во времени был открыт, когда хоритская ересь почти распалась, — начал Келм, когда они сидели в лекционном зале. — Подробности вы узнаете позже, сейчас же скажу, что это был бурный век, когда гигантские концерны сражались не на жизнь, а на смерть за коммерческое и генетическое господство, а правительства были пешками в галактической игре. Эффект времени оказался побочным продуктом в поисках средств космического гиперперехода, который, как, очевидно, знают некоторые из вас, требует для своего описания тончайшего математического аппарата... впрочем как и путешествие в прошлое. Не стану вдаваться в теорию — кое-что об этом вы узнаете впоследствии на занятиях физикой, — скажу только, что речь идет о математических зависимостях, выраженных бесконечными

величинами в континууме четырехмерного пространства — $4N$, где N — общее число частиц во Вселенной. Естественно, группа, обнаружившая этот эффект, так называемая Группа девяти, четко представляла себе последствия своего открытия. Не только коммерческие — в таких отраслях, как торговля, добыча полезных ископаемых и тому подобное, — но и военные. Я имею в виду возможность нанесения противнику смертельного удара. Ведь время изменчиво, прошлое можно изменить.

— Разрешите вопрос?

Спросила девушка из 1972 года по имени Элизабет Грей, в своей эпохе — подающий надежды физик.

— Да? — вежливо отозвался Келм.

— Мне кажется, вы описываете логически невозможную ситуацию. Я, конечно, допускаю возможность путешествия во времени как таковую, коль скоро мы находимся здесь, но не может такого быть, чтобы одно событие и произошло, и не произошло. Это внутреннее противоречие.

— Только не тогда, когда в основе лежит логика Алеф-суб-Алеф, — сказал Келм. — А происходит вот что: допустим, я отправился в прошлое и предотвратил встречу вашего отца с вашей матерью. Случись так, вы бы не родились и этот, казалось бы, незначительный эпизод в истории Вселенной мог выглядеть совершенно иным. Оказалось бы, что он с самого начала был иным, и это несмотря на то, что в моей памяти сохранилось бы исходное положение вещей.

— Допустим, вы правы. А как насчет вас самого? — не сдавалась Элизабет. — Вы бы перестали существовать?

— Нет, потому что я бы принадлежал к тому

моменту истории, который предшествовал моему вмешательству. Попробуем снова обратиться к вам. Если бы вы вернулись, скажем, в 1946 год и предотвратили брак ваших родителей в 1947 году, вы все же существовали бы в этом году; вы не перестали бы существовать только потому, что повлияли на события того времени. То же произошло бы и в том случае, если бы вы пробыли в 1946 году хоть тысячную долю секунды до того, как убить человека, который, останься он в живых, стал бы вашим отцом.

— Но тогда бы я существовала, не будучи... не будучи рождена! — протестующе воскликнула Элизабет. — У меня была бы своя жизнь и воспоминания... и... всякое такое... хотя меня вовсе и не было бы на свете!

Келм пожал плечами.

— Что с того? Вы настаиваете на том, что закон случайности, точнее, закон сохранения энергии, справедлив только в отношении непрерывных функций. В действительности же вполне возможна и прерывность.

Келм рассмеялся и слегка подался вперед над кафедрой.

— Конечно, существуют и невозможные вещи, — сказал он. — Вы, например, не можете стать собственной матерью: этого не допускают законы генетики. Если бы вы вернулись в прошлое и вышли замуж за своего бывшего отца, у вас были бы другие дети, ни один из них не был бы вами, поскольку у каждого из них оказалась бы только половина ваших хромосом.

Он кашлянул.

— Впрочем, не будем отклоняться от темы. Подробности вы узнаете в процессе обучения, я же сейчас излагаю только суть проблемы. Итак,

продолжим. Группа девяти разрешила проблему путешествий в прошлое и тем самым добилась возможности не только пресекать действия своих врагов в зародыше, но и мешать их появлению на свет. Тогда-то и появились данеллиане.

С этими словами Келм отбросил свободную, чуть ироничную манеру лектора. Перед ними стоял человек, столкнувшийся с непознаваемым.

— Данеллиане — часть будущего, того будущего, которое наступит примерно через миллион лет после моей эпохи. Люди там достигли такого уровня развития... У меня нет слов, чтобы это описать. Вряд ли вам доведется встретить хотя бы одного данеллианина. Если же встретите, думаю, это будет для вас... огромным потрясением. Они не злы и не добры — они стоят настолько же за пределами наших с вами чувств и знаний, насколько сами мы отстоим от тех насекомоядных существ, которые были нашими далекими предками. Со всем этим лучше не встречаться лицом к лицу. Данеллиане действовали просто в порядке самосохранения. Когда они появились, путешествия во времени стали повседневностью. Для людей глупых, жадных и одержимых открылись неисчерпаемые возможности возвращаться в прошлое и пытаться перекраивать историю. Данеллиане отнюдь не хотели запрещать путешествия во времени — это была часть того комплекса явлений, который породил их самих, — но им пришлось регулировать эти путешествия. Группе девяти не дали возможности осуществить свои планы. А для наблюдения за порядком на трассах времени был создан Патруль.

— Вам предстоит работать в основном в собственных эпохах, если вы, разумеется, не достигнете высокого статуса агента с правом свободных

действий. Вы будете жить привычной жизнью, иметь семью и друзей. Новая профессия не только предоставит вам материальную независимость и защиту, если таковая понадобится, но и даст возможность проводить отпуск в очень интересных местах. Главное же — работа будет приносить вам огромное удовлетворение. Но помните: вы должны быть готовы в любой момент явиться по первому же зову. Иной раз вам придется помогать путешественникам во времени, попавшим в трудное положение, или же противодействовать конкистадорам, пытающимся узурпировать власть или получить экономические преимущества и влияние в военных делах. Случается, что Патруль времени поставлен перед фактом свершившегося злодеяния в прошлом и вынужден принять необходимые меры в более поздние эпохи, чтобы вернуть историю на нормальный путь развития. Желаю вам удачи!

Начальная стадия обучения включала физическую и психологическую подготовку. Эверард и не представлял, как обкрадывала его жизнь и телесно, и духовно: он не использовал и половины своих потенций. В первое время ему приходилось нелегко, но мало-помалу он почувствовал огромную радость от того, что тело полностью ему подчиняется, что дисциплина чувств обострила его эмоции, а мысль стала отточеннее и все умственные реакции — осознаннее.

С самого начала ему и другим новичкам внушили, что они не имеют права говорить о Патруле непосвященным, даже любой намек на его существование был исключен.

В процессе обучения Эверард основательно изучил все аспекты психологии людей двадцатого века. Он также овладел темпоральным языком —

особым языком, на котором могли говорить патрульные всех эпох, не боясь быть понятыми.

Прежде Эверарду казалось, что он неплохо разбирается в военном деле, но ему пришлось научиться пользоваться боевыми приемами и всеми видами оружия, когда-либо существовавшими на протяжении пятидесяти тысяч лет: от меча бронзового века до циклобласта, способного уничтожить целый континент. Вернувшись в собственную эпоху, он обязан был пользоваться только общепринятым оружием, но не исключалась возможность, что его пошлют в другое время, а применение неизвестного в тот период оружия допускалось лишь в крайних случаях.

Они изучали самые разнообразные науки, в том числе историю, искусство, философию, различные языковые диалекты и манеры поведения. Впрочем, курс манер охватывал только период с 1850 по 1975 год; для того чтобы отправиться в другие времена, патрульным предстояло пройти специальное обучение с помощью гипноизлучателя. Именно эти совершенные аппараты позволили закончить обучение за три месяца. Оставалась загадочной лишь тайна данеллианской цивилизации, но с ней не было прямого контакта.

Эверард изучил структуру Патруля. Патруль в известной степени был полувоенной организацией: его сотрудникам присваивались звания, но в то же время не существовало каких-либо особых формальностей.

История была разбита на периоды в соответствии с географическими ареалами, причем для каждого имелось свое центральное управление, которое находилось в каком-нибудь крупном городе в период, охватывающий одно двадцатилетие. В целях маскировки эти управления занима-

лись легальной деятельностью, например торговлей. Помимо того, имелись местные отделения.

В период, охватывающий жизнь Эверарда, существовало три таких ареала: Запад с центром в Лондоне, Россия с управлением в Москве и Азия, штаб-квартира в Пекине. Все они размещались в самом спокойном двадцатилетии — с 1890 по 1910 год, — тогда маскировка была проще, чем в последующие годы, когда приходилось открывать более мелкие отделения. Рядовые агенты жили в своем времени и часто выполняли обычную работу. Связь между различными временными отрезками осуществлялась с помощью небольших автоматических хронокapsул.

В целом же организация была настолько велика, что Эверарду трудно было представить ее себе полностью. Он просто усвоил, что на его долю выпала удивительная, захватывающая судьба, и старался больше ни о чем не думать... пока.

Наставники были дружелюбны, готовы в любой момент прийти на помощь. Ветеран, обучавший Эверарда управлению космическими кораблями, сражался в марсианской войне 3890 года.

— Вы, ребята, хорошо соображаете, — сказал он как-то. — Не то, что учить людей из эпохи до Промышленного переворота. Сущий ад! Признаться, мы махнули на них рукой и учим только начаткам знаний. Был здесь один римлянин времен Цезаря — на вид сообразительный парень, вот только он никак не мог взять в толк, что машину нельзя седлать, как лошадь. А у вавилонян так просто в голове не укладывалось, как это можно путешествовать во времени. Пришлось рассказывать им байки про битвы богов.

— А какие байки вы рассказываете нам? — спросил Уитком.

Космонавт внимательно посмотрел на него.

— Вам говорим правду, — сказал он наконец. — Всю правду, какую вы в состоянии осмыслить.

— Как вы сами попали на эту работу?

— Я... Меня сбили около Юпитера. Немного от меня осталось. Собрали по кусочкам. Вся команда погибла, меня тоже считали мертвым, так что возвращаться домой не имело смысла. Мало радости — подчиняться диктаторам. Поэтому я здесь. Чем плохо? Хорошие друзья, интересная работа, возможность ездить в отпуск в любую эпоху...

Космонавт усмехнулся.

— Подождите, вот попадете в упадочный век Третьего матриархата, узнаете, что такое настоящее раздолье.

Эверард промолчал — он был слишком захвачен зрелищем огромного земного шара, плывущего среди звезд.

Он приобрел себе нескольких друзей. У них было много общего: это были мыслящие люди, прошедшие такой же строгий отбор, как и он сам. Среди студентов завязались даже кое-какие романы. Запретов на вступление в брак не существовало, и обычно счастливая пара сама выбирала эпоху, в которой хотела бы жить. Эверард тоже не прочь был иногда провести время с девушками, но не позволял себе увлечься слишком сильно.

Ближе всего сошелся он с молчаливым Уиткомом. В этом угрюмом на вид англичанине было что-то притягательное: славный парень, умный и образованный, но какой-то потерянный...

Как-то раз друзья отправились кататься верхом на лошадях, чьи отдаленные предки спасались бегством от гигантских потомков. Эверард прихватил с собой ружье в надежде подстрелить

кабана — он недавно видел следы зверя. Молодые люди были одеты в светло-серую шелковистую форму Академии, в ней было прохладно даже под палящим желтым солнцем.

— Странно, что нам разрешена охота, — заметил Эверард. — Представь себе, что в Азии я подстрелию саблезубого тигра, которому на роду было написано съесть одного из наших насекомоядных предков. Разве это не изменит будущего?

— Нет, — сказал Уитком, уже успевший глубже разобраться в теории путешествий во времени. — Видишь ли, это все равно что представить континуум в виде клубка из тугих резиновых лент. Такой клубок нелегко растянуть: он все время будет возвращаться в «первозданное» состояние. Одно насекомоядное не играет роли, важен генофонд, ведущий от данного вида к человеку. Ведь если я убью овцу где-то в средние века, я тем самым отнюдь не уничтожу все ее потомство, тех овец, которые должны появиться, скажем, к 1940 году. И, хотя за столь долгий срок сменилась не одна сотня поколений овец, все они в целом (применим такое же сравнение к людям в целом) ведут свое происхождение от более ранних овец (и людей). Генофонд не нарушен. Происходит своеобразная компенсация: где-то в генетической линии какой-нибудь другой предок восполнил те гены, которые, как тебе кажется, ты уничтожил. Или другой пример: предположим, я возвращаюсь в прошлое и предотвращаю убийство Бутом президента Линкольна. Если я не приму особых мер предосторожности, может случиться, что выстрелит кто-то другой, но обвинят все равно Бута. Такая упругость, или пластичность, времени и объясняет, почему нам разрешено совершать в нем путешествия. Если ты намерен изменить порядок вещей, при-

дется правильно взяться за дело и хорошенько потрудиться.

Уитком криво усмехнулся.

— Воспитательная работа! Нам снова и снова повторяют, что если мы вмешаемся в историю, то будем наказаны. Значит, я не могу вернуться назад и убить этого негодяя Гитлера еще в колыбели! Я вынужден сидеть и смотреть, как он набирает силу, начинает войну и убивает мою любимую!

Некоторое время друзья ехали молча. Слышались лишь поскрипывание кожаных седел да шуршание высокой травы.

— Извини, — прервал наконец молчание Эверард. — Может быть, ты хочешь рассказать мне об этом?

— Да. Но рассказывать, по существу, нечего. Ее звали Мэри Нелсон. Она служила в женских вспомогательных частях. Мы собирались пожениться, как только кончится война. Это произошло семнадцатого ноября сорок четвертого года в Лондоне. Я никогда не забуду этой даты. Она пошла к соседям в Стратхэм (была в отпуске у матери). В их дом угодил снаряд «фау». Не осталось даже развалин, а ее собственный дом уцелел.

Уитком, бледный как смерть, смотрел вперед невидящими глазами.

— Будет очень трудно... не вернуться хотя бы на несколько лет назад и увидеть ее живой. Только увидеть... Но нет! Я не имею права.

Эверард с грубоватой лаской положил руку ему на плечо, и они молча поехали дальше.

Занятия в Академии продолжались. Каждый студент совершенствовался по индивидуальной программе, но закончили обучение все вместе. За

краткой церемонией выпуска последовал пышный банкет, выпускники растрогались, стали договариваться о будущих встречах и сборах. Затем каждый вернулся в тот же год и в тот же час, из которого явился.

Эверард выслушал поздравления Гордона, получил список других агентов своего времени (несколько из них, как оказалось, работали в военной разведке) и вернулся домой. Позднее ему, возможно, предоставляют какую-нибудь важную работу, но сейчас — для официального статуса у налоговых властей — он был назначен просто консультантом Компании технологических исследований. В его каждодневные обязанности входило просматривать десяток-другой документов, связанных с путешествиями во времени (чему он был обучен), а в остальном сидеть и ждать вызова.

Случилось так, что первую работу он нашел сам.

3

Было странно читать заголовки газет и знать наперед, что произойдет дальше. Напряжение снижалось, зато появлялась грусть, ибо время было трагическим. Эверард начинал понимать, почему Уитком так жаждал вернуться назад и изменить ход истории, но вместе с тем прекрасно сознавал, что возможности одного человека ничтожны. Он не мог изменить прошлое к лучшему — разве что каким-то чудом; скорее же всего, такая попытка только запутала бы дело. Вернуться, чтобы убить Гитлера или японских генералов, развязавших войну? А вдруг вместо них придут люди еще более изощренные в злодействе? Кто знает, может,

В итоге атомную энергию никогда не откроют, и тогда не наступит блистательный век Венерианского ренессанса...

Эверард выглянул из окна. Во взбудораженном небе вспыхивали и гасли огни, по улицам сновали автомобили, куда-то торопилась безликая толпа. Отсюда не видны были башни Манхэттена, но Эверард постоянно помнил, что они дерзко вздымаются к облакам. И все это — всего лишь водоворот в той великой реке времени, которая текла из недавно покинутого им мирного доисторического прошлого к невообразимому данеллианскому будущему. Сколько миллиардов человеческих существ жили, смеялись, плакали, трудились, надеялись и умирали в ее водах!

Эверард вздохнул, раскурил трубку и отвернулся от окна. Длительное безделье не принесло успокоения: его мозг и тело жаждали действия. Но сейчас был поздний час. Эверард подошел к книжной полке, взял первую попавшуюся книгу и попытался читать. Это был сборник рассказов времен королевы Виктории и Эдуарда VII.

Одна из ссылок поразила его. Упоминание о трагедии в Эддлтоне и необыкновенной находке в древнем кургане. Гм... Путешествие во времени? Он улыбнулся.

И все же...

«Нет, — подумал он. — Этого не может быть».

Однако проверить не мешает. Как утверждалось, случай этот произошел в Англии в 1894 году. Можно просмотреть подшивку лондонской «Таймс». Все равно делать нечего.

Возможно, только от скуки он решил взяться за эту нудную работу. Истомившийся от безделья мозг искал любую лазейку, чтобы активизироваться.

В публичную библиотеку Эверард пришел к открытию.

Нужное сообщение он нашел в газете за 25 июня 1894 года и в последующих выпусках. Эддлтон — небольшая деревушка в графстве Кент, известная поместьем эпохи короля Якова, которое принадлежало лорду Уиндему, и курганом, относящимся к неизвестной эпохе. Лорд Уиндем, археолог-любитель, начал раскопки кургана вместе со своим родственником Джеймсом Ротеритом, экспертом Британского музея. Захоронение оказалось довольно бедным. Находившиеся там предметы либо сгнили, либо рассыпались от ржавчины; в могиле лежали человеческие и лошадиные кости. Там же обнаружили небольшой сундучок в удивительно хорошем состоянии, в котором лежали слитки неизвестного металла, похожего на сплав серебра. Лорд Уиндем заболел какой-то смертельной болезнью с признаками отравления неизвестным ядом, Ротерит же, который едва заглянул в сундучок, совершенно не пострадал, и начатое по этому делу следствие пришло к выводу, что он подсыпал своему родственнику какой-то неизвестный восточный яд. Когда 25 июня лорд Уиндем скончался, Скотланд-Ярд арестовал Ротерита, предъявив ему обвинение в убийстве. Родные обвиненного наняли знаменитого частного детектива, который путем сложных умозаключений, подкрепленных опытами на животных, нашел неопровергимые доказательства того, что подозреваемый невинован и что кончина наступила от «смертельной эманации», исходившей из сундучка. Последний вместе с содержимым выбросили в Ла-Манш. Детектив принимает заслуженные поздравления. Наплыв. Хэппи энд.

Эверард молча сидел в тихой, уставленной книгами комнате. В сообщении явно не хватало

данных, но оно наталкивало на весьма определенные выводы.

Тогда почему же викторианское отделение Патруля не провело расследования? А может, провело? Вполне возможно. Результаты своих изысканий, они, естественно, в газетах не печатали.

И все же лучше послать запрос.

Вернувшись домой, Эверард взял одну из выданных ему хронокапсул, вложил туда свое донесение и настроил прибор на 25 июня 1894 года. Когда он нажал на последнюю кнопку, капсула исчезла, оставив за собой едва ощутимое дуновение.

Она возвратилась через несколько минут. Эверард открыл ее и вынул аккуратно отпечатанный лист — да, разумеется, машинка в те времена была уже изобретена. Он пробежал его глазами с той быстротой, которой научился еще в стенах Академии.

Дорогой сэр!

Подтверждаю получение Вашего письма от 6 сентября 1954 г. и прошу Вашего просвещенного внимания.

В настоящий момент мы только приступили к упомянутому Вами делу, так как отделение занято предотвращением убийства Ее Величества, а также балканской проблемой и делами, относящимися к китайской торговле опиумом за 1890 год (22370). Хотя нам представляется возможным, закончив текущие дела, заняться Ваcим, желательно избежать парадокса времени, иными словами, одновременного нахождения в двух местах, как может произойти в настоящем случае. Будем весьма обязаны, если Вы лично и квалифицированный английский агент окажете нам содействие. При отсутствии иных сведений будем ожидать вас по адресу: 14-Г, Олд Осборн-роуд, 26 июня 1894 г. в 24.00.

Остаюсь, дорогой сэр, вашим преданным и покорным слугой

Дж. Мэннэтери 12

Далее следовала записка с пространственно-временными координатами, выглядевшими весьма неуместно на фоне цветистого слога самого письма.

Эверард позвонил Гордону, получил его «добро» и заказал скуттер на складе компании. Затем отправил записку Чарлзу Уиткому в 1947 год, получил ответ, состоявший из одного слова «Конечно», и отправился за скуттером. Это была небольшая машина времени, напоминавшая мотоцикл, но без колес и руля. Позади двух седел располагался двигатель с антигравитатором. Эверард настроил программатор на эпоху Уиткома, нажал кнопку и оказался в помещении другого склада.

Лондон, 1947 год. Секунду он сидел неподвижно, вспоминая, что делал в это время Эверард, который был на семь лет моложе. Учился в колледже в Штатах.

Появился Уитком. Он прошел мимо охранников и протянул Эверарду руку.

— Рад видеть тебя, старина, — сказал он.

На его осунувшемся лице появилась та полная удивительного обаяния улыбка, которую Эверард хорошо помнил.

— Итак, в викторианскую эпоху?

— Точно. Садись.

Эверард снова настроил программатор. На этот раз им предстояло появиться в кабинете. Очень маленьком кабинете. Он возник перед ними в мгновение ока. Дубовая мебель, толстый ковер, горящий газовый камин — все это весьма впечатляло. Вокруг горели газовые рожки. Конечно, к тому времени было уже изобретено электричество, но «Далхаузи и Робертс» были солидной фирмой по импорту товаров со своими традициями. Им на встречу с кресла поднялся сам Мэйнуэтеринг, крупный, весьма помпезного вида мужчина с пушистыми

ми бакенбардами и моноклем. Но в нем чувствовалась и сила. Говорил он с таким аффектированным оксфордским произношением, что Эверард с трудом понимал его.

— Добрый вечер, джентльмены. Надеюсь, путешествие было приятным? О, простите... вы еще новички в нашем деле, а? В первый момент это всегда немного озадачивает. Помню, как я был шокирован, когда впервые попал в двадцать первый век. Ничего английского. Хотя это естественно — *res naturae*, так сказать, другая грань вечно изумляющей нас Вселенной, а? Извините, я недостаточно гостеприимен, но мы сейчас страшно заняты. Один фанатик, немец из 1917 года, узнал секрет передвижения во времени от какого-то неосторожного антрополога, украл машину и явился в Лондон, чтобы убить Ее Величество королеву. Мы с ног сбились, разыскивая его.

— И найдете? — спросил Уитком.

— Разумеется. Но дело чертовски трудное, джентльмены, тем более, что мы должны хранить строжайшую тайну. Я бы не отказался от услуг частного сыщика, но единственный, кто нам подходит, чересчур умен. У него есть свой принцип: если отрешиться от невозможного — то, что останется, как бы невероятно оно ни было, и есть истина. Путешествие во времени тоже может показаться ему не слишком невероятным.

— Бьюсь об заклад, что это тот самый сыщик, который занимался делом лорда Уиндема в Эддлтоне или будет заниматься им завтра, — сказал Эверард. — Впрочем, неважно — мы знаем, что он докажет невиновность Ротерита. Важно другое: существует большая вероятность каких-то махинаций с этим сундучком в древнеанглийские времена.

— Ты хочешь сказать, «саксонские», — попра-

вил Уитком, который самолично сверял даты.— Многие путают англов и саксов.

— Почти так же, как путают саксов и ютов,— мягко сказал Мэйнуэтеринг.— Насколько я помню, в Кент вторглись именно юты... Да. Гм. Одежда здесь, джентльмены. И деньги. Бумаги для вас тоже приготовлены. Я порой думаю, что вы, разъездные агенты, даже не представляете себе, сколько подготовительной работы приходится проделывать в наших отделениях даже для самой мелкой операции. О, простите. У вас уже есть план кампании?

— Да.

Эверард начал снимать с себя костюм двадцатого века.

— Полагаю, что есть. Мы оба достаточно знаем о викторианской эпохе, чтобы не запутаться. Хотя я должен оставаться американцем... Ага, вижу, что вы приготовили мне американские документы.

Мэйнуэтеринг сказал похоронным тоном:

— Если, как вы говорите, об этом инциденте с курганом рассказывается даже в известном сборнике рассказов, то могу себе представить, сколько запросов посыплется к нам. Ваш был первым, затем пришли еще два: из 1923 и 1960. Боже, почему мне не разрешают иметь секретаря-робота?

Эверард с трудом напялил на себя непривычный костюм. Он был ему вполне впору, так как отделение располагало размерами его одежды, но он раньше никогда не подозревал, до чего удобен его прежний костюм. Черт бы побрал этот жилет!

— Послушайте,— сказал он,— во всем этом не должно быть ничего опасного. Строго говоря, раз уж мы очутились здесь, значит, ничего опасного и не было.

— На данный момент,— ответил Мэйнуэтеринг.— Но допустим, вы возвращаетесь во времена

ютов и находите мародера. Возможно, он убьет вас до того, как вам удастся убить его; возможно, он найдет способ уничтожить и тех, кого мы пошлем вслед за вами. Тогда, естественно, ему удастся произвести промышленную революцию или чего он там еще добивается. Вы, попав туда до поворотного момента, все еще существуете... даже если и мертвы... нас же здесь никогда не было. Этой беседы никогда не было. Как говорил Гораций...

— Неважно! — засмеялся Уитком. — Сначала посмотрим, что там у них в кургане в этом году, затем вернемся сюда и на месте решим, что делать дальше.

Наклонившись, он стал перекладывать свои вещи из современной дорожной сумки в цветастое чудовище, во времена Гладстона именовавшееся саквояжем: пару пистолетов, физические и химические приборы, еще неизвестные в то время, крошечный передатчик, с помощью которого можно будет связаться с отделением в случае опасности.

Мэйнуэтеринг сверился со справочником.

— Вы можете уехать завтра утром с вокзала Черинг-кросс на поезде 8.23, — сказал он. — Отсюда до вокзала полчаса ходьбы.

— Отлично.

Эверард и Уитком вновь сели в скуттер и исчезли. Мэйнуэтеринг вздохнул, потянувшись зевнул, оставил клерку указания и отправился домой. Когда в 7.45 утра скуттер вновь появился в конторе, клерк был уже на месте.

4

Вот когда Эверард по-настоящему почувствовал реальность путешествий во времени. Разумеется, он и раньше понимал их умом, отдавая им должное,

но ощущал как своего рода экзотику. Сейчас же, трясясь по Лондону, которого он не знал, в двухколесном кэбе (не в стилизованном под старину экипаже для туристов, а в самой настоящей расхлябанной коляске, которой пользовались для поездок), вдыхая утренний воздух, в котором чувствовалось больше дыма, чем в городе двадцатого века, зато не было паров бензина, видя толпы проходящих людей: мужчин в котелках и цилиндрах, замызганных чернорабочих, женщин в длинных платьях — не актеров, а живых, настоящих людей, болтающих, смеющихся, грустных и усталых, спешащих по своим делам, — он вдруг с полной силой осознал, в каком времени находится. Его мать еще не появилась на свет, его бабушка и дедушка были молодой парой, собирающейся пожениться, Гровер Кливленд был президентом Соединенных Штатов Америки, Виктория — королевой Англии, Киплинг сочинял свои произведения, а последнему восстанию индейцев в Америке еще предстояло произойти... Эверард испытал настояще потрясение.

Уитком воспринимал происходящее спокойнее, но и он не отрывая глаз смотрел на Британию в дни ее славы.

— Я начинаю понимать, — прошептал он. — Историки никак не могли прийти к согласию, были ли это эпоха претенциозных светских условностей и едва прикрытой жестокости или расцвет западной цивилизации накануне ее упадка. Глядя на этих людей, я понимаю: это было и то и другое, потому что нельзя просто измерить это время одной меркой; оно складывалось из миллионов жизней разных людей.

— Конечно, — ответил Эверард. — То, что ты говоришь, справедливо для любого времени.

Поезд, в котором они ехали, мало отличался от английских поездов 1947 года, что дало Уиткому повод проехаться насчет английского консерватизма и пристрастия к традициям. Через несколько часов состав подкатил к сонной деревенской станции, окруженней ухоженными цветниками. Здесь путешественники наняли экипаж до поместья Уиндема.

Вежливый полицейский, прежде чем впустить их, задал несколько вопросов. Они представились как археологи: Эверард — из Америки, Уитком — из Австралии, которые спешили к лорду Уиндему и были потрясены известием о его трагической кончине. Мэйнуэтеринг, который, казалось, имел своих людей повсюду, снабдил их рекомендательными письмами от известного специалиста, работающего в Британском музее. Инспектор из Скотланд-Ярда согласился допустить их к кургану.

— Преступление раскрыто, джентльмены, улики вы больше не найдете, даже если мой коллега и не согласен, ха-ха!

Частный сыщик кисло улыбнулся и, прищурив глаза, оглядел вновь прибывших. Он был высок, худ, в лице его проглядывало что-то ястребиное. Он всюду ходил в сопровождении дородного усатого прихрамывающего мужчины, видимо секретаря.

Длинный высокий курган зарос травой; там, где производились раскопки места захоронения, зияло отверстие.

Некогда это место было обшито грубо отесанными бревнами, но они давно сгнили; на земле валялись остатки того, что некогда было деревом.

— В газетах говорилось о каком-то металлическом сундучке, — сказал Эверард. — Не могли мы взглянуть и на него?

Инспектор согласно кивнул головой и провел их в здание, где на столе лежали главные находки археологов. Если не считать небольшого сундука, они представляли собой всего лишь несколько кусков ржавого металла и обломки костей.

— Гм, — пробурчал Уитком.

Он задумчиво смотрел на гладкую поверхность сундука. Она слегка отливалась голубоватым цветом — это был нержавеющий сплав, которому еще предстояло быть открытым.

— Очень странно. Совсем непохоже на примитивные изделия древних. Можно подумать, что его сделали на станке, верно?

Эверард осторожно приблизился и встал рядом с другом. Он уже отлично понимал, что находится внутри, и думал о необходимых предосторожностях, естественных для человека так называемого атомного века. Вынув из саквояжа счетчик, он поднес его к сундуку. Стрелка слегка отклонилась.

— Занятная у вас штуковина, — сказал инспектор. — Не скажете ли, что это такое?

— Экспериментальный электроскоп, — не моргнув глазом ответил Эверард.

Он осторожно приоткрыл крышку и поднес счетчик вплотную. Боже милосердный! Радиоактивность была настолько велика, что могла убить человека за один день! Он едва взглянул на тускло-серые слитки металла и тут же захлопнул крышку.

— Будьте с этим осторожны, — сказал он дрожащим голосом.

Хвала всевышнему: кто бы ни подбросил в курган этот чертов сундучок, он появился из того века, когда уже знали, как защититься от радиации.

Сыщик бесшумно подошел и встал за их спиной. На его худом лице появился азарт охотника, увидевшего добычу.

— Надо полагать, вы опознали содержимое, сэр? — негромко спросил он.

— Да. По-моему, опознал.

И тут Эверард вспомнил, что Беккерелю предстояло открыть явление радиоактивности примерно через два года, даже рентгеновские лучи будут открыты не ранее чем через год. Ему следовало быть осторожным.

— Дело в том, что... индейцы рассказывали мне, будто находили руду, похожую на эту, и она была ядовитой...

— Чрезвычайно интересно. — Сыщик принялся набивать большую трубку. — Наподобие ртутных паров, да?

— Значит, это Ротерит подложил сундучок в могилу? — прошептал инспектор из Скотланд-Ярда.

— Что за нелепость! — отрезал сыщик. — Я располагаю тремя версиями неопровергимых доказательств полной невиновности Ротерита. Я только не мог понять, что же послужило причиной смерти лорда Уиндема. Но джентльмен из Америки говорит, что в этом кургане находился смертельный яд. Наверно, чтобы отпугнуть гробокопателей? Странно, однако, каким образом к саксам попал американский минерал? Возможно, в этих теориях о путешествиях древних финикийцев через Атлантику есть доля истины. В свое время я немного занимался исследованиями в поддержку своей гипотезы о наличии халдейских элементов в уэльском языке. Эта находка, похоже, подтверждает мою гипотезу.

Эверард испытывал чувство вины перед археологией. Впрочем, ладно, в любом случае сундучок бросят в Ла-Манш и навсегда о нем забудут. Они с Уиткомом ретировались, как только позволили приличия.

По пути в Лондон, уже в купе вагона, где, кроме них, никого не было, англичанин вынул из кармана кусочек сгнившего дерева.

— Сунул в карман там, у кургана, — сказал он. — Поможет нам разобраться в датах. Дай мне, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он сунул кусок дерева в отверстие прибора, нажал нужные кнопки и прочитал готовый ответ.

— Одна тысяча четыреста тридцать лет плюс минус лет десять. Курган был насыпан примерно... гм... в 469 году, когда юты только-только начали осваиваться в Кенте.

— Если до сих пор в этих слитках такая чертовская сила радиоактивности, — пробормотал Эверард, — хотел бы я знать, какова она была первоначально! Трудно себе представить, чтобы такая высокая радиоактивность сочеталась с таким долгим периодом полураспада, но в будущем уже умеют так использовать атом, как в мое время и не снилось.

Доложив о результатах своей поездки Мэйнуэтерингу, они денек побродили по окрестностям, пока он связывался с различными временными периодами и приводил в действие сложный механизм Патруля. Эверарду очень понравился Лондон викторианской эпохи, несмотря на его угрюмость и нищету. У Уиткома в глазах застыло мечтательное выражение.

— Я бы хотел жить в это время, — сказал он.

— Да ну? При таком-то уровне медицины и с такими зубными врачами?

— Зато без всяких бомб, — парировал Уитком.

Когда они вернулись в контору, у Мэйнуэтеринга все было готово. Попыхивая сигарой и расхаживая взад-вперед по комнате, заложив пухлые

руки под полы сюртука, он с удовольствиемсыпал полученными сведениями.

— Происхождение металла установлено с весьмавысокой точностью. Изотопное топливо примерно из тридцатого века. Проверкой установлено, что торговец из империи Инг отправился в год 2987 в надежде обменять свое сырье на синтрап, секрет которого был утерян в период Междущарствия. Естественно, он принял меры предосторожности, представлялся всем как купец из системы Сатурна, но тем не менее таинственно исчез. Так же, как и его машина времени. Вероятно, кто-то из 2987 года выяснил, кто он такой, и уничтожил его, чтобы завладеть скуттером. Патруль был оповещен, но следов машины обнаружить не удалось. В конце концов скуттер был найден в Англии пятого века двумя патрульными по имени — ха, ха! — Эверард и Уитком!

— Но если мы уже все сделали, к чему беспокоиться? — ухмыльнулся американец.

Мэйнэтинг был явно шокирован.

— Но, дорогой мой, вы же еще не справились с этим делом! С точки зрения периода нашего с вами биологического существования работу только предстоит выполнить. И пожалуйста, не будьте столь уверены в успехе на том лишь основании, что в истории он уже значится. Время гибко и изменчиво; каждый человек наделен свободойволи. Если у вас ничего не выйдет, история изменится и ваш успех нигде не будет отмечен, словно я и не говорил вам всего того, что вы только что слышали. Именно так бывало, если мне позволительно пользоваться словом «бывало», в тех немногих случаях, когда Патруль терпел неудачу. Над этими казусами продолжается работа, и, если успех все же будет достигнут, история изменится

и окажется, что этот успех существовал «всегда», с самого начала.

— Ну хорошо, хорошо, я просто пошутил,— сказал Эверард.— Приступим к делу. Время бежит.

Он сделал упор на последнем слове, и Мэйнэттеринг поморщился.

Оказалось, что даже в Патруле мало осведомлены о том весьма неясном периоде, когда римляне оставили Англию (римско-бриттская цивилизация распадалась, и на ее место приходили англы). Эта эпоха никогда не казалась особенно важной. Отделение в Лондоне 1000 года прислало скучные сведения, которыми располагало, а также одежду, которую носили в те времена.

Эверард и Уитком прибегли к помощи гипноизлучателя, и уже через час вполне сносно знали обычай того времени и могли довольно свободно изъясняться на латыни и нескольких саксонских и ютских диалектах.

Одежда оказалась неудобной: помимо штанов, рубах и куртки из грубой шерсти предстояло носить кожаный плащ с бесчисленными ремешками и завязками. Длинные парики из льняных нитей скрыли современные прически; на гладко выбритые лица могли не обратить внимания даже в пятом веке. У Уиткома на поясе висел топор, у Эверарда — меч; и то и другое оружие было изготовлено для них из особо твердой углеродистой стали, но они больше полагались на звуковые станнеры из двадцать шестого века, которые были спрятаны под куртками. Лат им не прислали, но в седельной сумке скуттера оказались два мотоциклетных шлема, которые не должны были привлекать особого внимания в век самодельных вещей и орудий и к тому же были гораздо удобнее и прочнее, чем под-

линные шлемы той эпохи. Путешественники прихватили с собой также кое-какую снедь и несколько кувшинов превосходного викторианского пива.

— Чудесно. — Мэйнуэтеринг вынул из кармана часы и взглянул на циферблат. — Жду вас обратно, скажем... в четыре часа? Я вызову нескольких вооруженных патрульных на случай, если вы вернетесь с пленником, а потом зайдем ко мне и выпьем по чашке чаю.

Он пожал им руки.

— Доброй охоты!

Эверард вскочил в скуттер, включил прибор, настроил программатор на год 464, курган в Эддлтоне, полночь, и нажал кнопку «Пуск».

5

Светила полная луна. Под ней лежала земля, большая и пустынная, на горизонте темнел силуэт леса. Где-то завыл волк. Курган уже был насыпан, Эверард и Уитком прибыли слишком поздно.

Включив антигравитационную установку, они пролетели над густым тенистым лесом. Примерно в миle от кургана находилась деревушка: большое строение из обтесанных бревен и вокруг него постройки поменьше, обнесенные оградой. Высвеченная луной деревня безмолвно лежала перед ними.

— Возделанные поля, — заметил Уитком. Голос его звучал приглушенno в окружающей тишине. — Юты и саксы были в основном йоменами, они пришли сюда в поисках новых земель. Только подумай: совсем недавно отсюда прогнали бриттов.

— Надо разузнать насчет захоронения, — сказал Эверард. — Как по-твоему, может, следует вернуться немного назад, к тому моменту, когда курган насыпали? Хотя нет, пожалуй, безопаснее рас-

спросить сейчас; если по поводу этого кургана и ходили какие-нибудь слухи и легенды, они уже улеглись. Скажем, завтра утром.

Уитком кивнул. Эверард опустил скуттер в засосли для безопасности и настроил программатор на пять часов вперед.

Ослепительное солнце вставало на северо-востоке, птицы громко щебетали, густая трава была мокрой от росы. Сойдя со скуттера, патрульные отправили его с огромной скоростью на десять миль от земли, где он должен был находиться до получения радиосигнала от крошечных передатчиков, вмонтированных в их шлемы.

Они не таясь подошли к деревне, отгоняя топором и мечом, повернутыми плашмя, свирепых на вид рычавших и лаявших собак. Войдя за ограду, они обнаружили, что двор незамощен и густо покрыт грязью и навозом. Несколько голых растрепанных ребятишек глазели на них из плетеных, обмазанных глиной хижин. Девушка, доившая низкорослую корову, негромко вскрикнула; коренастый мужчина с низким лбом, возвившийся со свиньями, схватился за копье. Сморщив нос, Эверард подумал о том, что неплохо было бы привести сюда кое-кого из современных ему чересчур горячих приверженцев теории «благородных нордических предков».

В дверях большого строения появился седобородый человек с топором в руке. Как и все люди его эпохи, он был на несколько дюймов ниже среднего человека двадцатого века. Перед тем как поздороваться, он внимательно оглядел вновь прибывших.

Эверард вежливо улыбнулся.

— Я зовусь Уффа Хундингссон, а это — мой брат, он зовется Кнубби, — сказал он. — Мы куп-

цы из Ютландии, приехали сюда торговать в Кентербери. (Он произнес это название «Кантуарабириг», как было принято в те времена.) Мы шли с того места, где пристал наш корабль, сбились с пути, проплутали всю ночь по лесу и вот подошли к твоему дому.

— Я зовусь Ульфнот, сын Альфреда, — сказал йомен. — Входите и разделите с нами трапезу.

Большая темноватая комната была полна дыма и до отказа набита людьми: детьми Ульфнота, их женами, мужьями и детьми, арендаторами Ульфнота, их женами, детьми и внуками. Завтрак состоял из полусырой свинины, которую запивали из рогов слабым кисловатым пивом. Вести разговор оказалось нетрудно: как все люди, живущие вдалеке от других поселений, хозяева были рады посплетничать. Труднее было придумать правдоподобный рассказ о том, что происходит в Ютландии. Раз-другой Ульфнот, который отнюдь не был дураком, ловил их на какой-нибудь ошибке, но Эверард твердо отвечал:

— Это ложные слухи. Чего только не выдумают за то время, пока вести идут из-за моря.

Тем не менее его немало поразила осведомленность этих людей. Впрочем, разговоры о погоде и урожае мало отличались от тех, которые велись на Среднем Западе США в двадцатом веке.

Только позднее Эверарду удалось спросить о кургане. Ульфнот нахмурился, а его тучная беззубая жена торопливо повернулась к деревянному идолу и сделала рукой охранительный жест.

— Негоже говорить об этом, — пробормотал ют. — Я бы желал, чтобы колдун был похоронен не на моей земле. Но он был другом моего отца, умершего в прошлом году, а отец и слышать не хотел о том, чтобы курган насыпали не здесь.

— Колдун? — Уитком навострил уши. — Что это за история?

— Ну что ж, — сказал Ульфнот, — могу вам рассказать. Около шести лет назад в Кентербери пришел незнакомец по имени Стейн. Он, верно, был из далеких стран, потому что не говорил ни на языке бриттов, ни на языке англов. Но король Хенгист милостиво принял его, а потом Стейн научился нашему языку. Он поднес королю чудные, но хорошие подарки. Этот человек умел давать хитроумные советы, и король все больше полагался на него во всех делах. Никто не смел перечить Стейну, потому что у него была палка, которая метала молнии. Он разрушал своими молниями скалы, а однажды, в битве с бриттами, сжег людей заживо. Многие думали, что он бог Вотан, но этого не может быть, раз он умер.

— Вот как. — Эверард почувствовал, как в нем растет нетерпение. — А чем он занимался, пока жил?

— Я же говорил — он давал королю мудрые советы. Это он предложил, чтобы мы больше не убивали бриттов и перестали звать сюда в Кент наших родичей из страны ютов. Он говорил, что лучше жить в мире с местными жителями. Он считал, что наша сила и знания бриттов, перенятые от римлян, помогут нам создать могущественное королевство. Может, он и был прав, хотя я-то сам не вижу смысла во всех этих книгах и баснях, не говоря уже об их непонятном боже с крестом... Как бы то ни было, три года назад Стейна убили какие-то люди. Мы похоронили его как подобает — с жертвенными приношениями и теми пожитками, что не забрали его враги. Дважды в год мы приносим жертвы на его могиле, и, должен сказать, его дух не тревожит нас. Но все-таки мне как-то не по себе...

— Три года, — прошептал Уитком. — Понятно...

Им удалось уйти только через час, и Ульфнот настоял, чтобы мальчик проводил их до реки. Эверард, которому совсем не хотелось идти пешком в такую даль, усмехнулся и на полдороге вызвал по радио скуттер. Когда они с Уиткомом забрались на сиденья, он сказал насмерть перепуганному мальчишке:

— Знай, что у вас гостили великие боги Вотан и Тор, которые охранят твой род на годы и годы от всяких бед.

Затем он нажал кнопку и отправил скуттер сразу на три года назад.

— Сейчас — самое трудное, — сказал он, глядя из кустарника на ночную деревню.

Курган еще не был насыпан, колдун Стейн был еще жив.

— Мальчишку нетрудно было обмануть нашим волшебством, но сейчас нам предстоит добраться до человека, который живет в большом городе и который к тому же — правая рука самого короля! Притом у него есть бластер.

— По-видимому, нам это удалось... или удастся, — сказал Уитком.

— Не обязательно. Если у нас ничего не получится, Ульфнот расскажет нам через три года совсем другую историю, возможно, что Стейн сейчас находится у него — тогда он сможет убить нас дважды! И Англия пятого века, которую Стейн втащит в эпоху неоклассической культуры, пойдет совсем не тем путем, который превратил ее в страну, известную тебе в 1894 году... Интересно, чего же добивается Стейн?

Он поднял скуттер в воздух и направил его в сторону Кентербери. Ночной ветерок овевал их лица. Вскоре появились очертания города, где они

опустились на землю в какой-то рощице. Луна освещала полуразрушенные стены древнего римского города Дуровернума с черными пятнами там, где юты пытались заделывать дыры глиной и досками. Никто не мог войти в город после захода солнца.

Скуттер вновь перенес их к полудню следующего дня, и они опять отослали его в небо. Завтрак, который они съели — два часа назад и через три года в будущем, — вызывал у Эверарда легкую тошноту. Они шли по разбитой римской дороге в направлении города. Движение по дороге было довольно оживленным: большинство проезжающих составляли крестьяне, которые везли на базар свои продукты в скрипучих повозках, запряженных быками. У ворот их остановили два свирепых стражника и спросили, зачем они идут в город. На сей раз они представились посланниками купца, который поручил им побывать у городских ремесленников. Стражники выслушали их весьма недружелюбно, но Уитком сунул им несколько римских монет, скрещенные копья раздвинулись, и они ступили в город.

Город шумел и бурлил вокруг них, но не это больше всего поразило Эверарда — на него снова подействовал какой-то особый запах. Среди торопливо снующих ютов он заметил нескольких романобриттов, презрительно подбиравших свои ветхие туники, чтобы не коснуться этих дикарей. Все это выглядело бы довольно забавно, если бы не вызвало жалости.

Необычайно замызганный постоянный двор располагался в покрытых мхом развалинах дома, никогда принадлежавшего богатому римлянину. Эверард и Уитком обнаружили, что их деньги здесь в большой цене — в этих местах торговля представляла собой главным образом натуральный обмен.

Угостив посетителей вином, они очень быстро выведали все, что им было нужно.

— Дворец короля Хенгиста находится в центре города... не дворец, а дом, старый дом, который, к сожалению, разукрасили по указке этого чужеземца Стейна... я не хочу сказать, что наш добрый и храбрый король в руках... не пойми меня неправильно, незнакомец... да, только в прошлый месяц... Что? Да, Стейн! Он живет в доме рядом с королем. Странный человек, некоторые говорят, что он — бог... в девушках-то он знает толк... Да, говорят, это он затеял все эти мирные переговоры с бриттами. Столько развелось в городе этих бездельников, а честный человек даже не может пустить им кровь без того, чтобы... Конечно, Стейн очень мудр, я против него ничего и не имею, понятно, он еще умеет метать молнии...

— Итак, что нам делать? — спросил Уитком, когда они очутились в своей комнате.— Просто пойти и арестовать его?

— Нет. Сомневаюсь, что это возможно, — не сразу ответил Эверард. — Я кое-что придумал, но все зависит от того, чего этот человек в действительности добивается. Пойдем, попробуем получить аудиенцию.

Поднявшись с соломенного матраца, служившего постелью, Эверард стал яростно чесаться.

— Проклятье! Этот век нуждается не в грамотности, а в хорошем порошке от блох!

Дом Стейна был тщательно отреставрирован: белый с портиками фасад выглядел почти болезненно чистым среди окружающей его грязи. На ступенях прохладждались два стражника, вскочившие по стойке «смирно» при их приближении. Эверард сунул им деньги и сказал, что у него есть новости, которые наверняка заинтересуют великого мага.

— Скажите ему: «Человек из завтра». Это — пароль. Понял?

— Но эти слова не имеют смысла, — сказал стражник.

— Пароль и не должен иметь смысла! — высокомерно произнес Эверард.

Ют ушел, скорбно покачав головой. Все эти новомодные словечки!

— Разумно ли ты поступил? — спросил Уитком. — Знаешь, по-моему, это его насторожит.

— Я знаю также, что такая важная персона не станет тратить время на каждого встречного. Послушай, это срочное дело! Пока он еще не совершил ничего необратимого, даже не успел стать легендой. Но если Хенгист действительно вступит в союз с бриттами...

Стражник вернулся, проворчал что-то и повел их вверх по ступенькам, через перистиль. Дальше находился атриум, просторное помещение, в котором современные хорошо выделанные медвежьи шкуры совершенно не вязались с полированным мрамором и выцветшими фресками. У грубого деревянного ложа стоял человек. Когда они вошли, он поднял руку, и Эверард увидел направленное на них узкое дуло бластера тридцатого века.

— Отведите руки в стороны и не двигайтесь, — мягко сказал человек. — В противном случае мне придется убить вас громом и молнией.

Уитком судорожно перевел дыхание, но Эверард, казалось, ожидал этих слов. Однако и ему стало не по себе.

Волшебник Стейн оказался человеком небольшого роста. На нем была богато украшенная туника из тонкой ткани, позаимствованная, вероятно, в какой-нибудь английской вилле. У него было гибкое тело, большая голова а лицо, почти скрытое под

шапкой черных волос, чем-то привлекало, несмотря на свое уродство. Губы его кривились в напряженной улыбке.

— Обыщи их, Эадгар,— приказал он.— Вынь то, что у них может быть спрятано под одеждой.

Ют был неуклюж, но стеннеры он нашел и бросил их на пол.

— Можешь идти, — сказал Стейн.

— Но ты не в опасности, господин? — спросил воин.

Стейн улыбнулся еще шире.

— С этим в моей руке? Нет, ты можешь идти. Эадгар вышел.

«По крайней мере у нас есть топор и меч, — подумал Эверард. — Впрочем, от них мало проку при этой штуковине, нацеленной прямо на нас».

— Так вы пришли из завтра? — прошептал Стейн.

Внезапно его лоб покрылся капельками пота.

— Это интересно. Вы говорите на позднеанглийском языке?

Уитком открыл было рот, но Эверард, понимая, что они рискуют жизнью, быстро вывел его из игры.

— О каком языке ты говоришь?

— Вот этом.

Стейн перешел на английский язык со странным выговором, но все же понятным людям двадцатого века.

— Хочу знать, кто вы, откуда, из какого времени, что вам надо. Говорите правду, или я сожгу вас.

Эверард покачал головой:

— Нет, — ответил он на ютском диалекте, — я тебя не понимаю.

Уитком бросил на него быстрый взгляд, но промолчал, решив не мешать американцу.

Нервы Эверарда были напряжены до предела — с мужеством отчаяния он понимал, что малейшая ошибка грозит им смертью.

— В наше время говорят так...

И он перешел на мексикано-испанский диалект, коверкая его как можно сильнее.

— Вот как... латинский язык! — Глаза Стейна блеснули. Бластер в его руке задрожал. — Из какого же вы времени?

— Двадцатый век от рождества Христова, и наша страна зовется Лайонесс. Она лежит за западным океаном...

— Америка! — Это прозвучало как всхлип. — Ее когда-нибудь называли Америкой?

— Нет. Не понимаю, о чем ты говоришь.

Стейн весь задрожал, по быстро взял себя в руки.

— Знаете латынь?

Эверард кивнул.

Стейн нервно рассмеялся.

— Тогда давайте говорить по-латыни. Если бы вы только знали, как я устал от здешнего паршивого языка...

По-латыни он тоже говорил с некоторыми ошибками — видимо, выучил ее уже в этом веке, — но достаточно свободно. Он помахал бластером.

— Простите мое негостеприимство. Но мне следует быть осторожным.

— Естественно, — сказал Эверард. — Да... мое имя Менций, а моего друга зовут Ювенал. Как вы уже догадались, мы из будущего, историки, способ передвижения во времени у нас только что открыт.

— На самом деле я — Розер Штейн из 2987 года. Вы... обо мне слышали?

— А как же! — сказал Эверард. — Мы предприняли это путешествие в поисках загадочного Стейна, который, как полагают, определил поворотный пункт истории. Мы подозревали, что он путешественник во времени — *perigrinator temporis*, так сказать. Теперь мы убедились в этом сами.

— Три года... — Штейн взволнованно заходил по комнате, размахивая бластером. Но он был еще слишком далеко для внезапного прыжка. — Я здесь уже три года. Если бы вы только знали, как часто я лежал бессонными ночами и думал, удастся мне это или нет... Скажите, ваш мир пришел к единству?

— Земля и планеты, — сказал Эверард. — Уже очень давно.

Внутренне он содрогнулся. Его жизнь зависела от того, правильно ли он угадает, чего добивается Штейн.

— И вы свободный народ?

— Конечно. То есть у нас есть император, но все законы издает сенат, и он избирается народом.

Похожее на маску гнома лицо Штейна выражало почти священный восторг. Черты его исказились.

— Все, как я мечтал, — прошептал он. — Благодарю вас.

— Значит, вы отправились в прошлое, чтобы... творить историю?

— Нет, — сказал Штейн. — Чтобы изменить ее.

Слова полились из него потоком, как будто он мечтал выговориться, но много лет не смел этого сделать.

— Я тоже был историком. Совершенно случайно я повстречался с человеком, который всем представлялся как купец с лун Сатурна, но я там жил когда-то и сразу же понял, что он лжет. Потом я

докопался до истины. Это был путешественник во времени — из очень далекого будущего.

Вы должны понять, что время, в котором я жил, было ужасное, и как психоисторик я понимал, что война, нищета и тирания, которые были нашим проклятьем, происходили не от зла, внутренне присущего человеку, а от того, что мир был построен не так. Высокая техника развивалась в разделившемся мире, войны становились все более разрушительными. Были, конечно, и периоды спокойствия, даже относительно долгие, но зло пустило слишком глубокие корни, столкновения стали неотъемлемой частью нашей цивилизации. Вся моя семья погибла во время венерианского налета, мне нечего было терять. Я захватил машину времени, после того как... устранил ее владельца.

Самая большая ошибка, думал я, была сделана в глубоком прошлом, в средние века. Рим объединил в мире великую державу, а когда есть мир, есть и справедливость. Но Рим истощил себя, империя распадалась. Варвары были жизнеспособны, они многое могли бы добиться, но слишком легко поддавались коррупции. Другое дело — Англия. Она была изолирована от загнившего римского общества. Ее наводнили германцы, грязные полузвери, обладавшие силой и желанием учиться. В моей истории они просто уничтожили цивилизацию бриттов, а затем, будучи умственно беспомощными, сами были поглощены новым и беспощадным врагом, цивилизацией, которая называется западной. Я же хотел, чтобы история шла иным путем.

Это было нелегко. Не представляете, как это трудно — выжить в незнакомом тебе времени, когда ты еще не научился приспосабливаться, даже если у тебя и есть мощнейшее оружие и хорошие дары для короля. Но сейчас я добился уважения Хенги-

ста и во многом доверия бриттов. Я могу объединить эти два народа в борьбе против пиков. Опираясь на силу саксов и римскую культуру, Англия станет единым королевством, достаточно могущественным, чтобы противостоять любому вторжению. Христианство, конечно, неизбежно, но я прослежу, чтобы это было христианство, которое делает людей образованней и лучше, а не сковывает их догмами.

Со временем Англия сможет постепенно овладеть государствами, расположенными на континенте, и тогда весь мир станет единым. Я останусь здесь, пока не создам союз против пиков, затем исчезну, но пообещаю вернуться позже. Если я буду появляться, скажем, каждые пятьдесят лет в течение нескольких веков, я стану легендой, богом, который не даст им свернуть с намеченного пути.

— Я много читал о святом Стэниусе,— медленно проговорил Эверард.

— Я добился своего! — вскричал Штейн. — Я дал миру — мир!

По его щекам текли слезы.

Эверард придинулся ближе. Штейн направил бластер ему в живот, все еще не вполне доверяя. Эверард чуть обошел его кругом, и Штейн тоже повернулся, стремясь держать его под прицелом. Но он был настолько опьянен кажущимися доказательствами своей победы, что совсем забыл об Уиткоме. Через плечо Эверард бросил на англичанина выразительный взгляд.

Уитком замахнулся топором. Эверард бросился на пол. Штейн вскрикнул, и из дула бластера вырвалась молния. Топор рассек Штейну плечо. Уитком прыгнул и схватил его за руку, в которой был зажат бластер. Штейн застонал, пытаясь повернуть бластер. Эверард вскочил и бросился на по-

мошь другу. Наступило минутное замешательство.

Затем бластер выпустил еще одну молнию, и Штейн мертвым грузом повис у них на руках. Кровь, хлещущая из огромной раны у него на груди, залила их одежду.

Вбежали двое стражников. Эверард подхватил с пола свой станнер, оглушающий противника до бесчувственного состояния. Копье задело его руку. Он дважды выстрелил, и стражники упали на пол. Они должны были прийти в себя не раньше чем через несколько часов.

Пригнувшись, Эверард прислушался. Где-то в доме раздался женский крик, но в комнату никто не вошел.

— Кажется, все в порядке, — сказал он, тяжело дыша.

— Да.

Уитком взглянул на труп, лежавший перед ним. Он казался маленьким и жалким.

— Я не хотел его смерти, — сказал Эверард. — Но время... не знает жалости. Наверно, так было записано.

— Лучше такая смерть, чем суд Патруля и ссылка на отдаленную планету, — сказал Уитком.

— Строго говоря, он был вором и убийцей, — сказал Эверард. — Но его мечта была великой мечтой.

— А мы ее уничтожили.

— Ее могла уничтожить история. И, наверно, уничтожила бы. Один человек недостаточно силен или мудр, чтобы быть в ответе за будущее планеты. Мне кажется, большинство человеческих несчастий и бед происходит как раз из-за таких вот фанатиков, имеющих благие намерения.

— Значит, наше дело — просто сидеть сложа руки и принимать все случившееся как должное?

— Подумай обо всех своих друзьях в 1947-м. Они бы просто никогда не родились на свет, — сказал Эверард.

Уитком снял с себя плащ и попытался оттереть кровь с одежды.

— Пойдем, — сказал Эверард.

Они направились к заднему портику. Испуганная наложница проводила их взглядом. Чтобы попасть в следующую дверь, Эверарду пришлось выжечь замок бластером. В комнате стояла инговая модель машины времени, несколько коробок с оружием и амуницией и книги. Эверард погрузил в машину все, кроме сундука с радиоактивным металлом. Его надо было оставить, чтобы в будущем узнатъ о его существовании, вернуться за ним и помешать человеку, который хотел быть богом.

— Не хочешь отправиться в этой машине в 1894-й? — спросил он Уиткома. — А я тем временем заберу наш скуттер и встречу тебя в кабинете.

Англичанин ответил ему долгим взглядом. Лицо у него было печальным, но постепенно на нем появилось выражение решимости.

— Ладно, старина.

Он улыбнулся — улыбка отдавала грустью — и пожал Эверарду руку.

— Пока. Желаю удачи.

Эверард смотрел ему вслед, пока он входил в большой стальной цилиндр. Странное у них вышло прощание, если учесть, что через каких-нибудь несколько часов они будут вместе пить чай в 1894 году.

Беспокойство грызло его и тогда, когда он уже покинул здание и смеялся с толпой. Станный парень этот Чарли. Что ж...

Никто не помешал ему выйти из города и направиться в рощу. Он вызвал скуттер, и, хотя сле-

довало торопиться, чтобы случайный прохожий не полюбопытствовал, что за птица приземлилась в этих кустах, открыл кувшин с пивом. Ему сейчас было просто необходимо выпить. Затем он в последний раз взглянул на старую Англию и настроил программатор на год 1894-й.

Мэйнуэтеринг и его охрана были на месте, верные своему слову. Сначала они встревожились, увидев только одного человека, всего забрызганного кровью, но Эверард быстро рассеял их опасения на этот счет.

Пока он помылся, побрился и продиктовал отчет секретарю, прошло довольно много времени. Уитком давно уже должен был приехать в кэбе, но о нем не было ни слуху ни духу. Мэйнуэтеринг вызвал по радио склад и нахмурился.

— Его еще нет,— сказал он.— Что-нибудь могло случиться?

— Вряд ли. Эти машины времени безотказны.— Эверард закусил губу.— Не знаю, в чем дело. Может, он меня не понял и отправился к себе в 1947-й?

После запросов выяснилось, что Уитком не доложил о своем прибытии и у себя.

Эверард и Мэйнуэтеринг пошли выпить по чашке чая. Когда они вернулись, от англичанина все еще не было никаких известий.

— Я думаю, надо оповестить разъездной патруль,— сказал Мэйнуэтеринг.— А что? Они быстро его разыщут.

— Нет. Погодите.

Эверард на минуту задумался. Кажется, он начал понимать, что произошло. И мысль об этом была ужасна.

— У вас есть какие-нибудь предположения?

— Да. Кое-какие есть.

Эверард принял поспешно стаскивать с себя викторианскую одежду. Руки его дрожали.

— Дайте мне мои вещи, пожалуйста. Я, может быть, найду его сам.

— Патруль требует от вас предварительного до-клада о ваших предположениях и намерениях, — напомнил Мэйнэттеринг.

— К черту Патруль! — ответил Эверард.

6

Лондон, 1944. Ранняя зимняя ночь, пронзительный холодный ветер, продувающий темные улицы. Где-то слышится взрыв, вспыхивает огонь, красные языки пламени, точно флаги, полощутся над крышами.

Эверард приземлился прямо на панели — при обстрелах «фау»-снарядами все равно никто не выходил из дома — и медленно пошел по сумеречной улице. Семнадцатое ноября: тренированная память услужливо подсказала ему нужную дату. День смерти Мэри Нелсон.

Он вошел в будку телефона-автомата на углу и стал листать телефонный справочник. Нелсонов было много, но Мэри Нелсон в районе Стратхэма была только одна. Это, конечно, мать. Он не сразу догадался, что дочь зовут так же. Не знал он и времени, когда упал снаряд, но это-то как раз было нетрудно выяснить.

Когда он выходил из будки, рядом раздался взрыв. Он упал на тротуар ничком, мимо просвистели осколки стекла. Семнадцатое ноября 1944 года. Мэнс Эверард — тогда лейтенант инженерного корпуса США — в ту пору находился где-то за Ла-Маншем, неподалеку от расположения фашистских пушек. Он не мог сейчас точно припомнить,

где именно, да и зачем? Это не имело значения. Он знал, что в эту бомбежку с ним лично ничего не случится.

Новая вспышка высветила пространство за его спиной, пока он бежал к скуттеру. Он прыгнул на сиденье и взмыл в воздух. С высоты он не увидел города — только мрак, разрываемый пятнами огня. Вальпургиева ночь! Ад на земле!

Он хорошо помнил Стратхэм — скучные ряды кирпичных домов, населенных клерками, зеленщиками и механиками, той самой мелкой буржуазией, что поднялась на борьбу с силой, перед которой склонилась вся Европа. В 1943-м здесь жила одна девушка... Потом она вышла замуж за другого.

Он летел низко, пытаясь отыскать нужный дом. Неподалеку поднялся столб огня. Скуттер затрясся. Эверард чуть не вылетел из сиденья. Потом он увидел, как развалилось и запылало какое-то здание. Всего в трех кварталах от дома Нелсонов.

Он опоздал!

Нет!

Он взглянул на часы — 10.30 — и перепрыгнул на два часа назад. Ночь уже наступила, но разбомбленный позднее дом прочно стоял на своем месте. На секунду Эверарду захотелось предупредить всех живущих в нем. Но нет, он не вправе этого делать. Всюду в мире сейчас гибли люди. Он не Штейн, чтобы взваливать на свои плечи историю.

Лицо Эверарда перекосила гримаса. Он ведь и не из этих проклятых данеллиан. Остановив скуттер, он вылез и вошел в ворота. Когда он постучал, дверь открылась. Из полумрака на него в упор поглядела женщина средних лет, и он вдруг понял, что ее удивил его штатский костюм. Она не привыкла видеть здесь американцев в штатском.

— Простите, — сказал он, — вы ведь знаете мисс Мэри Нелсон?

— Конечно. — Женщина заколебалась. — Она живет поблизости. Она скоро придет. Вы ее друг?

Эверард кивнул.

— Она просила меня передать вам, миссис... э...

— Эндерби.

— О да, конечно, миссис Эндерби. Простите мою забывчивость. Мисс Нелсон просила вам передать, что никак не сможет прийти. Но очень просит вас и всю вашу семью быть у нее не позже половины одиннадцатого.

— Всю семью, сэр? Но дети...

— И детей обязательно тоже. Всех. Она для вас подготовила какой-то сюрприз и хочет его преподнести всем вместе именно у себя. Так что неизменно приходите.

— Что ж, хорошо, сэр, если она просит.

— Она приглашает вас всех к половине одиннадцатого без опоздания. Увидимся там, миссис Эндерби.

Эверард откланялся и вышел на улицу.

Он сделал все, что мог. Теперь надо поспешить к дому Нелсонов. Он проехал три квартала, оставил скуттер в темной аллее и направился к дому. Итак, на нем лежала теперь вина, такая же, как на Штейне. Он раздумывал, какой может оказаться отдаленная планета.

Рядом с домом Нелсонов машины времени не было, а ведь эта модель слишком велика, чтобы ее можно было незаметно спрятать. Значит, Чарли еще не прибыл. Придется потянуть время.

Постучавшись в дверь, Эверард продолжал размышлять, к чему может привести то, что он спас семью Эндерби. Дети вырастут, у них появятся свои дети; обычные англичане среднего класса, но

когда-нибудь среди них может родиться или, на-
против, не родиться значительный человек. Время,
конечно, не столь уж негибко. Если не считать
отдельных исключительных случаев, ближайшие
предки не имеют решающего значения, важен ген-
ный фонд рода. Но ведь данный случай вполне
может оказаться исключительным.

Дверь открыла хорошенская молодая женщина
небольшого роста, военная форма была ей очень к
лицу.

— Мисс Нелсон?

— Да.

— Меня зовут Эверард. Я — друг Чарли Уит-
кома. Разрешите войти? У меня для вас довольно
неожиданные новости.

— Я только что собиралась уходить, — сказала
она извиняющимся тоном.

— Нет, вы никуда не пойдете.

Он совершил ошибку. Девушка вспыхнула от
негодования.

— Простите. Разрешите же мне все объяснить.

Она провела его в гостиную с довольно убогой
разношерстной мебелью и занавешенными окнами.

— Присаживайтесь, мистер Эверард. Только,
пожалуйста, говорите тише. Мои все спят. Им ра-
но вставать.

Эверард уселся поудобнее. Мэри устроилась на
самом краешке дивана, глядя на него большими
глазами. Он почему-то подумал, что Ульфнот и
Эадгар могли бы быть ее предками. Да. Вполне воз-
можно. И Штейн тоже....

— Вы тоже служите в летных частях? — спро-
сила она. — Там и познакомились с Чарли?

— Нет. Я из разведки, поэтому в штатском.
Скажите, когда вы видели его в последний раз?

— О, давно. Сейчас он во Франции. Надеюсь, война скоро кончится. Так глупо со стороны немцев продолжать воевать, когда совершенно ясно, что им конец, правда?

Она с любопытством посмотрела на него.

— Но что у вас за новости?

— Минуточку.

Эверард попытался отвлечь ее разговорами о военных событиях, о положении на континенте. Странное это чувство — знать, что разговариваешь с призраком. Он не мог заставить себя сказать ей правду, мешала дисциплина, вошедшая в плоть и кровь. Он хотел все рассказать, но язык, казалось, прилипал к горлам и не повиновался ему.

— ...и вы себе представить не можете, каких хлопот иногда стоит достать пузырек обычных чернил...

— Пожалуйста, — нетерпеливо перебила она. — Скажите мне сразу, в чем дело? Я договорилась пойти сегодня к знакомым.

— Ради бога, простите. Я сейчас все вам объясню...

Его спас стук в дверь.

— Извините, — прошептала она и прошла к двери мимо занавешенных окон. Эверард пошел следом.

Она отшатнулась и вскрикнула:

— Чарли!

Уитком прижал ее к себе, не замечая, что все еще находится в одежде юта, забрызганной кровью. Эверард вышел в холл. Англичанин с ужасом уставился на него.

— Ты...

Он потянулся за станнером, но Эверард успел его опередить и выхватил свой.

— Не глупи, — сказал американец. — Я же твой

друг. Я хочу тебе помочь. Что ты надумал? Это же чистое безумие!

— Я... я не дам... не дам ей пойти... не дам пойти...

— И ты думаешь, они не сумеют обнаружить тебя?

Эверард перешел на темпоральный язык, единственно возможный в присутствии Мэри.

— Когда я уходил, Мэйнуэтеринг уже что-то заподозрил. Если мы сейчас не найдем верного решения, он поднимет на ноги весь Патруль. Чтобы исправить ошибку, они, возможно, просто убьют ее, а тебя сошлют на отдаленную планету.

— Я...

Уитком проглотил комок в горле. На лице его застыл ужас.

— Ты... ты хочешь, чтобы она ушла и ее убили?

— Нет. Но сделать это надо по-умному.

— Мы исчезнем... найдем убежище в какой-нибудь эпохе... если надо, даже среди динозавров.

Мэри высвободилась из его объятий. Она готова была закричать.

— Молчите! — прикрикнул Эверард. — Ваша жизнь в опасности, и мы пытаемся вас спасти. Если не верите мне, поверьте хоть Чарли.

Он снова заговорил с Уиткомом на темпоральном.

— Слушай, друг, нет такой эпохи или эры, где бы ты мог спрятаться со своей возлюбленной. Мэри Нелсон умерла сегодня ночью. Это исторический факт. Ее не было в 1947 году. Это тоже исторический факт. Я сам кое во что впутался: семья, которую она собиралась навестить, уйдет из дома, когда там упадет бомба. Если ты попытаешься скрыться с ней, вас все равно найдут. Чистая случайность, что здесь еще нет патрульных.

Уитком попытался взять себя в руки.

— А если я заберу ее с собой в 1948-й? Откуда ты знаешь, что она вдруг внезапно не появилась в 1948-м? Может быть, это тоже исторический факт?

— Да пойми ты, это невозможно! Попробуй. Скажи ей, что ты собираешься перенести ее в будущее на четыре года вперед.

Уитком застонал.

— Безнадежно... Я обречен...

— Да. Ты вообще не имел права даже появляться здесь в таком виде. Теперь тебе придется лгать, иначе она ничего не поймет. Между прочим, как ты собираешься объяснить ее появление вместе с тобой? Если она останется военнослужащей Мэри Нелсон — она дезертир. Если примет другое имя — где ее свидетельство о рождении, школьный аттестат, продовольственные карточки — все те документы, которые правительства двадцатого века столь свято чтут? Безнадежное дело, дружище.

— Что же делать?

— Ждать патрульных, и ничего более. Не уходи, я сейчас вернусь.

Эверард был холоден и расчетлив, ему некогда было ни бояться, ни даже удивляться собственному поведению.

Вернувшись на улицу, он поставил программатор скуттера на пять лет вперед, полдень, площадь Пикадилли. Затем включил главное устройство, некоторое время следил за тем, как машина исчезает в воздухе, и вернулся в дом. Уитком держал в объятиях плачущую Мэри. Бедные дети, заблудившиеся в лесу!

— Все в порядке!

Эверард отвел их в гостиную, сел и вытащил свой стеннер.

— Теперь еще немного подождем.

Ждать пришлось недолго. Скуттер с двумя людьми в серой форме Патруля возник как по волшебству. В руках патрульных было оружие.

Эверард направил на них слабый луч станнера, рассчитанный на то, чтобы только оглушить их.

— Помоги мне связать их, Чарли,— сказал он.

Мэри, онемевшая от страха, забилась в угол.

Когда патрульные пришли в себя, Эверард стоял над ними, холодно улыбаясь.

— В чем нас обвиняют, ребята? — спросил он на темпоральном.

— Думаю, вам это известно, — спокойно сказал один из пленников. — Разыскать вас нам поручило Главное управление. Проверив всю следующую неделю, мы выяснили, что вы эвакуировали семью, которая должна была погибнуть при бомбежке. Из анкеты Уиткома нетрудно было установить, что вы придетете к нему на помощь и попытаетесь спасти женщину, которой предстояло умереть сегодня ночью. Советую вам развязать нас, если вы не хотите еще больше повредить себе.

— Я же не изменил истории, — сказал Эверард. — Данеллиане остались там, где и были, верно?

— Да, конечно, но...

— С чего вы взяли, что семья Эндерби непременно должна была погибнуть при бомбежке?

— Их дом разрушен, и они сказали, что ушли заранее только потому...

— Ага, но ведь суть в том, что они *ушли*. Это исторический факт. Значит, это вы хотите изменить прошлое.

— Но эта женщина...

— А вы уверены, что не существовало какой-

нибудь Мэри Нелсон, которая приехала в Лондон в 1850 году и умерла от старости в 1900-м?

Патрульный усмехнулся.

— Вы настырный парень, а? Но номер не пройдет. Вам не переспорить весь Патруль.

— В самом деле? Я могу оставить вас связанными здесь, на полу, и вас найдет семья Эндерби. Я запрограммировал свой скуттер так, что он появится в общественном месте и во время, известное только мне одному. Как вы думаете, что после этого произойдет с историей?

— Патруль примет необходимые меры... как это сделали вы в пятом веке.

— Возможно! Но думаю, что облегчу им задачу, если смогу изложить свою просьбу. Я хочу говорить с данеллианином.

— Что?!

— То, что я сказал, — ответил Эверард. — Если потребуется, я возьму ваш скуттер и отправлюсь на миллион лет вперед. Я просто расскажу им, насколько проще будет пойти нам навстречу.

— В этом не будет необходимости!

Эверард резко обернулся. У него перехватило дыхание, станнер выпал из рук, глаза слепило мерцающее сияние. В горле у него мгновенно пересохло, он попятился назад.

— Ваша просьба уже рассмотрена, — раздался беззвучный голос. — Все было известно и обдумано за много веков до вашего рождения. Но вы все же были необходимым звеном в цепи времени. И если бы сегодня ваш замысел не удался, вам не было бы пощады... Некие Чарлз и Мэри Уитком жили в викторианской Англии — это исторический факт. Но в истории так же значится, что какая-то Мэри Нелсон погибла в доме своих знакомых во время бомбежки в 1944 году, а Чарлз Уитком оставался

холостяком до конца жизни и был убит в одной из операций Патруля. Это неувязка была нами замечена, а так как даже малейший парадокс в ходе истории опасен, один из этих двух фактов должен был исчезнуть с ее страниц. Сейчас вы сами определили, какой именно.

В подсознании Эверард знал, что веревки с патрульных внезапно упали. В своем мятущемся мозгу он уловил мысль, что его скуттер исчез... исчезает... исчезнет в момент своего появления на Пикадилли. Он знал, что факты истории теперь выглядят так: Мэри Нелсон пропала без вести, по всей видимости, убита бомбой возле дома семьи Эндерби, которая в свою очередь находилась в ее квартире, когда упала бомба. Чарлз Уитком, пропавший без вести в 1947 году, по всей видимости, утонул. Эверард знал, что Мэри сказали правду, внушили ей, что она должна ее забыть, и переместили вместе с Чарли в 1850 год. Он также знал, что они будут жить, как и другие англичане среднего класса, но так до конца и не приспособятся к викторианской эпохе, что Чарли будет с душевной болью вспоминать о своей службе в Патруле, однако любовь к жене и детям в итоге возьмет верх, и он поймет, что не так уж велика была жертва.

Он узнал все это, и затем данеллианин исчез. Сознание Эверарда постепенно прояснилось, и он снова посмотрел на двух патрульных. Какой будет его собственная судьба, он не имел представления.

— Пошли, — сказал первый патрульный. — Надо выбраться отсюда, пока люди не проснулись. Мы подбросим вас в ваш год. 1954-й, не так ли?

— А что же дальше? — спросил Эверард.

Патрульный пожал плечами. Он держался и говорил небрежно, но за всем этим чувствовалось, что

потрясение от встречи с данеллианином еще не прошло.

— Явитесь к начальнику своего отделения. Как показывают факты, вы совершенно непригодны для регулярной работы.

— Значит... меня просто увольняют?

— Только без драм. Вы что думаете, это первый случай за миллионы лет работы Патруля? Существует обычный порядок. Вам, безусловно, следует еще подучиться. Люди такого типа, как вы, больше подходят для статуса агента с правом свободных действий: сегодня — здесь, завтра — там, любой век и любое место, где вы можете понадобиться. Мне кажется, такая работа как раз для вас.

Эверард забрался в скуттер, чувствуя слабость во всем теле. Когда он вышел из него, на Земле прошло уже десять лет.

Быть царем

1

Однажды вечером в Нью-Йорке середины двадцатого века Эверард, переодевшись в старый халат и домашние туфли, смешивал себе коктейль. Его занятие прервал звонок в дверь. Эверард чертыхнулся. За последние несколько дней он очень устал и сейчас не желал иной компании, кроме доктора Ватсона и его рассказов.

Ну да ладно, может, ему удастся быстро избавиться от незваного гостя? Он прошелапал по квартире и открыл дверь, придав своему лицу как можно более недружелюбное выражение.

— Привет, — холодно сказал он.

И тут же внезапно ему показалось, что он находится на допотопном космическом корабле, который только что освободился от земного притяжения: наступила невесомость, и он беспомощно барахтается в воздухе среди сияния звезд.

— Ох, — сказал Эверард. — Я и не думал...
Заходи.

Синтия Денисон на миг задержалась в дверях, глядя на бар поверх его головы. Над баром висели два скрещенных копья и шлем с плюмажем из эгейской культуры бронзового века. Предметы были темные, блестящие и изумительно красивые. Она попыталась говорить спокойно, но из этого ничего не вышло.

— Налей мне чего-нибудь, Мэнс. Только поскорей.

— Ну конечно.

Он крепко стиснул зубы и помог ей снять плащ. Она закрыла за собой дверь и присела на модную шведскую кушетку, столь же красивую и столь же

здесь необходимую, как оружие над баром. Дрожащими руками она достала из сумочки сигареты. Некоторое время они избегали смотреть друг на друга.

— Все еще пьешь ирландское виски? — спросил он.

Ему показалось, что слова эти доносятся откуда-то издалека, а его тело, неуклюже передвигавшееся среди бокалов и бутылок, забыло все, чему его обучали в Патруле.

— Да, — сказала она. — Значит, ты еще помнишь.

Неожиданно громко щелкнула ее зажигалка.

— Прошло всего несколько месяцев, — сказал он, не зная, о чем говорить дальше.

— Энтропия. Обычное время, ничем не изменяемые сутки по двадцать четыре часа в каждый.

Она выпустила клуб дыма и посмотрела, как он расплывается в воздухе.

— Я почти все время пробыла в нашей эпохе со дня моего... замужества. Ровно восемь с половиной месяцев личного, биологического времени жизни, с тех пор как Кейт и я... А ты, Мэнс? Сколько времени и в скольких этапах ты прожил с тех пор, как был шафером на нашей свадьбе?

У нее всегда был довольно высокий и тонкий голос, единственный недостаток, который он мог в ней найти, если не считать ее маленького роста — всего каких-нибудь пять футов. Поэтому речь ее всегда звучала невыразительно. Но сейчас он понял, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать.

Он подал ей бокал.

— До дна, — сказал он. — Пей.

Она послушно осушила бокал и перевела дыхание. Он налил ей еще и плеснул себе шотландского виски с содовой. Затем придинул кресло и достал из старого, изъеденного молью халата трубку и та-

бак. Руки у него еще слегка дрожали, но он надеялся, что она этого не заметит. Она повела себя умно, не выпалив сразу же, зачем пришла: им обоим требовалось время, чтобы успокоиться.

Сейчас он даже нашел в себе силы прямо взглянуть на нее. Несмотря на маленький рост, фигура у нее была почти безупречная, а черное платье подчеркивало изящество линий. Золотистые волосы падали до плеч, огромные голубые глаза сияли из-под крутых дуг бровей, на лице, чуть запрокинутом вверх, губы были, как всегда, полуоткрыты.

Эверард медленно набивал трубку.

— Ну ладно, Син, — сказал он. — Выкладывай, в чем дело?

Она вздрогнула и с трудом выдавила из себя:

— Кейт исчез.

— Что? — Эверард выпрямился в кресле. — Выполнять задание?

— Да. Как же иначе? Отправился в Древнюю Персию. И не вернулся. Это было неделю назад.

Синтия поставила бокал рядом с собой на кушиетку и переплела пальцы.

— Патруль, конечно, провел самое тщательное расследование. Я узнала результаты только сегодня. Они не смогли найти его. Даже не сумели выяснить, что с ним случилось.

— Вот гады, — прошептал Эверард.

— Кейт всегда... всегда считал тебя своим лучшим другом, — лихорадочно проговорила она. — Ты даже не знаешь, как часто мы говорили о тебе. Честно, Мэнс. Я знаю, мы мало общались с тобой, но тебя ведь никогда не было на месте...

— Конечно, — сказал он. — Ты что, думаешь, я малое дитя? Я был занят. И потом, в конце концов, вы же молодожены.

«После того, как я познакомил вас на Гавайях

в лунную ночь у вулкана Моуна Лоа. Патрулю наплевать на условности, и такой новичок, как молоденькая Синтия Каннингэм, вновь испеченная выпускница Академии, работающая рядовым клерком в своем собственном веке, имеет полное право встречаться с заслуженным ветераном... таким, как я, например... встречаться сколько угодно, когда мы оба свободны от работы. И почему бы ему не использовать свой опыт и в соответствующей одежде не переносить ее на танцы в Вену Штрауса или в лондонский Шекспировский театр, в уютные бары старинного Нью-Йорка или на солнечные пляжи на Гавайях, где человек со своим каноэ появится еще только через тысячу лет? А его приятель по Патрулю, почему бы ему тоже не принять участие в этих маленьких развлечениях? А потом и не жениться на ней? Вот так-то!»

Эверард раскурил трубку. Когда его лицо заволокло клубами дыма, он сказал:

— Начни-ка с самого начала. Я не видел тебя два-три года своей биологической жизни и не знаю точно, над чем работал Кейт.

— Так долго? — удивилась она. — Ты даже не проводил отпуска в нашем десятилетии? Мы очень хотели видеть тебя.

— Перестань извиняться, — отрезал он. — Если бы я захотел, сам бы вас навестил.

Ее нежное лицо перекосилось, как от удара.
Он тоже вздрогнул и забил отбой.

— Извини. Конечно, я хотел повидаться. Но ведь ты знаешь, мы, агенты с правом свободных действий, слишком заняты — все эти прыжки в пространстве-времени, чувствуешь себя, как блоха на сковородке. Ох, черт! — он попытался улыбнуться. — Ты же помнишь, Син, что я — невежа, но это ведь только на словах. Знаешь, я лично породил

легенду о химере в Древней Греции. Был там известен под именем «дилайопол», странное чудище с двумя левыми ногами, торчащими изо рта.

Она послушно улыбнулась — если подергивание губ можно было назвать улыбкой — и взяла из пепельницы свою сигарету.

— А я все еще простой клерк в Компании технологических исследований, — сказала она. — Зато у меня тесная связь со всеми секциями и отделениями нашего ареала, включая Главное управление. Поэтому я точно знаю, какие меры были приняты для поисков Кейта, и считаю их недостаточными! Они просто бросили его! Мэнс, если и ты не поможешь, Кейт погибнет.

Голос ее прервался, и она замолчала.

Чтобы дать себе самому и ей время успокоиться, Эверард промолчал и мысленно стал вспоминать карьеру Кейта Денисона.

Родился в Кеймбридже, шт. Массачусетс, в мае 1927 года, в обеспеченной семье. Докторскую степень за выдающуюся работу по археологии получил в двадцать три года. Победитель чемпионата по боксу в колледже, пересек Атлантический океан на маленькой яхте. Ушел в армию в 1950-м, служил в Корее и отличался храбростью, которая в более популярной войне принесла бы ему славу.

С Кейтом надо было достаточно сблизиться, чтобы узнать все это. Вне работы он судил о разных вещах с тонкой иронией. Когда же наступало время действовать, просто делал свое дело без лишних слов.

«Конечно, — подумал Эверард, — девушка достается самому достойному. При желании Кейт легко мог бы получить статус свободного агента. Но у него здесь есть корни, которых нет у меня. Наверное, он более постоянен».

Выйдя в отставку в 1952 году, Денисон завер-
бовался по тому же объявлению, что и Эверард.
Возможность путешествий во времени он осознал и
принял легче и естественнее, чем большинство дру-
гих: он обладал гибким умом и к тому же был ар-
хеологом. После окончания Академии Кейт с ра-
достью обнаружил, что его собственные интересы
совпадают с нуждами Патруля: он стал Специа-
листом по древней истории индоевропейцев Востока
и во многих отношениях считался более ценным ра-
ботником, чем Эверард. Потому что свободный
агент мог путешествовать во всех направлениях по
трассам времени, спасая попавших в беду, аресто-
вывая правонарушителей, охраняя неприкосновен-
ность ткани человеческих судеб. Но что бы он делал
без знания истории? За много веков до появления
иероглифов существовали войны и путешествия, со-
вершались открытия, последствия которых сказа-
лись на всем протяжении временного континуума.
Патруль должен был знать о них. Изучать ход со-
бытий — в этом и состояла работа Специалиста.

«Кроме того, Кейт был моим другом».

Эверард вынул трубку изо рта.

— Ну ладно, Синтия, — сказал он. — Выклады-
вай, что произошло.

2

Высокий голос почти не дрожал — Синтия су-
мела взять себя в руки.

— Он прослеживал миграцию разных индоевро-
пейских племен. Об этом у нас мало сведений. При-
ходится начинать с точно известного в истории мо-
мента, а уже оттуда двигаться назад. Поэтому Кейт
и собрался в Персию 558 года до нашей эры. Он
говорил, что это близко к концу мидийского пери-

да. Ему приходилось расспрашивать жителей, перенимать их обычаи и нравы, затем отправляться в еще более ранний период и так далее. Но ты же все это должен знать, Мэнс, ты ведь однажды помогал ему, до того как мы встретились. Он часто говорил мне об этом.

— О, я просто помог ему в одном хлопотном деле.— Эверард пожал плечами.— Он тогда изучал древнейший путь одного племени от Дона до Гиндукуша. Мы представились их вождю как охотники, воспользовались его гостеприимством и пропутились с племенем несколько недель. Это было забавно.

Ему вспомнились степи и огромный простор небес над головой, бешеная гонка за антилопой, пиршество у костра и девушка, чьи волосы горьковато пахли дымом. На мгновенье у него возникло желание прожить свою жизнь и умереть, как самому обычному человеку из этого племени.

— В последний раз Кейт ушел один, — продолжала Синтия. — У них там в отделении да и во всем Патрулеечно не хватает специалистов. Столько тысячелетий приходится изучать, и так мало коротких человеческих жизней, чтобы справиться с этим. Кейт и раньше уходил один. Я всегда боялась его отпускать, но он говорил, что в одежде бродячего пастуха, у которого и украсть-то нечего, он будет в меньшей опасности в горах Древней Персии, чем при переходе Бродвея. Но на сей раз он просчитался!

— Ты хочешь сказать, — торопливо спросил Эверард, — что он оставил Нью-Йорк неделю назад, чтобы собрать нужную информацию, доложить по своему отделению и вернуться к тебе в тот же день?

Потому что только слепой кретин может оставить тебя одну надолго.

— И он не вернулся?

— Нет.

Она прикурила вторую сигарету от окурка.

— Это меня страшно обеспокоило, и я попросила своего начальника выяснить, в чем дело. Он был настолько любезен, что послал запрос на неделю вперед, то есть в сегодняшний день, и получил ответ, что Кейт еще не вернулся. Информационный пропускной центр сообщил, что Кейт к ним не являлся. Его отделение ничего о нем не знает. Мы сверились с данными Главного управления. Они ответили, что... что... Кейт так никогда и неозвращался и что не найдено даже его следов.

Эверард медленно кивнул головой.

— Тогда, как я понимаю, и начался поиск, о котором имеются данные в Главном управлении.

«Изменчивое время допускает множество парадоксов», — в тысячный раз подумал он. Если вдруг пропадал человек, из этого вовсе не следовало, что требовалось организовать его поиски, даже если где-то и было отмечено, что это произошло. Но какая еще есть возможность найти человека? Конечно, можно вернуться в прошлое и изменить ход истории так, чтобы в конце концов обнаружить его. В таком случае окажется: в истории «всегда» значилось, что дело было успешно завершено, и только ты один будешь знать настоящую правду.

Все это создавало большую неразбериху. Стоит ли удивляться, что Патруль с неудовольствием относился к любому, пусть самому незначительному изменению, которое даже не затрагивало основного хода событий.

— Наше отделение послало ребят в ареал Древней Персии расследовать это дело, — продолжал за Синтию Эверард. — Они только приблизительно знали, где и когда Кейт должен был появиться,

верно? Я имею в виду, что он и сам не знал, где сумеет спрятать свой скуттер, поэтому не мог оставить точных координат.

Синтия кивнула.

— Но я не понимаю одного: почему они не нашли сам скуттер? Что бы ни случилось с Кейтом, скуттер пропасть не мог, он должен был находиться где-то поблизости, в какой-нибудь пещере например. Патруль располагает детекторами. Они должны были найти скуттер и уж отсюда вести поиски самого Кейта.

Синтия с такой силой затянулась сигаретой, что щеки ее запали.

— Они пытались найти скуттер, — сказала она. — Но мне объяснили, что это — дикая, холмистая страна, где очень трудно вести поиски. Ничего не вышло. Они даже не нашли следов. Конечно, если бы патрульные прочесывали местность час за часом, милю за милем, может быть, что-нибудь и получилось. Но они не осмелились. Видишь ли, этот ареал в критическом положении. Гордон показал мне выводы, которые они сделали, оценивая ситуацию. Я не поняла смысла всех этих обозначений и букв, но он объяснил мне, что это очень опасное время, лучше его не ворошить.

Эверард прикрыл рукой огонек трубки. Ее тепло успокаивало. Эпохи критических ситуаций никогда не приводили его в особый восторг.

— Понятно, — сказал он. — Они не сумели произвести тщательный поиск потому, что это могло привлечь внимание слишком большого числа местных жителей, и в критический момент они повели бы себя совсем не так, как обусловлено историей. Так-так. А кто-нибудь пытался переодетым походить среди людей и осторожно разведать, что к чему?

— Несколько экспертов из Патруля. Они жили

там по многу недель, конечно, из расчета времени Древней Персии. И не услышали ни малейшего намека. Эти племена настолько дики и подозрительны... возможно, они боялись, что наши агенты — шпионы мидийского царя: насколько я поняла, они недовольны его правлением... Нет. Патруль не смог ничего обнаружить. К тому же нет никаких данных, что исчезновение Кейта как-то повлияло на историю. По их мнению, Кейта убили, а его скуттер куда-то исчез. И какая разница...

Синтия вскочила на ноги и закричала:

— И какая разница, если среди множества скелетов, затерявшихся в веках, в каком-нибудь овраге окажется еще один?

Эверард тоже поднялся, она прильнула к его груди, и он дал ей выплакаться. Он даже не подозревал, что ему будет так плохо. Он уже совсем перестал вспоминать ее (разве что по десять раз на дню), но сейчас она пришла к нему сама, и ему придется забывать ее заново.

— Неужели нельзя вернуться назад в пределах нашего времени? — взмолилась она. — Хотя бы на неделю назад, чтобы предупредить его, что он не должен туда отправляться? Разве я много прошу? Что за чудовища придумали закон, запрещающий это!

— Его придумали самые обычные люди, — сказал Эверард. — Если мы хоть раз начнем играть с собственным прошлым, то в конце концов запутаемся так, что никого из нас просто не останется в этом мире.

— Но за миллионы лет и даже больше... ведь были же исключения!

Эверард не ответил. Он знал, что исключения были. Он также знал, что в деле Кейта Денисона исключения сделано не будет. В Патруле работали

не святые, но ни один патрульный не осмелился бы нарушить существующие законы в личных целях. Потери ты воспринимаешь, как на войне, и поднимаешь бокал в память погибшего, но не отправляешься назад в прошлое, чтобы увидеть его живым.

Синтия высвободилась из его объятий, вернулась на кушетку и осушила свой бокал до дна. Когда она запрокинула голову, золотые локоны упали ей на лицо.

— Прости, — сказала она, вынула платок и вытерла глаза. — Прости, что я разревелась.

— Глупости.

Она уставилась в пол.

— Ты можешь попытаться помочь Кейту. Обычные агенты бросили это дело, но ты можешь попробовать.

Это была мольба, и отступать Эверарду было некуда.

— Могу, — сказал он. — Но у меня может ничего не получиться. В истории значится, что, если я попытаюсь разыскать его, у меня ничего не выйдет. Кроме того, на любое изменение пространства-времени посмотрят косо даже в таком простом и обычном деле.

— Для Кейта это дело совсем не обычное.

— Знаешь, Син, — прошептал он, — немногие женщины на Земле сказали бы так. Большинство сказали бы, что это дело довольно непросто для меня.

Она попыталась поймать его взгляд и секунду стояла совершенно неподвижно. Потом пролепетала:

— Прости, Мэнс. Я не знала... Я думала, за столько времени ты уже...

— О чём это ты? — проговорил он обороняясь.

— Неужели психологи Патруля ничего не могут сделать? — спросила она и снова опустила голо-

ву. — Уж если они смогли обработать нас до такой степени, что мы просто не в состоянии никому рассказать, что существуют путешествия во времени... я думала, вполне возможно внушить человеку, что он больше не...

— Замолчи, — грубо оборвал ее Эверард. Некоторое время он сосредоточенно грыз свою трубку. — Хорошо, — сказал он наконец. — Есть у меня кое-какие соображения на этот счет. Если Кейта можно спасти, ты его увидишь завтра утром.

— Скажи, ты можешь перебросить меня сейчас в завтрашний день? — дрожащим голосом спросила Синтия.

— Могу, — сказал он. — Только я этого не делаю. Тебе нужно хорошенко отдохнуть за ночь. Я провожу тебя домой и позабочусь, чтобы ты приняла снотворное. Затем вернусь сюда и все хорошенько обдумаю.

Его губы дрогнули в подобии усмешки.

— Прекрати этот рев, слышишь? Я же сказал, что мне необходимо подумать.

— Мэнс...

Она вложила свои руки в его.

Он вдруг ощущил в ней внезапный прилив надежды и проклял себя за это.

3

Осенью 542 года до нашей эры в долине Кура показался одинокий всадник. Он ехал на красивой гнедой кобыле, более крупной, чем даже местные кавалерийские лошади, что где-нибудь в другом месте наверняка привлекло бы какого-либо разбойника. Но Великий царь установил такой строгий порядок в своих владениях, что, как говорили в народе, даже девственница с полным мешком золота

за плечами могла пройти всю Персию вдоль и по-перек без всякого для себя ущерба. Это было одной из причин, по которой Эверард выбрал именно эту дату: шестнадцать лет спустя после исчезновения Кейта Денисона. Другая причина заключалась в том, что он хотел оказаться в Персии тогда, когда улягутся волнения и суматоха, вызванные появлением в 558 году до нашей эры первого путешественника во времени. Какова бы ни была судьба Кейта, о ней легче всего было узнать в более позднее время, по крайней мере непосредственно после происшествия Патрулю ничего сделать не удалось.

И наконец, согласно данным Археменидского ареала, 542 год был первым относительно спокойным годом с момента исчезновения Кейта. Годы 558—553, когда персидский царь Аишана Куруш (известный истории под именем Кира) находился в натянутых отношениях со своим господином, мидийским царем Астиагом, были очень напряженными. Затем следовали три года, во время которых Кир поднял мятеж, империю разрывала гражданская война, и персы в конце концов победили своих северных соседей. Но Кир не мог еще считать себя победителем. Ему предстояло подавить восстания побежденных и отразить набеги урало-алтайских племен: он потратил еще четыре года на то, чтобы справиться со всем этим и расширить свои владения к востоку. Это встревожило его соседей-монархов. Вавилон, Египет, Лидия и Спарта составили коалицию во главе с лидийским царем Крезом и в 546 году до нашей эры напали на Кира. Лидийцы были разбиты наголову, их земли были захвачены, но они поднимали восстания, которые снова и снова приходилось подавлять. Надо было как-то договориться с греческими колониями: Ионией, Карней и Ликией, — и, пока полководцы Кира разрешали эти

проблемы на Западе, сам он воевал на Востоке, отбрасывая от границ государства дикие племена, грозившие захватить и сжечь его города.

Сейчас как раз наступила передышка от всех этих войн. Киликия сдалась без борьбы, видя, что на всех завоеванных землях персы издают невиданно гуманные законы и проявляют терпимость к местным обычаям. Кир поручил восточные походы своим сатрапам и занялся объединением созданной империи. Войны с Вавилоном теперь не будет до 539 года; только тогда империя присоединит к своим владениям и Месопотамию. А затем опять наступит долгое время мира, пока не наберут силы дикие племена за Аральским морем и царь Кир не отправится воевать с ними, навстречу своей гибели.

Мэнс Эверард въезжал в Пасаргады, как в страну надежды, хотя, пожалуй, нет такой исторической эпохи, которая давала бы основание для столь пышной метафоры.

Эверард проезжал мимо полей, где крестьяне серпами жали хлеб и грузили снопы на скрипучие некрашеные повозки, запряженные быками. Пыль поднимавшаяся от стерни, слепила жнецам глаза. Дети в лохмотьях, стоявшие у землянок без окон, провожали его глазами. На дороге метался цыплёнок, вспугнутый царским вестником. Всадник прокакал мимо, оставив мертвую птицу валяться в пыли...

Мимо проехал конный отряд. Воины были одеты весьма живописно: мешковатые штаны, латы, остраконечные шлемы, у некоторых украшенные перьями, и яркие полосатые плащи, правда покрытые пылью и пропитанные потом. Всадники отпускали грубые шутки.

За высокими каменными стенами в окружении пышных садов виднелись большие дома знати, од-

нако немногие были в состоянии содержать подобные поместья. Пасаргады — город, в который въехал Эверард, — был настоящим восточным городом с кривыми грязными улочками, вдоль которых тянулись безликие хибары. Его заполняла голытьба в грязных головных уборах и жалкой одежде; купцы на базаре зазывали покупателей; нищие выставляли напоказ свои язвы; торговцы вели караваны облезлых верблюдов и тяжело нагруженных ослов; голодные собаки рылись в отбросах. Из кабачков доносилась музыка, скорее похожая на мяуканье кошки, попавшей в стиральную машину; то тут то там воины размахивали оружием и изрыгали проклятия... Откуда взялась эта ходячая легенда о загадочном Востоке?

— Подайте милостыню, господин! Подайте, и да осветит вас улыбка Митры!..

— Взгляни, господин! Клянусь бородой своего отца, ни у кого еще не было такой чудесной уздечки! Тебе повезло, господин, возьми уздечку всего за...

— Сюда, господин, сюда. Самый прекрасный караван-сарай во всей Персии, нет, во всем мире! Всего четыре дома отсюда! Мои подушки набиты лебяжьим пухом, мой отец сам подает божественное вино, моя мать готовит плов, слава о котором идет во все концы света, а три мои сестры — это дивные луны восторга, всего за...

Эверард не обращал никакого внимания на бегущих рядом с его конем мальчишек. Один из них схватил его за лодыжку — он выругался и отпихнул мальчишку ногой. Тот не обиделся, только ухмыльнулся. Эверарду не хотелось останавливаться в караван-сарае: хотя персы и тщательнее следили за чистотой, чем многие другие народы того времени, насекомых хватало и у них.

Он попытался побороть в себе внезапно возникшее чувство беспомощности. Обычно патрульные как-то страховали себя, брали в незнакомую эпоху станнер тридцатого века и крошечный радиоприемник, с помощью которого в любой момент можно было вызвать спрятанный скуттер. Но не сейчас, когда его могли подвергнуть обыску, да и прятать всю эту технику было некуда. Эверард был в греческой одежде: туника, сандалии и длинный шерстяной плащ, меч на боку, шлем и щит на луке седла—только вооружение было из нержавеющей стали. Он не мог обратиться в местное отделение, если бы попал в беду: никаких отделений здесь не было. Эта относительно бедная переходная эпоха не способствовала межвременным торговым операциям. Ближайший патрульный пост находился в управлении ареала в Персеполе, на поколение позже.

Улицы, по которым проезжал Эверард, становились шире, дома — роскошнее, торговцы встречались все реже. Наконец, он подъехал к площади, по углам которой стояли четыре больших дворца. За окружавшими их стенами виднелись причудливо подрезанные деревья. У стен на корточках сидели стражники: стойка «смирно» в те времена еще не была известна. Но, когда Эверард приблизился, стражники натянули стрелы на тетиве. Он мог просто пересечь площадь, но остановился и обратился к человеку, выглядевшему старшим по команде:

— Да светит над тобой яркое солнце, о уважаемый.

Слова персидского языка, который он выучил всего за один час под гипноизлучателем, легко слетали с его губ.

— Я ищу гостеприимства какого-нибудь великого человека, который склонил бы свой слух к удивительным рассказам о моих путешествиях.

— Пусть и твои дни будут долгими, — ответил стражник.

Эверард вспомнил, что он не должен предлагать денег: соплеменники Кира были гордыми людьми, храбрыми охотниками, пастухами и воинами. Все они говорили с той полной достоинства вежливостью, которая отличала этот народ на протяжении многих веков.

— Я служу Крезу Лидийскому, слуге великого царя. Он не откажет в крыше над головой...

— Меандру из Афин, — подхватил Эверард.

Греческое происхождение объясняло его крепкое сложение, светлую кожу и короткую стрижку. Правда, ему все же пришлось прилепить вандейковскую бородку. Геродот не был первым греком, совершившим кругосветное путешествие, поэтому не следовало утрировать афинскую внешность. В то же время за полстолетия до Марафона европейцы все еще были здесь в достаточной мере в диковинку и вызывали интерес.

Позвали раба, который отправился к управляющему, тот послал другого раба, который провел чужеземца через ворота. Сад за стенами утопал в зелени, и от него веяло прохладой, как и предполагал Эверард. Нечего было и опасаться, что здесь у него могут что-нибудь украсть; вино и еда должны были быть отменными, а сам Крез, несомненно, заинтересуется гостем. «Все будет хорошо, вот увидишь», — сказал Эверард самому себе, принял горячую ванну, умастил себя благовониями и надел чистую одежду. Блюда с пищей и вино были принесены в его по-спартански убранную комнату, где стоял низкий широкий диван и из окон открывался красивый вид. Ему не хватало только сигары. Развеется, из вещей, вообще для него доступных...

Конечно, если бы Кейт и в самом деле погиб...

— Черти в аду и грешники на сковородке! — прошептал Эверард. — Не смей об этом даже думать, слышишь?

4

После захода солнца стало прохладно. С большими церемониями были зажжены светильники, раздуты жаровни — огонь считался священным. Раб, распростершийся перед ним, провозгласил, что обед подан. Эверард последовал за рабом через длинный зал, стены которого были украшены фресками с изображением Солнца и великого Митры. Мимо двух склонившихся стражников он прошел в небольшую ярко освещенную комнату, окутанную ароматом благовоний и устланную коврами. У стола, согласно греческим обычаям, было два ложа, но вопреки этим обычаям блюда подавались только на золоте и серебре; рабы бесшумно сновали взад-вперед, разнося пищу, и откуда-то доносилась негромкая, похожая на китайскую музыка.

Крез Лидийский благожелательно кивнул Эверарду головой. Его лицо с правильными чертами, обрамленное седой бородой, было когда-то красиво, но он сильно постарел с тех пор, когда его богатство и могущество вошли в поговорку. Он носил длинные волосы и был одет в греческую хламиду, но, как и персы, румянил лицо.

— Будь гостем, Меандр из Афин, — сказал он по-гречески, глядя на Эверарда.

Согласно обычаям, царь подставил Эверарду щеку для поцелуя. Было очень любезно со стороны Креза приветствовать его так, тем самым ставя почти на одну доску с собой; неважно, что от царя несло чесноком.

— Приветствуя тебя, господин мой. Благодарю за твою доброту.

— Да не унизит тебя, что за трапезой мы только вдвоем, — произнес бывший владыка Лидии. — Я решил... — Он заколебался. — Я всегда считал себя близким к роду греков, и мы сможем поговорить серьезно...

— Я не достоин столь высокого уважения господина моего.

Исполнив положенный ритуал обмена любезностями, они приступили к трапезе. Эверард рассказал заранее выдуманную историю своих приключений. Время от времени Крез задавал неожиданные вопросы, на которые непросто было ответить, но Эверард скоро научился избегать их.

— Да, времена меняются, и счастлив ты, что пришел к нам на заре новой эры, — сказал Крез. — Никогда еще мир не знал более великого царя, чем...

И он продолжал в том же духе, безусловно для слуг, которые, бесспорно, были царскими соглядатаями. Впрочем, на сей раз Кир был действительно велик...

— Сами боги отметили нашего царя, — продолжал Крез. — Знай я раньше, что они на его стороне взаправду, а не согласно легенде, как думал я, никогда бы не решился я восстать против него. Поэтому что он, несомненно, избранник богов.

Эверард, продолжая изображать из себя грека, разбавил вино водой и про себя пожалел, что не избрал народ, менее приверженный к трезвенности.

— Какова же история царя, господин мой? — спросил он. — Я слышал только, что великий царь — сын Камбиса, который стоял во главе этой провинции как подданный царя мидийского Астиага. Больше ничего.

Крез наклонился вперед. В колеблющемся свете глаза его приобрели странное выражение: в них одновременно отражались страх и энтузиазм — люди эпохи Эверарда просто разучились так смотреть.

— Слушай же и расскажи своему народу,— сказал он. — Астиаг выдал дочь свою Мандану замуж за Камбиса, так как знал, что персы ненадежны под его тяжким игом, а он хотел привязать их вождей к своему дому. Но Камбис был болен и слаб. Если бы он умер и его малолетний сын Кир сел на трон в Аншане, персидская знать учредила бы регентство, неподвластное Астиагу. Толкователи снов предупредили мидийского царя, что Кир положит конец его власти. Тогда Астиаг приказал своему придворному Аурвагаушу (Крез произнес это имя на греческий манер — Гарпаг,— как, впрочем, он произносил все местные имена) убить Кира. Несмотря на сопротивление царицы Манданы, Гарпаг забрал ребенка. Камбис был слишком болен, чтобы помешать этому, а Персия не могла взбунтоваться, так как не была готова к восстанию. Но Гарпаг не нашел в себе сил убить мальчика. Он обменял его на другого, мертворожденного сына пастуха, который поклялся молчать. Мертвого ребенка завернули в царские одежды и оставили на склоне холма. Придворные мидийского царя подтвердили, что это — Кир, и его похоронили. Наш повелитель вырос пастухом.

Камбис жил еще двадцать лет, но у него не было больше сыновей. Сам же он был слишком слаб, чтобы отомстить за убийство своего первенца. В конце концов он умер, не оставив наследника, которому персы должны были бы подчиниться. Страна снова оказалась под угрозой восстания. В это время и появился Кир, которого узнали по многим знамениям

и знакам. Астиаг, сожалея о своем поступке, приветствовал его и объявил наследником Камбиса.

Кир оставался подданным Астиага целых пять лет, но под конец не смог более терпеть тирании мидийцев. Гарпагу в Экбатане тоже было за что мстить: ведь он ослушался своего царя и не убил Кира. За это Астиаг подверг его чудовищному наказанию: заставил умертвить и съесть собственного сына. Гарпаг вошел в сговор с мидийской знатью. Они выбрали Кира своим вождем, Персия восстала, и после трехлетней войны Кир стал царем двух народов. С тех пор он прибавил к своим владениям много новых земель. Когда еще боги яснее выражали свою волю?

Эверард некоторое время молча возлежал на своем ложе. За окном в саду осенний ветер шелестел сухими листьями.

— Все это правда или просто слухи? — наконец спросил Эверард.

— Я слышал подтверждения этой истории достаточно часто, с тех пор как живу при персидском дворе. Ее рассказывал мне сам царь, а также Гарпаг и другие, кто участвовал в этом деле.

Вряд ли лидиец лгал, коль скоро он ссылался на слова самого царя. Высокородные персы фанатически исповедывали правду. И все же Эверарду не приходилось слышать ничего более невероятного за все время своей работы в Патруле. Потому что Крез в точности излагал рассказ, записанный Геродотом и засвидетельствованный с некоторыми изменениями в персидской «Книге о царях» — «Шахнаме», и всем было совершенно ясно, что это — самый обычный миф. Примерно такие же легенды создавались о Моисее, Ромуле, Сигурде и множестве других великих людей. Не было никаких оснований верить в то, что все это правда: на самом

же деле Кир вырос в доме своего отца, получил трон по праву рождения и поднял восстание по самым обычным для того времени причинам.

Но все дело в том, что у этой легенды были очевидцы, готовые присягнуть, что она правдива! Здесь крылась какая-то загадка, и она напомнила Эверарду о цели его пребывания в Персии.

После соответствующих случаю выражений удивления он спросил:

— До меня дошли слухи, что шестнадцать лет назад в Пасаргады пришел человек в простой пастушьей одежде, который на самом деле был волшебником и умел творить чудеса. Может быть, он и умер здесь. Слышал ли мой досточтимый хозяин что-нибудь об этом?

Весь напрягшись, он ожидал ответа. Интуиция подсказывала ему, что Кейта Денисона не могли просто убить какие-то проходимцы, вряд ли он свалился со скалы и сломал себе шею или вообще попал в какую-нибудь переделку. Будь это так, патрульные непременно обнаружили бы его скуттер. Вполне вероятно, они недостаточно прочесали местность, чтобы отыскать самого Денисона, но как они могли не запеленговать машину времени своими чувствительными детекторами?

«Значит, — подумал Эверард, — здесь что-то другое. И если Кейт еще жив, он должен находиться где-то здесь».

— Шестнадцать лет назад?

Крез запустил руку в бороду.

— Меня тогда здесь не было. Но действительно, в тот год случилось много чудесных знамений, так как именно тогда Кир спустился с гор и законно возложил на себя корону Аншана. Нет, Меандр, мне об этом ничего не ведомо.

— Я хотел отыскать этого человека, — сказал Эверард, — потому что оракул повелел мне...

И он продолжал в том же духе.

— Ты сможешь расспросить слуг и горожан, — предложил Крез. — Я представлю тебя царскому двору. Ты ведь поживешь здесь немногоВозможно, сам царь пожелает увидеть тебя, ему всегда интересны чужеземцы.

Вскоре их беседа прервалась. Крез объяснил с довольно кислой улыбкой, что персы привыкли «рано ложиться и рано вставать» и ему предстоит быть в царском дворце с наступлением зари. Раб проводил Эверарда обратно в его комнату. Там уже ждала хорошенькая девушка с призывной улыбкой на губах. Он заколебался, припомнив ту, которая живет через две тысячи четыреста лет. Но... к черту! Человек должен пользоваться всеми благами, которые дают ему боги, а боги не так уж щедры.

5

Вскоре после восхода солнца на площадь вылетела кавалькада вооруженных всадников, громко выкрикивавших имя Меандра из Афин.

Эверард поспешил отодвинуть в сторону завтрак и вышел из дома. Ему пришлось задрать голову, чтобы разглядеть всадника на высоком сером жеребце. Это был человек с ястребиным носом на волосатом лице, начальник стражников, которых здесь называли бессмертными. Стражники поднимали на дыбы разгоряченных коней, перья на их шлемах и плащи развевались, оружие бряцало, скрипели кожаные седла.

— Тебя призывает хилиарх! — выкрикнул начальник отряда.

Этим чисто персидским титулом называли главу бессмертных и великого визиря империи.

Какое-то время Эверард стоял неподвижно, оценивая положение. Его мускулы напряглись. Приглашение было не из любезных, но вряд ли он смел отказаться, сославшись на неотложное дело.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он. — Разреши мне только вернуться и взять скромный подарок, чтобы быть достойным той чести, которая мне оказана.

— Хилиарх повелел, чтобы ты пришел немедленно... Вот лошадь.

Лучник подвел к нему коня и подставил руки лодочкой, на манер стремени, но Эверард вскочил в седло без посторонней помощи: способ, полезный в те века, когда еще не были изобретены стремена. Начальник отряда одобрительно кивнул головой, повернулся коня, и они начали бешеную скачку по широкой аллее, украшенной статуями сфинксов и виллами знатных горожан. Здесь не было такой толкотни, как на улицах, примыкавших к базару, но разъезжало много всадников и колесниц, попадались рабы, несшие носилки со знатным седоком, и прохожие, которые шарахались в сторону: бессмертные не останавливались, чтобы пропустить пешехода. Вскоре кавалькада уже прогрохотала через широко распахнутые перед ней ворота дворца, гравий летел из-под копыт. Обогнув лужайку с фонтанами, всадники остановились у западного крыла здания.

Дворец, выложенный из безвкусно раскрашенного кирпича, стоял на небольшом возвышении в окружении нескольких зданий поменьше. Начальник стражи соскочил с коня, жестом приказал Эверарду следовать за ним и направился вверх по мраморным ступеням. Эверард шел, сопровождаемый воинами, которые держали наготове блестящие боевые

секиры. Они проследовали мимо рабов в чалмах, распостершихся ниц, по желто-красному колонному залу, затем через зал, выложенный мозаикой, красоту которого Эверард в тот момент был не в состоянии оценить, мимо отряда других стражников и наконец вступили в зал, купол которого, украшенный мозаикой цветов павлиньего хвоста, поддерживали легкие и стройные колонны. Аромат поздних роз наполнял комнату сквозь сводчатые окна.

Бессмертные совершили ритуал повиновения. «Что могут они, можешь и ты, сынок», — подумал Эверард, пал ниц и поцеловал персидский ковер. Человек, возлежавший на низком диване, кивнул.

— Поднимись и слушай! — сказал он. — Подайте греку подушку.

Солдаты окружили его. Нубиец поспешил принести подушку, которую положил у ног своего повелителя. Эверард сел, поджав ноги. Во рту у него пересохло. Хилиарх, которого Крез, как ему помнилось, называл Гарпагом, наклонился вперед. На фоне тигровой шкуры, покрывавшей диван, в роскошной красной мантии, окутывавшей его худое тело, мидиец выглядел старым: его длинные, до плеч волосы отливали сероватым блеском железа, темное горбоносое лицо было изрыто морщинами. Но пронзительные умные глаза внимательно смотрели на чужеземца.

— Ну, — сказал он по-персидски с сильным акцентом уроженца северных провинций, — значит, это ты — человек из Афин. Благородный Крез рассказал нам о твоем прибытии сегодня утром и о том, какие ты задавал вопросы. Поскольку речь может идти о безопасности государства, мне следует знать, кого же ты ищешь.

Он погладил бороду рукой, на которой блесну-

ли драгоценные камни, и улыбнулся холодной улыбкой.

— Может случиться, что, если твои поиски не принесут вреда, я даже помогу тебе.

Он намеренно опустил обычные формы приветствия, не предложил угощения и вообще не принимал Меандра так, как положено принимать гостя. Это был допрос.

— Что ты хочешь знать, господин? — спросил Эверард.

Он-то прекрасно понимал, чего хочет Гарпаг, и в ожидании ответа испытывал остroe чувство тревоги.

— Ты ищешь волшебника, который пришел в Пасаргады шестнадцать лет назад в одежде пастуха и творил чудеса.

Напряжение исказило голос хилиарха: он стал хриплым.

— Зачем тебе знать это и что ты еще слышал о человеке, одетом пастухом? Отвечай без промедления и не вздумай лгать!

— Великий господин, — заговорил Эверард, — дельфийский оракул предсказал мне, что я разбогатею, если узнаю судьбу пастуха, который вошел в столицу Персии в э... э-э-э... третий год первой тирании Писистрата. Больше ни о чем не ведаю. Ты же знаешь, господин, как темны предсказания оракулов.

— Так, так...

На худом лице Гарпага промелькнула тень страха. Он начертил в воздухе знак креста — символическое изображение Солнца в культе Митры. Потом небрежным тоном спросил:

— И что же ты узнал?

— Ничего, господин. Никто не мог сказать мне...

— Лжешь! — вскричал Гарпаг. — Все греки — лжецы. Берегись, ты впутался в нехорошее дело. С кем еще ты говорил?

Губы хилиарха задергались в нервном тике. Эверард и сам почувствовал холод и пустоту в желудке. Судя по всему, он приоткрыл завесу над какой-то тайной, которая, как считал Гарпаг, была надежно скрыта, тайной, настолько важной, что хилиарх решился даже на оскорбление Креза, под чьей защитой Меандр, как гость, находился согласно обычаям. А сам он мог полагаться только на кинжал. В эту эпоху ничего более надежного еще не изобрели. И, после того как дыба и клещи извлекут из чужеземца все, что ему известно... «Но что же, черт побери, мне известно?»

— Ни с кем, господин, — сказал он. — Ни с кем, кроме оракула и бога Солнца, говорившего устами оракула, который прислал меня сюда. Впервые я рассказал об этом почтенному Крезу вчера вечером.

Гарпаг глубоко втянул в себя воздух, несколько обескураженный упоминанием божества, но тут же овладел собой.

— Мы слышали только от тебя, грека, что ты послан оракулом. А может, ты пришел выведать наши тайны? Если же ты и в самом деле послан богом, значит, для того лишь, чтобы тебя здесь казнили за твои грехи. Но мы это быстро выясним.

Он кивнул начальнику стражи.

— Отведите его вниз. Именем царя.

Царь.

Догадка, ослепительная как молния, блеснула в мозгу Эверарда.

— Да, царь! — закричал он, вскочив. — Бог сказал мне... что будет знак... и что я должен донести его слова до царя персов!

— Взять его! — взревел Гарпаг.

Стража послушно бросилась выполнять приказание. Эверард отскочил с криком, что отдается на милость царя Кира. Он кричал изо всех сил. Пусть его даже арестуют, его слова дойдут до трона и... Два воина с поднятыми секирами прижали его к стене. Через их головы он видел, как Гарпаг прыгает по дивану.

— Схватить и отрубить ему голову! — приказал мидиец.

— Господин, — возразил начальник стражи, — он отдался на милость царя.

— Это колдовство! Я теперь знаю, он — колдун, сын Зохака и слуга Аrimана! Убить его!

— Нет, подождите! — вскричал Эверард. — Подождите, он сам предатель, он не дает мне сказать царю, что... Отпусти меня сейчас же, мерзавец!

Кто-то схватил его за правую руку.

Эверард был готов отсидеть несколько часов в тюрьме, пока царь не услышит о нем и не вытащит его оттуда, но дело начало принимать совсем иной оборот. Развернувшись, Эверард левой рукой нанес стражнику удар по носу. Тот попятился. Американец вырвал у него секиру, отпрыгнул и парировал удар воина, нападавшего слева.

Стражники атаковали. Эверард взмахнул секирой, она ударила о другую, и один из стражников поплатился пальцем. Искусством владеть оружием патрульный превосходил большинство нападавших, но долго, конечно, ему было не продержаться. Уклонившись от очередного удара, направленного в голову, он нырнул за колонну. Немного свободного пространства. Еще удар, и рука атакующего воина безжизненно повисла. Перепрыгнув через падающее тело в латах, Эверард выбежал на середину

комнаты. Гарпаг поднялся с дивана, выхватив из-за плаща меч. Чертов старик отнюдь не был трусом! Эверард развернулся, так что хилиарх оказался между ним и стражей. Меч и секира скрестились. Патрульный старался подойти к Гарпагу вплотную, по крайней мере тогда стража не сможет бросать в него оружие. Но воины стали окружать его сзади. Вот ведь черт! Может быть, сейчас погибнет еще один патрульный!

— Стойте! Все — ниц! Царь идет!

Три раза прокричал грашатай, огромный мужчина в алом плаще. Стража застыла на месте, не сводя с него глаз, а затем попадала ниц. Гарпаг уронил меч. Эверард чуть не рассек ему череп, но вовремя отдернул руку и, слыша торопливую поступь воинов через зал, тоже бросил свою секиру. Секунду они с хилиархом, задыхаясь, не сводили глаз друг с друга.

— Он услышал.. и пришел... сразу же... — с трудом выговорил Эверард.

Мидиец подобрался, как кот, и зашипел:

— Берегись! Я буду наблюдать за тобой. Если ты отравишь его мозг своими лживыми речами, для тебя тоже найдется яд или кинжал!

— Царь! Царь! — кричал грашатай.

Эверард и Гарпаг бросились на пол.

Сначала в комнату вошли бессмертные и выстроились в две шеренги, образовав широкий проход к дивану. Затем вошел сам Кир, в длинной мантии, развевавшейся при каждом его широком шаге. За ним следовали несколько приближенных, затянутых в кожу; они пользовались привилегией носить оружие в присутствии царя. Раб-церемониймейстер ломал руки им вслед: он не успел расстелить ковер и позвать музыкантов.

Голос царя разорвал мертвую тишину.

— В чем дело? Где чужеземец, который сдался мне на милость?

Эверард рискнул приподнять голову. Кир был высокого роста, широкоплеч, но худощав; он выглядел старше, чем можно было предположить из рассказа Креза. С трепетом в сердце Эверард подумал, что ему лет сорок семь, но шестнадцать лет войн, которые пришлось вести царю, и охота сохранили его тело гибким. У Кира было узкое темное лицо со шрамом на левой скуле, карие глаза, прямой нос и полные губы. Его черные слегка вьющиеся волосы были зачесаны назад, а борода подстрижена немного короче, чем полагалось по обычаям персов. Он был одет просто, насколько позволял его сан.

— Где же тот чужеземец, о котором сообщил раб?

— Я здесь, великий царь, — сказал Эверард.

— Встань. Назови свое имя.

Эверард поднялся на ноги и прошептал:

— Привет, Кейт.

6

По стенам мраморной беседки густо вились виноградные лозы. Они почти скрывали окружающих ее лучников. Кейт Денисон тяжело опустился на скамейку. Глядя на причудливые тени от листьев на полу, он произнес с кривой улыбкой:

— По крайней мере здесь мы можем поговорить без чужих ушей. Английского языка еще не существует.

Он помолчал и продолжал говорить по-английски с некоторым напряжением: сказывалось отсутствие практики.

— Порой мне казалось, что самое трудное в

здесь жизни — ни минуты не быть самим собой. Самое большее, на что я способен, это выгнать всех из комнаты, где нахожусь, но они тут же начнут подслушивать у дверей, подглядывать в окна, всячески охранять меня. Да сгорят в адском пламени их преданные души!

— Представления о том, что такое право на уединение, также пока еще не существует, — напомнил Эверард. — Впрочем, такие важные персоны, как ты, не очень-то располагали собой во все исторические эпохи.

Денисон поднял на него усталый взгляд.

— Я все хочу спросить тебя, как Синтия, — сказал он, — но ведь для нее прошло... пройдет не так много времени, может быть, всего неделя. Кстати, у тебя не найдется сигарет?

— В скунтере, — сказал Эверард. — Я подумал, что мне и так придется достаточно многое объяснять. Вот уж никак не ожидал, что ты будешь здесь заправлять всем этим государством.

— Я и сам этого не ожидал. — Денисон пожал плечами. — Самое фантастическое, что только могло произойти. Парадоксы времени...

— Как же это случилось?

Денисон потер лоб рукой и вздохнул.

— Меня затянуло в машину здешней государственной политики. Знаешь, иногда все прошлое кажется мне чем-то нереальным, похожим на сон. Существовало ли когда-нибудь христианство? Хартия вольностей? Контрапунктическая музыка? Не говоря уже о тех людях, с которыми мне приходилось встречаться. Все еще никак не верится, что ты здесь, Мэнс. Наверное, я сейчас проснусь. Ладно, дай вспомнить. Знаешь, как все произошло? Мицийцы и персы и в расовом и в культурном отношении находятся в близком родстве, но миийцы в те

времена держали власть в своих руках; они многое переняли от ассирийцев, о которых персы не столь хорошего мнения. Мы в основном свободные земледельцы и скотоводы, и, конечно, несправедливо, что мы оставались подданными...

Денисон поперхнулся.

— Черт! Ну вот видишь, опять! Почему я говорю «мы»? Ну, в общем в Персии было неспокойно. За двадцать лет до того мидийский царь Астиаг приказал убить Кира, но теперь он пожалел об этом, так как отец Кира умирал и отсутствие законного наследника могло вызвать гражданскую войну. Я высадился в горах. Чтобы спрятать скуттер, мне пришлось поискать место и во времени, и в пространстве: день туда, несколько миль сюда... Потому-то Патруль и не смог потом засечь его своими детекторами... Это одна из причин. В конце концов я оставил его в пещере и отправился дальше пешком, но почти сразу же попал в беду. Через этот район на усмирение персов, среди которых начались волнения, как раз проходила мидийская армия. Один из воинов заметил, как я выходил из пещеры, и не успел я оглянуться, как меня схватили и стали выпытывать, что это я прячу. Они приняли меня за волшебника и сильно испугались, но еще больше боялись показать себя трусами.

Со скоростью лесного пожара весть обо мне разнеслась по армии и по всей стране. Все знали, что я появился при удивительных обстоятельствах.

Их начальником был сам Гарпаг, человек злой и умный как черт. Он решил, что меня можно использовать. Он приказал мне привести в движение мою бронзовую лошадь, но не разрешил сесть на нее. Мне все же удалось настроить программатор скуттера и отправить его путешествовать во времени. Это вторая причина, по которой Патруль не

нашел его. Машина находилась в этом веке всего несколько часов, а потом, вероятно, отправилась к началу начал.

— Здорово! — одобрительно сказал Эверард.

— Разумеется, я знал приказ, запрещающий такую степень анахронизма. — Денисон скрипил рот. — Но я все же надеялся, что Патруль меня выручит. Знаю я, как все обернется, вряд ли повел бы себя столь законопослушно. Я мог бы взять скутер с собой, сделать вид, что во всем подчиняюсь Гарпагу, и удрать, как только представится такая возможность.

Эверард внимательно посмотрел на него. «Кейт изменился, — подумал он, — не просто постарел; годы, проведенные среди чужестранцев, изменили его так, что он сам не замечает в себе этих перемен».

— Если бы ты рискнул изменить будущее, — сказал он, — ты поставил бы под угрозу существование Синтии.

— Да, да, правда. Я помню, что подумал об этом... тогда... Как давно все это было!

Денисон наклонился вперед, положив руки на колени и глядя сквозь переплетения беседки. Он продолжал говорить ровным, безжизненным голосом.

— Гарпаг, конечно, рвал и метал. Я думал, он собирается убить меня. Меня все время держали связанным, как скотину, которую ведут на убой. Но, как я уже говорил, слухи обо мне разнеслись по всей стране, и у Гарпага возник план. Он предоставил мне выбор: повиноваться ему или умереть. Что я мог поделать? И к тому же здесь речь шла не об изменении прошлого: я скоро понял, что играю роль, уже записанную в истории. Гарпаг подкупил пастуха, чтобы тот подтвердил его вер-

сию, и представил меня как Кира, сына Камбиса.
Эверард, ничуть не удивленный, кивнул.

— Зачем ему это было надо? — спросил он.

— В то время он еще просто хотел поддержать мидийского царя. Надеялся, что царь Аншана, всецело от него зависящий, будет предан Астиагу и станет держать персов в узде. Я был так ошеломлен, что ничего не мог поделать и подчинился ему во всем, с минуты на минуту ожидая, что на выручку придет Патруль. Фанатическая преданность иранской знати идее правды здорово помогла нам — только немногие заподозрили, что я самозванец, хотя, как мне кажется, сам Астиаг нарочно игнорировал некоторые неточности. Он сурово наказал Гарпага за то, что тот ослушался его приказа и не убил Кира, хотя сейчас Кир был Астиагу нужен. Ирония судьбы особенно очевидна, если иметь в виду, что в действительности Гарпаг в точности выполнил его приказание за двадцать лет до того.

На протяжении первых пяти лет правление Астиага вызывало во мне все большую ненависть. Сейчас, оглядываясь на прошлое, я понимаю, что он был не таким уж исчадием ада, типичный восточный монарх древнего мира, — но тогда, при виде пыток и мучений, которым ежедневно подвергали людей, мне трудно было мыслить столь трезво. Гарпаг, жаждавший отомстить Астиагу за обиду, подготовил восстание и предложил мне возглавить его.

Денисон усмехнулся.

— В конце концов я был Киром Великим, который должен был выполнить свое предназначение. Сначала нам пришлось тяжко — мидийцы били нас вновь и вновь, но, знаешь, Мэнс, я чувствовал, что все это начинает мне нравиться. Это тебе

не сидеть в окопе двадцатого века и гадать, скоро ли прекратится вражеский обстрел. О, война и здесь достаточно ужасна, особенно когда ты рядовой и когда начинаются болезни, а без них никогда не обходится. Но если ты сражаешься, бо же правый, ты сражаешься собственными руками! И, представь себе, я даже обнаружил в себе талант: оказывается, я умею драться! А какие замечательные сражения у нас были!

Эверард увидел, как светлеет лицо Кейта: царь Кир выпрямился и сказал со смехом:

— Помню такой случай: лидийская конница числом превосходила нас. Тогда мы поставили обозных верблюдов в авангард, пехоту позади них, а в самом конце — кавалерию. Лошади Креза почуяли запах верблюдов и обратились в бегство. По-моему, они бегут до сих пор. Мы стерли кавалерию Креза с лица земли!

Он внезапно замолчал, прикусил губу и взглянул на Эверарда.

— Прости, я все время забываю. Иногда после боя, глядя на убитых и особенно на раненых, я вспоминаю, что там, дома, я не был убийцей. Но я ничего не мог поделать, Мэнс! Я должен, должен был воевать! Сначала было восстание. Если бы я не подчинился Гарпагу, как по-твоему, оставил бы он меня в живых? А затем речь пошла о судьбе государства. Я не просил ни лидийцев, ни варваров нападать на нас. Ты когда-нибудь видел город, захваченный варварами? Вопрос стоял так: или мы, или они. Когда побеждаем мы, то по крайней мере не превращаем побежденных в рабов: у них остаются их земли, и обычай, и... Во имя Митры, Мэнс, мог ли я поступить иначе?

Эверард сидел, вслушиваясь в шуршание листвьев под легким ветерком. Наконец, он сказал:

— Нет. Я понимаю. Надеюсь, тебе было не слишком одиноко.

— Я привык, — осторожно сказал Денисон. — Гарпаг — выходец из низов, но он любопытная личность. Крез оказался очень порядочным человеком, а у волшебника Кобада оригинальный ум, и он единственный осмеливается обыгрывать меня в шахматы. К тому же здешние праздники, охота, женщины...

Он с вызовом посмотрел на Эверарда.

— Да. Ты ожидал от меня другого?

— Нет, — сказал Эверард. — Шестнадцать лет — долгий срок.

— Кассандана — моя старшая жена — стоит всего того, что я выстрадал за эти годы. Хотя Синтия... Бог мой, Мэнс!

Денисон встал и положил руки на плечи Эверарда, сжав их до боли сильными пальцами, которые за шестнадцать лет привыкли держать топор, лук и уздечку. Царь Персии громко вопросил:

— Как ты собираешься вытащить меня отсюда?

7

Эверард тоже поднялся, подошел к краю беседки и уставился на плетение каменных кружев, опустив голову и засунув руки за пояс.

— Не знаю.

Денисон изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони.

— Этого я и боялся! С каждым годом я все больше боялся, что если Патруль меня и обнаружит... Ты должен помочь мне, Мэнс.

— Говорю тебе, что не могу!

Голос Эверарда прервался. Он не обернулся.

— Пойми меня. Ты наверняка уже сам думал

об этом. Ведь ты не какой-нибудь там мелкий предводитель варваров, судьба которого не будет иметь особого значения уже лет через сто. Ты — Кир, основатель Персидской империи, ключевая фигура всей этой эпохи! Если исчезнет Кир, исчезнет и будущее! Не будет вообще никакого двадцатого века, и, конечно, исчезнет Синтия.

— Ты уверен? — взмолился человек за его спиной.

— Я просчитал все, прежде чем направиться сюда, — сказал Эверард сквозь зубы. — Не обманывай себя: мы предубеждены против персов, потому что одно время они враждовали с Грецией, а в нашей собственной культуре слишком много от греческой. Но персы имеют не менее важное значение для истории. Ты и сам видел, как все здесь было. Конечно, по твоим представлениям, все они грубы, но такова эпоха, и греки ничуть не лучше персов. Да, у них нет демократии, но нельзя же упрекать людей за то, что они не дошли до этого европейского открытия, столь далекого от их умственных горизонтов! Важно другое: Персия была первой державой-победительницей, сделавшей попытку уважать побежденные народы и умиротворять их, державой, соблюдавшей собственные законы, добившейся мира на огромной территории, что позволило наладить тесный контакт с Дальним Востоком и привело к появлению жизнеспособной религии, зороастризма, распространившегося среди многих рас и на большом пространстве. Возможно, ты не знаешь, сколько христианство переняло от культа Митры, но поверь мне — очень многое. Не говоря уже об иудаизме, религии, которую спасешь лично ты, Кир Великий. Помнишь? Ты завоюешь Вавилон и дашь возможность всем иудеям, еще не принявшим другой веры, возвра-

титься к себе на родину; без тебя они будут поглощены другими народами так, как это случилось с десятками других племен.

Даже в своем упадке персидская империя останется своего рода матрицей цивилизации. Какими победами знаменит Александр Македонский, как не завоеваниями персидских территорий? А это распространило греческую культуру по всему миру! И затем появятся преемники персидского государства: Понт, Парфия, Персия времен Фирдоуси, Омара Хайяма и Хафиза, Иран, который мы знаем, и Иран будущего, после двадцатого века...

Эверард круто повернулся.

— Если ты сейчас исчезнешь, — сказал он, — то я могу ясно представить себе, как через три тысячи лет человечество все еще будет строить зиггураты, гадать о своих судьбах на внутренностях животных и скитаться по лесам Европы. А Америка не будет открыта вовсе...

Денисон обмяк.

— Да, — ответил он. — Я думал об этом.

Он прошелся взад-вперед, заложив руки за спину. Его темное лицо старело с каждой минутой.

— Еще тринадцать лет, — прошептал он еле слышно. — Еще тринадцать лет, и я погибну в битве с кочевниками. Я не знаю точно, как это произойдет. Но так или иначе обстоятельства приведут меня к гибели. Почему бы и нет? Волей-неволей обстоятельства заставили меня проделывать все, что от меня требовалось... И как бы я ни воспитывал своего сына Камбиса, я знаю, что он окажется недоумком и садистом и что только Дарий сможет спасти империю. Боже мой!

Он прикрыл лицо широким рукавом.

— Прости, Мэнс, я ненавижу жаловаться, но не могу справиться с собой.

Эверард сел, избегая смотреть на Денисона. Но не слышать его тяжелого дыхания он не мог.

По прошествии некоторого времени Кир налил вино в две чаши, сел рядом с Эверардом и сухо произнес:

— Еще раз прости. Все прошло. И я еще не сдался.

— Если хочешь, я могу поставить вопрос перед Главным управлением,— с некоторой долей сарказма сказал Эверард.

Денисон ответил в тон ему:

— Спасибо, старина. Я помню их правила достаточно хорошо. Без нас можно обойтись. Они просто запретят путешествия сюда на весь период жизни Кира, чтобы не вводить меня в соблазн, и пошлют мне любезное письмо. В нем будет говориться, что я — абсолютный монарх цивилизованного народа, у меня есть дворцы, рабы, виноградники, шуты, повара, наложницы, охотничьи угодья — и все это в неограниченных количествах. Чем же я недоволен? Нет, Мэнс, эту проблему придется решать только нам вдвоем.

Эверард сжал руки в кулаки с такой силой, что почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

— Ты хочешь от меня чертовски многого, Кейт, — медленно проговорил он.

— Я просто прошу тебя обдумать все возможности, и, клянусь Ариманом, ты это сделаешь!

Его пальцы опять впились в плечи Эверарда: это завоеватель Востока отдавал приказ. Прежний Кейт никогда бы не разговаривал таким тоном, отметил про себя Эверард, начиная злиться, и подумал: «Если ты не вернешься и Синтия узнает, что ты не сможешь вернуться... она явится к тебе сама, а еще одна чужестранка в гареме царя никак не сможет повлиять на ход истории. Но ес-

ли я представлю доклад в Главное управление до того, как увижу ее, доложу, что проблема неразрешима, а это не подлежит сомнению... Что ж, тогда посещение эпохи Кира будет под запретом, Синтия никогда не сможет попасть к тебе».

— Я не раз сам думал об этом, — более спокойным тоном продолжал Денисон. — И я не хуже тебя понимаю все сложности. Но послушай, я могу показать тебе пещеру, где находился мой скуттер несколько часов, пока меня не схватили. Ты сможешь вернуться туда к моменту, когда я появлюсь, и предупредить меня.

— Нет, — сказал Эверард. — Это отпадает. По двум причинам. Во-первых, закон, причем весьма мудрый закон, запрещает делать это. Правда, иногда бывали исключения, но тут вступает в силу вторая причина: ты — Кир. Они не пойдут на то, чтобы уничтожить будущее ради спасения одного человека.

Сделал бы я это ради спасения одной женщины? Не уверен... Надеюсь, нет. Синтии вовсе ни к чему знать все факты. Будет куда лучше, если она вообще ничего не узнает. Я могу использовать свой авторитет агента с правом свободных действий, чтобы эти сведения не пошли дальше Главного управления, и не говорить ей ничего, разве только что Кейт умер при обстоятельствах, которые вынудили нас запретить путешествия во времени в эту эпоху. Она, конечно, погорюет какое-то время, но она слишком молода и здорова, чтобы скорбеть всю жизнь... Правда, это непорядочно. Но разве лучше будет позволить ей жить здесь в качестве рабыни и делить своего любимого по меньшей мере с десятком царских дочерей, на которых он был вынужден жениться из политических соображений? Не лучше

ли для нее будет все позабыть и начать жизнь заново, среди своих соотечественников?

— Ясно, — сказал Денисон. — Я просто хотел быть до конца уверен, что это отпадает. Но должен же быть какой-нибудь другой выход. Послушай, Мэнс, шестнадцать лет назад создалась ситуация, послужившая причиной всего того, что произошло впоследствии, но ведь это случилось не из-за человеческого каприза, а по самой логике событий. Допустим, я бы не появился. Разве Гарпаг не нашел бы другого Кира? Кто именно стал великим царем — не имеет ровно никакого значения. Другой Кир вел бы себя совершенно не так, как я, во множестве повседневных деталей. Естественно. Но, если только он не был бы безнадежным болваном или маньяком, а достаточно разумным и порядочным человеком — надеюсь, ты не станешь отрицать за мной этих качеств, — его поведение во всех важных событиях не отличалось бы от моего. Я имею в виду поступки и события, отраженные в истории. Ты знаешь это не хуже меня. За исключением нескольких критических моментов, время всегда стремится вернуться на круги своя. Небольшие различия с годами исчезают и забываются — это и есть негативная обратная связь. Только в ключевые моменты может возникнуть позитивная обратная связь, и прошлые события с годами возрастают в своем значении и последствиях, вместо того чтобы исчезнуть. Ты ведь знаешь все это.

— Конечно, — сказал Эверард. — Но ты же сам признавал, что твое появление в пещере и было таким критическим ключевым моментом. Именно твое появление навело Гарпага на мысль о Кире. Без этого... Я хорошо представляю себе, как развалилась бы мидийская империя: либо ее завоевала бы Лидия, либо варвары, потому что у персов

не было бы царя, имевшего божественное право властвовать ими по рождению... Нет, я не появлюсь в пещере в тот момент, если не получу разрешения по меньшей мере самого данеллианина.

Денисон бросил на него взгляд поверх края чаши, потом поставил ее на стол, по-прежнему не спуская с Эверарда глаз.

— Ты не хочешь, чтобы я вернулся, верно?

Эверард вскочил со скамьи. От резкого движения чаша выпала из его рук и со звоном упала на пол. Вино растеклось, как кровь.

— Замолчи! — крикнул он.

Денисон кивнул головой.

— Я — царь. Стоит мне пальцем шевельнуть, и стража разорвет тебя на куски.

— Превосходный способ заручиться моей поддержкой, — буркнул Эверард.

Денисон вздрогнул. Секунду-другую он сидел неподвижно, затем сказал:

— Извини. Ты не можешь себе представить, что я испытал... Да, да, жизнь моя здесь была не так уж плоха. Даже интереснее, чем у большинства, а когда тебя почитают божеством, со временем это даже начинает нравиться. Наверное, поэтому я через тринадцать лет ввяжусь в бой за Яксартом; ведь у меня не будет иного выхода: все мои храбрецы будут смотреть на своего повелителя. Черт возьми, может, оно и стоит того. — Он растянул губы в улыбке. — Что же касается моих наложниц, то некоторые из них могут свести мужчину с ума. И у меня есть Кассандана. Я сделал ее своей старшей женой, наверное, потому, что она чем-то напоминает мне Синтию. Трудно сказать, ведь прошло столько времени. Возвращение в двадцатый век для меня нереально. Поверишь ли, езда на горячей лошади доставляет куда больше удовольствия, чем

гонка в спортивном автомобиле!.. А кроме того, я знаю, что творю здесь полезное дело, — не каждому дано знать это о себе... Прости, что не сдержался. Я верю, ты бы помог, если бы только смел. Но ты не смеешь, и я не упрекаю тебя, и тебе не зачем меня жалеть.

— Прекрати это! — простонал Эверард.

Он почувствовал, будто мозг его разрывается на части в абсолютной пустоте. Сквозь переплетение беседки он видел статую на крыше: юноша убивает быка — это был символ Человека и Солнца. За колоннами и виноградными лозами стояли стражники в кожаных доспехах с луками наготове. Лица их казались вырезанными из дерева. Видно было и то крыло здания, где находился гарем и где сотня, а может быть, и тысяча молодых женщин считали за счастье проводить время вождании случайной прихоти своего царя. За городскими стенами лежали возделанные поля, где крестьяне готовили жертву земле-матери. Люди поклонялись ей еще в те времена, когда пришли индоевропейцы, а это произошло в далеком туманном прошлом. Далеко за городом будто парили в небе горы, где водились волки, львы, кабаны и скрывались демоны. Этот мир был совсем чужим.

Эверард считал, что годы службы в Патруле дали ему достаточную закалку и готовность воспринимать все чужое, но сейчас он почувствовал острое желание сбежать в свой собственный век, к своему народу, скрыться там и все позабыть. Он осторожно сказал:

— Я должен посоветоваться кое с кем. Придется детально проверить весь период — вдруг появится какая-нибудь зацепка... Я недостаточно компетентен, чтобы справиться с этим в одиночку, Кейт. Мне надо вернуться обратно к себе и все об-

говорить. Если мы что-нибудь придумаем, я вернусь... в эту же ночь.

— Где твой скуттер? — спросил Денисон.

Эверард махнул рукой.

— Там, в холмах.

Денисон погладил бороду.

— Точнее ты мне не скажешь, а? Что ж, это разумно. Я не уверен, что доверил бы себе самому, если бы знал, где машина времени.

— Я имел в виду вовсе не это! — вскрикнул Эверард.

— А, неважно. Не будем ссориться еще и по этому поводу.

Денисон вздохнул.

— Конечно, отправляйся домой и посмотри, что можно сделать. Тебе нужна охрана?

— Лучше не надо. Это ведь не обязательно?

— Нет. У нас здесь безопаснее, чем в Центральном парке в Нью-Йорке.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

Эверард протянул руку.

— Только верни мне патрульную лошадь. Она специально обучена, и мне бы не хотелось ее потерять.

Их взгляды встретились.

— Я вернусь, Кейт. Сам. Каково бы ни было решение.

— Ладно, Мэнс, — сказал Денисон.

Они вместе покинули беседку, чтобы беспрепятственно пройти мимо застывших при появлении царя стражников и часовых у ворот. Денисон указал на дворцовую спальню и сказал, что будет ждать Эверарда там всю неделю каждый вечер.

Затем Эверард облобызal ногу Кира и, когда великий царь удалился, сел на лошадь и медленно выехал из ворот дворца.

Он чувствовал себя усталым и совершенно опущенным. Сделать было ничего нельзя, а он обещал вернуться самолично и сообщить царю его приговор.

8

Эверард ехал среди холмов, где над бурными холодными ручьями хмурились кедры, и боковая дорога, на которую он свернул, вела вверх и была хорошо наезжена. В засушливом Иране в те времена еще попадались такие леса. День близился к концу. Его лошадь явно устала и ступала тяжело. Хорошо бы найти какую-нибудь хижину пастуха и попросить пристанища, чтобы дать животному отдохнуть. Но тогда уже будет поздно. Нет! Сейчас полнолуние, и, если потребуется, он лучше пойдет пешком, лишь бы добраться до скуттера к восходу солнца. Ему было не до сна.

Лужайка, покрытая высокой, уже пожелтевшей травой и спелыми ягодами, так и манила отдохнуть. Последний раз он ел рано утром, но в седельных сумках у него была еда и мех с вином. Он сдавил бока лошади и свернулся с дороги.

Неожиданно что-то привлекло его внимание. Вдалеке, на дороге, низкое солнце осветило облако пыли. Оно становилось все больше, росло прямо на глазах. Несколько всадников, решил он, изо всех сил гнавших коней. Царские вестники? Но почему они спешат в этом направлении? Ему стало не по себе. Он надел подшлемник, пристегнул шлем, повесил на руку щит и высвободил из ножен короткий меч. Скорее всего, всадники просто проскачут мимо, и все же...

Сейчас он хорошо рассмотрел, что их было восемь. Кони были хорошие, а последний всадник вел

на поводу еще свежих лошадей. Коней успели загнать: видно, скакали они давно — пот стекал струйками по их запыленным бокам, гривы прилипли к шеям. Всадники были одеты в широкие белые штаны, рубахи, сапоги, плащи и высокие шляпы без полей — явно не приближенные царя, не профессиональные воины, но и не бандиты. Они были вооружены мечами, луками и арканами.

И тут Эверард узнал седобородого человека, скакавшего впереди. Его как обухом по голове ударило: Гарпаг!

Сквозь летучее облако пыли он ясно видел всадников: даже для древних персов вид у них был устрашающий.

— Ого, — сказал Эверард вслух. — Все ясно.

Он даже не испугался — не было времени, надо было быстро обдумать положение и искать выход. У Гарпага не могло быть иной причины для бешенного галопа в горах, кроме поимки грека Меандра. Естественно, во дворце, полном доносчиков и болтунов, Гарпаг не позднее чем через час узнал, что царь говорил с чужеземцем, как с равным, на незнакомом языке, а потом отпустил его обратно на север. Немного больше времени хилиарху понадобилось, чтобы придумать причину, позволившую ему покинуть дворец, собрать воинов из своей личной охраны и броситься в погоню. Почему? Потому что «Кир» когда-то появился среди этих же холмов на какой-то неизвестной штуке, которую Гарпаг мечтал захватить. Мидиец был отнюдь не глуп и явно не поверил истории, которую тогда сплел для него Кейт. Он вполне допускал, что рано или поздно из страны царя явится другой волшебник, и уж на сей раз он, Гарпаг, не допустит, чтобы чудесная повозка так легко выскользнула из его рук.

Эверард более не медлил. Всадники были всего в сотне ярдов от него. Он видел глаза Гарпага, сверкавшие из-под кустистых бровей. Пришпорив лошадь, Эверард свернулся с дороги и поскакал прямо через луг.

— Стой! — закричал позади него знакомый голос.— Остановись, грек!

Эверард погнал свою усталую лошадь рысью. Кедры бросали на него свои длинные тени.

— Стой или будем стрелять!.. Стой!.. Стреляйте! Только не убивать! Стреляйте по коню!

На опушке леса Эверард соскочил с седла. Сзади послышались зловещее жужжание стрелы и тяжелый топот. Лошадь заржала. Эверард оглянулся — бедное животное упало на колени. Черт побери, они заплатят за это! Но он был один, а их — восемь! Он поспешил под защиту деревьев. Стрела, просвистев мимо его левого плеча, вонзилась в ствол.

Он побежал, пригибаясь, петляя из стороны в сторону в холодных сгущающихся сумерках, наполненных запахом трав, радуясь, что мягкая, покрытая хвоей земля поглощала звук его шагов. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Жаль, что кустарник рос очень редко, можно было бы воспользоваться каким-нибудь индейским приемом и укрыться в кустах. Персов не было видно. Почти наугад они пытались проехать за ним верхом. Треск ломающихся кустов и громкие ругательства за его спиной говорили о том, что это дается им нелегко.

Скоро они, по-видимому, спешились. Эверард прислушался. Где-то вдалеке журчала вода... Он двинуллся в направлении этого журчания, вверх по крутым склону холма, покрытому большими валунами. Его преследовали не беспомощные новички-горожане, подумал он. По крайней мере неко-

торые из них были горцами, умеющими прочитать малейший его знак на земле. Ему нужно сбить их со следа — тогда можно будет спрятаться и переждать, пока Гарпаг не вынужден будет вернуться к своим дворцовым обязанностям. Эверард тяжело дышал. За его спиной слышались резкие голоса, вероятно, было принято какое-то решение, но персы находились слишком далеко, и он не мог расслышать, какое именно. К тому же кровь слишком громко стучала у него в висках.

Если Гарпаг посмел напасть на гостя самого царя, он, естественно, не рассчитывал, что тому удастся когда-нибудь пожаловаться на это царю. Плен и пытки — пока он не откроет им, где находится скуттер и как он действует, а в конце программы — в порядке милосердия — нож в горло.

«Черт побери, — подумал Эверард, слыша бешеный стук своего сердца, — я изгадил эту операцию до такой степени, что теперь ее можно включить в учебник в качестве примера, как не должен поступать патрульный. И все потому, что не надо столько думать о некой женщине, чужой женщине, чтобы эти мысли не заставили тебя забыть об элементарных предосторожностях».

Он вышел на высокий берег. Внизу, под его ногами, по направлению к долине протекала речушка. Они, конечно, увидят, что он здесь был, но им придется гадать, куда он пошел — вверх или вниз по течению... Кстати, куда же лучше? Сначала он пошел вниз по реке; тина и скользкая грязь холдили ноги. Нет, лучше все-таки идти вверх по течению. Во-первых, так будет ближе к скуттеру, а во-вторых, Гарпаг, вернее всего, подумает, что он отправился вниз по течению, чтобы вернуться назад, к царю.

Камни речушки ранили его ноги, и вода леде-

нила их. Деревья стеной поднимались вдоль обоих берегов, наверху виднелась только быстро темневшая, узкая полоска неба. В вышине парил орел. Становилось все холоднее. Но ему повезло: речушка петляла, как змея в бреду, и Эверард почти сразу же, скользя и спотыкаясь, исчез за поворотом.

«Я пройду милю-другую, — подумал он, — может, там окажется ветка, за которую можно ухватиться. Если сумею вылезти, то окончательно запутаю следы».

Медленно текли минуты.

«Доберусь до скуттера, а потом обращусь в Главное управление и попрошу помохи. Черт побери, конечно, никакой помохи от них не будет. Почему бы не пожертвовать одним человеком, чтобы обеспечить собственное спокойное существование и благоденствие? Так что Кейт застрянет здесь еще на тринадцать лет, пока его не убьют варвары. Но через тринадцать лет Синтия все еще будет молода и, пережив все ужасы изгнания, точно зная дату смерти мужа, останется совсем одна в запрещенной для путешествия во времени эпохе, при запуганном дворе безумного Камбиса II... Нет, необходимо скрыть от нее правду, удержать ее дома, сказать, что Кейт мертв. Он и сам хочет, чтобы я так поступил. А через год или два она опять будет счастлива, я сумею научить ее быть счастливой».

Он не замечал, как острые камни изразили его обутые в тонкие сандалии ноги, как неверен его шаг и как сильно шумит вода. Но вот он подошел к повороту речушки... и увидел персов.

Их было двое. Они брали вниз по течению. Видимо, его поимке придавали большое значение, коль скоро персы решились пренебречь религиозным запретом относительно осквернения речных вод. Сверху, по обоим берегам шли еще двое, про-

чесывая лес. В одном из них Эверард узнал Гарпага. Персы со свистом вытащили длинные мечи из ножен.

— Стой! — вскричал Гарпаг. — Стой, грек, сдавайся!

Эверард остановился как вкопанный. Вода журчала по его ногам. Те двое, что шли по реке на встречу ему в этом колодце темноты, казались призраками: их лиц не было видно. Выделялись только белая одежда и мерцающие лезвия мечей. Эверард вздрогнул: он понял, что преследователи, видя, как он вошел в воду, разделились — одни направились вниз по реке, другие — вверх, передвигаясь по твердой земле быстрее, чем он по воде. Пробежав дальше, чем он мог дойти за это же время, они повернули назад и пошли медленнее, так как река петляла, зато уверенные, что добыча от них не укользнет.

— Взять живым, — твердил Гарпаг. — Можете ранить его в ноги, если придется, но возьмите живым!

Эверард зарычал от ярости и повернулся лицом к берегу.

— Ну подожди, же негодяй! — по-английски сказал он. — Ты сам напросился!

Двое воинов, что брали по реке, с криком бросились вперед. Один поскользнулся и упал лицом в воду. Воин, двигавшийся вдоль берега, съехал вниз по склону.

Береговой склон был покрыт скользкой грязью. Эверард вонзил в нее нижний конец щита, оперся на него и с трудом выбрался из воды. Гарпаг, ожидавший этого момента, не торопясь двинулся вперед. Лезвие в руке мидийца сверкнуло, обрушиваясь на Эверарда сверху. Он наклонился, подставляя шлем, который погнулся, но выдержал удар.

Меч соскользнул со шлема и задел правое плечо, к счастью, не очень сильно. Эверард почувствовал небольшое жжение, но уже через секунду ему стало некогда разбираться в своих ощущениях.

Он понимал, что не сумеет справиться со всеми нападавшими. Но они дорого заплатят за его смерть!

Эверард упал на траву и поднял щит как раз вовремя, чтобы парировать удар в лицо. Гарпаг сделал выпад, пытаясь достать его ноги. Эверард и этот удар парировал своим коротким мечом. Сталь мидийца со свистом рассекла воздух. Но при близком бою легко вооруженный перс не имел никакого шанса против греческого вооружения, что истории предстояло доказать двумя поколениями позже. «О господи, — подумал Эверард, — будь у меня панцирь и наколенники, я бы справился со всеми четырьмя!»

Он искусно прикрывался щитом, отражая выпады и удары и стараясь как можно ближе подойти к Гарпагу, чтобы тот не мог действовать своим длинным мечом и сам оказался не защищенным от меча Эверарда. Хилиарх усмехнулся в седую бороду и отскочил назад. Тянет время, конечно. Так и есть. Еще трое воинов вскарабкались на берег и с криком побежали к ним. Атака была беспорядочной. Умелые воины каждый по отдельности, персы никогда не могли научиться организованной массовой дисциплине европейцев, за что и поплатились при Марафоне и Гавгамелах. Но вчетвером против одного, да еще не одетого в латы они имели все шансы на успех.

Эверард прислонился спиной к дереву. К нему беспечно подбежал перс, и вот уже его меч зазвенел о щит Эверарда. Клинок американца сверкнул из-за бронзового овала щита и с трудом вошел во

что-то мягкое. По прежнему опыту Эверард знал это ощущение. Он быстро вытащил клинок и отскочил в сторону. Истекающий кровью воин медленно осел на землю и, застонав, обратил лицо к небу.

Остальные преследователи были уже рядом с Эверардом — по одному с каждой стороны. Нависающие кусты не давали персам возможности воспользоваться арканом. Придется им вступить в открытый бой. Патрульный отразил щитом нападение слева. Тем самым он приоткрыл правую сторону груди, но, так как был приказ взять его живым, он мог себе это позволить. Солдат справа пытался подсечь Эверарду ноги. Тот подпрыгнул, и меч просвистел под ним. Теперь воин слева ударили ниже. Эверард ощутил боль и увидел, что в ногу воензилось лезвие. Он отдернул ногу. Луч заходящего солнца проник сквозь густую хвою и тронул лужу крови, она блеснула неправдоподобно алым цветом. Эверард почувствовал, как раненая нога начинает подгибаться.

— Так, так, — возбужденно выкрикивал Гарпаг, — рубите его!

Уклоняясь от очередного удара и слегка опустив щит, Эверард крикнул в ответ:

— Рубите! Сам-то ты на это не решаешься, трусивый шакал! У вашего предводителя духу не хватает сразиться со мной самолично. Ведь он уже раз бежал от меня, поджав хвост!

Расчет оказался правильным, атака персов немедленно прекратилась. А Эверард продолжал, не давая им опомниться:

— Уж если вы, персы, должны быть собаками мидийца, неужели вы не могли найти такого, который хоть немного напоминал бы мужчину, а не это-

го шакала, который предал своего царя, а сейчас бежит от одного-единственного грека?

Даже в такой удаленности от Запада и в такое давнее время ни один человек Востока не мог решиться «потерять лицо» в подобных обстоятельствах. Гарпаг был далеко не трус: Эверард знал, сколь несправедливы его упреки. Но хилиарх уже кинулся к нему, осыпая его проклятиями. На какой-то миг Эверард увидел дикие, полные ненависти глаза на худом лице с ястребиным носом, но тут же повернулся боком и, подволакивая ногу, выступил вперед. Двое воинов на секунду заколебались; этого оказалось достаточно, чтобы Эверард и Гарпаг встретились. Меч мидийца взлетел и упал, отскочив от греческого щита и шлема Эверарда, и скользнул к его ноге. Перед глазами Эверарда мелькнула белая туника мидийца. Чуть подняв плечи, американец сделал выпад своим коротким мечом и вонзил его в грудь Гарпага.

Он вытащил меч, слегка повернув его привычным движением профессионала, обеспечивающим смертельную рану, затем развернулся на правой ступне и отразил щитом удар одного из воинов. Эверард и перс мгновение в ярости смотрели друг на друга. Потом Эверард краешком глаза увидел, что еще один воин пытается зайти ему за спину. «Что ж, — мелькнула у него смутная мысль, — по крайней мере одним опасным человеком для Синтии меньше...»

— Стой! Стойте!

Голос прозвучал слабо, тише журчания ручейка, но воины отступили и опустили мечи. Даже умирающий перс отвел неподвижный взгляд от неба.

Гарпаг пытался подняться и сесть в луже собственной крови. Его лицо посерело.

— Нет... постой... — прошептал он. — Подожди. В этом есть своя цель. Великий Митра не дал бы мне умереть, если бы...

Как ни был он слаб, Гарпаг сумел величественно подозвать Эверарда движением руки.

Эверард отбросил меч, хромая подошел к Гарпагу и опустился рядом с ним на колено. Мидиец откинулся ему на руки.

— Ты из страны царя, — прошептал Гарпаг в окровавленную бороду. — Не отрицай, я знаю. Но знай и ты, что Аурвагауш, сын Кшаяварша, не предатель.

Мускулы его лица напряглись, как бы повелевая смерти подождать, пока он не совершил задуманного.

— Я знаю, что есть силы и могущество — от богов ли, от дьявола, до сих пор не понимаю, — но они есть в стране царя. И только они сделали возможным его появление здесь. Я использовал их, использовал его; не для себя, но потому, что поклялся в верности своему царю Астиагу, а ему был нужен... Кир... чтобы государство не распалось. Потом из-за своей жестокости Астиаг не имел больше права на мою верность. Но я все еще оставался мидийцем. Я видел в Кире единственную надежду, надежду на лучшее будущее Мидии. Потому что он был хорошим царем и для нас тоже — вторыми после персов почитались мидийцы в его государстве... Понимаешь ли ты это, человек из страны царя?

Мутнеющие глаза пытались поймать взгляд Эверарда, но тщетно.

— Я хотел взять тебя в плен, выпытать, где спрятана и как работает твоя повозка, а затем убить тебя... это правда... но не ради себя. Для блага государства. Я боялся, что ты заберешь царя

в его страну, ведь я знал, что он этого хочет. И что тогда станет с нами? Будь милосерден, ведь и тебе когда-нибудь понадобится милосердие.

— Не бойся, — сказал Эверард. — Царь останется здесь.

— Хорошо, — выдохнул Гарпаг. — Я верю, что ты говоришь правду... я не смею думать иначе... Но тогда... значит, я искупил свою вину? — еле слышно спросил он с тревогой в голосе. — За то убийство по приказу моего повелителя, когда я положил беспомощного младенца на вершину холма и смотрел, как он умирает, — искупил ли я свою вину, человек из страны царя? Потому что из-за смерти царевича... наше государство чуть не погибло... но я нашел другого Кира! Я спас всех нас! Искупил ли я свою вину?

— Да, — сказал Эверард и подумал о том, имеет ли какую-нибудь силу данное им отпущение грехов.

Гарпаг закрыл глаза.

— Тогда оставь меня, — сказал он, и это произвучало как слабое эхо команды.

Эверард осторожно опустил его на землю и заковылял в сторону. Два перса склонились над своим господином, исполняя какой-то ритуал. Умирающий воин вернулся к своей молитве. Эверард сел под деревом, разорвал часть плаща на полосы и принял перевязывать свои раны. Да, нога потребует серьезного лечения. Только бы добраться до скуттера. Это будет нелегко, но он как-нибудь перебьется, а врачи Патруля вылечат его за несколько часов с помощью медицинских средств, которые появятся в будущем, даже много позже, чем его собственная эпоха. Ему придется отправиться в какое-нибудь отделение в малоизвестном ареале, чтобы избежать вопросов, которых будет слишком

много в двадцатом веке. А он не может себе позволить подобные разговоры. Если только в Главном управлении узнают, что он замыслил, надо полагать, ему и думать об этом запретят.

Ответ пришел к нему не как озарение, а скорее, как убеждение, которое подсознательно зрело уже давно. Он откинулся назад, переводя дыхание. К месту боя подошли еще четыре воина, им сказали, что произошло. Никто из них не обращал на Эверарда внимания, они лишь бросали на него взгляды, в которых страх боролся с гордостью, и незаметно делали знаки, отгоняя злые силы. Затем воины подняли мертвого начальника и умирающего товарища и понесли их в лес. Сгущались сумерки. Где-то проухал филин.

9

Великий царь сел на постели. За занавесками послышался легкий шум.

Кассандана, царица, неслышно зашевелилась. Тонкая рука скользнула по его лицу.

— Что там такое, о солнце моего счастья? — прошептала она.

— Не знаю.

Он пошарил под подушкой, где у него всегда лежал короткий меч.

— Ничего.

Ее ладонь скользнула по его груди.

— Нет, солнце моей души, — прошептала она, внезапно задрожав. — Что-то случилось. Твое сердце бьется, как барабан войны.

— Оставайся здесь.

Он встал с постели и откинул тяжелый полог.

Лунный свет лился с иссиня-голубого неба и падал на пол сквозь сводчатое окно. Он почти сле-

пил, отражаясь от бронзового зеркала. Воздух ходил обнаженное тело.

Какой-то черный металлический предмет, на котором находился человек, осторожно дотрагивавшийся до тумблеров на пульте управления, внезапно, как тень, возник в воздухе.

Предмет беззвучно опустился на ковер, и человек сошел с него. Он был в шлеме и греческой тунике, крепко сложен и высок ростом.

— Кейт, — прошептал он.

— Мэнс!

Денисон выступил из темноты в лунный свет.

— Ты вернулся!

— Да не может быть! — иронически усмехнулся Эверард. — Скажи, нас могут подслушать? Не думаю, чтобы меня заметили. Материализовался прямо над крышей и спустился на антигравитаторе.

— За дверью стража, — сказал Денисон. — Но они не войдут, пока я не ударю в гонг или не крикну.

— Хорошо. Одевайся.

Денисон выронил меч. Секунду он стоял, не двигаясь, затем у него вырвалось:

— Ты нашел выход?

— Возможно, возможно...

Эверард отвел глаза и принялся выстукивать дробь на панели управления.

— Послушай, Кейт, — сказал он, наконец. — Я тут кое-что придумал, но из этого может ничего не получиться. Мне нужна твоя помощь. Если все выйдет, как задумано, считай, что ты дома. Главное управление будет поставлено перед свершившимся фактом и закроет глаза на какое-то там нарушение правил. Если же затея сорвется, тебе придется вернуться сюда, в эту самую ночь и

жить жизнью Кира до самой смерти. Способен ли ты пойти на это?

Денисон дрожал сильнее, чем в лихорадке.

— Наверно, — еле слышно ответил он.

— Я сильнее тебя, — напомнил Эверард, — и у меня с собой современное оружие. Если будет нужно, я доставлю тебя назад связанным. Пожалуйста, не заставляй меня прибегать к этому.

Денисон глубоко вздохнул.

— Не заставлю.

— Тогда остается надеяться, что боги будут на нашей стороне. Одевайся. Я объясню тебе все по дороге. Скажи этому году «прощай», и будем надеяться, что не «до свиданья», потому что, если все получится, ты его никогда больше не увидишь, да и никто другой тоже.

Денисон, направлявшийся в угол комнаты, где находилась его одежда, которую до утра должен был прибрать раб, остановился на полдороге.

— Что?!

— Мы попробуем переписать историю, — сказал Эверард. — Или, быть может, восстановить ее в том виде, как она существовала на самом деле. Не знаю. Пошевеливайся!

— Но...

— Говорю тебе, одевайся! Отдаешь ли ты себе отчет, что я появился здесь в тот же самый день, когда уехал отсюда, что в эту минуту я, раненный в ногу, карабкаюсь по холмам, только бы выкроить для тебя лишнее время? Быстрее!

Денисон принял решение. Лицо его находилось в темноте, но голос прозвучал твердо, хоть и негромко.

— Я должен проститься с одним человеком.

— Что?

— С Кассанданой, моей женой. Она была со

мной... боже, уже четырнадцать лет! Она родила мне троих детей и выхаживала меня, когда я дважды умирал от лихорадки и сотни раз от отчаяния, а однажды, когда мидийцы находились у ворот Пасаргад, она повела за собой женщин, и они вдохновили нас на сражение и победу... Дай мне пять минут, Мэнс.

— Ну хорошо, хорошо. Правда, за пять минут до нее и евнух дойти не успеет...

— Она здесь.

Денисон скрылся за пологом ложа.

Эверард так и остался стоять, пораженный.

«Ты ждал меня сегодня ночью, — подумал он, — и ты надеялся, что я смогу вернуть тебя Синтии, и все же ты послал за Кассанданой».

А потом, когда пальцы его онемели оттого, что он все крепче сжимал рукоять меча, внутренний голос сказал ему: «Заткнись, Эверард, ты просто лицемер и самодовольный ханжа».

Денисон вернулся быстро. Он оделся в полном молчании и сел на заднее сиденье скуттера.

Эверард включил тумблер пространства, скакок — и комната исчезла, теперь перед ними простирались освещенные луной холмы. Холодный ветер продувал путешественников насеквоздь.

— А сейчас — в Экбатану.

Эверард включил освещение и принял манипулировать контрольными рукоятями, сверяясь с записями в блокноте.

— Эк... О, ты имеешь в виду Хамадан? Старую столицу Мидии?

В голосе Денисона звучало удивление.

— Но ведь сейчас это просто летняя резиденция царей.

— Я имею в виду Экбатану тридцать шесть лет назад, — сказал Эверард.

— Что?

— Слушай. Все историки будущего категорически утверждают, что рассказ о детстве Кира в изложении Геродота и самих персов — чистая легенда. Что ж, возможно, они и правы. Возможно, то, что произошло здесь с тобой, — просто одно из тех искривлений пространства-времени, которые Патруль так тщательно старается исправить.

— Понятно, — медленно произнес Денисон.

— Ты бывал в свите Астиага достаточно часто, пока еще оставался его вассалом. Ты будешь указывать мне путь. Старик нам нужен самолично, предпочтительно один, и ночью.

— Шестнадцать лет — долгий срок, — сказал Денисон.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если ты все равно хочешь изменить прошлое, зачем я нужен тебе именно сейчас? Ты можешь отправиться в то время, когда я правил всего год — достаточно для того, чтобы знать все относительно Экбатаны, но...

— Нет. Прости. Я не смею. Мы и так чертовски рискуем. Одному господу богу ведомо, к чему может привести вторичный эффект, который возникнет в мировой истории при таком изменении событий. Даже если у нас все получится, Патрулю ничего не стоит сослать нас обоих на отдаленную планету только за то, что мы пошли на подобный риск.

— Да... я понимаю.

— К тому же, — продолжал Эверард, — ты ведь не самоубийца! Ты что, и в самом деле хочешь, чтобы тебя, такого, какой ты есть в эту минуту, никогда не существовало?

Он закончил программирование на панели управления. Денисон, сидевший сзади, вздрогнул.

— Великий Митра! — произнес он. — Ты прав. Хватит говорить об этом.

— Тогда поехали.

С этими словами Эверард нажал кнопку главного переключателя.

Скуттер завис над незнакомым городом, окруженным крепостной стеной. Ночь была лунная, однако город терялся во тьме. Эверард порылся в сумках, притороченных к сиденью.

— Возьми, — сказал он. — Надень этот костюм, я тоже переоденусь. Ребята из отделения в Монхенджодаро подогнали их под наши размеры. Там, во втором тысячелетии до нашей эры, им самим приходится частенько так переоблачаться, ситуации возникают всякие...

Скуттер, разрезая ветер, повернул к востоку. Денисон показал Эверарду рукой вниз.

— Вот дворец. Царская опочивальня в восточном крыле.

Под ними виднелось массивное, менее изящное здание, чем дворец персидского царя в Пасаргадах. Эверард заметил среди осенней листвы белые скульптуры двух крылатых быков, оставшихся от ассирийцев. Окна были слишком узкие, в них невозможно влететь. Эверард выругался и направил машину к ближайшему входу. Двое конных стражников взглянули вверх и, увидев, что приближается к ним, завопили от ужаса. Лошади встали на дыбы и сбросили всадников. Скуттер разнес дверь в щепки. Еще одно чудо никак не повлияет на ход истории, ибо в эти века люди так же истово верили в чудеса, как в его, Эверарда, собственную эпоху — в витамины, и, возможно, с куда большим основанием. Они проехали по длинному коридору, освещенному светильниками, отбрасывающими на стены тусклый свет, мимо перепуганной насмерть

стражи к царской опочивальне. Здесь Эверард вытащил меч и постучал эфесом в дверь.

— Теперь давай ты, Кейт, — шепнул он. — Ты лучше знаешь и мидийскую речь, и как с ними обращаться.

— Открывай, Астиаг! — загремел Денисон. — Открывай посланцам великого Ахурамазда!

К немалому удивлению Эверарда, человек за дверью послушно исполнил приказание. Царь Астиаг отличался не меньшей храбростью, чем любой из его подданных, но, когда этот коренастый мужчина средних лет с грубым лицом увидел перед собой двух существ в переливающейся одежде, с сиянием вокруг головы и крыльями за спиной, излучавшими свет, восседающими в воздухе на железном троне, он распростерся перед ними ниц.

Кейт заговорил громовым голосом ярмарочного прорицателя на диалекте, которого Эверард не понимал.

— О бесславный сосуд порока, проклятье небес пало на твою голову! Нежели ты думаешь, что самые сокровенные твои мысли, хоть и прячешь ты их во тьме, их породившей, могут скрыться от всевидящего ока? Неужели ты возомнил, что великий Ахурамазда допустит, чтобы свершилось подлое зло, которое ты замыслил?..

Эверард перестал слушать, поглощенный собственными мыслями. Гарпаг был, вероятно, где-то в этом же городе, в расцвете сил и еще неповинный в преступлении. Теперь ему более не придется нести всю жизнь тяжкий крест. Он никогда не оставит ребенка на вершине холма и, опервшись на копье, не будет ждать, когда стихнут его крики и плач. Он, конечно, взбунтуется в будущем, но уже по другим причинам и станет хилиархом Кира, но не умрет от руки врага в дремучем лесу; и какой-то перс,

чьего имени Эверард не знал, тоже не умрет от греческого короткого меча, пронзившего его насеквость.

«Но воспоминание о тех двух людях, что пали от моей руки, останется в клеточках моего мозга, на моей ноге всю жизнь будет виден тонкий белый шрам. Кейту Денисону сорок семь лет, и он научился думать и повелевать, как царь».

— ...Знай же, Астиаг, что этот ребенок, Кир,— избранник небес. Небеса милосердны. Ты получил знак. И если ты возьмешь на душу этот грех и прольешь кровь невинного младенца, тебе ее никогда не смыть! Оставь Кира в его родном Аншане, или ты будешь гореть в вечном огне с Ариманом. Митра сказал свое слово!

Астиаг, простертый у их ног, бился головой о пол.

— Поехали,— сказал Денисон по-английски.

Эверард поставил программатор на тридцать шесть лет вперед. Лунный свет освещал ручей в горах Древней Персии и кедры вдоль дороги. Было холодно. Где-то завывал волк.

Эверард посадил скуттер, спрыгнул с него и начал высвобождаться из одежды. На бородатом лице Денисона застыло странное выражение.

— Знаешь,— сказал он,— я опасаюсь...

Голос его будто растаял в окружающей тишине.

— Я опасаюсь, Мэнс, не слишком ли мы его напугали? В истории записано, что Астиаг три года воевал с Киром, когда персы восстали.

— Мы всегда можем вернуться назад, скажем к самому началу войны, и устроить ему видение, которое побудит его сопротивляться восставшим,— сказал Эверард, с трудом стараясь сохранить здравый смысл.— Но надеюсь, этого не понадобится. Он не тронет царевича сейчас, однако, когда его

подданные восстанут, он достаточно разъярится для того, чтобы забыть сегодняшний далекий сон. Да и его приближенные, мидийская знать, вряд ли разрешат ему сидеть сложа руки. Впрочем, это можно проверить. Разве в день зимнего солнцестояния царь не устраивает пышного праздника?

— Да. Поехали. Быстро!

И внезапно в вышине над ними зажглось солнце. Они спрятали скуттер и пошли пешком в Пасаргады, влившись в толпу стремившихся на праздник Митры людей. По пути они спрашивали, что случилось, объясняя, что долгое время пробыли в чужих краях. Ответы удовлетворили их до мельчайших деталей, которые не были занесены в анналы истории, но остались в памяти Денисона.

Стоя в многотысячной толпе под холодным голубым небом, они приветствовали Кира, Великого царя, который проезжал со своими приближенными и помощниками — Кобадом, Крезом и Гарпагом. Вслед за ними ехали те, кто составлял гордость и славу Персии — ее сановники и жрецы.

— Он моложе меня, — прошептал Денисон. — Так я и думал. И немного меньше ростом... лицо совсем непохоже, правда? Но он годится.

— Хочешь остаться посмотреть? — спросил Эверард.

Денисон завернулся в плащ. Было холодно.

— Нет, — глухо сказал он. — Домой. Прошло так много времени. Даже если всего этого никогда и не было.

— Ну-ну.

У Эверарда тоже был угрюмый вид, он совсем не походил на счастливого спасителя.

— Да, этого никогда не было, — повторил он.

Кейт Денисон вышел из лифта своего дома в Нью-Йорке. Его несколько удивило, что он забыл, как выглядит этот дом. Он даже не мог вспомнить номера своей квартиры, так что пришлось обратиться к помощи справочника. Детали, детали. Он попытался остановить дрожь в руках.

Синтия открыла дверь, едва он подошел.

— Кейт, — сказала она почти удивленно.

Он не нашелся, что сказать, и только спросил:

— Мэнс предупредил тебя? Он обещал мне, что предупредит.

— Да. Неважно. Я не могла себе представить, что ты так изменился. Но это неважно. О мой дорогой!

Она втащила его в квартиру, закрыла дверь и прижалась к нему.

Денисон оглядел комнату. Он совсем забыл, какая она тесная. И ему всегда был не по душе вкус Синтии в выборе обстановки, но он не спорил с ней.

Уступать женщине, даже спрашивать ее совета — этому ему еще предстояло заново учиться. Будет нелегко.

Она подставила свое заплаканное лицо для поцелуя. Значит, вот как она выглядит! Нет, он не помнил. После стольких лет в его памяти остался только полустертый образ маленькой женщины со светлыми волосами. Он прожил с ней всего несколько месяцев... Кассандрана называла его своей утренней звездой, дала жизнь троим его детям и все четырнадцать лет была готова исполнять любые его желания.

— Ох, Кейт, наконец-то ты дома, — сказал высокий тонкий голос.

«Дома, — подумал он. — Боже правый!».

Роберт Сильверберг

Абсолютно невозможноН*

На детекторе, что стоял в углу небольшой комнаты, засветилась розовая точка. Малер взглянул на грустного путешественника во времени, сидевшего перед ним в громоздком космическом скафандре, и усталым жестом указал на детектор.

— Видите, еще один. Попав на Луну, вы найдете там многих своих коллег. За те восемь лет, что я руковожу Бюро, мне пришлось отправить туда более четырех тысяч человек. Почти по пятьсот в год. Не проходит и дня, чтобы кто-то не посетил наш 2784 год.

— И вы никого не отпустили. Каждый, кто прибыл к вам, тут же отправлялся на Луну. Каждый.

— Да,— твердо ответил Малер, вглядываясь в защитное стекло, скрывавшее лицо пришельца.

Он часто думал о людях, покинувших Землю по его приказу. Взять хотя бы вот этого, маленького роста, хрупкого телосложения, с венчиком седых, мокрых от пота волос. Наверное, ученый, уважаемый человек своего времени, почтенный отец семейства (впрочем, почти все, кто попадал к нему, семьями не обзавелись). Возможно, его знания могли бы принести неоценимую пользу и в двадцать восьмом веке. Возможно, и нет. Но это не имело ровно никакого значения. Так или иначе, его

* Пер. изд.: Silverberg R. *Absolutely Inflexible: Voyagers in Time*. Meredith Press, N. Y., 1968.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

путь, как и путь его предшественников, лежал на Луну, где ему предстояло провести остаток дней в отвратительных, примитивных условиях под куполом.

— Не думаете ли вы, что это жестоко? — спросил старик. — Я прибыл сюда с мирными намерениями, не собираясь причинять вам никакого вреда. Я всего лишь научный наблюдатель из прошлого. Движимый любопытством, я решился на путешествие во времени и не ожидал, что наградой мне будет пожизненное заточение на Луне.

— Весьма сожалею, — Малер встал.

Пора заканчивать разговор, так как его уже ждал следующий гость. Бывали дни, когда они появлялись один за другим. Хорошо еще, что их бывало засекали.

— Но разве я не могу жить на Земле, оставаясь в скафандре? — торопливо спросил путешественник, чувствуя, что его вот-вот выгонят из кабинета. — В этом случае также будет исключен любой контакт с атмосферой.

— Пожалуйста, не усугубляйте моего и без того трудного положения, — ответил Малер. — Я уже объяснял, что это абсолютно невозможно. Исключения не допустимы. Уже двести лет, как Земля не знает болезней. За этот период наши организмы утратили сопротивляемость, приобретенную бесчисленными поколениями прошлого. Я рисую собственной жизнью, находясь возле вас, даже несмотря на ваш скафандр.

Малер подал сигнал высоким, мускулистым охранникам. Они ждали в коридоре, закованные в скафандры, которые предохраняли их от инфекций. Приближался самый неприятный момент.

— Послушайте, — нахмурившись, продолжал Малер. — Вы же ходячая смерть. Микробов, гнезд

дящихся в вашем теле, вполне достаточно, чтобы уничтожить полмира. Даже простуда, обычная простуда может лишить жизни миллионы людей. За последние два столетия сопротивляемость болезням практически утрачена. Она уже не нужна человеческому организму. Мы победили все болезни. Но вы, путешественники во времени, появляетесь здесь с их полным букетом. И мы не можем оставить вас на Земле.

— Но я...

— Знаю. Вы поклянетесь всем святым, что никогда не снимете этот скафандр. Сожалею, но даже слово честнейшего из людей ничто по сравнению с безопасностью миллиардов землян. Мы не можем разрешить вам остаться. Это жестоко, несправедливо, но другого выхода нет. Вы, разумеется, не предполагали, что вас ждет такая встреча. Повторяю, мне очень жаль. Но, с другой стороны, отправляясь в будущее, вы знали, что не сможете вернуться назад, и, следовательно, всецело отдавали себя в руки живущих там. — Малер начал складывать лежавшие перед ним бумаги, показывая, что разговор окончен. — Чертовски жаль, но вы должны нас понять. Само ваше присутствие пугает нас до смерти. Мы не имеем права позволить вам ходить по Земле, даже в космических скафандрах. Это абсолютно невозможно. Для вас есть только один путь — на Луну.

Он взглянул на охранников:

— Уведите его.

Стража направилась к старику и по возможности деликатно выпроводила его из кабинета.

После их ухода Малер с облегчением откинулся в пневмокресле и прополоскал рот. Длинные речи всегда выматывали его, после них саднило в горле. «В один прекрасный день я заработаю себе рак

от этих бесконечных разговоров,— подумал он.— А это сопряжено с операцией. Но кто, кроме меня, будет всем этим заниматься?»

Из коридора все еще доносились протестующие крики старика. Когда-то Малер готов был уйти с этой работы, испытывая жалость к ни в чем не повинным пришельцам из прошлого. Но восемь лет закалили его.

Впрочем, именно твердость характера Малера послужила причиной его назначения на должность директора Бюро. Работа была тяжелая и требовала от исполнителя сильной воли. Кондрин, его предшественник, был сделан из другого теста, и в результате сам оказался на Луне. Возглавляя Бюро всего лишь год, он настолько размяк, что разрешил уйти одному путешественнику. Тот обещал спрятаться в Антарктиде, и Кондрин, полагая, что Антарктида столь же безопасна, как Луна, по недомыслию отпустил его. Тогда-то директором и назначили Малера, и в последующие восемь лет все до единого пришельцы из прошлого — а их набралось четыре тысячи — неукоснительно высыпались на Луну. Первым был беглец, отпущенный Кондрином и пойманный в Буэнос-Айресе (его смогли засечь по болезням, охватившим регион от Аппалачей до протектората Аргентины), вторым — сам Кондрин. Работа отнимала много сил, но Малер ею гордился. Возглавлять Бюро мог только сильный человек.

Он откинулся в кресле в ожидании очередного путешественника. Неслышно открылась дверь, и в кабинет вошел дородный мужчина с таймером в руке. Это был доктор Форнет, Главный врач Бюро.

— Взял у нашего последнего клиента, — сказал доктор. — Тот уверяет, будто этот таймер дейст-

вует в двух направлениях, и я решил, что вам будет любопытно взглянуть на него.

Малер выпрямился. Таймер, обеспечивающий перемещение не только в будущее, но и в прошлое? Маловероятно. Однако, если это так, лунной тюрьме придет конец. Но откуда мог взяться подобный механизм?

Малер протянул руку к таймеру.

— Похоже, обычная конструкция двадцать четвертого века.

— Но обратите внимание на второй циферблат.

Малер присмотрелся повнимательнее и кивнул.

— Да, вероятно, он предназначен для перемещения в прошлое. Но как это проверить? И потом, почему у других нет такого таймера? Откуда он взялся в двадцать четвертом веке? Даже мы не научились путешествовать в двух направлениях, только в будущее, а наши ученые считают, что попасть в прошлое теоретически невозможно. Однако, было бы неплохо, — задумчиво произнес Малер, — если бы его слова оказались правдой. Надо хорошенько исследовать этот таймер. Хотя, признаюсь, мне не верится, что он работоспособен. Приведите-ка сюда нашего гостя. Кстати, что показало медицинское обследование?

— Как всегда, — угрюмо ответил Форнет. — Полный набор самых заразных заболеваний. Чем быстрее отправим его на Луну, тем лучше.

Доктор махнул рукой, и охранники ввели в комнату пришельца из прошлого.

Малер улыбнулся. О сверхосторожности доктора Форнeta в Бюро ходили легенды. Даже если бы путешественник прибыл из двадцать восьмого столетия, когда на Земле уже не было болезней, Форнет все равно нашел бы у него что-нибудь подозрительное, начиная с астмы и кончая проказой.

Гость оказался мужчиной довольно высокого роста и, по всей видимости, молодым. Хотя его лицо едва просматривалось сквозь стекло шлема, без которого ни один путешественник во времени не имел права появляться на Земле. Малеру показалось, что незнакомец чем-то напоминает его самого. Когда пришельца ввели в кабинет, его глаза удивленно раскрылись.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь! — воскликнул путешественник. Его голос, усиленный динамиком, наполнил маленький кабинет. — Ты — Малер, не так ли?

— Совершенно верно, — сказал директор Бюро.

— Пройти сквозь все эти годы — и найти тебя. И кто-то еще смеет говорить о невероятности!

Малер пропустил его слова мимо ушей, не позволяя втянуть себя в дискуссию. Он давно уяснил, что с путешественниками нельзя вести дружескую беседу. В обязанности директора входило лишь краткое объяснение причин, по которым пришельца следовало отправить на Луну, причем как можно скорее.

— Вы утверждаете, что эта штуковина обеспечивает перемещение как в будущее, так и в прошлое? — спросил Малер, показывая на таймер.

— Да, — подтвердил пришелец. — Работает в двух направлениях. Нажав эту кнопку, вы окажетесь в 2360 году или около того.

— Вы сделали его сами?

— Я? Нет, конечно, нет. Я его нашел. Это долгая история, и у меня нет времени, чтобы рассказать ее. К тому же, попытайся я это сделать, все совершенно запутается. Давайте побыстрее покончим с формальностями. Я понимаю, что у меня нет ни единого шанса остаться на Земле, и прошу отправить меня на Луну.

— Вам, разумеется, известно, что в наше время побеждены все болезни... — торжественно начал Малер.

— ...а я битком набит вирусами и микробами, которых вполне достаточно для уничтожения человечества,— продолжил пришелец.— И оставить меня на Земле абсолютно невозможно. Хорошо, не буду с вами спорить. Где тут ракета на Луну?

Абсолютно невозможно! Его любимая фраза. Малер хмыкнул. Должно быть, кто-то из молодых техников предупредил пришельца о том, что его ждет, и тот смирился, поняв безнадежность своего положения. Ну что ж, тем лучше.

Абсолютно невозможно.

Да, думал Малер, эти два слова полностью характеризуют его деловые качества. Скорее всего, он останется единственным Директором Бюро, который никогда не поддастся на уловки пришельцев из прошлого и отправит на Луну каждого, кто попадет к нему в руки. А другие, до и после него, в какой-то момент дрогнут, пойдут на риск и оставят кого-то на Земле. Но только не Малер. *Абсолютно Невозможный Малер.* Он понимает, какая ответственность возложена на его плечи, и не собирается подвести тех, кто доверил ему это важное дело. Все пришельцы из прошлого, все до единого, должны отправляться на Луну. И как можно скорее. Здесь не должно быть смягчающих обстоятельств.

— Ну и отлично, — сказал Малер. — Я рад, что вы понимаете необходимость предпринимаемых нами мер предосторожности.

— Возможно, я понимаю далеко не все, — сказал пришелец, — но знаю, что мои слова ничего не изменят. — Он повернулся к страже. — Я готов. Прикажите меня увести.

По знаку Малера охранники вывели пришельца в коридор.

Удивленный директор Бюро долго смотрел ему вслед. «Если бы все были такие, как этот, — подумал он. — Пожалуй, он даже мне симпатичен. Здравомыслящий человек. Понял, что обстоятельства выше его, и не стал биться головой об стенку. Даже жаль, что он не остался на Земле. В наши дни не часто встретишь такого человека. Но я не имею права на симпатию! Я не могу расслабляться».

Ему удавалось так долго и так хорошо выполнять свою работу только потому, что он смог полностью подавить симпатию к этим несчастным, которых ему предстояло приговорить к пожизненному изгнанию. Если бы открылась возможность отправить их куда-то еще, предпочтительно назад, в их собственное время, он бы первым выступил за уничтожение лунной тюрьмы. Но, не имея другого выхода, он чрезвычайно ответственно относился к порученному делу.

Малер взял со стола прибор и еще раз внимательно осмотрел его. Двустороннее перемещение во времени решило бы проблему. По прибытии путешественника хватали бы и отправляли обратно. И скоро они перестали бы появляться. Такой исход вполне устроил бы Малера. Он нередко задумывался над тем, что говорят о нем пленники Луны. И вообще, двусторонний таймер изменил бы весь мир. Если люди смогут перемещаться во времени вперед и назад, прошлое, настоящее и будущее сольются в единое целое. Трудно даже представить, что тогда произойдет.

Но, даже держа таймер в руке, Малер продолжал сомневаться. Практическая возможность перемещения во времени была открыта почти шесть

столетий назад, но никому не удавалось создать прибор, обеспечивающий движение в обоих направлениях. Более того, никто не встречал пришельцев из будущего. А между тем, если бы двусторонний таймер существовал, они появлялись бы ничуть не реже, чем гости из прошлого.

Значит, этот пришелец солгал, с сожалением заключил Малер. Двустороннего таймера нет и быть не может. Очередная выдумка, чтобы ввести землян в заблуждение. Нет прибора, с помощью которого человек мог бы отправиться в прошлое, потому что это невозможно. Абсолютно невозможно.

Но Малер не мог оторвать глаз от таймера. Один циферблат, как обычно, предназначался для установки даты в будущем, другой указывал дату обратного путешествия. Тот, кто изготовил эту подделку, затратил немало времени, чтобы придать ей хотя бы внешнюю достоверность. Но зачем? А что, если пришелец говорил правду? Если бы он мог проверить прибор, попавший к нему в руки. Всегда оставался шанс, что таймер работоспособен, и тогда его перестанут называть Абсолютно Невозможным Малером.

Он повертел таймер в руках. Довольно грубое устройство, обычный преобразователь темпорального поля, еще без венецианской системы, изобретенной в двадцать пятом веке.

Малер прищурился, стараясь получше разглядеть инструкцию.

«НАЖМИ ЛЕВУЮ КНОПКУ», — прочитал он.

Он внимательно посмотрел на кнопку. Мозг пронзила заманчивая мысль, но он тут же прогнал ее прочь, однако ненадолго. «Это же так просто!» Что, если... Нет!

Но...

«НАЖМИ ЛЕВУЮ КНОПКУ!»

Искушение было слишком велико.

«Только попробовать чуть-чуть...»

Нет!

«НАЖМИ ЛЕВУЮ КНОПКУ!»

Малер дотронулся до указанного места. Послышался щелчок электрического разряда. В следующее же мгновение Малер отдернул руку и хотел положить прибор на стол, но у него зарябило в глазах, и кабинет куда-то исчез.

Тяжелый, наполненный миазмами воздух не давал вздохнуть полной грудью. «Наверное, сломался кондиционер», — подумал Малер и огляделся.

Гигантские уродливые здания, устремленные ввысь. Черные облака дыма, плывущие по серому небу. Визг тормозов, грохот машин, хриплые гудки большого города.

Он стоял посреди огромного города, на улице, запруженной людьми. Нервными, сердитыми, куда-то спешившими. Сколько раз он видел эти пустые взгляды у путешественников во времени, удирающих в благословенное будущее.

Малер взглянул на прибор, зажатый в правой руке, и все понял.

Таймер обеспечивал перемещение не только в будущее, но и в прошлое.

Лунной тюрьме пришел конец. Начинался новый период человеческой истории. Но что он делает в этом ужасном мире? Левая рука Малера потянулась к таймеру.

Его резко толкнули сзади. Толпа несла Малера с собой, и ему едва удалось устоять на ногах. Тут же чья-то рука схватила его за шиворот.

— Документы, прыгун.

Малер обернулся и увидел широкоплечего муж-

чину в темно-коричневой форме с двумя рядами металлических пуговиц. Глаза-щелочки подозрительно оглядывали Малера.

— Ты слышал? Показывай документы, не то я отведу тебя куда следует.

Малер вырвался и нырнул в толпу. Ему требовалась лишь секунда, чтобы настроить таймер и покинуть этот зловонный пропитанный микробами век.

— Это прыгун! — крикнул кто-то. — Держи его! Одиночный крик перешел в рев.

— Держи его! Держи!

Нет-нет, он не мог оставаться тут слишком долго. Малер свернулся налево, в боковую уличку, а за ним неслась ревущая толпа.

— Пошлите за полицией! — прогремел чей-то бас. — Они схватят его!

Открытая дверь ввлекла к себе. Малер вбежал внутрь и захлопнул ее за собой, оказавшись в магазине.

— Чем я могу быть полезен? — Навстречу ему заспешил продавец. — У нас имеются последние модели...

— Отстаньте от меня! — рявкнул Малер, вглядываясь в таймер.

Озадаченный продавец молча смотрел, как он поворачивает маленький диск.

Веньера не было. Малеру оставалось только надеяться, что он попадет в свой год. Внезапно продавец вскрикнул и устремился к нему. Но Малер уже нажал на кнопку.

Сладкий воздух двадцать восьмого столетия пьянил, как молодое вино. «Не удивительно, что так много пришельцев из прошлого стремятся сюда, — думал Малер, сдерживая биение взволнован-

ного сердца. — Наверное, жизнь на Луне и то лучше, чем там».

Прежде всего следовало привести себя в порядок, умыться, залечить синяки и ссадины, полученные во время недолгого путешествия в прошлое, переодеться. Едва ли его узнают в Бюро таким — с заплывшим глазом, с распухшей щекой, в порванной одежде. Малер огляделся в поисках ближайшего «Уголка отдыха». Заметив знакомый знак, он уже направился к нему, как услышал позади мелодичный звон, и оглянулся. По улице медленно катилась низкая тележка с детектором, а следом за ней шли два охранника Бюро в защитных скафандрах.

«Ну разумеется», — вздохнул Малер. Он же прибыл из прошлого, и детекторы, как и положено, зафиксировали его появление в двадцать восьмом веке. Ни один путешественник во времени не мог проскочить мимо них незамеченным.

Малер быстрым шагом направился к охранникам. Их лица были ему незнакомы, но он особо не удивился, так как не мог знать лично каждого из многочисленных работников Бюро. Да и вид тележки с звенящим детектором доставил ему огромное удовольствие. Они начали использоватьсь по его инициативе, а это означало, что он вернулся практически в то время, из которого отправился в прошлое.

— Рад вас видеть, — приветствовал Малер охранников. — У меня тут кое-что не заладилось.

Не обращая внимания на его слова, охранники вытащили из тележки космический скафандр.

— Хватит болтать, — сказал один из них. — Залезай сюда.

Малер побледнел.

— Но я же не пришелец из прошлого! Подо-

ждите, ребята! Это ошибка. Я — Малер, директор Бюро. Ваш начальник.

— Хватит шутить, приятель, — пробурчал охранник повыше, в то время как его спутник напялил на Малера скафандр. Вне себя от ужаса, директор Бюро понял, что его не узнали.

— Не волнуйтесь, — успокоил его невысокий охранник. — Мы отвезем вас к шефу, который все объяснит и...

— Но шеф — это я! — запротестовал Малер. — Я изучал таймер, который обеспечивает перемещение в обоих направлениях, и случайно отправил себя в прошлое. Снимите с меня эту штуку, и я покажу вам удостоверение. Тогда вы сможете убедиться в моей правоте.

— Послушай, приятель, не надо нас ни в чем убеждать. Если хочешь, расскажи все шефу. Ну как, сам пойдешь или тащить тебя силком?

Малер решил, что бессмысленно объяснять случившееся и тому молодому врачу, который его осматривал в Бюро. Все только еще больше запутается. Нет, он подождет, пока его проведут к шефу.

Постепенно Малер начал понимать, что произошло. Видимо, он попал в будущее через несколько лет после своей смерти. Бюро к тому времени возглавлял кто-то еще, а о нем, Малере, давно забыли. (При мысли о том, что в этот самый момент пепел от его останков покоится в урне, по спине Малера пробежал холодок.)

Встретившись с новым директором Бюро, он просто и спокойно объяснит создавшуюся ситуацию и попросит разрешения вернуться назад, на десять, двадцать, тридцать лет, в то время, к которому он принадлежал и где он мог передать двухсторонний таймер соответствующим властям и возобновить жизнь с момента отбытия в прошлое.

И тогда, скорее всего, уже не придется отправлять путешественников во времени на Луну и отпадет необходимость в Абсолютно Невозможном Малере.

Но вдруг его осенило: «Если я это сделал, то почему до сих пор существует Бюро?». Малер почувствовал леденящий холодок страха.

— Заканчивайте поскорее, — поторопил он врача.

— Не понимаю, куда вы спешите! — огрызнулся тот. — Или вам нравится жизнь на Луне?

— Обо мне не беспокойтесь, — уверенно ответил Малер. — Если б вы знали, кто я такой, то подумали бы дважды, прежде чем...

— Это ваш таймер? — устало спросил врач.

— Не совсем. То есть... да. И будьте с ним осторожны. Это единственный в мире таймер, способный перенести человека не только в будущее, но и в прошлое.

— Неужели? — удивился врач. — И в прошлое тоже?

— Да. И если вы отведете меня к шефу...

— Минутку. Я хочу показать ваш таймер Главному врачу.

Врач вернулся через несколько минут.

— Все в порядке. Шеф вас ждет. Я бы не советовал вам спорить с ним, это ничего не изменит. Вам следовало оставаться в своем времени.

Вновь появились охранники и повели Малера по знакомому коридору к маленькому, залитому ярким светом кабинету директора, в котором он провел восемь лет. Правда, по другую сторону стола.

Подходя к двери, Малер еще раз повторил про себя все аргументы, которые он собирался высказать новому директору Бюро. Он кратко обрисует свое путешествие в прошлое и обратно, докажет,

что он — Малер, и попросит разрешения воспользоваться таймером для возвращения в свое время. Директор, естественно, сначала встретит его слова враждебно, потом заинтересуется и, наконец, рассмеется, слушая рассказ о злоключениях коллеги. А затем, несомненно, удовлетворит его просьбу, но не раньше, чем они обменяются мнениями о работе, которой и тот и другой занимались, казалось бы, одновременно, но вместе с тем разделенные временной пропастью. Малер поклялся самому себе, что, вернувшись, никогда не коснется таймера. И вообще, уйдет из Бюро. Пусть другие отправляют путешественников во времени на Луну или в прошлое.

Он шагнул вперед и пересек луч фотоэлемента. Дверь беззвучно отворилась. За столом сидел высокий, крепко сложенный мужчина с суровым лицом.

Он, Малер, собственной персоной.

Сквозь стекло гермошлема Малер глядел на сидевшего перед ним человека.

Малер! За столом сидел Абсолютно Невозможный Малер. Человек, отправивший на Луну четыре тысячи пришельцев из прошлого, не сделав ни для одного из них исключения.

И, если он — Малер, кто же тогда я?

И тут Малер понял, что круг замкнулся. Он вспомнил того самого путешественника во времени с твердым голосом, уверенного в себе, заявившего, что его таймер обеспечивает перемещение не только в будущее, но и в прошлое, а затем без долгих споров отбывшего на Луну. Теперь он знал, кто был этим путешественником.

Но с чего начался этот круг? Откуда взялся этот удивительный таймер? Он ушел в прошлое,

чтобы принести таймер в настоящее, чтобы взять его в прошлое, чтобы...

У Малера закружилась голова. Выхода не было. Он взглянул на директора Бюро и шагнул вперед, чувствуя, как вокруг поднимаются стены лабиринта, а попытка выбраться из него обречена на неудачу.

Спорить не имело смысла. Во всяком случае, с Абсолютно Невозможным Малером. Только зря сотрясать воздух. Он — пришелец из прошлого и мог считать, что уже попал на Луну. Когда Малер вновь посмотрел на человека, сидевшего за столом, в его глазах вспыхнул мрачный огонь.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь,— воскликнул путешественник во времени. Его голос, усиленный динамиком, заполнил маленький кабинет.

Пол Андерсон

Далекие воспоминания*

— Ты должен идти прямо сейчас? — спросила Клэр, взяв меня за руку.

— Да, пожалуй. Не волнуйся, глупышка. Я заработаю кучу денег, и завтра мы это отпразднуем. У нас давно уже не было повода, правда?

— Пустяки, — ответила она. — Мне так не хочется, чтобы ты уходил. — И, помолчав, добавила: — Ну, хорошо. Вперед.

Она стояла у двери и улыбалась, пока я спускался по ступенькам. Сидя в автобусе, я уже в тысячный раз подумал, что, несмотря ни на что, мне здорово повезло в жизни.

Ренни жил в большом старом доме, расположенным в более респектабельном районе, чем наш. Он сам открыл дверь, высокий мужчина с седыми волосами и усталым взглядом.

— А, мистер Арманд. Вы очень пунктуальны. Проходите.

Он провел меня в небольшую гостиную. Вдоль стен, до самого потолка, стояли полки с книгами.

— Присядьте. Хотите выпить?

Как я понял, в доме мы были одни.

— Если можно, немного вина.

Я взглянул в окно. По улице проехал автомобиль, одна из последних моделей. Как удобно си-

* Пер. изд.: Anderson P. The Long Remembering: Anderson Poul. Homeward and Beyond. Doubleday, N. Y., 1958.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

деть в большом кожаном кресле. Стоило мне пошевелиться, я чувствовал шуршание конских волос под обшивкой. Такие житейские мелочи успокаивали меня. Ренни вернулся с бутылкой вина и налил нам обоим. Отличное бургундское. Он сел напротив, положив ногу на ногу.

— Вы можете уйти. Мое мнение о вас нисколько не изменится. — Он согнал с лица подобие улыбки. — Учтите, что контракт не случайно содержит такое условие. Вы ведь женаты, не так ли?

Я кивнул. Но это не причина для отступления. Скорее, наоборот, именно поэтому я сознательно пришел сюда. Клэр работала, но мы ждали ребенка, а что касается меня, то ассистентам на кафедре химии не слишком переплачивают. Нашумевшие психофизические опыты Ренни обеспечили ему солидную финансовую поддержку, и добровольцы прилично зарабатывали. Несколько часов, проведенных в этом доме, могли бы здорово помочь нам с Клэр. Однако...

— Я не слышал о какой-либо опасности. Вы же не посыпаете людей в прошлое? Я имею в виду — физически?

— Нет. — Ренни уставился в какую-то точку над моей головой. — Но метод очень нов... много непонятного... Я не могу предсказать, как далеко в прошлое вы попадете и что там произойдет. Предположим, ваш предок испытает сильное потрясение в то время, пока вы будете там находиться. Какой эффект это окажет на вас?

— Ну... э... а с кем-нибудь такое случалось?

— Да. Никаких постоянных психических нарушений, но кое-кто в момент возвращения находился в состоянии стресса, и требовалось время, чтобы они успокоились. Другие докладывали, что не заметили ничего неприятного для себя лично, но тем

не менее несколько дней пребывали в состоянии глубокой депрессии. И все без исключения в лучшем случае не сразу приспосабливались к привычной обстановке. Так что в первое время после возвращения вам вряд ли удастся вернуться к работе, мистер Арманд.

— Меня предупреждали, и я обо всем договорился, сэр, — ответил я, устремив взгляд в бокал с вином.

— Через неделю все должно прийти в норму. Хотя, как вы понимаете, я не могу ничего гарантировать.

— Конечно.

— Ну и прекрасно, — Ренни улыбнулся и откинулся в кресле. — Давайте познакомимся поближе. Я знаю о вас очень мало, если не считать того, что ваш психопрофиль идеально подходит для наших экспериментов. Вы по происхождению француз?

— Да, — я кивнул. — Долина реки Дордонь. Мои родители жили там, а я родился здесь, потому что отец тогда находился на дипломатической работе. Я люблю Францию, но предпочел стать американцем.

— Ну, совсем не обязательно, что вы окажетесь именно в том районе. Европейские нации так перемешались. Я собираюсь послать вас в более далекое прошлое, чем в ранее проведенных экспериментах. — Он отхлебнул глоток вина. — Вы хорошо знакомы с теорией временного психоперемещения?

— Лишь по статьям в научно-популярных журналах, — признался я. — Значит, так... Моя жизненная линия тянется через наш пространственно-временной континуум дальше, чем день моего рождения. В точке моего появления на свет она соединяется с линиями моих родителей, потом с линиями их родителей и так до первой живой клетки на

Земле. Мозг, сознание — называйте это как угодно — не что иное, как функция жизненной линии индивидуума и развития мира. Вы, сэр, нашли, что при определенных условиях сознание может переместиться в другую часть жизненной линии, как бы прыгнуть назад. Теоретики еще спорят об этом, а теологи утверждают, что вы подтвердили существование души.

— Неплохо, — хмыкнул Ренни. — А ваше личное мнение?

— Моя подготовка не позволяет мне иметь собственное мнение. Что вы можете сказать по этому поводу, сэр? В своих публичных выступлениях вы постоянно подчеркиваете, что пока располагаете недостаточной информацией. Но, как первоходец...

Мой голос дрогнул.

— Пожалуйста, не надо. — Ренни, должно быть, почувствовал, какое впечатление произвело на меня его открытие. — Я не сделал ничего особенного. Лишь систематизировал работы моих предшественников начиная с Данна и Райна. Я в неоплатном долгу перед Митчеллом и его коллегами. По правде говоря, я только связал их достижения с новыми идеями в психологии и космологии и использовал современное лабораторное оборудование для проверки их гипотез.

— Признаться, я удивлен, почему вы не пошлите меня в будущее?

— Сам не знаю, — ответил Ренни. — Я просто не могу... пока. В каждом из возможных способов имеются существенные недостатки... — Он перешел на сухой академический тон, видимо, в целях самозащиты. — Итак, несмотря на прочитанные вами статьи, мистер Арманд, поговорим о нашем конкретном эксперименте. Ваше тело в течение не-

скольких часов будет находиться здесь, а сознание на те же несколько часов переместится в мозг вавшего далекого предка и полностью сольется с его собственным сознанием. При возвращении вы вспомните все, что там происходило, как если бы вы и в самом деле были тем человеком. Только и всего.

Мое сердце забилось. Я почувствовал себя новым Фаустом.

— Давайте начнем поскорее.

Мы поднялись в лабораторию, которая некогда была спальней. Я снял пиджак и ботинки, расстегнул рубашку и лег на кушетку. Профессор дал мне таблетку транквилизатора, включил индукционное поле, и я провалился в ночь.

Меня зовут Аргнах-эскаладуан-торклук, что означает «Тот, кто держит лошадь на веревке». Но мое настоящее имя я храню в тайне от колдунов и духов ветра и никогда не произношу вслух. Когда на моем лице выросли первые волосы, я получил имя, которым теперь меня называют, потому что прятался у водопоя и, когда туда спустился табун лошадей, набросил веревку на шею одной из них и держал животное, пока не изловчился и не перерезал ему горло, а затем отнес мясо в пещеру. Это случилось во время моего Похода, когда мальчик впервые сам идет за добычей. Потом нас отводят в определенное место в темноте, где ревут духи ветра, отрезают первую фалангу на среднем пальце левой руки и оставляют им в жертву. Больше я ничего не могу говорить. После этого мы становимся мужчинами и можем брать себе жен.

Я уже и не помню, как давно это произошло. Мужчины времени не замечают. Но я еще в полном

расцвете сил, хотя сегодня иду один и надежда на возвращение очень мала.

Я спускаюсь с холма, и снег заметает мои следы. Деревья, низкие и редкие, о чем-то говорят в порывах ревущего ветра. Вдали слышится рычание льва. Возможно, это тот лев, который сожрал Андутанналока-гаргута прошлой осенью, когда на землю падали мокрые листья. Я вздрогнул и нащупал на груди материнский талисман, так как мне не хотелось встречаться с духом Андутанналока, выглядывавшим из глаз льва.

Пурга стихала. В разрывах низко летевших облаков проглядывали звезды. Снег по-прежнему сердито бил мне в грудь, холодил складки меховой одежды. Во тьме почти ничего не было видно. Но я продвигался вперед, как всякий охотник, кожей чувствуя, что делается вокруг. Тяжелое кожаное одеяние и обувь должны были защищать меня от удара дротика. Однако у гоблинов руки сильнее, чем у людей. Любой из них может раскрутить камень так, что при ударе он разнесет мне голову. Тогда мое тело достанется волкам, и где найдет приют моя бедная душа? Ветер разнесет ее по лесам, к просторам северной тундры.

У меня было оружие: три костяных ножа у пояса, несколько дротиков в мешке за плечом, метательная палка в руке. Первый дротик — с наконечником из кости волка, чтобы кусать сильнее, и Ингмарак-шаман заговорил его. У остальных наконечники каменные. Мои свободные пальцы гладили материнский талисман. Но единственным спутником оставался ветер.

Я спускался в долину. Скоро, чтобы пройти, мне пришлось раздвигать кустарник руками. Уже доносился мерный рокот реки. Наша пещера осталась далеко позади, высоко в холмах.

Никто не запрещал мне идти за Эвави-унароа, моей белой колдуньей. Да разве они имели такое право? Но все отговаривали меня, и никто не вызвался помочь. Ингмарак тоже покачал лысой головой.

— Это нехорошо, Аргнах, — сказал он, глядя на меня подслеповатыми от старости глазами. — В стране гоблинов не найдешь добра. Возьми себе другую жену.

— Мне нужна Эвави-унароа, — ответил я.

Старики сокрущенно бормотали себе под нос. Дети, жавшиеся в уголке пещеры, испуганно смотрели на меня. Почему я настаивал на своем? Я и сам не знал.

Она стала мне женой лишь прошлой осенью, когда мои глаза неожиданно начали постоянно искать ее, а она улыбнулась в ответ. Ни один мужчина до этого не брал ее в жены, и с отцом Эвави мы легко договорились. Потому что все остальные немного боялись ее — самого дорогого, милого существа, когда-либо ступавшего по земле. И до сих пор никто не просил уступить ее. Меня это устраивало, я не думал о том, как это отразится на моем положении в племени. Я мог себе это позволить, потому что был одним из лучших охотников и все любили нас обоих. Просто другие мужчины предпочитали жить спокойно.

Чадили лампы из мыльного камня. Ветер хлопал шкурами, висевшими на высоких шестах у входа в пещеру. Костер давал столько тепла, что многие сбросили с себя одежду. Рядом со шкурами лежало много сочного мяса. Мы могли бы веселиться, но, как только я сказал, что собираюсь отправиться в страну гоблинов, чтобы спасти Эвави, к огню подошел страх и присел на корточки рядом с нами.

— Они уже съели ее, — сказал Вуотак-нанака-

во, одноглазый охотник, чувствующий дичь, до которой идти еще полдня. — Они съели ее вместе с неродившимся ребенком. И, чтобы их души не остались в желудках гоблинов, а вернулись назад, давайте положим еще один топор под ее очаг.

— Возможно, их не съели, — возразил я. — Пойти туда — мой долг.

После моих слов наступила тишина, но никто не повернулся ко мне спиной. Наконец, встал Ингмарац-шаман.

— Завтра мы заговорим тебя, — сказал он.

На следующий день мне пришлось потрудиться. Все видели, как я отнес в глубь пещеры лампу, меховые кисточки и маленькие горшочки с краской. Я нарисовал себя, сокрушающего гоблинов, и раскрасил свое лицо. О том, что я сделал еще, лучше промолчать.

А потом Ингмарац нудным голосом рассказывал о том, что я и так давно знал. Старые сказки утверждают, что когда-то гоблины владели всей землей, но потом оттуда, где встает солнце, пришли люди и постепенно вытеснили их. Теперь мы редко видим друг друга и почти никогда не сражаемся. Мы боимся напасть на них (кто знает, какие у них силы), а у нас нет ничего такого, на что они могли бы польститься. Их орудия несколько отличаются от наших, но ничем не хуже, и, кажется, им не очень нужна одежда. Река разделяет наши территории, и редко кто пытается перейти на другой берег.

Но Эвави пошла к воде, чтобы набрать камней из речного ложа. В этой реке есть камни, дающие силу, потому что она течет с далекого севера, где по тундре ходит Отец Мамонт, сотрясая небо своим огромными бивнями. Эвави искала камешки удачи, чтобы сделать из них бусы нашему ребенку,

когда тот родится. Она пошла одна, так как хотела сказать несколько заветных слов, взяв с собой дротик и факел для защиты от диких зверей, и никого не боялась.

Когда она не вернулась, я пошел по ее следу и понял, что произошло. Гоблины украли ее. И, если она еще жива, искать ее надо на том берегу.

...Наконец, я подошел к реке. Широкий поток медленно, как черная змея, струился между белых берегов с покрытыми снегом деревьями. В этом месте обрыв закрывал долину от ветра, но от воды тянуло холдом, и на поверхности кружились льдинки.

Днем, испросив прощения у духов, я свалил небольшое дерево. Топор не очень хорошее оружие, подумал я, зато им удобно пользоваться. Большинство ветвей я обрубил, оставив лишь те, за которые собирался держаться, чтобы не упасть в воду и не утонуть. А из одной ветки сделал весло.

Сняв обувь, я повесил ее на шею. Снег впился в голую кожу, будто зубами. Надо мной неслись черные горы облаков.

На севере небо уже очистилось, и там танцевали умершие охотники, потрясая многоцветными накидками, а их копья доставали до звезд. Чтобы ублажить их, я достал нож, отрезал прядь волос и, выпрямившись, воскликнул:

— Я Аргнах-эскаладуан-торклук, человек из рода людей, даю вам часть своей жизни. За этот дар я ничего не прошу взамен. Но знайте, Звездные охотники, я иду в страну гоблинов, чтобы привести назад свою жену, Эвави-унароа, белую колдунью, и нашего ребенка, которого она носит под сердцем. За любую оказанную вами помощь я предлагаю часть моей охотничьей добычи, которую буду отдавать вам до моего последнего дня на земле.

Гигантские накидки ярко сверкнули. Холод до-

брался до лодыжек. Мой голос казался тихим и очень одиноким. Я схватил бревно и с криком, который обычно издает охотник, вонзая дротик в дикого кабана, сдвинул его в воду.

Река тут же подхватила бревно, и оно устремилось вниз по течению, а я старался направить его к другому берегу. Вокруг ревели волны. У меня онемели ноги и голова. Казалось, все это происходит с кем-то мне незнакомым, а я, я моего секретного имени, стоял на вершине холма и думал. Думал о том, что нет смысла так вот морозить себе ноги, когда можно огнем и зубилом выбрать часть ствола, и люди будут спокойно сидеть внутри и ловить рыбу или другую болотную живность.

Тут мои одеревеневшие пальцы уткнулись в камни противоположного берега. Я спрыгнул на землю и вытащил бревно, после чего принялся растирать ноги лисьим мехом. Покончив с этим, я обулся и двинулся в страну гоблинов, оставляя по дороге метки.

Я знал, что гоблины живут ближе к реке, чем мы на своей стороне. И шел не торопясь, принюхиваясь к воздуху, чтобы уловить запах дыма. Я боялся, но не очень сильно, потому что на груди висел талисман и никто не мог изменить то, что должно было произойти. А кроме того, весь мир стал для меня не таким, как прежде, когда я увидел следы гоблинов вокруг отпечатков ног Эвави. Будто я уже наполовину превратился в духа.

Не понимаю, почему только я испытываю к ней такое влечение, я — единственный среди людей. Никто не отрицает, что она высока, стройна, что у нее смелое сердце, умелые руки и заразительный смех. Но голубые глаза и желтые волосы, как у гоблинов. Старики утверждают, что когда-то давно у наших племен были общие дети, поэтому иног-

да у нас появляются глаза и волосы такого цвета, но никто из живущих ныне не помнит такого ребенка. А значит, колдовство гоблинов живет в Эвави-унароа, и, хотя до сих пор она не давала повода, что может принести зло, мужчины предпочитали обходить ее стороной.

А я, Аргнах, не боялся. Я видел, что ее колдовство могло принести только добро. И теперь был готов умереть за нее, как умирает олень, защищая своих самок.

Эта мысль пришла ко мне, когда я услышал топот убегающего табуна. Тусклый зимний свет начал пробиваться сквозь облака. Я заметил на снегу следы дичи. Много следов, гораздо больше, чем на нашем берегу. А едоков у нас больше, чем мужчин, которые охотятся, мальчиков, ловящих рыбу, и женщин, собирающих съедобные корни.

Я вышел на склон холма, поднимавшийся к северу. Над ним сияли последние звезды. Легкий ветерок донес до меня запах дыма. По коже побежали мурашки. Я приближался к пещере гоблинов.

И если они такие колдуны, как говорят предания, то скоро учуют меня. Я тут же умру, или превращусь в червя, или с криком убегу в лес, и меня никто больше не увидит. Но я пришел, чтобы найти Эвави, если она еще жива.

Поэтому я пошел на запах дыма, прячась среди теней за валунами, перебегая от одного куста к другому, держа дротик в правой руке. И, когда на востоке небо заалело, я увидел пещеру гоблинов.

Она была больше, чем наша, и с более широким входом. Они не сделали навеса снаружи, под которым можно переждать непогоду. Наоборот, они находились внутри, а у входа зажгли костер. Инг-марак рассказывал, что, когда он был еще мальчиком, люди тоже так делали, но теперь необходимо

димость в этом отпала. Животные и так боялись приближаться к нашей пещере. Значит, здесь звери более смелые и их гораздо больше. Я всегда считал, что гоблины привлекают дичь своими чарами. Но сейчас, когда я смотрел на их костер, мне пришла в голову совсем другая мысль.

— Если бы они владели колдовством, — прошептал я, — то чего им бояться льва или медведя. Им не нужен огонь перед входом в пещеру. Но они разжигают костер. Тогда, о Звездные охотники, это потому, что они совсем не колдуны. Возможно, они даже не такие хорошие охотники, как люди, и поэтому на их землях так много дичи.

Тут я почувствовал, как тело налилось силой, а страх совсем исчез. Еще с большей осторожностью я подобрался к самому входу.

Возле костра сидел старик. Впервые я так близко видел гоблина. Он оказался совсем не таким страшным, как я предполагал. Он был меньше меня ростом, ширококостный, согнутый в дугу старостью. Седые грязные волосы свисали ниже все еще могучих плеч. Кончики прядей оставались коричневыми. Больше всего меня поразила его длинная голова с плоским лбом и мощными надбровными дугами, почти скрывавшими глаза. Под жиidenькой бородой не было подбородка.

Он все время переступал ногами и хлопал владоши, а из вздернутых кверху ноздрей шел пар. Как тут не замерзнуть, если вся одежда состоит из наброшенных шкур, а на ногах ничего нет. Однако он был начеку. Когда я выскоцил из-за укрытия и пробежал последние несколько длин моего тела, он закричал и схватил дубинку.

Древко моего дротика само нашло углубление в палке для метания. Она завертелась, волчья кость попала в цель. Гоблин согнулся, прижал руки к

животу и упал на снег, обливаясь кровью. Я ворвался в пещеру, выхватил второй дротик и закричал:

— Эвави, Эвави!

Передо мной появился гоблин с дротиком в руке. Наконечник был всего лишь из обожженного на костре дерева. Но я успел опередить его, бросив дротик первым. Еще один гоблин поднял топор. Я схватил головешку из костра и швырнул в него. Он завопил от боли и отпрыгнул назад. В пещере метались голые тела. В полуумраке я различил приземистых уродливых женщин, прикрывавших своих детенышней. Мужчины что-то кричали, и я чувствовал, что они боятся.

— Эвави! — звал я. — Эвави, Аргнах пришел за тобой!

Тут на мгновенье меня вновь охватил страх. Что, если ее душа ответит мне изо рта гоблина? Но вот она сама, расталкивая гоблинов, устремилась ко мне. Я смотрел в ее глаза цвета летнего неба, и по моим щекам текли слезы.

— Сюда! — Я швырнул дротик в толпу гоблинов. Раздался чей-то вопль. — Бежим!

Наше отступление придало гоблинам храбрости, и они с криками бросились вслед. Эвави ни на шаг не отставала от меня. Ее волосы то и дело касались моих щек. Даже громоздкая одежда не могла скрыть ее стройного тела, которое я так любил.

Вниз по склону мы добежали до леса, а там лосинная тропа увела нас далеко от преследователей. Гоблины бегали медленнее, чем люди. Когда мы перебегали язык льда, мимо просвистел камень. Вряд ли я смог бы кинуть его с такой силой. Но ни один из дротиков не долетел до нас.

С каждой минутой дышать становилось все тя-

желее, но наконец мы достигли того места, где лежало мое бревно.

— Стаси его в воду, — прохрипел я.

Перебраться через ледяной поток вплавь мы, конечно, не могли. Пока Эавви стаскивала бревно, я подготовил к бою оставшиеся дротики. И очень вовремя.

Из кустов выскочили гоблины. Я ранил двоих, но третий схватил мою палку для метания и стал тянуть ее к себе. Я ударил его ножом. Кто-то бросил дротик, но деревянное острие не пробило шкур. Эавви тоже метнула дротик и ранила обнаженного гоблина. Гоблины на мгновение отступили, и мы успели прыгнуть на бревно и оттолкнуться от берега.

Я оглянулся. Гоблины что-то кричали и угрожающе трясли кулаками. Упавшее дерево, на котором они переправлялись на наш берег, лежало где-то далеко. Течением нас вынесло на середину, и их камни уже не долетали до нашего бревна. Поворот реки — и они скрылись из виду. Я громко рассмеялся и еще быстрее заработал веслом. Эавви плакала.

— Но ты же свободна? — удивился я.

— Именно потому я и плачу, — ответила она. Женщины всегда так странно реагируют на происходящее.

— Они не обижали тебя?

— Нет. Один из них... Я его видела раньше, он наблюдал за мной с той стороны. Он и еще несколько хитростью поймали меня и отвели в свою пещеру. И не разрешали мне уйти. Но относились ко мне хорошо, кормили и говорили какие-то незнакомые, успокаивающие слова. Но я не могла вернуться к тебе.

Она снова заплакала.

Я подумал, что светлые волосы Эвави влекли к ней гоблинов точно так же, как и меня, а рост и милое лицо вызывали восхищение. От нее веяло загадочностью. И они рискнули похитить Эвави, чтобы... Чтобы она рожала им детей?

Свободной рукой я погладил ее волосы.

— Мы боялись гоблинов, потому что они совершенно не похожи на нас, и думали, что они колдуны.

Река блестела в первых лучах солнца. Мое весло направляло бревно к берегу.

— Это неправда. Они бедный и неуклюжий народец. Наши отцы, которые охотятся в небе зимними ночами, прогнали гоблинов с нашего берега не с помощью дротиков или топоров, а потому что быстрее думали и быстрее бегали. Поэтому они убивали больше дичи и рожали больше детей. Если бы гоблины не ушли, они бы умерли с голоду. А теперь нам не хватает земли. Когда наступит лето, я поведу людей через реку и мы отберем у гоблинов их землю.

Тут бревно прибило к берегу, и мы спрыгнули на землю. Эвави прильнула ко мне, от холода у нее стучали зубы. И я хотел побыстрее добраться до пещеры и спеть у костра песню победы. Но чей-то крик заставил меня обернуться. На противоположном берегу вновь появились гоблины. Они стояли кучкой и не сводили с нас глаз. Один из них поднял руки. Хотя они были далеко, у меня острые глаза, и я видел, как по его щекам текут слезы.

Так как он тоже заботился об Эвави, я постараюсь сохранить ему жизнь, когда летом мы перейдем реку.

Я проснулся. На столике у кушетки горела лампа. Уже наступил вечер. Ренни проводил меня в гостиную и предложил вина. Я молча кивнул.

— Ну? — спросил он. — Где... где вы побывали?

— В глубине веков, — отозвался я, все еще находясь во власти сна.

— В самом деле? — Ренни взглянул на меня потухшим взглядом.

— Я не могу назвать точную дату. Это дело археологов.

В нескольких словах я рассказал ему об увиденном.

— О боже, — прошептал Ренни. — Ранний каменный век. Двадцать тысяч лет назад, когда половина Северного полушария была скована льдом. — Он схватил меня за руку. — Вы видели первых человеческих существ, неандертальцев, и последних, кроманьонцев.

— Нет, не так, — возразил я. — Разница была не так уж и велика. Мне жаль неандертальцев. Они очень старались... Послушайте, я устал. Могу я пойти домой и выспаться?

— Ну конечно. Это типичная реакция. Но завтра вы ведь вернетесь? Мне необходимо записать все, что вы вспомните. О боже, я и представить не мог, что вы попадете в такую даль.

Ренни проводил меня до двери.

— Доберетесь сами?

— Не беспокойтесь, все в порядке.

Я пожал ему руку.

— Спокойной ночи.

Обернувшись, я увидел в проеме двери его темную высокую фигуру.

Автобус подошел через несколько минут. Когда, взревев мотором, он вновь тронулся с места,

меня охватил страх. Что это за чудовище? Откуда такие странные запахи? Затем я вспомнил, что человек, в теле которого я провел несколько часов, уже двадцать тысяч лет лежит в земле.

Но я еще не полностью сбылся с реальностью мира. Я шел по зимнему лесу, где разносился трубный глас лося, и белые духи кружили вокруг и смеялись мне в уши.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я почувствовал себя гораздо уверенней, открыл незапертую дверь и вошел в квартиру. Увидев меня, Клэр отложила книгу и поднялась с кресла.

— Ну как ты, дорогой? — спросила она, подойдя ко мне. Ее губы дрожали. — Как все прошло?

— Неплохо. Настоящая фантастика, — я поцеловал ее в щеку. — Но я совершенно выдохся. Прежде чем я расскажу тебе обо всем, как насчет кофе?

— Конечно, конечно. Но где же ты все-таки был, милый? — она взяла меня за руку и увлекла на кухню.

Я смотрел на нее, чистенькую, пухлую, в меру накрашенную, в очках, с завитыми локонами, с легким запахом табака. А передо мной возникало другое лицо, побронзовевшее от солнца и ветра, с гривой белокурых волос и глазами цвета летнего неба. Я вспомнил веснушки, разбросанные по вздернутому носику, и тихий смех, и протянутые ко мне маленькие, привыкшие к труду руки. И я знал, на какую кару обрек себя, заглянув в прошлое. Этот крест мне предстояло нести до конца жизни.

Джек Финней

Хватит махать руками*

— Ну ладно, хватит там махать руками, слышишь, мальчуган? Знаю, что ты был летчиком. Ты хорошо летал в войну, а как же иначе — ведь ты мой внук! Только не думай, сынок, что ты все на свете знаешь о войне да и о летающих машинах тоже. Не было войны труднее, чем та, что мы кончили в шестьдесят пятом, ты этого не забывай. Большая была война, и большие люди тогда воевали! Что там твой Паттон, или Арнольд, или Стилуэлл — нет, они, конечно, тоже не промах, ничего не скажешь, но кто был настоящим генералом, так это Грант. Я тебе об этом никогда не рассказывал, потому что самому генералу дал клятву молчать, но теперь, я думаю, можно, срок уже прошел. Так вот, уgomонись, мальчик, спрячь руки в карманы и слушай меня!

В ту ночь, про которую я расскажу, — когда я встретился с генералом — я ничего такого не ожидал. Я знал одно — едем мы с майором верхом по Пенсильвания-авеню, а куда и зачем — он не сказал. И вот мы трясемся себе не спеша, держа по водья в одной руке, и у майора к седлу приторочен спереди какой-то большой черный ящик, а его острия бороденка так и мотается вверх-вниз.

* Пер. изд.: Finney J. *Quit Zoomin' Those Hands Through the Air: Connoisseur's Science Fiction*. Penguin Books, Harmondsworth, 1964.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

Было поздно, одиннадцатый час, и все уже спали. Но сквозь деревья ярко светила полная луна, и ехать было приятно — четкие тени от лошадей скользили рядом с нами, и ни звука вокруг, только гулкий стук копыт по утоптанной земле. Ехали мы вот уже два дня, по дороге я то и дело прикладывался к трофеиной яблочной водке — только тогда это еще не называлось трофеями, мы говорили «отправиться на фуражировку» — и теперь дремал в седле, а за спиной у меня болталась моя труба. Потом майор толкнул меня в бок, я проснулся и увидел впереди Белый дом.

— Так точно, сэр, — сказал я.

Он поглядел на меня. В лунном свете эполеты у него на плечах блестели золотом.

— Этой ночью, дружок, мы, быть может, выиграем войну, — сказал он тихо, таинственно улыбнулся и похлопал по черному ящику. — Мы с тобой, одни. Ты знаешь, кто я?

— Так точно, сэр.

— Нет, не знаешь. Я ученый. Профессор из Гарвардского колледжа. Был профессором, во всяком случае. Рад, что я опять в армии. Дураки они там, почти все, — дальше собственного носа ничего не видят. Так вот, дружок, этой ночью мы, может быть, выиграем войну.

— Так точно, сэр, — ответил я.

Чуть ли не все офицеры выше капитана — немного чокнутые, это я давно заметил, а майоры — особенно. Тогда так было, да и сейчас, наверное, так осталось, даже в авиации.

Мы остановились на краю лужайки у Белого дома и постояли, глядя на большое старинное здание, серебристо-белое в лунном свете. Лучи от фонаря над дверью проходили между колоннами крыльца и падали на дорожку. В крайнем к восто-

ку окне первого этажа горел свет, и я все надеялся, что увижу там президента, но никого видно не было.

Майор открыл свой ящик.

— Знаешь, мальчик, что это такое?

— Никак нет, сэр.

— Это мое собственное изобретение, основанное на моей собственной теории. Там, в колледже, все принимают меня за сумасшедшего, но оно, по моему, должно сработать. Выиграть войну, мой мальчик.

Он передвинул маленький рычажок внутри ящика.

— Я не хочу забираться слишком далеко вперед, сынок, иначе мы ничего не поймем в тамошней технике. Скажем, лет на девяносто вперед — как ты думаешь, хватит?

— Так точно, сэр.

— Ладно.

Майор ткнул большим пальцем в какую-то маленькую кнопку внутри ящика; послышалось жужжанье, оно становилось все тоньше и тоньше, пока у меня в ушах не засвербило. Потом майор поднял руку.

— Ну вот, — улыбнулся он, кивая головой и тряся своей острой бороденкой, — сейчас прошло девяносто с чем-то лет.

Он кивнул в сторону Белого дома.

— Приятно видеть, что он еще тут стоит.

Я еще раз посмотрел на Белый дом. Он был точно такой же, и свет все еще пробивался наружи между белыми колоннами, но я ничего не сказал.

Майор тронул повод и повернулся ко мне.

— Ну, малыш, пора за работу. Поехали.

И он пустил лошадь рысью по Пенсильвания-

авеню, а я — за ним. Скоро мы свернули к югу, и майор, обернувшись в седле, сказал:

— Теперь вопрос в том, что у них там, в будущем, есть.

Он поднял вверх палец, как учитель в школе, и тут я поверил, что он в самом деле профессор.

— Мы пока этого не знаем,— продолжал он,— но знаем, где это можно выяснить. В музее. Идем в Смитсоновский институт, если он еще стоит на своем месте. Для нас это будет настоящий склад техники будущего.

Я точно знал, что еще неделю назад Смитсоновский институт стоял на своем месте. Через некоторое время он появился впереди, на другой стороне лужайки, — знакомое каменное здание с башнями, как у замка, и выглядел он точь-в-точь как всегда, только окна были черно-белые в лунном свете.

— Все еще стоит, сэр, — сказал я.

— Прекрасно,— сказал майор. — Теперь на разведку.

Мы въехали в переулок. Впереди стояло несколько домов, которых я никогда раньше не замечал. Мы подъехали к ним и спешились. Майор ужасно волновался и все время шептал:

— Что нам нужно — это какое-нибудь новое оружие, которое уничтожит сразу всю армию мятежников. Если что-нибудь в этом роде увидишь, мой мальчик, скажи мне.

— Так точно, сэр,— ответил я и чуть не наткнулся на какую-то штуковину, которая стояла перед зданием прямо под открытым небом. Она была большая и сделана вся из толстого железа, а вместо колес у нее были два подвижных ремня, тоже железные — из больших плоских звеньев, соединенных вместе.

— Похоже на какой-то ящик, — сказал майор, — только непонятно, что они в нем держат. Пойдем, мой мальчик: эта штуковина для боя явно не годится.

Еще шаг вперед — и мы увидели перед собой огромную пушку, раза в три больше, чем самая большая, какую мне доводилось видеть. У нее был длиннющий ствол, колеса высотой почти с меня, и она была раскрашена какими-то странными волнистыми полосками и пятнами, так что при луне ее почти не было видно.

— Вот это да! — тихо сказал майор. — Такая за час сотрет в порошок всю армию Ли, но только неизвестно, как нам ее доставить.

Он покачал головой.

— Нет, не пойдет. Интересно, а что у них там внутри?

Мы подошли и заглянули в окно. Там оказался длинный, высокий зал, с одной стороны через все окна косо светила луна, а по всему полу стояли и даже висели под потолком такие странные штуки, каких я сроду не видывал. Каждая была величиной с повозку или даже больше, а спереди у них были колеса, только не по четыре, а по два у каждой. Я пытался сообразить, что бы это могло быть, когда майор снова заговорил:

— Самолеты, клянусь богом! — сказал он. — У них есть самолеты! Мы выиграем войну!

— Само... что, сэр?

— Самолеты. Летающие машины. Они летают по воздуху. Разве ты не видишь крылья, мой мальчик?

У каждой из машин, которые там стояли, с обеих сторон торчало что-то вроде гладильных досок, только побольше, но они были жесткие на

вид, и я не мог понять, как ими можно махать на-
подобие крыльев.

— Так точно, сэр, — сказал я.

Но майор снова покачал головой.

— Слишком уж они совершенные, — сказал он. — Мы с ними не справимся. Нам нужна более ранняя модель, а я здесь таких не вижу. Пойдем, мой мальчик, не задерживайся.

Ведя на поводу лошадей, мы пошли дальше, к другому зданию, и заглянули в дверь. Там, на полу, среди инструментов и пустых ящиков, как будто только что распакованная, лежала еще одна летающая машина. Только эта была куда меньше и напоминала просто деревянную раму, как от большого воздушного змея, с маленькими парусиновыми штуками, которые майор называл крыльями. И колес у нее не было, а только пара полозьев, как у санок. К стене был прислонен пла-катик с надписью, как будто его еще не успели установить на место. Лунный свет едва до него доставал, и я не смог прочесть все, что там было написано, разобрал только некоторые слова: «Первый в мире» и еще «Китти-Хок».

Майор стоял и глазел с минуту, как ошелелый, потом пробормотал про себя:

— Очень похоже на наброски да Винчи, но эта штука, очевидно, летала.

Вдруг он ухмыльнулся во весь рот.

— Это оно самое, мой мальчик. Вот зачем мы сюда явились.

Я понял, что у него на уме, и мне это не понравилось.

— Вам сюда никогда не вломиться, сэр, — сказал я. — Эти двери на вид ужасно крепкие, и бьюсь об заклад, что охрана здесь, как в казна-
честве.

Майор опять таинственно улыбнулся.

— Конечно, сынок. Это сокровищница нации. Отсюда никому ничего не вынести, не говоря уж об этом самолете, — при обычных обстоятельствах. Но не беспокойся, мой мальчик, предоставь это мне. Сейчас нам нужно горючее.

Он повернулся, подошел к своей лошади, взял ее под уздцы и повел прочь. Я пошел за ним. Мы остановились под какими-то деревьями поодаль, рядом с чем-то похожим на парк. Майор повернул рычажок в своем черном ящике и нажал на кнопку.

— Снова тысяча восемьсот шестьдесят четвертый, — сказал он и принюхался. — А воздух тут посвежее. Теперь садись на коня, скачи в штаб здешнего гарнизона и привези сколько можешь бензина. Это такая жидкость, они ею чистят мундиры. Скажи им, что за все отвечаю я. Понял?

— Так точно, сэр.

— Ну, скачи. Встретимся на этом месте.

Майор повернулся и пошел прочь вместе со своей лошадью.

В штабе часовой разбудил дежурного солдата, который разбудил капрала, который разбудил сержанта, который разбудил лейтенанта, который разбудил капитана, который обляял меня, а потом снова разбудил дежурного и велел дать мне что нужно. Дежурный ушел, бормоча что-то себе под нос, и скоро пришел с шестью кувшинами по пять галлонов каждый; я привязал их к седлу, написал шесть расписок в трех экземплярах и повел коня назад по залитым лунным светом улицам Вашингтона, время от времени прикладываясь к своей фляге с яблочной водкой.

На обратном пути я нарочно снова проехал мимо Белого дома — на сей раз в освещенном окне, крайнем к востоку, виднелся чей-то силуэт. Высо-

кий, худой, сутулый человек стоял с опущенной головой — так и чувствовалась в нем безмерная усталость и в то же время сила духа, и воля, и величие. Я был убежден, что это он, но не могу утверждать с полной уверенностью, что видел президента: я человек правдивый и в жизни слова не приврал.

Под деревьями меня ждал майор, и я разинул рот: рядом стояла летающая машина.

— Сэр, — сказал я, — как это вы...

Майор прервал меня, улыбаясь и поглаживая бороденку.

— Очень просто. Я встал у двери, — он похлопал по черному ящику, привязанному к седлу, — и передвинулся во времени назад, к тому моменту, когда не было еще даже Смитсоновского музея. Потом взял ящик под мышку, сделал несколько шагов вперед, снова повернул рычаг, передвинулся на нужное время вперед и оказался около летающей машины. Таким же способом я вышел вместе с ней — лошадь вытащила ее сюда на полозьях.

— Так точно, сэр, — ответил я.

Я решил, что буду вместе с ним дурака валить, пока ему не надоест, хотя никак не мог взять в толк, каким же образом он все-таки вынес эту летающую машину.

Майор ткнул пальцем вперед.

— Я осмотрел местность, — сказал он. — Земля здесь очень твердая и каменистая.

Он повернулся к своему черному ящику, установил циферблат и нажал кнопку.

— Теперь здесь парк. Это примерно сороковые годы будущего века.

— Так точно, сэр, — ответил я.

Майор показал мне на узенькое горлышко сбоку машины.

— Заправляй, — сказал он.

Я отвязал один кувшин, откупорил его и начал выливать в горлышко. Судя по звуку, там было совсем пусто, и из горлышка вылетело облачко пыли. Бензина влезло не очень много, всего несколько кварт, и майор начал отвязывать остальные кувшины.

— Привяжи их к машине, — сказал он, и, пока я это делал, он шагал взад-вперед, бормоча про себя: «Чтобы завести ее, требуется, по-моему, просто повернуть пропеллер. Но ей нужно будет помочь подняться в воздух». Он все ходил и ходил, теребя свою бороденку, а потом кивнул головой.

— Да, — сказал он. — Этого, наверное, будет достаточно.

Он остановился и поглядел на меня.

— Нервы у тебя в порядке, мой мальчик? Рука верная?

— Так точно, сэр.

— Хорошо, сынок. Летать на этой штуке, должно быть, нетрудно. Главное, полагаю, — держать равновесие.

Он указал на что-то вроде седла впереди машины.

— Я думаю, нужно просто лечь на живот, опираясь на это седло: оно соединено тросами с рулем и крыльями. Переваливаясь из стороны в сторону, ты сможешь управлять машиной.

Потом он показал на какой-то рычаг.

— А это нужно поворачивать рукой, чтобы подниматься выше или опускаться ниже. Вот и все, насколько я могу судить, а если я упустил какую-нибудь мелочь, ты в воздухе попробуешь так и сяк и сообразишь, что нужно делать. Ну как, мой мальчик, сможешь лететь на ней?

— Так точно, сэр.

— Прекрасно, — сказал он, ухватился за один из пропеллеров сзади машины и начал его поворачивать. Я взялся за другой, но ничего не получалось — они только скрипели, как заржавленные. Но мы все крутили сильнее и сильнее, и скоро машина кашлянула.

— Давай, мой мальчик, давай! — заорал майор, и мы взялись за дело с новыми силами, и теперь машина кашляла каждый раз. Наконец, мы так крутанули пропеллеры, что чуть сами не взлетели, — и тут машина, кашлянув, тут же кашлянула снова, еще и еще раз и уже не переставала кашлять, как будто чем-то подавилась. Потом она вроде как прокашлялась, чихнула, но не остановилась, а заработала гладко и ровно. Пропеллеры вертелись, сверкая в лунном свете, так быстро, что их почти не было видно, а летающая машина отряхнулась, как мокрая собака, и из всех ее частей вылетели облачка пыли.

— Отлично, — сказал майор и чихнул. Потом он связал вместе поводья наших лошадей, и получился один длинный повод. Тогда он поставил лошадей перед машиной и сказал:

— Залезай, мой мальчик. У нас сегодня ночью еще много дел.

Я лег в седло, а он забрался на верхнее крыло и лег там ничком.

— Берись за рычаг, а я буду держать повод. Готов?

— Так точно, сэр.

— Пошел! — крикнул майор, дернув за повод, и лошади тронулись, опустив головы и зарываясь копытами в землю. Летающая машина запрыгала по траве на своих полозьях, но скоро выровнялась и заскользила вперед гладко, как санки по укатан-

ному снегу. Лошади подняли головы и перешли на рысь, а мотор пыхтел себе и пыхтел.

— Труби «вперед», — сказал майор, я вынул из-за спины свою трубу и затрубил. Лошади налегли, и мы заскользили так быстро, что делали, наверное, миль пятнадцать, а то и двадцать в час.

— Теперь «атаку»! — заорал майор, и я протрубил атаку.

Копыта барабанили по дерну, кони храпели и ржали, мотор пыхтел все чаще и чаще, сзади завывали пропеллеры — и вдруг оказалось, что трава в добрых пяти футах под нами и повод тянется вниз. Потом — на секунду я испугался — мы обогнали лошадей, проскользнув прямо над ними, и они остались позади, а майор, бросив повод, заревопил:

— Рычаг на себя!

Я налег на рычаг, и мы взлетели в воздух.

Я вспомнил, что говорил майор о том, чтобы попробовать так и сяк, и немного отпустил рычаг. Машина вроде как выровнялась, и мы продолжали лететь — так быстро, как мне сроду не приходилось ездить. Здорово было. Я глянул вниз, а там простирался Вашингтон — он был куда больше, чем я думал, и огней там светилось столько, что хватило бы на весь мир. Горели они ярко, совсем не так, как свечи или керосиновые лампы. В стороне, ближе к центру города, виднелось несколько красных и зеленых огней, они были такие яркие, что освещали даже небо.

— Берегись! — заорал майор. Прямо впереди неслась на нас высокая каменная игла — наверное, какой-нибудь огромный монумент. Сам не знаю почему, но я перевалился в седле влево, толкнув рычаг от себя. Одно крыло поднялось вверх, и летающая машина круто повернула в сторону,

чуть не задев этот монумент кончиком крыла. Потом я снова улегся прямо, крепко держа рычаг, и машина выровнялась. Все было точь-в-точь как в тот раз, когда я впервые в жизни управлял целой упряжкой. Я почувствовал, что я, оказывается, прирожденный погонщик летающей машины.

— Назад, в штаб-квартиру, — сказал майор.— Найдешь дорогу?

— Так точно, сэр, — ответил я и повернулся на юг. Майор покрутил циферблат в своем черном ящике и нажал на кнопку. Тут я разглядел внизу, в лунном свете, немошеную дорогу, которая вела из Вашингтона в штаб-квартиру. Я обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на город, но теперь там виднелось очень мало огней, да и горели они совсем не так ярко, а красных и зеленых и вовсе не было.

Но луна ярко освещала дорогу, и мы неслись вдоль нее, когда она шла прямо, а когда начинала петлять, срезали повороты и делали миль сорок в час, не меньше. Вокруг свистел холодный ветер, я достал белый вязаный шарф, который связала бабушка, и обернулся вокруг шеи. Конец шарфа мотался сзади и хлопал на ветру. Потом я подумал, что у меня может сдуТЬ фуражку, и перевернул ее задом наперед. Теперь я чувствовал, что похож на настоящего погонщика летающей машины. Жалко, что меня не могли видеть девушки из нашего города.

Некоторое время я привыкал к рычагу и седлу: вздымался вверх, пока мотор не начинал кашлять, поворачивал и нырял вниз, чтобы посмотреть, как низко я могу лететь над дорогой. Но в конце концов майор заорал, чтобы я не вертелся. Время от времени мы замечали, как на какой-нибудь ферме загорается свет, а оглянувшись, видели качаю-

щийся огонек — это фермер выходил во двор с фонарем посмотреть, что за шум слышен с неба.

Несколько раз по дороге мы подливали горючего, и довольно скоро, часа через два или даже меньше, у нас под крыльями поплыли огни лагеря, и майор стал свешиваться то в одну, то в другую сторону, глядя вниз. Потом он вытянул руку вперед.

— Вон на то поле, мой мальчик. Сможешь посадить эту машину с выключенным мотором?

— Так точно, сэр, — ответил я, остановил мотор, и машина заскользила вниз, как санки с горы, а я слегка шевелил рычагом и смотрел, как мне навстречу поднимается поле, становясь все больше и больше. Теперь мы летели совсем беззвучно — только ветер вздыхал в проволочных оттяжках, и мы опускались вниз, залитые белым лунным светом, как привидения. Линия нашего полета уперлась точно в край поля. За мгновение до этого я потянул рычаг на себя, и полозья с шуршанием коснулись травы. Немного попрыгав по земле, мы остановились и некоторое время сидели молча. В траве зазвенели цикады.

Майор сказал, что на краю поля есть обрыв, мы нашли его и подтащили машину к краю, а потом пошли через поле, высматривая какую-нибудь тропинку или часового. Часового я нашел сразу — он охранял тропинку, лежа на траве с закрытыми глазами. У меня кончилась яблочная водка, так что я растолкал его и сказал, что мне нужно.

— Сколько дашь? — спросил он.

— Доллар, — сказал я.

Он пошел в лес и скоро вернулся с кувшином.

— Хорошая водка, — сказал он. — Самая лучшая. И как раз на доллар — почти полный кувшин.

Я попробовал — водка и в самом деле была от-

менная,— расплатился, отнес назад кувшин и привязал его к машине. Потом вернулся, позвал майора, и он подошел. Часовой повел нас по тропинке к палатке генерала.

Палатка была квадратная, в виде шатра, внутри горел фонарь, и передняя стенка палатки была откинута. Часовой отдал честь.

— Майор из кавалерии, сэр, — он произнес это так, как и полагается неотесанной пехтуре. — Говорит, дело секретное и срочное.

— Впусти кавалерию, — послышался голос изнутри, и я сразу понял, что генерал — кавалерист в душе. Мы вошли и отдали честь.

Генерал сидел на табурете, поставив на большой деревянный бочонок ноги в старых башмаках с незавязанными шнурками. Он был в черной широкополой шляпе и расстегнутой куртке с погонами, на которых я заметил три серебряные звезды. У него были голубые глаза, твердый взгляд и окладистая борода.

— Вольно, — сказал он. — Ну?

— Сэр, — начал майор, — у нас есть летающая машина, и я предлагаю, с вашего разрешения, использовать ее против мятежников.

— Что ж, — сказал генерал, раскачиваясь на табурете, — вы явились в самое время. Вся армия Ли собралась у Колд-Харбара, и я сижу тут всю ночь за бутыл... то есть за разработкой плана. Их нужно разгромить, прежде чем... Как вы сказали — летающая машина?

— Так точно, сэр, — ответил майор.

— Гм-м, — сказал генерал. — А где вы ее взяли?

— Это долгая история, сэр.

— Должно быть, — сказал генерал, взял со стола окурок сигары и задумчиво сунул его в рот. —

Если бы я не сидел тут всю ночь за бутыл... то есть за работой, я бы, конечно, не поверил. А что вы предлагаете делать со своей летающей машиной?

— Погрузить на нее гранаты! — глаза у майора загорелись. — Сбросить их прямо на штаб мятежников! Заставить их немедленно сдаться!..

Генерал покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне это не по душе. Военно-воздушные силы — это еще не все. Никогда ваши машины не заменят солдат, помяните мое слово. Впрочем, и они могут пригодиться. Это хорошо, что вы ее привезли.

Он взглянул на меня.

— Ты ее погонщик, сынок?

— Так точно, сэр.

Он снова повернулся к майору.

— Я хочу, чтобы вы взлетели с картой, нанесли на нее позиции Ли и вернулись. Если вы это сделаете, майор, то завтра, третьего июня, после битвы под Колд-Харбором, я своими руками приколю вам на мундир серебряные листья. Потому что тогда я возьму Ричмонд, как... ну, не знаю как. Что до тебя, сынок, — он взглянул на мои нашивки, — ты станешь капралом. Может быть, я даже придумаю для тебя новую эмблему — пару крыльев на груди или что-нибудь в этом роде.

— Так точно, сэр, — сказал я.

— Где машина? — спросил генерал. — Пожалуй, я пройдусь погляжу на нее. Проводите меня.

Мы с майором отдали честь, повернулись кругом и вышли, а генерал сказал:

— Идите, я вас догоню.

На краю поля он нас догнал, запихивая что-то в задний карман — платок, должно быть.

— Вот вам карта, — сказал он и протянул май-

ору сложенную бумагу. Майор взял ее, отдал честь и сказал:

— Во имя Союза, сэр! За победу...

— Только без речей, — сказал генерал. — Оставим их для предвыборной кампании.

— Так точно, сэр, — ответил майор и повернулся ко мне. — Заправляй!

Я залил бак, мы раскрутили пропеллеры, и на этот раз машина завелась сразу. Мы влезли, я опять перевернул фуражку задом наперед и повязался шарфом.

— Хорошо, — одобрительно заметил генерал. — Это по-кавалерийски.

Мы оттолкнулись и камнем полетели вниз с обрыва, навстречу земле. Потом крылья зацепились за воздух, я потянул на себя рычаг, и мы взмыли вверх, ревя мотором и набирая высоту. Я сделал пологий разворот и два круга над полем — сначала футах в пятидесяти, потом в ста. В первый раз генерал так и стоял там, задрав голову и разинув рот, и видно было, как сверкают в лунном свете его медные пуговицы. Когда я делал второй круг, его голова все еще была задрана вверх, но он, кажется, на нас не смотрел. Его рука была около рта, и он пил, по-моему, воду из стакана — я так подумал, потому что, как раз когда мы выровнялись и взяли курс на юг, он изо всех сил швырнул что-то в кусты и я видел, как в лунном свете блеснуло стекло. Потом он быстро пошел назад, в штаб. Должно быть, спешил сесть за работу.

Моя машина ржала, брыкалась, резвилась — я только о том и думал, как бы не дать ей встать на дыбы, и жалел, что у нее нет поводьев. Внизу холодно поблескивала в лунном свете Джеймс-ривер, уходя на восток и на запад, и виднелись огни Ричмонда, но разглядывать их мне было некогда.

Машина заупрямилась, задрожала, и я не успел опомниться, как она закусила удила и ринулась прямо вниз. Ветер выл в оттяжках, и вода неслась нам навстречу.

Ну, облезжать норовистых лошадок мне не впервые. Я налег на рычаг, чтобы задрать ей голову, и она снова устремилась наверх, как будто брала барьер. Но на этот раз в верхней точке подъема она не закашлялась, а фыркнула, почувствовав свою силу, и я только успел крикнуть майору: «Держитесь!», как она перевернулась на спину и снова понеслась вниз, к реке. Майор что-то завопил, но во мне играла яблочная водка, и все это было ужасно здорово, и я тоже заорал от радости. Потом я снова потянул рычаг на себя, и мы еще раз перевернулись. Крылья скрипели, как седло на галопе. Высоко поднявшись, я круто наклонил машину влево, и мы описали широкую красивую дугу. Никогда еще я так не веселился.

Теперь машина немного приутихла. Я знал, что она еще не облезжена как следует, но она, видно, почувствовала, что в седле настоящий всадник, и решила переждать, а пока придумывала, что бы ей еще выкинуть. Майор перевел дух и принялся ругаться. Я такого сроду не слыхивал, а ведь я с самого начала войны в кавалерии. Это было поистине что-то необыкновенное!

— Так точно, сэр, — сказал я, когда он остановился, чтобы передохнуть.

По-моему, он еще много чего собирался сказать, но у нас под крыльями замелькали огоньки лагеря, и ему пришлось вытащить карту и приняться за работу. Мы летали взад-вперед вдоль реки, а он все возился с картой и карандашом. И мне и машине стало скучно. Я начал размышлять о том, видят ли нас мятежники, и подбирался

все ближе к земле, и скоро прямо перед нами на полянке показался костер, а вокруг него — люди. Не знаю, кто это придумал — я или машина, но только я едва-едва дотронулся до рычага, а она уже ринулась прямо вниз, на огонь.

Тут-то уж они нас и увидели, и услышали. С криками и руганью они разбежались, а я, перегнувшись через борт, крыл их почем зря и хотстал, как сумасшедший. До земли оставалось футов пять, когда я опять потянул за рычаг, и огонь опалил нам хвост. Но на этот раз на подъеме мотор заикался, мне пришлось повернуть и медленно скользить вниз, чтобы дать ему перевести дух, а люди внизу уже схватились за свои мушкеты. И разозлились же они! Они стреляли с колена влет, как по утке, и вокруг нас свистели пули.

— Давай-давай! — заорал я, бросил машину вбок, достал свою трубу и заиграл атаку.

Мы неслись вниз, машина ржала, как бешеная, люди побросали мушкеты и разбежались кто куда, а мы пролетели над самим костром и снова пулей взвились вверх под торжествующий рев машины. Потом я повернулся, и мы пронеслись над верхушками деревьев, упервшись одним крылом в луну.

— Прошу прощения, сэр, — сказал я, не дожидаясь, пока майор опомнится. — Она резвится — молодая еще. Но меня она, кажется, уже слушается.

— Тогда поворачивай в штаб, пока ты нас не угробил, — сказал он ледяным голосом. — Потом поговорим.

— Так точно, сэр, — ответил я, разыскал в стороне реку и полетел над ней.

Сориентировавшись, майор вывел нас обратно к тому же полю.

— Подожди здесь, — сказал он, когда мы при-

землились, и быстро пошел по тропинке к палатке генерала.

Меня это вполне устраивало: я чувствовал, что пора бы выпить, и потом я уже полюбил эту машину и хотел о ней позаботиться. Я обтер ее своим шарфом и пожалел, что не могу задать ей какого-нибудь корма. Потом я пошарил внутри и принял ся крыть того часового — по-моему, даже почище, чем майор крыл меня. Моя водка пропала! Я додгадался, как было дело: он подобрался к машине и стащил кувшин, пока мы с майором были в палатке у генерала, а теперь, наверное, попивает у себя в караулке мою водку и посмеивается.

Тут быстрым шагом подошел майор.

— Назад, в Вашингтон, и поскорее! — сказал он. — Ее нужно доставить на место до рассвета, иначе прервется пространственно-временной континуум, и тогда неизвестно, что будет.

Мы залили бак и полетели назад, в Вашингтон. Я притомился, и машина, по-моему, тоже. Она чувствовала, что летит домой, в свое стойло, и мирно пыхтела.

Мы приземлились у тех же деревьев и вылезли, скрюченные от усталости. Машина немного поскрипела, повздыхала и успокоилась. Ей тоже изрядно досталось. В крыльях у нее осталось несколько дырок от пуль, и хвост был немного опален, а так ничего не было заметно.

— Шевелись, мальчик! — сказал майор. — Иди-ка, поищи лошадей, а я поставлю машину на место.

Он взялся за летающую машину и принял ся толкать ее вперед.

Лошади паслись неподалеку. Я привел их и привязал к дереву. Когда майор вернулся, уже начиняло светать. Мы пустились в обратный путь.

Ну, в общем, повышения я так и не получил.

И крыльев на мундир тоже. Стало жарко, и скоро я задремал. Через некоторое время майор закричал: «Эй, мальчик!», я проснулся и отозвался, но он звал не меня. Мимо бежал мальчишка-разносчик, и когда майор купил газету, я подъехал к нему, и мы вместе стали читать, сидя в седлах на окраине Вашингтона.

«БИТВА ПОД КОЛД-ХАРБОРОМ» — было написано там, а ниже — множество заголовков поменьше:

«ПОРАЖЕНИЕ АРМИИ СОЮЗА! НЕУДАЧНАЯ АТАКА НА РАССВЕТЕ! ОТБРОШЕНЫ ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ МИНУТ! СВЕДЕНИЯ О ПОЗИЦИЯХ МЯТЕЖНИКОВ ОКАЗАЛИСЬ НЕВЕРНЫМИ! ПОТЕРИ КОНФЕДЕРАТОВ НЕВЕЛИКИ, НАШИ ОГРОМНЫ! ГРАНТ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ДАТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ; ПРЕДСТОИТ РАССЛЕДОВАНИЕ!»

Дальше все излагалось подробно, но мы читать не стали. Майор швырнул газету в канаву и пришпорил лошадь, а я — за ним.

К полудню мы были уже в расположении своей части, но генерала разыскивать не стали. Мы решили, что это лишнее — не иначе, как он сам нас разыскивает. Правда, он нас так и не нашел: может быть, из-за того, что я отрастил бороду, а майор свою сбрнул. А как нас зовут, мы ему не говорили.

В конце-то концов Грант взял Ричмонд — это был настоящий генерал, — но ему пришлось долго держать осаду.

С тех пор я его видел только раз, много лет спустя, когда он уже не был генералом. Это было в Новый год, я попал в Вашингтон и увидел, что у Белого дома стоит длинная очередь. Я сообразил, что это, наверное, публичный прием, который пре-

зидент устраивает каждый Новый год. Я встал в очередь и через час вошел к президенту.

— Помните меня, генерал? — спросил я.

Он поглядел, прищурившись, потом весь побагровел и начал сверкать глазами. Но тут вспомнил, что я тоже избиратель, сделал глубокий вдох, заставил себя улыбнуться и показал головой на дверь сзади себя.

— Подожди там, — сказал он.

Прием скоро кончился, и генерал уселся напротив меня за большой стол, сунув в рот огрызок сигары.

— Ну, — сказал он, не тряся времени на вступление, — выкладывай, что там у вас стряслось?

Я ему и рассказал — я уж давно все сообразил. Рассказал, как наша летающая машина взбесилась и начала выбрасывать коленца, пока мы не перестали понимать, где верх, а где низ, и как мы полетели обратно, на север, и сняли план наших собственных позиций.

— Это-то я понял сразу, как только приказал начать атаку, — сказал генерал.

Тогда я рассказал ему про часового, который продал мне краденую водку, и как я думал, что он ее опять у меня украл, а он этого вовсе и не делал. Генерал кивнул.

— Значит, заправили машину водкой вместо бензина?

— Так точно, сэр, — ответил я.

Он снова кивнул.

— Ну ясно — конечно, машина взбесилась. Это был мой особый сорт — тот самый, что так любил Линкольн. Проклятый часовой всю войну ее у меня воровал.

Он откинулся в кресле, дымя сигарой.

— Ну что ж, пожалуй, даже хорошо, что у вас

ничего не получилось. Ли тоже так думал. Мы говорили об этом в Аппоматоксе перед его капитуляцией, когда ненадолго остались с ним наедине в домике фермера. Я никому никогда не говорил, о чем мы тогда разговаривали, и с тех пор все над этим голову ломают. Так вот, сынок, мы говорили о военно-воздушных силах, Ли был против них, и я тоже. Войну нужно вести на земле, мой мальчик, а если когда-нибудь ее перенесут в воздух, то неизменно начнут бросать бомбы, помяни мое слово, и это ни к чему хорошему не приведет. Поэтому мы с Ли решили помалкивать о воздушных машинах и сдержали слово — ни у меня, ни у него в мемуарах об этом ни звука не найти. Правильно сказал Билли Шерман: «Война — это ад, и нечего думать над тем, как бы сделать ее еще хуже». Так что ты тоже помалкивай про Колд-Харбор. Ни слова, пока тебе сто лет не стукнет.

— Так точно, — сказал я и помалкивал.

Но теперь мне, сынок, уже порядком за сто; если бы генерал хотел, чтобы я молчал и дальше, он бы мне так и сказал тогда. Так что нечего там махать руками, слышишь, мальчик? Подожди, пока кончит говорить самый что ни на есть первый пилот в мире!

Эдмонд Гамильтон

Отверженный*

Ему казалось, что Бродвей никогда не выглядел так угнетающе в ранних зимних сумерках, когда газовые фонари еще не успели зажечь, а стальные тополя с опавшими листьями неуклюже раскачивались под холодным ветром. Копыта лошадей и колеса повозок стучали и скрипели по разбитой мостовой, падали редкие хлопья снега.

Он думал о том, что где угодно будет лучше, чем здесь. В Ричмонде, Чарльстоне, Филадельфии. Хотя, по правде говоря, он устал и от них. Он всегда уставал от мест, даже от людей. А может быть, у него было просто плохое настроение после постигшей его сегодня неудачи следом за вереницей многих других неудач.

Он потянулся и вошел в неубранную маленькую конторку из двух комнат. Тщедушный человек, сидевший за столом, быстро поднял голову и с надеждой посмотрел на него.

— Нет. Ничего.

Проблески надежды потухли во взгляде смотревшего на него человека. Он пробормотал:

— Нам долго не протянуть. — Затем, помолчав, добавил: — К вам пришла молодая девушка. Ждет в кабинете.

* Печатается по изд.: Гамильтон Э. Странное происшествие с Эдгаром По: Пер. с англ. — М.: «Литературная Россия», № 48, 1983. — Пер. изд.: Hamilton E. Castaway: The Man Who Called Himself Poe. Doubleday, N. Y., 1969.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

— Я что-то не в настроении оставлять автографы в альбомах молодых девушек.

— Но... она выглядит богатой...

По улыбнулся своей саркастической улыбкой, скривив рот и обнажив при этом белые зубы.

— Понятно. А у богатых молодых девушек имеются богатые папочки, которых можно уговорить вложить деньги в умирающий литературный журнал.

Но, войдя в свой кабинет и отвешивая поклон сидевшей там девушке, вирджинец был сама любезность.

— Я весьма польщен, мисс...

Она прошептала, не поднимая глаз:

— Эллен Донсел.

На ней был шикарный наряд, начиная с мехового манто и кончая красивой голубой шляпкой. На пухлом розовощеком личике застыло глупое выражение. Но, когда она посмотрела на него, По вздрогнул от изумления. Глаза на круглом лице сверкали, в них сквозили ум и огромная жизненная сила.

— Вы, верно, хотите,— сказал он,— чтобы я читал свои стихи на каком-нибудь вечере, но у меня, к сожалению, совсем нет на это времени. Или, может быть, вам нужна копия «Ворона», написанная моей рукой?..

— Нет,— сказала она.— У меня к вам поручение.

По поглядел на нее вежливо и выжидавше.

— Да?

— От... Аарна.

Слово, казалось, повисло в воздухе как эхо отдаленного колокольчика, и какое-то мгновение оба они молчали, так что с улицы ясно было слышно, как скрипит и стучит проезжающий транспорт.

— Аарн, — повторил он, наконец. — Какое приятное звучное имя. Кто это?

— Это не человек, — сказала мисс Донсел, — а название места.

— Ах, — сказал По. — И где же оно находится? Ее взгляд пронзил его.

— Разве ты не помнишь?

Ему стало как-то не по себе. После того как он опубликовал свои фантастические рассказы, его буквально одолевали люди с нездоровой психикой и просто душевнобольные. Девушка выглядела вполне нормальной, даже чересчур. Но этот горящий взгляд...

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я не слышал раньше этого названия.

— Может быть, тебе что-нибудь скажет имя Лалу? — спросила она. — Это мое имя. Или Яанн? Так зовут тебя. И оба мы из Аарна, хоть ты пришел значительно раньше меня.

По настороженно улыбнулся.

— У вас очень яркое воображение, мисс Донсел. Скажите мне... на что оно похоже, это место, откуда мы пришли?

— Оно лежит в большой бухте, окруженной пурпурными горами. — Она говорила, не отрывая от него взгляда. — И река Заира течет, спускаясь с гор, и башни Аарна нависают в вышине под лучами заходящего солнца...

Внезапно он прервал ее, от души рассмеявшись. Затем продолжил:

— ... и сверкают в багровом закате сотнею террас, минаретов и шпилей, словно прозрачное творение сильфид, фей, джиннов и гномов.

Он снова засмеялся и покачал головой.

— Это — концовка моего рассказа «Поместье Арнгейм». Ну, конечно же... Аарн... Арнгейм. Имя

Лалу вы взяли от моей Улялюм, а Яанн — от Яаннека... Мисс, я должен поздравить вас с необычайной прозорливостью...

— Нет, — сказала она. И повторила: — Нет. Как раз наоборот, мистер По. Это вы взяли свои имена из тех, что я вам назвала.

Он окинул ее заинтересованным взглядом. До сих пор с ним не случалось ничего подобного, и он был явно заинтригован.

— Значит, я пришел из Аарна? Тогда почему я этого не помню?

— Ты помнишь, только совсем немного, — прошептала она. — Ты помнишь это место... почти. Ты вспомнил имена... почти. Ты вложил их в свои стихи и рассказы.

Его интерес к ней возрос. Эта девушка выглядела полной дурочкой, если бы не ее напряженный взгляд, но она обладала явно незаурядным воображением.

— Где же тогда он находится, этот Аарн? На другом конце света? В саду Гесперид?

— Очень близко отсюда, мистер По. В пространстве. Но не во времени. Далеко, далеко в будущем.

— Значит, вы... и я... пришли сюда из будущего? Моя милая девушка, это вам, а не мне следует писать фантастические рассказы!

Она не опустила глаз.

— Ты написал об этом. В «Повести Скалистых гор». О человеке, который ненадолго вернулся в прошлое.

— А ведь верно, — сказал По. — Действительно написал, но так неуклюже, что тут же постарался забыть: ведь это была лишь неудачная попытка.

— Ты так думаешь? Значит, лишь случайно в голову тебе пришла идея путешествия во времени,

к которой раньше никто и никогда серьезно не относился? Или, сам того не зная, ты вспомнил?

— Хотел бы я, чтобы это было так,— сказал он.— Уверяю вас, я отнюдь не горячий поклонник девятнадцатого века. Но, к несчастью, я прекрасно помню всю свою жизнь, и в ней нет места Аарну.

— Это говорит мистер По,— сказала девушка.— Он помнит только свою жизнь. Но ты не только мистер По, ты еще и Янн.

Он улыбнулся.

— Два человека в одном теле? Скажите, мисс Донсел, вы читали моего «Вильяма Вильсона»? Там говорится о человеке, у которого было второе «я», *alter ego*...

— Читала,— ответила она.— И знаю, что написал ты его именно потому, что это в *тебе* две личности, хотя одну из них ты не можешь вспомнить.

Она наклонилась вперед, и он подумал, что взгляд ее куда более гипнотический, чем у тех месмеристов, которыми он так интересовался. Ее голос почти сился на шепот.

— Я хочу заставить тебя вспомнить. Я заставлю тебя вспомнить. Только за тобой я вернулась сюда...

— Раз уж мы заговорили об этом,— прервал он, пытаясь выдержать беспечный тон,— скажите, как человек путешествует во времени? На каком-нибудь летательном аппарате?

Лицо ее оставалось все таким же серьезным, в нем не дрогнул ни один мускул.

— Человеческое тело не может передвигаться во времени. Как и любой другой физический, материальный предмет. Но сознание не материально, оно представляет собой лишь систему электрических сил, находящихся в физическом мозгу. И, ес-

ли отделить его от мозга, оно может быть отправлено в измерении времени назад, в мозг человека предыдущей эпохи.

— Но с какой целью?

— Чтобы подчинить себе тело и исследовать исторические периоды глазами человека, живущего в прошлом. Это нелегко и очень опасно, потому что всегда есть риск очутиться в мозгу человека настолько сильного духом, что он подчинит тебя себе. Именно так случилось с Янном, мистер По. Он находился в вашем мозгу, но оглушенный, действующий только на ваше подсознание, и все воспоминания его для вас не более чем сказки и фантазии. — Она помолчала, потом добавила: — У вас, должно быть, очень мощный мозг, мистер По, раз вы так подчинили себе Яанна.

— Да уж кем меня только не обзывают, только не тупицей,— пробормотал он, а затем иронически помахал рукой в воздухе на свой обветшалый кабинет. — Сами видите, каких высот я достиг с помощью своего интеллекта.

— Такое случалось и раньше, — прошептала она. — Один из нас попал в плен римского поэта по имени Лукреций...

— Тит Лукреций Кар? Как же, мисс, я читал его „De Rerum Natura” и странные теории об атомной науке.

— Не теории,— ответила она. — Воспоминания. Они так измучили его, что он покончил с собой. И я знаю много таких примеров в разные исторические эпохи.

— Блестящая идея! — с восхищением сказал По. — А какой может получиться рассказ...

— Я разговариваю с вами, мистер По, — перебила она,— но пытаюсь возвратить к Яанну. Пробу-

дить его, вырвать из плена вашего ума, заставить вспомнить Аарн.

Она говорила быстро, страстно, почти навязчиво, неотрывно глядя ему в глаза. А он слушал, как в полуслне, имена и названия мест из написанных им рассказов, иногда точные, как правило слегка измененные, но удивительно правдоподобно звучавшие в ее устах.

— Когда наступил — сейчас вернее будет сказать «наступит» — Жестокий Век, человечество откроет такие разрушительные силы, о которых не знало дотоле.

По чуть улыбнулся, подумав о своем рассказе, в котором все люди погибли от взрыва и мир был уничтожен огнем, и девушка, казалось, прочла эту мысль на его лице.

— О нет, человечество не было — не будет — уничтожено. Но погибнут многие, и, когда Жестокий Век кончится, через несколько столетий возникнет Аарн, в котором мы с тобой живем. Яанн, *вспомни!* Вспомни наш прекрасный мир! Вспомни тот день, когда мы с тобой спускались с гор по Заире в твоей лодке. Вниз, по желтой воде, где цвели белые водяные лилии, а темный лес торжественно смыкался вокруг нас, пока перед самым Аарном мы не причалили к Долине многоцветных трав и стали гулять там среди серебристых деревьев, глядя вниз на освещенные солнцем башни Аарна, над которым летали, сверкая, маленькие флейеры.

Неужели ты не помнишь? Ведь именно тогда ты впервые сказал мне, что был в Темпоральной лаборатории Тсалала и согласился добровольно отправиться обратно во времени. Ты собирался увидеть мир таким, каким он был до того, как его потрясли жестокие войны, увидеть глазами другого

го человека все то, что было безвозвратно потеряно для истории.

Помнишь ли ты мои слезы? Как я умоляла тебя оставаться, говорила о тех, кто никогда не вернулся, как льнула к тебе? Но ты был так поглощен своей историей, что не пожелал слушать меня. И ушел. И то, чего я боялась, свершилось: ты так и не вернулся.

Яанн, с тобой говорит твоя Лалу! Знаешь ли ты, как мучительно ожидание? Я не смогла перенести эту муку и получила разрешение Темпоральной лаборатории вернуться сюда, чтобы найти тебя. Сколько недель я заперта в этом чужом теле, как долго искала я тебя понапрасну, пока не прочла в рассказах, ставших знаменитыми, имен и названий, которые мы так хорошо знаем в Аарне, и поняла, что только их сочинитель может быть твоим господином. Яанн!

Как в полусне, слушал По звенящие в воздухе имена и названия выдуманного им сказочного мира. Но, когда она в отчаянии выкрикнула его имя, он опомнился и вскочил на ноги.

— Дорогая мисс Донсел! Я восхищен силой вашего воображения, но возьмите же себя в руки...

Ее глаза сверкнули.

— Взять себя в руки? А как, по-твоему, провела я несколько недель в этом уродливом ужасном мире, заключенная в тело этой жирной девицы?

По вздрогнул, как будто на него вылили ведро холодной воды. Ни одна женщина даже в шутку никогда не подумает и не скажет о себе такого. Но тогда...

Комната, ее сердитое лицо, весь мир, казалось, заколебались, как в тумане. Он почувствовал, как в нем поднимается какая-то странная волна, сметая

все на своем пути, и на мгновение его фантазии обрели формы, чуть измененные, но реальные.

— Яанн?

Ему показалось, что она улыбается. Ну конечно, этой жеманнице удалось провести знаменитого мистера. По своим лунными лучами и прочей ерундой, и теперь она будет счастлива, рассказывая об этом своим подружкам! Гордость и высокомерие, глубоко укоренившиеся в его натуре, заставили его вздрогнуть, и странное ощущение прошло.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я больше не могу уделить времени вашей удивительной jeu d'esprit, мисс Донсел. Мне остается лишь поблагодарить вас за ту тщательность, с которой вы изучили мои маленькие рассказы.

С глубоким поклоном он отворил перед ней дверь. Она вскочила на ноги, как будто он дал ей пощечину, и теперь на лице ее уже не было улыбки.

— Бесполезно, — прошептала она после минутного молчания. — Все бесполезно.

Она посмотрела на него, тихо прошептала «Прощай, Яанн» и закрыла глаза.

По сделал к ней шаг.

— Моя милая, прошу вас...

Глаза ее вновь открылись. Он остановился как вкопанный. Взгляд ее был лишен всякой жизни, в нем не выражалось ничего, кроме глупого изумления.

— Что? — сказала она. — Кто...

— Моя дорогая мисс Донсел... — вновь начал он.

Она звякнула. Потом стала пятиться, пытаясь закрыть лицо руками, глядя на него, как на олицетворение самого дьявола.

— Что случилось? — вскричала она. — Я... ни-

чего не помню... заснула в середине дня... Как я...
Что я... здесь делаю?

«Вот, значит, как, — подумал он. — Ну конечно! Сыграв роль воображаемой Лалу, она сейчас хочет показать, что та покинула ее тело».

Улыбнувшись ледяной улыбкой, он сказал:

— Должен поздравить вас не только с богатым воображением, но и с блестящими актерскими способностями.

Она просто не обратила на его слова никакого внимания и, пробежав мимо, рывком отворила дверь. Было поздно, его помощник ушел домой, и, когда По вышел за ней в другую комнату, мисс Донсел уже выбежала на улицу.

Он поспешил пошел следом. Газовые фонари зажглись, но в первый момент ему не удалось разглядеть ее в гуще проезжавших экипажей. Затем он услышал ее резкий голос и увидел, как она забирается в подъехавший к обочине кэб. Он невольно сделал несколько шагов вперед и увидел ее лицо, расширенные от ужаса глаза. Потом она исчезла в глубине, кучер прикрикнул на лошадей, и экипаж тронулся с места.

У По был вспыльчивый характер, и сейчас он чувствовал глухое раздражение. Он позволил сдаться из себя дурака, даже согласившись слушать эту жалкую обманщицу с ее заумными рассуждениями. Как она, наверное, веселится и торжествует!

И все же...

Он побрел обратно к своей конторе. Редкие хлопья снега скользили, падая вниз в желтом свете фонарей, уличная пыль постепенно превращалась в жидкую грязь. Резкий порыв ветра донес до него брань с другого конца улицы.

«Этот уродливый и ужасный мир»... Что ж, он и сам так думал, а сегодня мир показался ему еще

отвратительнее. Наверное, потому что он вспомнил воздушные башни Аарна, освещенные закатным солнцем, о которых эта девица рассказала ему, вычитав о них в его книге.

Он вернулся в свой кабинет и сел за стол. Раздражение его постепенно улеглось, и он задумался, нельзя ли в этой искусной бессмыслице найти материал для нового рассказа? Но нет, слишком много писал он на эту тему, и станут говорить, что он повторяется. Хотя идея человека, затерянного во времени, очень заманчива...

«Прибыл я сюда из Тьюле, там ревут шальные бури, там стоит над всеми он, вне Пространств и вне Времен...»

Кто это написал? Я? Или... Янн?

На какое-то мгновение лицо По стало старым, болезненным, измученным. А если все это правда, если завтрашний день увидит новый прекрасный мир, Тьюле, Аарн, Тсалал? Если те призрачные образы, которые он никак не мог уловить до конца своим воображением: Улялюм, Леонора, Морелла, Лигейя — хранились в его памяти...

Ему так хотелось верить, но он не мог, не должен был себе этого позволить. Ведь он привык мыслить логично, а если поверить, то любые построения рассыпятся как карточный домик и ему останется только умереть.

Нет, он не умрет.

Нет.

Когда он открыл ящик стола и потянулся за бутылкой, рука его почти не дрожала.

Хосе Гарсия Мартинес

Побег*

Моля бога, чтобы Матильда не услышала, сеньор Аренсибиа прокрался на цыпочках к себе в дом. Но Матильда услышала. Она слышала всегда.

— Паскуаль!

— Да, дорогая?

— Снова возишься со всякой дрянью? Тратишь деньги на хлам, когда на жизнь не хватает! Лучше бы поискал работу повыгодней!

— Как раз этим я сегодня и занимался. Только что встретил друга детства, одноклассника, он здесь проездом, и он обещал мне теплое местечко,— соврал сеньор Аренсибиа.

От изумления Матильда утратила дар речи, и он, воспользовавшись этим, смог без помех спуститься в подвал и продолжать эксперименты, к цели которых его супруга не проявляла ни малейшего интереса.

Всю середину его мастерской занимала сплетенная из тончайших волокон яйцевидная камера. Сеньор Аренсибиа развернул сверток, который принес, и стал монтировать новые детали. Закончив, он поднялся из подвала и вышел незаметно для Матильды на улицу.

Путь его лежал в ювелирную мастерскую, где

* Печатается по изд.: Гарсия Мартинес Х. Побег: Пер. с исп. — М.: «Литературная Россия», № 30, 1984. — Пер. изд.: García Martínez J. Huida: Antología de la ciencia ficción en lengua castellana. T. 2. Castellote, Madrid, 1973.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

он работал уже четверть века. Сторож приветливо с ним поздоровался. Сеньор Аренсибиа открыл сейф и выгреб оттуда не на один миллион драгоценностей, после чего написал своему хозяину следующую записку:

«Сеньор Маруган! Я достаточно натерпелся от вас и от своей жены. Проработав у вас двадцать пять лет, считаю, что заслужил право на счастье, а потому отправляюсь очень далеко. Ни Матильде, ни вам меня не поймать. Я построил машину времени и отбываю на ней в 2969 год. Денег с собой не беру, но в порядке компенсации за безупречную службу забираю драгоценности — они мне пригодятся. Прощайте. Аренсибиа».

Сеньор Аренсибиа попрощался со сторожем, вернулся, счастливо избежав встречи с Матильдой, домой и не мешкая спустился в подвал. С драгоценностями в карманах вошел в камеру. Сел и нажал на рычаг...

Открыв дверцу машины времени, Паскуаль Аренсибиа вышел наружу. Он оказался в прекрасном саду. За деревьями выселись удивительной архитектуры здания.

— Здравствуйте, — услышал он и, обернувшись, увидел двух мужчин в облегающих серебристых костюмах. — Сеньор... э-э... Аренсибиа?

— Да, это я. Что вам угодно?

— Мы вынуждены задержать вас за кражу десяти миллионов в драгоценностях, совершенную тысячу лет тому назад.

И они развернули перед ним пожелтевшую от времени газету, где он увидел сообщение о краже и свою фотографию. Газета была датирована 23 февраля 1969 года.

Джеймс Боллард

Из лучших побуждений*

Когда к полудню доктор Джеймисон прибыл в Лондон, все дороги, ведущие в город, были перекрыты уже с шести утра. Как обычно бывает в день коронации, люди стали занимать места вдоль всего пути, которым проследует королевский кортеж, еще за сутки до начала церемонии, и в Грин-парке, когда доктор Джеймисон медленно брел вверх по травянистому склону к станции метро у отеля «Риц», не видно было ни души. Среди мусора под деревьями валялись сумки из-под провизии и спальные мешки. К тому времени, как доктор Джеймисон добрался до входа в метро, с него уже ручьями лил пот, и он присел на скамейку, поставив свой небольшой, но тяжелый чемодан из оружейной стали рядом на траву.

Прямо перед ним была задняя сторона высокой деревянной трибуны. Он видел спины зрителей в самом верхнем ряду — женщин в ярких летних платьях, мужчин в рубашках с засученными рукавами, с газетами, которыми они защищали головы от палящего солнца, стайки детей, поющих, машущих национальными флагами. Люди высовывались, перегибаясь через подоконники, из окон контор вдоль всей Пикадилли, и сама улица была теперь неразделимой смесью света и звука. То отту-

* Пер. изд.: Ballard J. The Gentle Assassin: Ballard James. The Day of Forever, Panther Books, Lnd., 1967.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

да, то отсюда доносились звуки оркестра, приглушенные расстоянием, или рев команды, когда какой-нибудь офицер приказывал солдатам, протянувшимся шеренгами по обеим сторонам улицы, сменить построение.

Доктор Джеймисон, с интересом вслушиваясь, позволил всеобщему подогреваемому солнцем волнению увлечь и себя. Ему было около шестидесяти пяти лет, он был невысок, но пропорционально сложен, волосы у него уже начали седеть, а живые, внимательные глаза замечали все, что происходит вокруг. Хотя в облике его было что-то профессиональное, благодаря покатости широкого лба он казался моложе своих лет. Это впечатление усиливалось щегольским покроем костюма из серого шелка: очень узкие лацканы, единственная пуговица обтянута узорной тканью, вдоль швов на рукавах и брюках широкий кант. Когда кто-то, выйдя из палатки первой помощи у дальнего конца трибуны, направился в его сторону, доктор Джеймисон понял, как непохожа их одежда (человек, который к нему приближался, был в свободном голубом костюме с огромными, хлопающими на ветру отворотами), и в душе поморщился от досады.

Взглянув на часы у себя на руке, он поднял чемодан и быстро зашагал к станции метро.

Королевский кортеж после коронации должен был начать свой путь от Вестминстерского аббатства в три часа дня, и улицы, по которым он пропледует, полиция уже закрыла для всякого движения. Когда доктор Джеймисон поднялся на поверхность из второго выхода, на северной стороне Пикадилли, он стал внимательно оглядывать высокие здания, где располагается столько контор и отелей; время от времени, узнавая какое-нибудь из них, он повторял про себя его название. С трудом

проталкиваясь за спинами людей, плотной стеной стоявших на тротуаре, больно ударяясь коленями о свой же металлический чемодан, он добрался до Бонд-стрит, свернул за угол, помедлил и двинулся к стоянке такси. Люди, сплошным потоком двигавшиеся навстречу ему, к Пикадилли, смотрели на него удивленно, и он почувствовал облегчение, когда очутился наконец в машине. Отказавшись от помощи водителя, он сам поставил чемодан в кабину и, усаживаясь, сказал:

— Отель «Уэстленд».

Водитель вполоборота повернулся к нему:

— Какой?

— «Уэстленд», — повторил доктор Джеймисон, стараясь, чтобы его манера говорить как можно меньше отличалась от манеры водителя. Речь, которую он слышал вокруг, была чуть гортанной.— На Оксфорд-стрит, ярдов на сто пятьдесят восточнее Марбл-Арч. По-моему, запасной вход там со стороны Гроувенор-плейс.

Пристально поглядев на него, водитель кивнул. Машина тронулась.

— Приехали посмотреть на коронацию?

— Нет, — небрежно сказал доктор Джеймисон. — По делам. Всего на один день.

— Я-то подумал, вы хотите посмотреть на кортеж. Из «Уэстленда» все видно великолепно.

— Да, пожалуй. Конечно, посмотрю, если будет возможность.

Они свернули на Гроувенор-сквер, и доктор Джеймисон, подняв чемодан на сиденье, тщательно проверил хитроумные металлические запоры и убедился, что они надежно держат крышку. Потом стал смотреть на здания по сторонам, стараясь подавить чувства, вызванные волной воспоминаний. Однако все было не таким, как он помнил, — годы,

отделившие его от этого дня, незаметно для него исказили старые впечатления. Улицы, уходящие вдаль, неразбериха зданий, реклама куда ни глянь в немыслимом множестве и разнообразии — все было совершенно новым. Город казался невероятно старомодным и разностильным, и было трудно поверить, что он в нем когда-то жил.

Неужели и все другие воспоминания его обманывают?

Вдруг он обрадованно подался вперед: здание американского посольства с изящной ячеистой стеной, мимо которого они сейчас проезжали, разрешило его сомнения.

Водитель обратил внимание на его неожиданную заинтересованность.

— Янки начудили, — сказал он, стряхнув пепел с сигареты. — И не поймешь, что это такое.

— Вы так считаете? — спросил доктор Джеймисон. — С вами мало кто согласится.

Водитель рассмеялся.

— Вот тут вы ошибаетесь, мистер. Я еще ни от кого не слышал доброго слова об этой чертовщине. — Он пожал плечами, решив, что лучше не возражать пассажиру. — Не знаю... может, она просто обогнала свое время.

Доктор Джеймисон чуть заметно улыбнулся.

— Пожалуй, — сказал он скорее себе, чем водителю. — Лет так на тридцать пять. Вот тогда об этой архитектуре будут очень высокого мнения.

Он не заметил, как снова стал говорить слегка в нос, и водитель спросил:

— Вы не из-за границы, сэр? Не из Новой Зеландии?

— Нет, — ответил доктор Джеймисон и теперь обратил внимание на то, что движение транспорта

на улицах левостороннее. — Правда, в Лондоне я не был давно. Но день, кажется, выбрал удачно.

— Уж это точно, сэр. Большой день для молодого принца. То есть, правильнее сказать, короля. Король Яков III — звучит непривычно. Но дай бог ему счастья.

Руки доктора Джеймисона легли на чемодан, и он пылко, хотя *sotto voce**^{*}, отозвался:

— Вы правы — дай бог ему счастья.

Он вошел в отель через запасной вход и оказался в толпе внутри небольшого вестибюля, но в ушах у него все еще гудело от шума Оксфорд-стрит. Подождав минут пять, он протолкался к стойке портье; тяжелый чемодан оттягивал ему руку.

— Доктор Роджер Джеймисон, — назвался он. — Для меня здесь заказан номер на втором этаже.

Портье начал искать запись в журнале регистрации, а он, прислушиваясь к шуму голосов вокруг, облокотился на конторку. Больше всего в вестибюле было тучных женщин средних лет в ярких платьях; они, безудержно болтая, проходили в холл, где стоял телевизор: с двух часов начнут передавать из Вестминстерского аббатства церемонию коронации. Не обращая на них внимания, доктор Джеймисон стал разглядывать остальную публику — официантов, закончивших свою работу, посыльных, гостиничных служащих, организовывавших банкеты в комнатах наверху. Он рассматривал каждое лицо, как будто ожидал встретить знакомого.

Портье, близоруко щурясь, смотрел в журнал.

— Комната была заказана на ваше имя, сэр?

— Разумеется. Номер семнадцать, угловая.

* Тихо, вполголоса (*итал.*).

Портье недоуменно покачал головой.

— Очевидно, тут какая-то ошибка, у нас ничего не записано. Может, вы приглашены на какой-нибудь банкет наверху?

— Уверяю вас, я заказал эту комнату, семнадцатый номер, сам, — сказал, сдерживая раздражение, доктор Джеймисон. Он бережно поставил чемодан у своих ног. — Это было довольно-таки давно, но управляющий отеля тогда уверил меня, что все будет в порядке.

Портье медленно листал журнал. Вдруг он ткнул пальцем в выцветшую от времени запись на самом верху первой страницы.

— Вот она, сэр. Прошу извинить меня — дело в том, что ее сюда перенесли из предшествующей тетради. «Доктор Джеймисон, комната 17». Как удачно выбрали день, доктор, — ведь номер вы заказывали больше двух лет назад.

Оказавшись наконец в номере, доктор Джеймисон заперся на ключ и устало сел на кровать. Когда дыхание его снова стало ровным, а онемевшая правая рука подвижной, он поднялся и внимательно оглядел комнату.

Комната была просторной, и из двух угловых окон очень хорошо просматривалась запруженная людьми улица внизу. Жалюзи защищали от ярких лучей солнца и от взглядов сотен людей на балконах большого универсального магазина напротив. Доктор Джеймисон проверил стенные шкафы, затем окошко ванной комнаты, выходившее на лестничную клетку. Успокоенный, он передвинул кресло к окну, мимо которого должен был проследовать потом кортеж. На несколько сотен ярдов были отчетливо видны каждый солдат и полицейский в выстроившихся вдоль улицы шеренгах.

По диагонали окно пересекала, скрывая доктора Джеймисона от любопытных взглядов, широкая полоса красной ткани — часть украшавшей стену отеля огромной праздничной гирлянды; и доктору Джеймисону был прекрасно виден тротуар внизу, где между стеной дома и деревянными загородками была зажата толпа. Опустив жалюзи так, чтобы между нижним их краем и подоконником осталось всего дюймов шесть, доктор Джеймисон уселся поудобнее в кресло и начал не спеша разглядывать одного за другим людей в толпе.

По-видимому, никто не вызвал у него особого интереса, и он раздраженно посмотрел на часы. До двух часов дня оставалось всего несколько минут, будущий король наверняка уже выехал из Букингемского дворца в Вестминстерское аббатство. У многих в толпе были с собой транзисторы, и, когда начался репортаж из аббатства, людской гомон стих.

Доктор Джеймисон поднялся с кресла, снова подошел к кровати и вынул из кармана ключи. Замки на чемодане были с секретом. Несколько раз он повернул ключ влево, потом вправо, надавил — и крышка откинулась.

В чемодане, в обтянутых бархатом углублениях, лежали части дальнобойной охотничьей винтовки и магазин с шестью патронами. Металлический приклад был укорочен на шесть дюймов и скошен таким образом, что, прижатый к плечу, позволял стрелять под углом в сорок пять градусов.

Освобождая детали одну за другой от державших их зажимов, доктор Джеймисон быстро собрал винтовку и привинтил приклад. Вставив ма-

газин, он отвел затвор назад и дослал верхний патрон в казенную часть ствола.

Стоя спиной к окну, он некоторое время смотрел на заряженную винтовку, в полуумраке лежавшую на кровати. Пьяные крики в комнатах дальше по коридору и рев толпы на улице не прерывались ни на миг. Внезапно что-то в докторе Джеймисоне будто надломилось, и тому, кто сейчас бы его увидел, он показался бы страшно усталым; лицо его утратило всякую решимость и твердость, и теперь это был просто утомленный старик, один, без друзей, в номере отеля в чужом городе, где сегодня у всех, кроме него, праздник. Он сел на постель, на которой лежала винтовка, и начал стирать носовым платком с рук смазочное масло, в то время как мысли его, судя по всему, были где-то далеко. Поднялся на ноги он с трудом и растерянно огляделся вокруг, будто удивляясь тому, что здесь оказался.

Но тут же он взял себя в руки. Быстро разобрал винтовку, закрепил ее части на прежних местах в чемодане, захлопнул крышку, положил чемодан в нижний ящик бюро и снова присоединил ключ к общей связке. Уходя из комнаты, он запер за собой дверь и решительным шагом вышел из отеля.

Пройдя двести ярдов по Гроувенор-плейс, он свернул на Халлам-стрит, обычно оживленную уличку с множеством небольших художественных галерей и ресторанов. Полосатые тенты над витринами ярко освещало солнце, и улица сейчас была так пустынна, как если бы от толп, выстроившихся вдоль пути следования королевского кортежа, ее отделяли многие мили. Доктор Джеймисон почувствовал, что уверенность возвращается к нему. Примерно через каждые десять ярдов он оста-

навливался под тентом и окидывал взглядом пустые тротуары, прислушиваясь к обрывкам телерепортажа, глохо доносившимся из окон над магазинами.

Он уже прошел половину Халлам-стрит, когда оказался возле небольшого кафе с тремя выставленными на тротуар столиками. Усевшись под тентом за один из них, доктор Джеймисон достал из кармана темные очки, устроился поудобнее и, заказав у официантки стакан охлажденного апельсинового сока, начал не спеша пить. За темными линзами в толстой оправе его невозможно было узнатъ. На улице было тихо, только время от времени, по мере того как один этап церемонии в Вестминстерском аббатстве сменялся другим, с Оксфордстрит доносились взрывы аплодисментов и приветственные крики.

В самом начале четвертого, когда низкое гуденье органа, раздавшееся из телевизоров, известило о том, что служба в аббатстве закончилась и коронация состоялась, доктор Джеймисон услышал слева от себя шаги. Повернув голову, он увидел, что это идут, держась за руки, молодой человек и девушка в белом платье. Когда они были уже совсем близко, он снял очки, чтобы получше разглядеть пару, потом быстро надел их снова и, прикрыв лицо рукой, облокотился на стол.

Молодые люди были заняты исключительно друг другом и не видели, что за ними наблюдают, хотя любой, взглянув на доктора Джеймисона, сразу бы понял, как сильно он взволнован. Мужчина был лет двадцати восьми, в мешковатом костюме, какие, обратил внимание доктор Джеймисон, носили теперь все в Лондоне, а вокруг мягкого воротника его рубашки был небрежно повязан видавший виды галстук. Из одного нагрудного кармана

торчали две авторучки, из другого — концертная программа, и весь его облик отличала приятная непринужденность молодого преподавателя университета. Лоб над красивым лицом был резко скошен назад, редеющие темные волосы небрежно приглажены. Молодой человек смотрел в лицо девушке, не скрывая своих к ней чувств, и внимательно ее слушал, лишь иногда прерывая восклицанием или коротким смешком.

Доктор Джеймисон тоже смотрел теперь на девушку. До этого он не отрывал глаз от молодого человека, следил за каждым его движением и за переменами в выражении лица так, как искоса и настороженно люди следят за своим отражением в зеркале. Чувство огромного облегчения охватило его, и от радости он едва не вскочил с места. Он испытывал страх перед собственными воспоминаниями, но на самом деле девушка оказалась еще более красивой, чем ему помнилось. Ей было от силы девятнадцать-двадцать лет, она шла, высоко подняв и немного откинув назад голову, и ветер шевелил на тронутых загаром плечах ее длинные соломенного цвета волосы. Ее полные губы были очень подвижными, а искрящиеся весельем глаза лукаво посматривали на молодого человека.

Когда они подошли к кафе, девушка самозабвенно о чем-то щебетала, и молодой человек перебил ее:

— Постой, Джун, мне нужно передохнуть. Приядем и выпьем чего-нибудь — кортеж будет у Марбл-Арч самое раннее через полчаса.

— Бедненький мой старичок, я тебя загнала?

Они сели за столик рядом с доктором Джеймисоном, всего несколько дюймов отделяло его от ее голой руки, и теперь, почувствовав снова, он вспомнил свежий запах ее тела. Его захватили вос-

поминания: да, это именно ее изящные и быстрые руки, это она так вытягивала подбородок и разглашивала на коленях широкую белую юбку.

— Ну, а, вообще-то, не беда, если я и не увижу кортеж. Этот день — не короля, а мой.

Молодой человек широко улыбнулся и сделал вид, будто хочет встать.

— В самом деле? Значит, всю эту публику ввели в заблуждение. Ты посиди здесь, а я пойду распоряжусь, чтобы изменили маршрут и направили кортеж сюда. — Потянувшись через столик, он взял ее руку и критически оглядел крошечный бриллиант на пальце. — Не бог весть что. Кто тебе это подарил?

Девушка поцеловала бриллиант.

— Алмаз величиной с отель «Риц». Да, вот это мужчина, придется мне скоро выйти за него замуж. Но как чудесно получилось с премией, Роджер, правда? Триста фунтов! Ты настоящий богач. Жаль только, что Королевское общество не разрешит тебе ни на что ее потратить — не так, как с Нобелевской премией. Придется, видно, тебе ждать Нобелевской — тогда все будет по-другому.

Молодой человек скромно улыбнулся.

— Ну-ну, дорогая, не возлагай на это слишком больших надежд.

— Нет, ты обязательно ее получишь. Я в этом уверена. В конце концов, ты ведь изобрел машину времени.

Молодой человек забарабанил пальцами по столу.

— Джун, умоляю, никаких иллюзий на этот счет: машины времени я не изобрел. — Он понизил голос, вспомнив о незнакомце за соседним столиком; никого другого вокруг не было. — Если ты будешь говорить это всем, решат, что я сумасшедший.

Девушка наморщила носик.

— Нет, изобрел, никуда не денешься! Я знаю, тебе не нравится, когда так говорят, но ведь, если отбросить высшую математику, все к этому и сведется, разве не так?

Молодой человек задумчиво смотрел на поверхность стола между ним и девушкой, и на его лице, ставшем серьезным, отражалась теперь вся мощь его интеллекта.

— В той мере, в какой математические понятия соответствуют чему-то во Вселенной, — да, хотя тут мы идем на огромное упрощение. И даже тогда это не машина времени в обычном смысле слова, хотя, я знаю, пресса, когда в «Нейчер» появится моя статья, будет настаивать на том, что речь идет именно о машине времени. Так или иначе, чисто временной аспект открытия меня не особенно интересует. Будь у меня лишних тридцать лет, заняться этим стоило бы, но пока есть дела более важные.

Он улыбнулся девушке, а она, наклонившись вперед, напряженно о чем-то думая, взяла его руки в свои.

— А по-моему, Роджер, ты не прав. Ты говоришь, что твое открытие нельзя применить в повседневной жизни, но ученые всегда так думают. Подумать только, путешествовать назад во времени! То есть...

— А что в этом особенного? Сейчас мы ведь движемся *вперед* во времени, и никому в голову не приходит кричать по этому поводу ура. Сама Вселенная не что иное, как машина времени, которая, если наблюдать ее, фигурально выражаясь, с нашего места в зрительном зале, движется в одном направлении. Точнее, в основном в одном направлении. Мне всего-навсего посчастливилось за-

метить, что частицы внутри циклотрона иногда движутся в обратном направлении — достигают конца своих бесконечно коротких траекторий еще до того, как начнут свой путь. Это вовсе не означает, что через неделю любой из нас сможет отправиться назад во времени и убить собственного дедушку.

— А что случится, если убьешь? Нет, серьезно?
Молодой человек рассмеялся.

— Не знаю. Честно говоря, я даже не люблю об этом думать. Может быть, именно поэтому я хочу, чтобы проблема разрабатывалась чисто теоретически. Если логически осмыслить ее до конца, мои наблюдения в Харуэлле должны быть неверны, потому что события во Вселенной реализуются (это вполне очевидно) независимо от времени, оно есть не более чем угол зрения, под которым мы на них смотрим и который сами им навязываем. Через сколько-то лет проблему, вероятно, назовут парадоксом Джеймисона, и пытливые математики, чтобы его разрешить, будут пачками отправлять на тот свет своих дедушек и бабушек. Нам с тобой следует позаботиться о том, чтобы наши внуки стали не учеными, а адмиралами или архиепископами.

Пока молодой человек говорил, доктор Джеймисон следил за девушкой, изо всех сил стараясь не дать себе дотронуться до ее руки или заговорить с ней. Веснушки на ее тонкой обнаженной руке, оборки платья ниже лопаток, крохотные, с облупившимся лаком ноготки на пальцах ног — все это было для него несомненным доказательством подлинности его собственного существования.

Он снял очки, и на какой-то миг взгляды его и молодого человека встретились. Молодой человек, осознав, как они похожи, как одинаково склонен у обоих лоб, по-видимому, смущился. Доктора Джей-

мисона охватило глубокое, почти отцовское чувство к нему, и, хотя мимолетно, он ему улыбнулся. Прямота и наивная серьезность, непринужденность и обаятельная неуклюжесть вдруг стали для него в этом молодом человеке важнее интеллектуальных достоинств, и он понял, что не испытывает к нему зависти.

Он снова надел темные очки и посмотрел в конец улицы; его решимость довести свой план до конца еще более окрепла.

Шум за домами резко усилился, и пара вскочила со своих мест.

— Скорее, уже половина четвертого! — воскликнул молодой человек. — Наверно, подъезжают!

Они побежали, но девушка, остановившись, чтобы поправить сандалету, оглянулась на старика в темных очках. Доктор Джеймисон, подавшись вперед, ждал, чтобы она что-нибудь сказала, но девушка отвела взгляд в сторону, и он опять опустился на стул.

Когда молодые люди добежали до перекрестка, он встал и быстро зашагал к отелю.

Запершись в комнате, доктор Джеймисон вытащил чемодан из ящика бюро, собрал винтовку и, держа ее в руках, сел к окну. Кортеж уже двигался мимо, рядами проходили в парадной форме под музыку своих оркестров солдаты, возглавлявшие процессию, за ними королевская конная гвардия. Толпа ревела и выкрикивала приветствия, швыряя в пронизанный солнцем воздух серпантин и пригоршни конфетти.

Через просвет между краем жалюзи и подоконником доктор Джеймисон посмотрел вниз, на тротуар. Он стал разглядывать одного за другим всех, кто там стоял, и вскоре увидел ту же девушку в

белом платье — привстав на цыпочки, она пытаясь разглядеть из-за спин кортеж. Девушка улыбалась всем вокруг и, пытаясь протолкнуться вперед, тянула молодого человека за руку.

Несколько минут доктор Джеймисон следил за каждым ее движением, потом, когда появились первые ландо дипломатического корпуса, начал разглядывать остальных, внимательно изучая каждое лицо в толпе. Затем достал из кармана небольшой пластиковый пакет и, отведя руки как можно дальше от лица, сломал печать. Изнутри с коротким шипением вышел зеленоватый газ, и доктор Джеймисон извлек большую пожелтевшую от времени газетную вырезку; она была сложена, но так, что оставался виден мужской фотопортрет.

Доктор Джеймисон положил вырезку на подоконник. Человеку на снимке было лет тридцать, его худое смуглое лицо напоминало мордочку ласки — это явно был какой-то преступник, сфотографированный полицией. Под снимком стояло имя: АНТОН РЕММЕРС.

Доктор Джеймисон сидел, подавшись вперед, не отрывая глаз от тротуара. Проехал дипломатический корпус, за ним в открытых машинах, приветственно размахивая шелковыми цилиндрами, проследовали члены кабинета министров. Снова королевская конная гвардия, а потом в некотором отдалении послышался нарастающий гул: толпа увидела приближавшуюся королевскую карету.

Доктор Джеймисон встревоженно посмотрел на часы. Три сорок пять, через семь минут королевская карета проедет мимо отеля. Шум толпы не давал сосредоточиться, да и телевизоры в соседних комнатах были, судя по всему, включены на полную мощность.

Внезапно пальцы его впились в подоконник:
Реммерс!

Прямо внизу, около табачного киоска, стоял болезненного вида человек в широкополой зеленой шляпе и безучастно смотрел на кортеж, засунув руки в карманы дешевого плаща. Неловким движением доктор Джеймисон поднял винтовку и, не сводя глаз с этого человека, положил ствол на подоконник. Тот не делал никаких попыток протолкнуться вперед и ждал возле табачного киоска у небольшой арки, которая вела в переулок.

Бледный от напряжения, доктор Джеймисон снова начал разглядывать по очереди всех под окном. Его оглушил рев толпы: вслед за конной гвардией, под цоканье копыт, появилась золоченая королевская карета. Доктор пристально следил за Реммерсом, надеясь перехватить брошенный им на сообщника взгляд, но Реммерс по-прежнему не вынимал рук из карманов, ничем не выдавал себя.

— Черт бы тебя побрал! — прорычал доктор Джеймисон. — Где другой?

Как безумный, он откинул жалюзи, собирая все силы ума и весь свой опыт, чтобы за долю секунды проанализировать характеры десятка с лишним стоявших внизу людей.

— Ведь их было двое! — закричал он хрипло, обращаясь к самому себе. — *Двое!*

В каких-нибудь пятидесяти ярдах от него откинувшись сидел в золотой карете молодой король, и мантия его пламенела на солнце. Несколько мгновений доктор Джеймисон смотрел на него, а потом осознал вдруг, что Реммерс более не стоит неподвижно около киоска. На своих худых ногах он метался теперь по заднему краю толпы, как обезумевший тигр. Толпа подалась вперед, и Реммерс, вытащив из кармана плаща голубой термос, быст-

рым движением отвернул крышку. Королевская карета была уже прямо напротив него, и он переложил термос в правую руку; из широкого горла термоса торчал металлический стержень.

— Так, значит, бомба была у Реммерса?! — вырвалось у доктора Джеймисона, повергнутого в замешательство.

Реммерс отступил, движением опытного гранатометчика отвел правую руку как можно ниже назад и начал ее поднимать. Но дуло уже смотрело на него, и доктор Джеймисон, прицелившись ему в грудь, выстрелил за миг до того, как бомба отделилась от руки Реммерса. Отдача, рванув в плечо, сбила доктора Джеймисона с ног. Реммерс, согнувшись, начал валиться на табачный киоск, между тем как бомба, будто ее подбросил жонглер, летела крутясь прямо вверх. На тротуар она упала в несколько ярдах от Реммерса и оказалась под ногами толпы, когда та бросилась в сторону, вслед за королевской каретой.

Потом она взорвалась.

Ослепительная вспышка, и от нее во все стороны — огромная волна дыма и пыли. Оконное стекло целиком влетело в комнату и разбилось у ног вскочившего уже доктора Джеймисона. Пол усыпало осколки стекла, куски вырванного волной пластика, и доктор Джеймисон упал, споткнувшись, по-перек кресла; крики на улице между тем сменились воплями, и тогда он, овладев собой, добрался до окна и посмотрел сквозь едкий от дыма воздух наружу. Люди разбегались во все стороны, кони под своими седоками, оставшимися без шлемов, вставали на дыбы. Два-три десятка человек под окном лежали или сидели на тротуаре. Королевскую карету, лишившуюся одного колеса, но в остальном целую и невредимую, упряжка тащила дальше, и те-

перь ее окружали конная гвардия и солдаты. С другого конца улицы к отелю бежали полицейские, и доктор Джеймисон увидел, как кто-то показывает на него и кричит.

Он посмотрел вниз, на край тротуара, где лежала, как-то странно вывернув ноги, девушка в белом платье. Молодой человек в разодранном сверху донизу пиджаке стоял возле нее на коленях и уже накрыл ей лицо своим платком; по платку медленно расплзлось темное пятно.

В коридоре послышались голоса. Он повернулся к двери. На полу, у его ног, лежала развернутая взрывной волной выцветшая газетная вырезка. Двигаясь как автомат, доктор Джеймисон ее поднял; рот его был перекошен.

ПОКУШЕНИЕ НА КОРОЛЯ ЯКОВА

Бомба на Оксфорд-стрит убила 27 человек

Двое застрелены полицией

Чернилами было обведено: «Один из убитых — Антон Реммерс, профессиональный убийца, нанятый, как полагают, вторым террористом, много старше Реммерса; тело этого второго изрешечено пулями, и установить его личность полиции не удалось».

В дверь уже били кулаками. Чей-то голос что-то выкрикивал, потом по дверной ручке ударили ногой. Доктор Джеймисон выпустил газетную вырезку из рук и посмотрел через окно вниз, на молодого человека, который, по-прежнему стоя на коленях и склонившись над девушкой, держал ее мертвые руки в своих руках.

Когда дверь сорвали с петель, доктор Джеймисон уже понял, кто был второй убийца, тот, кого через тридцать пять лет он вернулся убить. Его попытка изменить события прошлого оказалась бес-

плодной, он, вернувшись в это прошлое, лишь вовлек себя в совершенное тогда преступление, обреченный принять невольное участие в убийстве своей молодой невесты. Не застрели он Реммерса, убийца забросил бы бомбу на середину улицы и Джун осталась бы жива. Весь его самоотверженный план, разработанный ради молодого человека, этот бескорыстный дар другому, более молодому себе, оказался причиной собственного крушения, так как губил человека, которого должен был спасти.

Надеясь еще один, последний раз увидеть девушку, а также предупредить молодого человека о том, что ее следует забыть, он бросился вперед, прямо на грохочущие пистолеты полицейских.

Бруно Энрикес

Еще раз о времени*

Чтобы заново обрести молодость, необходимо было подвергнуть себя воздействию асимметричного электромагнитного поля, обращавшего течение времени в биологических процессах вспять.

Но один вопрос все еще оставался открытым. По теоретическим расчетам, выходило, что предел омоложению устанавливает только сам подвергающийся ему субъект, и никто другой. Думали, что первыми добровольцами станут несколько старых ученых, посвятивших такого рода исследованиям всю свою жизнь и сохранивших, несмотря на возраст, ясность ума; предполагалось, что они смогут, когда почувствуют себя достаточно молодыми, процесс дальнейшего омолаживания остановить.

Женщина, которая первой вошла в застекленную камеру, вышла оттуда в биологическом возрасте семи лет. И интересовали ее теперь только сладости, куклы и катанье на велосипеде, а не разговоры о том, что с ней произошло.

Тогда мы изменили программы так, чтобы омолаживание протекало не непрерывно, а скачками; теперь система делала короткие остановки, после каждой испытуемый должен был включать ее снова, и так до тех пор, пока не почувствует, что омолодился достаточно.

* Печатается по изд.: Энрикес Б. Долгая жизнь впереди: Пер. с исп. — М.: «Литературная Россия», № 30, 1984. — Пер. изд. Непріquez B. Otra vez el tiempo: "Union", No. 3, 1982.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

Но хотя второй испытуемый такие остановки делал, мальчик, который выскочил из застекленной камеры, тоже был семи лет от роду. Он сразу бросился к окну, за которым в это время шел дождь, высунулся, посмотрел — и не прошло и минуты, как он, позабыв обо всем на свете, уже бегал босиком по саду.

Таким же образом еще четыре участника нашей исследовательской группы вернулись в семилетний возраст, и в итоге образовалась веселая компания ребят, которые с утра до вечера предаются играм, а к ночи, обессиленные, валятся на кровати.

Но при этом знаний своих они не утратили: им прекрасно известна структура научно-исследовательских институтов, они знают наши имена, помнят даже собственные научные степени и прежнюю работу; возможно, что-нибудь они и забыли, но найти убедительные подтверждения этому нам так и не удалось, и даже если что-то забыто, по ним этого не видно. Когда же с ними говоришь о работе, они отвечают, что это неважно, работа может и подождать.

Но почему каждый раз испытуемому оказывается семь лет? И почему никто из них не хочет говорить об эксперименте?

Сейчас моя очередь.

Я твердо усвоил, что мне нужно делать на каждом этапе эксперимента; я буду постоянно помнить, как важно мое задание, и остановлю эксперимент до наступления безответственного возраста семи лет, пока я еще буду в состоянии сделать какие-то выводы.

Мои коллеги, усевшись на специально отведенном месте, наблюдают за экспериментом.

Включаю конвертор; чувствую, как зрение ста-

новится острее, кожа разглаживается, зубы укрепляются, мышцы твердеют.

Первая остановка. Я молодой и сильный; стрелка на шкале возраста показывает цифру «30». Я великолепно помню, где решил остановиться. Ко мне вернулись способности, которые отняла старость; я смогу завершить исследования, не думая о близкой смерти. И пожалуй... можно омолодиться еще немножко.

Опять включаю конверсор.

Ноги сами начинают танцевать под музыку, которая доносится из соседнего помещения. Какая долгая жизнь у меня впереди! Будет не только работа, но и развлечения, и ко мне снова придет любовь. Но научное задание всего важнее, и я снова нажимаю кнопку.

Старики, что сидят в углу, вытаращили на меня глаза, чем-то они расстроены, физиономии у них вытянулись. А ну их всех! Времени у меня впереди много, и сколько будет интересного, поинтересней, чем этот проект и мое научное задание!

И я высакиваю через окно на улицу, где ждут меня остальные мальчишки.

Джон Уиндем

Хроноклазм*

Мое знакомство с Тавией началось, можно сказать, издалека. Как-то утром на плайтонской Хайстрит ко мне подошел незнакомый пожилой джентльмен. Он приподнял шляпу, отвесил поклон, скорее, на иностранный манер и вежливо представился:

— Меня зовут Доналд Гоби, доктор Гоби. Я буду весьма признателен вам, сэр Джералд, если вы уделите мне несколько минут вашего драгоценного времени. Очень прошу простить за беспокойство, но дело весьма важное и не терпит отлагательств.

Я внимательно посмотрел на него.

— Видимо, здесь какое-то недоразумение. Я не титулован — я даже не дворянин.

Он выглядел озадаченным.

— Неужели! Простите великодушно! Такое сходство... я был совершенно уверен, что вы сэр Джералд Лэттери.

Настал мой черед удивиться.

— Я и есть Джералд Лэттери, но мистер, а не сэр.

— О боже! — смутился он.— Конечно! Как глупо с моей стороны. Есть здесь... — он посмотрел вокруг — ...есть здесь mestечко, где мы могли бы побеседовать без помех?

* Пер. изд.: Wyndham J. *The Chronoclasm: Wyndham J. The Seeds of Time*. Penguin Books, Harmondsworth, 1959.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

Я заколебался лишь на миг. Бессспорно, передо мной был образованный, культурный джентльмен. Может быть, юрист. И уж конечно, не попрошайка или кто-нибудь в таком роде. Мы находились рядом с «Быком», и я пригласил его туда. Гостиная была свободна и к нашим услугам. Он отклонил мое предложение выпить, и мы сели.

— Ну, так в чем же дело, доктор Гоби? — спросил я.

Он не сразу решился заговорить, но все же сбрался с духом и сказал:

— Это касается Тавии, сэр Джералд... э-э, мистер Лэттери. Вы, вероятно, не представляете истинного масштаба возможных осложнений. Вы понимаете, я говорю не о себе лично, хотя мне это грозит серьезными неприятностями, — речь идет о последствиях, предвидеть которые невозможно. Поверьте, она должна вернуться, прежде чем случится непоправимое. *Должна*, мистер Лэттери!

Я наблюдал за ним. Несомненно, он был понастоящему чем-то расстроен.

— Но, доктор Гоби... — начал я.

— Я понимаю, что это значит для вас, сэр, но все же я умоляю вас на нее воздействовать. Не ради меня, не ради ее семьи, но ради общего блага. Нужна величайшая осторожность, иначе последствия непредсказуемы. Порядок, гармония совершенно обязательны. Сдвиньте с места одно зернышко — и, кто знает, чем это кончится? Поэтому заклинаю вас убедить ее...

Я перебил его, но мягко, так как, о чем бы там ни шла речь, его это дело очень тревожило.

— Одну минуту, доктор Гоби! Боюсь, это все же ошибка. Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите.

Он с явным недоверием поглядел на меня.

— Как?.. Уж не хотите ли вы сказать, что еще не встречались с Тавией?

— Насколько мне известно, не встречался. Я даже имени такого никогда не слышал, — заверил я.

У него был такой растерянный вид, что я снова предложил выпить. Он отрицательно покачал головой и понемногу пришел в себя.

— Мне так неловко. И впрямь вышла ошибка. Прошу вас принять мои извинения, мистер Лэттери. Боюсь, я показался вам не совсем нормальным. Все это так трудно объяснить. Забудьте, пожалуйста, наш разговор. Очень вас прошу, забудьте его.

Он удалился с потерянным видом. А я, хоть и несколько озадаченный, через день-другой выполнил его последнюю просьбу — забыл об этом разговоре. По крайней мере думал, что забыл.

Тавию я впервые увидел года два спустя и, конечно, не знал в то время, что это она.

Я только что вышел из «Быка». На Хай-стрит было людно, и все же, берясь за ручку машины, я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд с противоположной стороны улицы. Я обернулся, и наши глаза встретились. У нее они были карие.

Высокая, стройная, красивая — нет, не хорошенькая, больше чем хорошенькая, — она была в обычной твидовой юбке и темно-зеленом вязаном джемпере. Однако туфли ее выглядели несколько странно: на низком каблуке, но слишком нарядные, не гармонировавшие со стилем одежды. И еще что-то во внешности девушки обращало на себя внимание, хотя я и не сразу понял, что именно. Только потом до меня дошло, что прическа, отнюдь ее не портившая, была — как бы это сказать — неожиданной что ли. Вы можете мне возразить, что волосы — всегда волосы и парикмахеры

причесывают их на бесчисленное множество ладов, но это неверно. Моды меняются, и каждому времени присущ свой определенный стиль; да вы взгляните на фотографию тридцатилетней давности, и сразу это заметите. Так вот, прическа девушки, как и туфли, нарушали впечатление цельности.

Несколько секунд она смотрела на меня, смотрела пристально, без улыбки. Затем, двигаясь как во сне, шагнула на мостовую. В этот момент стали бить часы на здании рынка. Она взглянула на них и, охваченная внезапной тревогой, бросилась бежать, как Золушка, догоняющая последний автобус.

Не представляя, с кем она меня спутала, я сел в свою машину. Я был совершенно уверен, что никогда не видел этой девушки.

На следующий день, подавая мне мою обычную кружку пива, бармен «Быка» сказал:

— Вчера о вас спрашивалась молодая особа, мистер Лэттери. Нашла она вас? Я дал ей ваш адрес.

Я покачал головой.

— Кто такая?

— Она не назвала себя, но... — и он описал мне вчерашнюю незнакомку.

— Я видел ее через дорогу, но не знал, кто это, — сказал я.

— А она вроде бы знает вас хорошо. «Это мистер Лэттери вышел от вас?» — спрашивает она. Я говорю, что да, вы здесь были. «Он ведь живет в Бэгфорд-хаусе, не так ли?» — спрашивает она. «Нет, — говорю, — мисс, то дом майора Флэкена. Мистер Лэттери живет в Чэтком-коттедже». Тогда она спрашивает, где это. Надеюсь, ничего, что я объяснил ей? По-моему, она вполне достойная молодая леди.

Я успокоил его:

— Мой адрес узнать нетрудно. Странно, однако, что она упомянула о Бэгфорд-хаусе: именно этот дом я хотел бы купить, если у меня когда-нибудь будут деньги.

— Тогда поторопитесь раздобыть их, сэр. Старый майор сильно сдает последнее время. Боюсь, он недолго протянет.

На этом тогда дело и кончилось. Зачем бы девушке ни понадобился мой адрес, она им не воспользовалась, и я со своей стороны думать об этом забыл.

Снова я увидел ее примерно месяц спустя. У меня вошло в привычку раза два в неделю ездить верхом с девушкой по имени Марджори Крэншоу, а потом отвозить ее домой. Дорога шла узкими улочками, на которых едва могли разъехаться две машины. Завернув за угол, я вынужден был затормозить и рвануть в сторону, потому что встречная машина, пропуская пешехода, остановилась прямо посреди улицы. Когда эта машина на конец проехала, я глянул на пешехода и увидел прежнюю незнакомку. Она узнала меня в ту же минуту и, поколебавшись, сделала несколько шагов навстречу с явным намерением начать разговор. Но потом, заметив сидевшую рядом со мной Марджори, очень неумело сделала вид, что вовсе не собиралась ко мне обращаться. Я дал газ.

— О! — многозначительно произнесла Марджори. — Кто это?

Я сказал, что не знаю.

— Она определенно знает вас, — недоверчиво сказала Марджори.

Мне ее тон не понравился. Кто бы это ни был, ее это, во всяком случае, не касалось. Я не ответил. Но она не отставала:

— Я раньше не встречала ее.

— Должно быть, курортница, — сказал я. — Здесь их много.

— Звучит не слишком убедительно, если принять во внимание, как она смотрела на вас.

— Мне не нравится, когда меня считают лгуном.

— О, по-моему, я задала самый обычный вопрос. Конечно, если вас он смущает...

— И такого рода намеки мне тоже не нравятся. Полагаю, вам лучше пройти пешком остаток дороги. Здесь уже недалеко.

— Понимаю. Извините, что помешала. Жаль, что здесь невозможно развернуться, — сказала она, выходя из машины. — Всего хорошего, мистер Лэттери.

Подав машину назад, к воротам, развернуться можно было, но девушка уже скрылась, о чем я готов был пожалеть, так как Марджори пробудила у меня интерес к ней. А кроме того, даже не зная, кто она такая, я чувствовал, что должен быть благодарен ей. Возможно, вам знакомо это чувство освобождения от груза, о наличии которого вы до сих пор даже не отдавали себе отчета?

Наша третья встреча произошла на совершенно ином уровне.

Мой коттедж в Девоншире стоял в маленькой долине, прежде поросшей лесом. Здесь было еще несколько коттеджей, но мой находился в стороне от других, в ложбине, в самой нижней ее части, у самого конца дороги. С обеих сторон отвесно поднимались поросшие вереском холмы. По берегам ручья тянулись узкие пастбища. А то, что осталось от прежнего леса, образовало теперь несколько небольших кущ и рощиц.

Однажды, когда я после полудня в ближайшей рощице осматривал участок, на котором, по моим расчетам, должны были уже дать всходы посаженные мною бобы, я услышал, как под чьими-то ногами затрещали веточки. С первого же взгляда я узнал, кому принадлежат эти светлые волосы. Какое-то мгновенье мы, как и в прошлые разы, смотрели друг на друга.

— Э-э... привет, — наконец, сказал я.

Она ответила не сразу, продолжая смотреть на меня. А затем спросила:

— Есть здесь кто-нибудь в поле зрения?

Я поглядел на дорогу, затем на холмы.

— Не вижу никого.

Она раздвинула кусты и осторожно вышла, оглядываясь по сторонам. Одета она была, как и при нашей первой встрече, только волосы растрепались от соприкосновения с ветками. На голой земле ее туфли выглядели еще более неуместно.

— Я... — начала она, делая несколько шагов вперед.

В этот момент в верхнем конце ложбины послышался мужской голос, а затем другой, отвечавший ему. Девушка в испуге замерла.

— Они идут. Спрячьте меня куда-нибудь побыстрее, пожалуйста.

— Э-э... — невразумительно произнес я.

— О, быстро, быстро! Они идут, — настойчиво сказала она.

Вид у нее был очень встревоженный.

— Лучше пройдемте в дом, — сказал я, направляясь к коттеджу.

Она торопливо последовала за мной и, войдя, закрыла дверь на засов.

— Не позволяйте им схватить меня! Не позволяйте! — взмолилась она.

— Послушайте, что все это значит? Кто такие «coni»?

Она не ответила; глаза ее, обежав комнату, остановились на телефоне.

— Вызовите полицию. Вызовите полицию, быстро!

Я колебался.

— Разве у *вас* нет полиции?

— Конечно, у нас есть полиция, но...

— В таком случае позвоните, пожалуйста!

— Но послушайте... — начал я.

Она стиснула руки.

— Вы должны позвонить в полицию, пожалуйста! Быстро!

Она была очень испугана.

— Хорошо. Я позвоню. Но разговаривать будете вы, — сказал я, снимая трубку.

Я привык к тому, что в наших краях нескоро получишь соединение, и терпеливо ждал. Но девушка в отчаянии ломала пальцы. Наконец меня соединили.

— Алло, — сказал я, — полиция Плайтона?

— Полиция Плайтона... — отзвались на другом конце провода. И тут я услышал торопливые шаги по покрытой гравием дорожке, а затем настойчивый стук в дверь. Отдав девушке трубку, я подошел к двери.

— Не впускайте их! — сказала она и начала говорить в трубку.

Я колебался. В дверь продолжали все настойчивее стучать. Невозможно не отвечать на стук. К тому же на что это похоже: быстренько завести в свой коттедж незнакомую молодую девушку и тут же запереть дверь, никого больше не впуская?.. На третий стук я открыл.

При виде стоявшего на крыльце мужчины я

оторопел. Нет, лицо у него было вполне подходящее — лицо молодого человека лет двадцати пяти, но одежда... Непривычно увидеть нечто вроде очень обуженного лыжного костюма в сочетании с широкой курткой до бедер со стеклянными пуговицами да еще в Дартмуре в конце летнего сезона. Однако я взял себя в руки и справился, что ему угодно. Не обращая на меня внимания, он через мое плечо смотрел на девушку.

— Тавия, — сказал он, — поди сюда!

Она продолжала торопливо говорить по телефону. Молодой человек сделал шаг вперед.

— Стоп! — сказал я. — Прежде всего я хотел бы знать, что здесь происходит.

Он посмотрел мне прямо в лицо.

— Вы не поймете, — и попытался отстранить меня рукой.

Ну, скажу вам со всей откровенностью, я терпеть не могу, чтобы мне говорили, будто я чего-то не пойму, и пытались оттолкнуть меня от моего собственного порога. Я двинул его в подреберье и, когда он сложился пополам, выбросил его за дверь и запер ее.

— Они сейчас приедут, — раздался за моей спиной голос девушки, — я имею в виду полицейских.

— Если бы вы все же объяснили мне, — начал я.

Но она показала на окно.

— Смотрите!

Еще один человек, одетый так же, как и тот, чей стон отчетливо слышался из-за двери, появился на дорожке. Я снял со стены мое двенадцаткалиберное ружье, быстремко зарядил его и, став лицом к двери, сказал девушке:

— Откройте и отойдите в сторонку.

Она неуверенно повиновалась.

За дверью второй незнакомец заботливо склонился над первым. На тропинке показался третий человек. Они увидели ружье, и разговор у нас был короткий.

— Эй вы, — сказал я. — Либо вы сию же минуту уберетесь отсюда, либо подождите полицию и будете объясняться с ними. Ну, как?

— Но вы не понимаете. Это очень важно... — начал один.

— Отлично. Тогда оставайтесь и расскажите полиции, насколько это важно, — сказал я и подал девушке знак закрыть дверь.

Через окно мы видели, как двое помогают третьему — ушибленному — идти.

Полицейские держались неприветливо. Неохотно записав мои показания о незнакомцах, они холодно удалились. А девушка осталась.

Полиции она сообщила лишь самое необходимое: просто, что трое странным образом одетых мужчин гнались за ней и она обратилась ко мне за помощью. Предложение подбросить ее в Плейтон на полицейской машине она отклонила и вот осталась здесь.

— Ну, а теперь, — предложил я, — может быть, вы все же объясните мне, что значит все это?

Она посмотрела на меня долгим взглядом, в котором читалось что-то — печаль? разочарование? — ну, во всяком случае, определенное недовольство. На миг мне показалось, она собирается заплакать, но затем она тихо сказала:

— Я получила ваше письмо... и вот сожгла свои корабли.

Я пошарил в кармане и, найдя сигареты, засунул.

— Вы... э-э... получили мое письмо и... э-э... сожгли свои корабли? — повторил я.

— Да. — Она обвела взглядом комнату, в которой не на что было особенно смотреть, и добавила: — А теперь вы даже знать меня не хотите. — И тут она действительно расплакалась.

С полминуты я беспомощно смотрел на нее. Затем решил сходить на кухню и поставить чайник, чтобы дать ей время прийти в себя. Все мои родственницы всегда считали чай панацеей, так что назад я вернулся с чайником и чашками.

Девушку я застал уже успокоившейся. Она не сводила глаз с камина, который не топился. Я зажег спичку. Огонь в камине вспыхнул. Девушка наблюдала за ним с выражением ребенка, получившего подарок.

— Прелесть, — сказала она так, точно огонь был для нее новостью. Затем снова окинула комнату взглядом и повторила: — Прелесть!

— Хотите разлить чай? — Но она покачала головой и только внимательно следила, как я это делаю.

— Чай, — произнесла она. — У камина!

Что в общем соответствовало действительности, но едва ли представляло интерес.

— Я полагаю, нам пора познакомиться, — сказал я. — Меня зовут Джералд Лэттери.

— Конечно, — кивнула она. Ответ был не совсем тот, которого я ждал, но она тут же добавила: — А я Октавия Лэттери, обычно меня зовут просто Тавией.

Тавия?.. Это было что-то знакомое, но я не мог ухватить ниточку.

— Мы что, в родстве? — спросил я.

— Да... в очень отдаленном, — она как-то стран-

но посмотрела на меня. — О боже! Это так трудно, — она, похоже, снова собиралась заплакать.

— Тавия?.. — повторил я, напрягая память. — Что-то... — И вдруг мне вспомнился смущенный пожилой джентльмен. — Ну, конечно! Как же его звали? Доктор... доктор Боги или...

Она застыла.

— Не... не доктор Гоби?

— Да, точно. Он спрашивал меня о какой-то Тавии. Это вы?

— Его нет здесь? — Она посмотрела так, точно он мог где-то прятаться.

Я сказал, что это было года два назад. Она успокоилась.

— Глупый старый дядя Доналд! Так на него похоже! И конечно, вы понятия не имели, о чем он толкует?

— Я и сейчас примерно в том же положении. Хотя я могу понять, что даже дядя способен расстроиться, потеряв вас.

— Да. Боюсь, он расстроится... очень.

— *Расстроился*: это было два года назад, — поправил ее я.

— О, конечно, вы ведь не понимаете, да?

— Послушайте, — сказал я. — Все, как говорившись, твердят мне, что я не понимаю. Мне это уже известно... пожалуй, это единственное, что я хорошо понял.

— Ладно. Попробую объяснить. О боже, с чего начать?

Я не ответил, и она продолжала:

— Вы верите в предопределение?

— Пожалуй, нет.

— О, я не так выражалась. Скорее... не предопределение, а тяга, склонность... Видите ли, сколько я себя помню, я думала об этой эпохе как о самой

волнующей и чудесной... и потом, в это время жил единственный знаменитый представитель нашего рода. В общем, мне оно казалось изумительным. У вас это, кажется, называют романтичным.

— Смотря, какую эпоху вы имеете в виду... — начал я, но она не обратила внимания на мои слова.

— Я представляла себе огромные флотилии смешных маленьких самолетиков, которые так храбро воевали. Я восхищалась ими, как Давидом, вступающим в поединок с Голиафом. И большие, неповоротливые корабли, которые плыли так медленно, но все же приплывали к своей цели, и никого не беспокоило, что они так медлительны. И странные черно-белые фильмы; и лошадей на улицах; и старомодные двигатели внутреннего сгорания; и камины, которые топят углем; и поезда, идущие по рельсам; и телефоны с проводами; и великое множество разных других вещей! И все, что можно было сделать! Подумайте только, сходить в настоящий театр на премьеру новой пьесы Шоу или Ноэля Каурда! Или получить только что вышедший из печати новый томик Т. С. Элиота! Или посмотреть, как королева отправляется на открытие парламента! Чудесное, замечательное время!

— Приятно слышать, что кто-то так думает. Мой собственный взгляд на эту эпоху не совсем...

— Но это вполне естественно. Вы видите ее вблизи, у вас отсутствует перспектива. Вам бы пожить хоть немного в нашу эпоху, тогда вы знали бы, что такое монотонность, и серость, и однообразие — и какая во всем этом смертельная скука!

Я немного испугался.

— Кажется, я не совсем... э-э... как вы сказали, пожить в вашу... что?

— Ну, в нашем веке. В двадцать втором. О, ко-

нечно, вы ведь не знаете. Как глупо с моей стороны.

Я сосредоточился на повторном разливании чая.

— О боже! Я знала, что это будет трудно, — заметила она. — Ведь трудно, как вы считаете?

Я сказал, что, по-моему, трудно. Она решительно продолжала:

— Ну, понимаете, оттого я и занялась историей. Я имею в виду, мне нетрудно было представить себя в эту эпоху. А потом, получив в день рождения ваше письмо, я уже само собой решила взять темой дипломной работы именно середину двадцатого века, и, конечно, в дальнейшем это стало предметом моего научного исследования.

— Э... э, и все это результат моего письма?

— Но ведь это был единственный способ, не так ли? То есть, я хочу сказать, как иначе могла бы я подойти близко к исторической машине? Для этого надо было прежде всего попасть в историческую лабораторию. Впрочем, сомневаюсь, что даже при таком условии мне удалось бы воспользоваться машиной, не будь это лаборатория дяди Доналда.

— Историческая машина, — уцепился я за соломинку в этой неразберихе. — Что такое историческая машина?

Она поглядела на меня с изумлением.

— Это.. ну, историческая машина. Чтобы изучать историю.

— Не слишком понятно. С тем же успехом вы могли бы сказать: чтобы делать историю.

— Нет-нет. Это запрещено. Это очень тяжкое преступление.

— В самом деле! — Я снова попробовал сначала: — Насчет этого письма...

— Ну, мне пришлось упомянуть о нем, чтобы объяснить всю историю. Но, конечно, вы его еще

не написали, так что все это может казаться вам несколько запутанным.

— Запутанным не то слово. Не могли бы мы зацепиться за что-нибудь конкретное? К примеру, за это письмо, которое мне якобы предстоит написать. О чём оно, собственно?

Она посмотрела на меня строго и затем отвернулась, покраснев вдруг до корней волос. Все же она заставила себя взглянуть на меня вторично. Я видел, как вспыхнули и почти сразу погасли ее глаза. Она закрыла лицо руками и разрыдалась:

— О, вы не любите меня, не любите! Лучше бы я никогда сюда не являлась! Лучше бы мне умереть!

— Она прямо-таки фыркала на меня, — сказала Тавия.

— Ну, она уже ушла, а с ней и моя репутация, — сказал я. — Превосходная работница, наша миссис Тумбс, но строгих правил. Она способна отказаться от места.

— Из-за того, что я здесь? Какая чушь!

— Вероятно, у вас иные правила.

— Но куда еще мне было идти? У меня всего несколько шиллингов ваших денег, и я никого здесь не знаю.

— Едва ли миссис Тумбс об этом догадывается.

— Но мы ведь не... я хочу сказать, ничего такого не...

— Мужчина и женщина, вдвоем, ночью — при наших правилах этого более чем достаточно. Фактически достаточно даже просто цифры два. Вспомните, животные просто ходят парами, и никого их эмоции не интересуют. Их двое — и всем все ясно.

— Ну да, я помню, что тогда... то есть теперь

нет испытательного срока. У вас застывшая система, непоправимая, как в лотерее: не повезло — все равно терпи!

— Мы выражаем это другими словами, но принцип, по крайней мере внешне, примерно такой.

— Довольно нелепы эти старые обычаи, как приглядеться... но очаровательны. — Глаза ее на миг задумчиво остановились на мне. — Вы... — начала она.

— Вы, — напомнил я, — обещали дать мне более исчерпывающее объяснение вчерашних событий.

— Вы мне не поверили.

— Все это было слишком неожиданно, — признал я, — но с тех пор вы дали мне достаточно доказательств. Невозможно так притворяться.

Она недовольно сдвинула брови.

— Вы не слишком любезны. Я глубоко изучила середину двадцатого века. Это моя специальность.

— Да, я уже слышал, но не скажу, чтобы мне стало от этого много яснее. Все историки специализируются на какой-нибудь эпохе, из чего, однако, не следует, что они вдруг объявляются там.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Но, конечно, они так и делают — я имею в виду дипломированных историков. А иначе как могли бы они завершить работу?

— У вас слишком много таких «конечно». Может, начнем все же сначала? Хотя бы с этого моего письма... нет, оставим письмо, — поспешно добавил я, заметив выражение ее лица. — Значит, вы работали в лаборатории вашего дядюшки с чем-то, что вы называете исторической машиной. Это что — вроде магнитофона?

— Господи, нет! Это такой стенной шкаф, откуда вы можете перенестись в разные эпохи и места.

— Вы... вы хотите сказать, что можете войти туда в две тысячи сто каком-то году, а выйти в тысяча девятьсот каком-то?

— Или в любом другом прошедшем времени, — подтвердила она. — Но, конечно, не каждый может сделать это. Надо иметь определенную квалификацию, и разрешение, и все такое. Существует всего шесть машин для Англии и всего около сотни для всего мира, и допуск к ним очень ограничен. Когда машины только еще сконструировали, никто не представлял, к каким осложнениям они могут привести. Но со временем историки стали сверять результаты и обнаружили удивительные вещи. Оказалось, например, что еще до нашей эры один греческий ученый по имени Герон Александрийский демонстрировал простейшую модель паровой турбины; Архимед использовал зажигательную смесь вроде напалма при осаде Сиракуз; Леонардо да Винчи рисовал парашюты, когда неоткуда было еще прыгать с ними; Лейв Счастливый открыл Америку задолго до Колумба; Наполеон интересовался подводными лодками и множество других подозрительных фактов. В общем стало ясно, что кое-кто очень легкомысленно использовал машину и вызывал хроноклазмы.

— Что вызывал?

— Хроноклазмы, то есть обстоятельства, не соответствующие данной эпохе и возникающие от того, что кто-то действовал необдуманно. Ну, насколько нам известно, к серьезным бедствиям это не привело, хотя возможно, что естественный ход истории несколько раз нарушался, а люди пишут теперь разные очень умные труды, объясняя, как это произошло, но каждому ясно, какими серьезными опасностями это может быть чревато. Представьте, к примеру, что кто-то неосторожно подал Напо-

леону идею о двигателе внутреннего сгорания в дополнение к и ее подводной лодки. Кто знает, к чему это могло бы привести! Так вот, чтобы пресечь новое вмешательство в события прошлого, пользование историческими машинами взято под строжайший контроль Исторического Совета.

— Погодите минутку! — взмолился я. — То, что свершилось, — свершилось. Я хочу сказать, что вот, например, я здесь. И этого нельзя изменить, даже если бы кто-то, вернувшись в прошлое, убил моего дедушку, когда тот был еще мальчиком.

— Но, если бы это случилось, вы ведь не могли бы быть здесь, а? Нет, можно было сколько угодно повторять софизм, что прошлого не вернуть, пока не существовало способа менять это прошлое. Однако, раз уже доказано, что это всего лишь софизм, нам приходится быть чрезвычайно осторожными. Именно данное обстоятельство и беспокоит историков; другой вопрос — как это возможно — пусть решают математики. Короче, чтобы вас допустили к исторической машине, вы должны пройти специальное обучение, иметь нужную подготовку, сдать экзамены, обеспечить надежные гарантии и несколько лет находиться на испытании прежде чем получить права и заняться самостоятельной практикой. Только тогда вам разрешат посетить определенный исторический период, причем исключительно в качестве наблюдателя. Правила здесь очень-очень строгие.

Я поразмыслил над ее словами.

— Вы не обидитесь, если я спрошу, не нарушаете ли вы сейчас эти самые правила?

— Нарушаю. Поэтому они и явились за мной.

— И если бы вас поймали, то лишили бы прав?

— Господи! Мне бы их вообще не получить. Я отправлялась сюда без всяких прав, забираясь в

машину, когда в лаборатории никого не было. Поскольку лаборатория принадлежит дяде Доналду, у меня была такая возможность. Пока меня не застукали у самой машины, я всегда могла сделать вид, будто выполняю что-то лично для дяди. Не имея права на помочь специальных костюмеров, я скопировала образцы одежды в музее — ну как, успешно?

— Весьма, и очень идет вам, хотя с обувью не совсем ладно.

Она поглядела на свои ноги.

— Я этого боялась. Я не смогла разыскать ничего, что относилось бы точно к данному периоду... Ну вот, — продолжала она затем, — мне удалось несколько раз ненадолго наведаться сюда. Недолгими мои визиты должны были быть потому, что время течет с постоянной скоростью, то есть один час здесь равен одному часу там, и я не могла особенно занимать машину. Но вот вчера один человек вошел в лабораторию, как раз когда я возвращалась. По моему костюму он тут же все понял, и мне ничего другого не оставалось, как прыгнуть назад в машину — иначе у меня уже никогда не было бы такой возможности. А они бросились за мной, не успев соответствующим образом одеться.

— Вы думаете, они вернутся?

— Полагаю, что да. Только одеты они уже будут как надо.

— Способны они пойти на крайние меры? Открыть стрельбу или еще что-то в таком роде?

Она покачала головой.

— Ну нет. Это был бы страшный хроноклазм, особенно если бы они случайно кого-то застрелили.

— Но ведь ваше пребывание здесь неизбежно вызовет серию хроноклазмов. Что из этого хуже?

— О, мои действия предусмотрены. Я все про-

верила, — туманно заверила она. — Они будут меньше тревожиться насчет меня, когда сами додумаются поинтересоваться этим.

После короткой паузы она вдруг круто перевела разговор на совершенно иную тему:

— В ваше время ведь принято специально наряжаться, вступая в брак, верно?

Похоже, эта проблема особенно ее волновала.

— М-м, — пробормотала Тавия. — Пожалуй, в двадцатом веке брак довольно приятная штука.

— В моем мнении он весьма вырос, дорогая, — признал я.

Действительно, я и сам не ожидал, что он может так вырасти в моем мнении за какой-нибудь месяц.

— Что, в двадцатом веке муж и жена всегда спали в одной большой кровати, дорогой? — полюбопытствовала она.

— Только так, дорогая, — твердо ответил я.

— Забавно. Не очень гигиенично, разумеется, но все-таки совсем неплохо.

Мы некоторое время размышляли над этим.

— Дорогой, — спросила она, — ты заметил, что она перестала на меня фыркать?

— Мы всегда перестаем фыркать, если предмет получает официальное признание, — объяснил я.

Некоторое время разговор беспорядочно перескакивал с одной темы на другую преимущественно личного характера. Затем я сказал:

— Похоже, нам незачем больше волноваться насчет твоих преследователей, дорогая. Они уже давно бы вернулись, если бы их действительно так беспокоил твой побег, как ты думала.

Она покачала головой.

— Мы должны и дальше соблюдать осторож-

ность, хотя это странно. Вероятнее всего, дядя Дональд что-то напутал. Он не силен в технике, бедняжка. Впрочем, ты и сам ведь видел, как он ошибся, установив машину на два года вперед, когда явился побеседовать с тобой. Однако от нас ничего не зависит. Нам остается только ждать и соблюдать осторожность.

Я еще помолчал, размышляя, а потом сказал:

— Мне придется скоро начать работать. Это затруднит возможность наблюдения за ними.

— Работать? — спросила она.

— Что бы там люди ни говорили, но на самом деле двое не могут прожить на те же деньги, что один. И женам хочется не отставать от определенных стандартов, на что они — в разумных пределах, разумеется, — вправе рассчитывать. Моих скромных средств на это не хватит.

— Об этом можешь не тревожиться, дорогой, — успокоила меня Тавия. — Ты можешь просто что-нибудь изобрести.

— Я? Изобрести?

— Да. Ты ведь разбираешься в радио?

— Меня посыпали на курсы изучения радарных установок, когда я служил в военно-воздушных силах.

— Ax! Военно-воздушные силы! — воскликнула она в экстазе. — Подумать, что ты действительно сражался во второй мировой войне! Ты знал Монти, и Айка, и всех этих замечательных людей?

— Не лично. Я был в другом роде войск.

— Какая жалость, Аик всем так нравился. Но поговорим о деле. Все, что от тебя требуется, это раздобыть несколько серьезных книг по радио и электронике, а я покажу тебе, что изобрести.

— Ты покажешь?.. О, понимаю. Но, по-твоему, это этично? — усомнился я.

— Не вижу, почему бы нет. В конце концов, кто-то ведь изобрел все эти вещи, иначе как я могла бы проходить их в школе?

— Э-э... все-таки над этим вопросом надо еще подумать.

Полагаю, случившееся в то утро было простым совпадением, по крайней мере *могло быть* совпадением: с тех пор как я впервые увидел Тавию, я весьма подозрительно отношусь к совпадениям. Как бы то ни было, в то самое утро Тавия, глянув в окно, сказала:

— Дорогой, кто-то там машет нам из-за деревьев.

Я подошел и действительно увидел палку с носовым платком, раскачивавшуюся из стороны в сторону. Бинокль помог мне разглядеть пожилого человека, почти скрытого кустами. Я протянул бинокль Тавии.

— О боже! Дядя Доналд! — воскликнула она. — Полагаю, нам лучше поговорить с ним. Он как будто один.

Я вышел и направился по дорожке к кустам, помахав в ответ. Он показался из кустов, неся палку с носовым платком, как знамя. Я услышал его слабый голос:

— Не стреляйте!

Я широко развел руки, показывая, что безоружен. Тавия тоже вышла и стала рядом со мной. Подойдя ближе, он переложил палку в левую руку, другой рукой поднял шляпу и вежливо поклонился:

— А, сэр Джералд! Счастлив снова видеть вас.

— Он не сэр Джералд, дядя. Он мистер Лэттери, — сказала Тавия.

— Ну да! Как глупо с моей стороны. Мистер

Лэттери, — продолжал он, — я уверен, вы рады будете узнать, что рана оказалась не столько опасной, сколько неприятной. Бедняге придется просто полежать некоторое время на животе.

— Бедняге? — тупо переспросил я.

— Тому, которого вы вчера подстрелили.

— Я *подстрелил*!?

— Очевидно, это произойдет завтра или послезавтра, — резко сказала Тавия. — Дядя, право же, вы совершенно не умеете обращаться с машиной.

— Принцип я понимаю достаточно хорошо, миличка. Вот только с кнопками немного путаюсь.

— Ну, неважно. Раз уж вы здесь, пройдемте лучше в дом, — сказала она и добавила: — И можете спрятать в карман платок.

Я заметил, как он, войдя, бросил быстрый взгляд вокруг и с удовлетворением кивнул: очевидно, все было именно так, как он себе представлял. Мы сели. Тавия сказала:

— Прежде чем мы пойдем дальше, дядя Дональд, я полагаю, вам следует знать, что я вышла замуж за Джералда — за мистера Лэттери.

Доктор Гоби уставился на нее.

— Замуж? — повторил он. — Зачем?

— О господи, — и Тавия терпеливо объяснила: — Я люблю его, и он меня любит, поэтому я вышла за него. Здесь это делается так.

— Так-так, — доктор Гоби покачал головой. — Конечно, я знаком с этими сентиментальностями двадцатого века и их обычаями, дорогая, но так ли уж нужно было тебе... э-э... натурализоваться?

— Мне все это нравится, — сказала она.

— Молодые женщины романтичны, я знаю. Но подумала ты о неприятностях, которые причинишь сэру Джер... э-э... мистеру Лэттери?

— Но я избавила его от неприятностей, дядя

Доналд. Здесь, если человек не женат, на него *фыркают*, а я не желаю, чтобы на Джералда фыркали.

— Я имел в виду не столько время, пока ты здесь, сколько то, что будет потом. У них здесь масса всяких правил относительно предполагаемой кончины, и доказательств отсутствия, и всякое такое; в общем, бесчисленные проволочки и сложности. А тем временем он не сможет жениться ни на ком другом.

— Я уверена, он не захочет жениться ни на ком другом. Скажи ты, дорогой! — обратилась она ко мне.

— Ни за что не захочу! — возмутился я.

— Ты уверен в этом, дорогой?

— Дорогая, — сказал я, беря ее за руку, — если бы все женщины в мире...

Спустя некоторое время доктор Гоби смущенным покашливанием обратил на себя наше внимание.

— Цель моего визита, — объяснил он, — убедить мою племянницу вернуться, и притом *немедленно*. Весь факультет в панике, и все обвиняют меня. Сейчас самое главное, чтобы она вернулась, пока не случилось ничего непоправимого. Всякий хроноклазм может повлечь за собой катастрофу, которая скажется на всех последующих эпохах. В любой момент эта эскапада Тавии может иметь самые серьезные последствия. И это повергает всех нас в крайнее волнение.

— Мне очень жаль, дядя Доналд... особенно от того, что я причинила вам столько неприятностей. Но я не вернусь. Мне очень хорошо и здесь.

— Но возможные хроноклазмы, дорогая! Мне эта мысль не дает спать по ночам...

— Дядя, дорогой, это пустяки по сравнению с хроноклазмами, которые произойдут, если я вер-

нусь сейчас. Вы должны понять, что мне попросту нельзя вернуться, и объяснить это другим.

— Нельзя?!

— Да вы только загляните в книги — и увидите, что мой муж — ну не смешное ли старомодное слово? Просто нелепое! Но мне почему-то нравится. Происходит это древнее слово...

— Ты говорила о том, почему не можешь вернуться, — напомнил доктор Гоби.

— О да. Ну, вы увидите в книгах, что сначала он изобрел подводную радиосвязь, а затем еще связь с помощью искривления луча, за что и был возведен в дворянское звание.

— Все это мне отлично известно, Тавия. Я не понимаю...

— Но, дядя Дональд, вы должны понять. Как, во имя всего святого, смог бы он все это изобрести, не будь здесь меня, чтобы объяснить ему? Если вы заберете меня сейчас отсюда, эти вещи вообще не будут изобретены, и что же получится?

Доктор Гоби некоторое время молча смотрел на нее.

— Да, — сказал он. — Да, должен признаться, что мне это соображение почему-то не приходило в голову. — И он погрузился в раздумье.

— А кроме того, — добавила Тавия, — Джералд ни за что не хотел бы отпустить меня; скажи, дорогой!

— Я... — но доктор Гоби не дал мне договорить.

— Да, — сказал он — Я вижу, что здесь необходима отсрочка. Я изложу им это. Но имей в виду, что речь идет только об отсрочке. — Он направился к выходу, но у двери остановился. — Только, пока ты здесь, будь осторожна, моя дорогая. Тут возникают такие деликатные, такие сложные проблемы. Мне становится страшно при мысли о пу-

танице, которую ты можешь вызвать, если... ну, если ты совершишь нечто столь безответственное, что окажешься в результате собственной прародительницей.

— Вот уж это действительно невозможно, дядя Доналд. Я ведь происхожу по боковой линии.

— О да! Да, это большое счастье. Итак, я не прощаюсь с тобой, дорогая. До свидания! И вам, сэр... э-э... мистер Лэттери, я тоже говорю: до свидания! Я верю, что мы еще встретимся — так приятно побывать здесь не только в роли наблюдателя.

— Правда, дядя Доналд, это просто потрясно! — согласилась Тавия.

Он укоризненно покачал головой.

— Боюсь, дорогая, твои познания в истории все-таки неглубоки. Выражение, которое ты употребила, относится к более *раннему* периоду, да и тогда оно не являлось образцом хорошего стиля.

Ожидаемый эпизод со стрельбой произошел примерно неделю спустя. Троє мужчин, одетых под сельскохозяйственных рабочих, приблизились к нашему дому. Тавия узнала одного из них в бинокль. Когда я с ружьем в руке появился на пороге, они сделали попытку спрятаться. Я всадил в одного из них заряд дроби, и он хромая ретировался.

После этого нас оставили в покое. Немного спустя я приступил к работе над подводной радиосвязью — оказалась, на удивление, простая штука, если уже знаешь принцип! — и подал заявку на патент. Теперь мы смогли перейти ко второму этапу — к передаче при помощи кривизны луча.

Тавия все время торопила меня:

— Видишь ли, дорогой, я не знаю, сколько у нас с тобой времени. С тех пор, как я здесь, я все вре-

мя пытаюсь вспомнить дату твоего письма — и не могу, хотя отчетливо помню, что ты подчеркнул ее. Я знаю, что в твоей биографии говорится, будто бы первая жена тебя бросила — какое дикое слово «бросила», словно я способна бросить тебя, милый мой! Но там не сказано, когда это случилось. Поэтому я вынуждена торопить тебя, иначе, если ты не успеешь закончить свое изобретение, получится ужасный хроноклазм. — А затем вдруг меланхолично добавила: — Вообще говоря, хроноклазм так или иначе случится. Дело в том, что у нас будет ребенок.

— Нет! — вскричал я в восторге.

— Что значит «нет»? Будет. И я в тревоге. Никогда не слышала, чтобы с путешественниками во времени такое случалось. Дядя Доналд пришел бы в ужас, если бы знал.

— К черту дядю Доналда! — сказал я. — И к черту хроноклазмы! Мы отпразднуем это событие, дорогая.

Недели промелькнули быстро. Мои патенты были условно приняты. Я вплотную занялся теорией искривления луча и использования его для связи. Все шло прекрасно. Мы строили планы: назовем ли его Доналдом или ее — Александрой; мы представляли, как скоро начнут поступать гонорары и можно будет попытаться купить Бэгфорд-хаус, как забавно будет впервые услышать обращение: «леди Лэттери», и толковали на прочие такие темы...

А потом пришел тот декабрьский вечер, когда я вернулся из Лондона после деловой встречи с одним промышленником, а она исчезла...

Ни записки, ни слова прощания. Только распахнутая дверь и перевернутый стул в столовой...
О Тавия, дорогая моя...

Я начал эти записки, потому что до сих пор испытываю чувство неловкости: этично ли числиться изобретателем того, что ты не изобретал? И мои записки должны были восстановить истину. Но теперь, дописав до конца, я сознаю, что такое «восстановление истины» ни к чему хорошему не привело бы. Могу себе представить, какой поднялся бы переполох, вздумай я выдвинуть свое объяснение для отказа от возведения во дворянство, и, пожалуй, не стану этого делать. В конце концов, когда я перебираю все известные мне случаи «счастливых озарений», я начинаю подозревать, что некоторые изобретатели таким же способом стяжали славу, и я буду не первым.

Я никогда не строил из себя знатока тонких и сложных взаимодействий прошлого и настоящего, но сейчас убежден, что один поступок с моей стороны совершенно необходим: не потому, что я опасаюсь вызвать какой-то вселенский хроноклазм, но просто из страха, что, если бы я пренебрег этим, со мной самим всей описанной истории никогда не случилось бы. Итак, я должен написать письмо.

Сначала адрес на конверте:

МОЕЙ ПРАПРАВНУЧАТНОЙ ПЛЕМЯННИЦЕ,
МИСС ОКТАВИИ ЛЭТТЕРИ

(Вскрыть в 21-й день ее рождения,
6 июня 2136 года.)

Затем само письмо. Написать дату. Подчеркнуть ее.
«МОЯ ДОРОГАЯ, ДАЛЕКАЯ, МИЛАЯ ТАВИЯ,
О МОЯ ДОРОГАЯ...»

Мунро Фрэзер

Украденное время*

Ричард ошеломленно вперился в человека, лежавшего на больничной койке.

— Вы, верно, шутите!

— Умирающему, дорогой мой, не до шуток. Я знаю, этому трудно поверить, но я говорю правду. Мне сто тридцать лет, и мои документы подтверждают это.

Ричард недоверчиво посмотрел на протянутый Тэлботом бумажник. Тот раздулся от бумаг, а между ними прощупывался какой-то маленький твердый предмет.

Тэлбот устало закрыл глаза, словно усилие, которого требовал от него разговор, было для него чрезмерным.

— Повторяю, в 1870 году, будучи молодым ученым, я открыл формулу омоложения. Но я не мог никому довериться, а потому, изготовив несколько таблеток, испытал действие одной из них на себе. Оно оказалось магическим. Всего я сделал шесть таблеток, после чего уничтожил формулу...

Умирающий в изнеможении умолк. Ричард со смешанным чувством ужаса и восхищения уставился на него, явственно ощущая ползущий по спине холодок. От услышанного веяло жутью, оно казалось каким-то кошмаром... Что это — бред? Старик

* Пер. изд.: Fraser J. M. *Stolen Time: Argosy, January 1973. JPC Magazines, Ltd.*

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

очень ослабел, он мог и в уме тронуться. Однако, если не обращать внимания на землистую бледность лица, он и впрямь выглядел как человек среднего возраста: упругая кожа, твердые линии лица. А ведь Ричард доподлинно знал, что Тэлботу никак не меньше семидесяти. Мог ли такой вид быть достигнут искусственным путем? К примеру, пластической операцией? Подтяжкой мышц? Но в таком случае как же быть с волосами — густыми, блестящими, темными? Да и руки тоже — крепкие, не изборожденные морщинами?..

Тэлбот вздохнул и открыл глаза.

— Теперь я вручаю все вам, Ричард. От этой автомобильной катастрофы мне не оправиться, а жить вот так, калекой, я не желаю. Осталось две таблетки, каждая из них омолаживает человека на двадцать лет. Иными словами, в вашем распоряжении сорок лет украденного времени. Вы найдете таблетки в трубочке из-под анальгина между бумагами. Я всегда держал их в специальном фланкене, но на прошлой неделе разбил его и на время сунул их туда. Советую вам подыскать для них более надежную упаковку, пока вы не соберетесь ими воспользоваться.

Ричард нетерпеливо мотнул головой.

— Послушайте, но почему я? Должны же у вас быть более близкие люди? Я видел вас всего дважды с тех пор, как вырос...

— Именно поэтому. Вы единственный, кто на меня наткнулся случайно, и, значит, единственный, кто может мне поверить. Сколько вам лет?

— Сорок.

— Так. Выходит, мы знакомы лет тридцать, и даже тогда я вам казался человеком средних лет. Чего вы не знали — это, что уже в то время я третий раз находился в среднем возрасте. С тех пор

мы дважды случайно встречались. Не поражал ли вас мой вид?

Ричард потупился.

— Признаться, да. Казалось удивительным...

— Вот именно. За свою жизнь я принял четыре таблетки и всякий раз после этого полностью покрывал со своим окружением. Кроме вас, никто из знатных меня прежде не встречался со мной вторично...

Лицо Тэлбота внезапно исказилось гримасой боли. Ричард кинулся к звонку, с тревогой наблюдал за умирающим.

Постепенно судорога отпустила, и Тэлбот выдохнул:

— Пора, Ричард. Возьмите бумажник. Все это теперь ваше. — Он сделал над собой усилие и слабо улыбнулся. — Послушайте моего совета, примите таблетку. Вы не слишком преуспели в жизни. Станьте снова двадцатилетним и попробуйте еще раз начать сначала...

Было далеко за полночь, когда Ричард вернулся из больницы. Потрясенный пережитым, он сразу бросился в кровать и, на удивление, быстро засыпался тяжелым сном.

Проснувшись поутру, он обнаружил, что Арчи и Дэвид, с которыми он делил квартиру, уже отправились за город, где в конце недели проходили их занятия. Трое приятелей из соображений экономии, стремясь облегчить быт, жили вместе и вполне уживались. Но сейчас, не горя желанием обсуждать с кем-либо пугающее «наследство» Тэлбота, Ричард радовался своему одиночеству.

Он позвонил в больницу и узнал, что Тэлбот ночью скончался. Хотя ничего другого он и не ждал, известие его расстроило. Теперь он остался один на один с волнующей тайной.

Его малопримечательное, хотя и не лишенное приятности, лицо выражало неудовольствие, когда он, плюхнувшись в кресло, раскрыл бумажник и тщательно исследовал его содержимое. Сомнений не оставалось. Документы, если только они не были очень уж хорошей подделкой, полностью подтверждали рассказ Тэлбота.

В совершенной растерянности Ричард откупорил трубочку и вытряхнул из нее две таблетки. Белые, гладкие, они выглядели такими безобидными у него на ладони. Но какая же в них таилась сила! Неужели они и в самом деле могли подать сорок лет обновленной жизни?

Вконец расстроенный всем происшедшем, Ричард высыпал таблетки обратно в трубочку и вдруг почувствовал, что безмолвная, опустевшая квартира начинает его тяготить. Он вскочил, принял мерить комнату шагами и почти час бегал взад-вперед, на все лады пережевывая возникшую перед ним проблему. Что ему делать с таблетками? Он должен либо использовать их, либо уничтожить. Хватит ли у него духу принять их?.. Хватит ли духу уничтожить? Мысли беспорядочно теснились в голове: картины новой жизни, обретенной благодаря таблетке, и горечь сожаления об упущеных возможностях, если он не воспользуется предложенным...

На миг остановившись, он заметил, что все еще продолжает машинально вертеть в руках злополучную трубочку. В порыве внезапного раздражения он отшвырнул ее, сунул в письменный стол бумажник с документами Тэлбота и побежал в спальню. Здесь он торопливо собрал рюкзак, забросил его на спину и выбежал из квартиры. Он уедет за город на уикенд, отправится бродить. У него всегда голова лучше работала, если он двигался.

Во всяком случае, так он считал прежде. Но сейчас испытанное средство отказалось, и на другой день, после бесцельных шатаний по окрестностям он был не ближе к принятию решения, чем когда только пустился в путь. Более того, настроение у него вконец испортилось.

В воскресенье к исходу дня, осознав свое поражение, физически и духовно измученный, Ричард снял рюкзак и опустился на придорожный столбик. Он сидел, ссугулившись, сунув руки в карманы, хмуро растирая ногой опавшие листья, и с горечью впервые признавался себе в собственной несостоятельности. Да, пришлось-таки взглянуть правде в лицо. Он не мог более обманывать себя. Теперь ему стало ясно, что он никогда, в сущности, не мечтал начать жизнь сначала, как и не мечтал еще раз прожить двадцать последних лет. Тэлбот был прав, когда сказал, что Ричард не слишком преуспел в жизни. Его скромная деятельность в министерстве почт, которую он, уступая желанию матери-вдовы, избрал в юности, была разумной и надежной, то есть именно такой, какой хотела для него мать. И после ее смерти он продолжал исполнять свою службу, боясь перемен, радуясь мелким повышениям, довольный незыблевой рутиной. Но до сих пор он считал, что ему просто не повезло, видимо, судьба так сложилась, и вины его в этом нет. При случае он любил повторять — и сам в это верил, — что закончил бы университет и добился бы видного положения, будь у него возможность.

Ну вот, теперь такая возможность предоставилась. Он должен только воспользоваться предложенной таблеткой и снова стать двадцатилетним. Сейчас на его пути нет препятствий. К тому же благодаря своей бережливости он за эти годы скопил сумму, достаточную для того, чтобы окончить уни-

верситет и продержаться первое время, пока не подвернется стоящая работа.

Но Ричард знал, что ему не хватит на это ни воли, ни желания, более того, он вполне удовлетворен своей нынешней неприхотливой жизнью. Все эти рассуждения на тему «будь у меня возможность» были пустой болтовней, стремлением оправдаться, не больше.

К тому же его страшил сам акт приема таблетки, техническая сторона, если можно так выражаться. Пришлось бы куда-то уехать. Мыслимое ли дело, вдруг сразу помолодеть на двадцать лет там, где все тебя знают. Значит, прожитые годы необходимо просто вычеркнуть из жизни вместе со всем, что с ними связано, — службой, друзьями, привычным окружением...

Нет. Он просто не в состоянии этого сделать, у него недостало бы на это мужества. А что, если испробовать другой вариант, отдать таблетки специалистам, чтобы они разобрались в их составе, и затем подарить открытие Тэлбота человечеству. Но Ричард тут же отказался от этой мысли. Разве мир уже сейчас не страдает от перенаселенности? И предположим, что чудесное средство попадет в нечистые руки «избранных»? Не приведет ли это к диктаторству или к чему-нибудь еще худшему? Так как же все-таки поступить? Вообще уничтожить таблетки? Но вправе ли он так распорядиться даром Тэлбота?

Ричард с отчаянием вынужден был признаться, что никогда не найдет в себе сил предпринять хоть что-то. Вот если бы он мог с кем-нибудь посоветоваться, ему просто необходима помощь. И тут он вспомнил об Арчи и Дэвиде. Нет, Арчи не подойдет — он слишком криклив и легкомыслен. Но Дэвиду стоило, пожалуй, довериться. Дэвид был рас-

судительным малым, к тому же энергичным и честолюбивым. Он, возможно, даже согласится принять в этом деле участие: вот если бы он и Ричард приняли по таблетке и затем вместе начали новую жизнь! Вдвоем пуститься в такую необычную авантюру совсем не то, что одному.

Ричард немного воспрянул духом. Да, именно так он и сделает. Обсудит все с Дэвидом, и они вместе решат, как быть. Он посмотрел на часы и убедился, что еще успеет к поезду, идущему из ближайшей деревушки в Лондон.

Прямо с вокзала он позвонил к себе на квартиру, чтобы узнать, вернулись ли приятели, и договориться с Дэвидом о встрече где-нибудь подальше от дома и от Арчи.

Трубку сняли после первого же звонка. Голос Арчи прямо в ухо Ричарда проревел:

— Дэвид?!

Ричард вздрогнул от неожиданности.

— Нет. Это Ричард.

— О, ты... Тебя-то где черти носят? Ты бы лучше поторопился. Дэвид сбежал.

— Сбежал? Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, сбежал. Смылся. Смотал удочки. Помнишь, у нас должна была состояться конференция за городом? Ну так вот, ее отменили, и мы уже в субботу вечером вместе вернулись в Лондон. Когда мы добрались до Юстона*, я отправился навестить Пег и Тома, а Дэвид заявил, что у него чертовски разболелась голова и он поедет прямо домой. Больше я его не видел. Такого низкого, такого подлого коварства...

— Ну-ну, полегче! Только потому, что он задержался...

* Вокзал в Лондоне. -- Прим. перев.

— Он не задержался. Я обзвонил решительно всех знакомых. Он смылся, говорю я тебе, смылся и свалил на нас...

— Арчи, не сходи с ума! Ты не вправе так говорить. Если его на самом деле нигде нет, может быть, с ним что-то случилось...

— Ничего с ним не случилось! По-моему, он просто-напросто ведет двойную жизнь. У него где-то есть еще квартира, и он живет там с девицей. Это единственное возможное объяснение. Он не взял ничего из одежды, хотя дома побывал, потому что чемодан его здесь, а сам он перед уходом переоделся: его костюм висит на стуле в его комнате. Не солгал он только в одном: голова у него действительно болела — в ванной валяется пустая трубочка из-под анальгина...

Ричарда словно молотом по голове ударили. Трубочка из-под анальгина! Куда он ее дел? Помнится, просто зашвырнул куда-то. Две таблетки... сорок лет... о господи! Неужели Дэвид?..

Голос Арчи продолжал неумолчно гудеть ему в ухо:

— Мне, конечно, наплевать на его образ жизни, но заставлять нас расхлебывать результаты своих похождений...

Ричард сдавленно повторил:

— Результаты?..

— Да, результаты: новорожденного младенца, которого я нашел у него на кровати запутавшимся в его пижаме и вопящим что есть мочи. Младенец — точная копия Дэвида...

Герберт Франке

Ошибки прошлого*

Традиционная версия

— Ну, хорошо, дорогой профессор, перейдем к делу!

Министр не любил долгих предисловий — он был сторонником быстрых и окончательных решений. Любое промедление или колебание было ему ненавистно.

Профессор Лорелла знал его с давних пор и хорошо подготовился. В конце концов, дело касалось проекта, слишком много значившего для него и его сотрудников.

— Исходные данные вам известны, — сказал он. — И вы знаете, что мы собираемся предпринять. Речь идет о величайшем научном и техническом прогрессе с момента высадки на Луну. Вмешаться в прошлое, выправить историю... Подумайте над тем, скольких усилий будет стоить исправление ошибок, совершенных предыдущими поколениями! Мы же предлагаем вам универсальный метод решения проблем.

— Как далеко в прошлое простирается ваш метод?

— Это зависит от вашего желания. Если буду-

* Пер. изд.: Franke H. W. Die Fehler der Vergangenheit: Franke H. W. Zaratustra kehrt zurück. Suhrkamp Verlag, Frankfurt/M., 1977.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

щее мы не в состоянии оценить с достаточной степенью определенности, то прошлое проявляется в виде той или иной цепи событий, в них-то и находится точка нашего воздействия. Разумеется, это требует точного анализа причинных связей, но эти усилия окупятся с лихвой.

— А какие гарантии, что вы достигнете цели?

— Теория не оставляет ни одного вопроса нерешенным. И дело проще, чем кажется со стороны. В одном из изолированных участков пространственно-временного континуума мы повышаем искривление пространства вплоть до возникновения единичных случаев. Образуется так называемый топологический парадокс; его можно уподобить появлению моста, то есть искривленного сектора «пространство-время», соединяющего две произвольно выбранные отдельные точки. Мы в состоянии поддерживать его только доли секунды, но этого достаточно, чтобы повлиять на причинный ряд в обратном направлении. По нашим расчетам, возможно предсказать конечные цели с достаточной точностью...

Министр нетерпеливо махнул рукой:

— Короче, на что мы можем рассчитывать? Существуют ли какие-нибудь факторы риска?

— Никаких. Вспомните наш предыдущий проект, гравитопланер. Или преобразователь энтропии. Мы еще ни разу не ошиблись.

Министр кивнул:

— Сколько денег вам потребуется?

— Два миллиарда.

— Ну что ж, это возможно. А с чего конкретно вы хотите начать?

— Решать вам.

Министр размышлял недолго:

— Как насчет мирной планеты? Мира без конкуренции, без борьбы, без агрессии?

— Превосходная мысль, — подтвердил профессор Лорелла. — Можно ли считать это одобрением проекта?

— Да, — ответил министр.

В тот же миг он растворился в воздухе, как и профессор Лорелла мгновеньем позже, а с ними исчезли все животные и растения. Над зарождавшейся Землей яркое солнце играло с горячим паром, что поднимался над кипящими морями.

Субординативная версия

— Ну, хорошо, дорогой профессор, перейдем к делу!

Министр не любил долгих предисловий — он был сторонником быстрых и окончательных решений. Любое промедление или колебание было ему ненавистно.

Профессор Лорелла знал его с давних пор и хорошо подготовился. В конце концов, дело касалось проекта, слишком много значившего для него и его сотрудников.

— Исходные данные вам известны, — сказал он. — И вы знаете, что мы собираемся предпринять. Речь идет о величайшем научном и техническом прогрессе с момента высадки на Луну. Вмешаться в прошлое, выправить историю... Подумайте над тем, скольких усилий будет стоить исправление ошибок, совершенных предыдущими поколениями! Мы же предлагаем вам универсальный метод решения проблем.

— Как далеко в прошлое простирается ваш метод?

— Это зависит от вашего желания. Если будущее мы не в состоянии оценить с достаточной сте-

пенью определенности, то прошлое проявляется в виде той или иной цепи событий, в них-то и находится точка нашего воздействия. Разумеется, это требует точного анализа причинных связей, но эти усилия окупятся с лихвой.

— А какие гарантии, что вы достигнете цели?

— Теория не оставляет ни одного вопроса нерешенным. И дело проще, чем кажется со стороны. В одном из изолированных участков пространственно-временного континуума мы повышаем искривление пространства вплоть до возникновения единичных случаев. Образуется так называемый топологический парадокс; его можно уподобить появлению моста, то есть искривленного сектора «пространство-время», соединяющего две произвольно выбранные отдельные точки. Мы в состоянии поддерживать его только доли секунды, но этого достаточно, чтобы повлиять на причинный ряд в обратном направлении. По нашим расчетам, возможно предсказать конечные цели с достаточной точностью...

Министр нетерпеливо махнул рукой:

— Короче, на что мы можем рассчитывать? Существуют ли какие-нибудь факторы риска?

— Никаких. Вспомните наш предыдущий проект, гравитопланер. Или преобразователь энтропии. Мы еще ни разу не ошиблись.

Министр кивнул:

— Сколько денег вам потребуется?

— Два миллиарда.

— Ну что ж, это возможно. А с чего конкретно вы хотите начать?

— Решать вам.

Министр размышлял недолго:

— Может быть, сначала попытаться — до известной степени, конечно, в виде пробного камня —

вмешаться в более мелкое событие... Скажем, как насчет открытия Америки Колумбом? По-моему, оно произошло слишком рано. А если сделать так, чтобы оно вообще не состоялось? Или отодвинуть на столетие?

— Разумеется,—ответил профессор Лорелла.— Можно ли считать это одобрением проекта?

— Да, — ответил министр.

Ночная вахта. В центральной рубке пять человек лениво перебрасываются в карты. Лишь изредка кто-нибудь бросает взгляд на экран.

Жужжание зуммера... Вздохнув, встает один из дежурных и подходит к пульту.

— Опять в секторе «Земля», — ворчит он. — Теперь они начали манипулировать со временем.

— Отключи! — крикнул кто-то. — И поторопись, твой ход!

Дежурный пожал плечами:

— Ну и прекрасно — в таком случае им придется начинать сначала.

Он нажал на кнопку. Изображение на экране разрушилось, только клочья тумана медленно перемещались в пространстве. Но вот и они развеялись, и стал виден земной шар. Земля была пустынной и необитаемой.

Мистическая версия

— Ну, хорошо, дорогой профессор, перейдем к делу!

Министр не любил долгих предисловий — он был сторонником быстрых и окончательных решений. Любое промедление или колебание было ему ненавистно.

Профессор Лорелла знал его с давних пор и хорошо подготовился. В конце концов, дело каса-

лось проекта, слишком много значившего для него и его сотрудников.

— Исходные данные вам известны, — сказал он. — И вы знаете, что мы собираемся предпринять. Речь идет о величайшем научном и техническом прогрессе с момента высадки на Луну. Вмешаться в прошлое, выправить историю... Подумайте над тем, скольких усилий будет стоить исправление ошибок, совершенных предыдущими поколениями! Мы же предлагаем вам универсальный метод решения проблем.

— Как далеко в прошлое простирается ваш метод?

— Это зависит от вашего желания. Если будущее мы не в состоянии оценить с достаточной степенью определенности, то прошлое проявляется в виде той или иной цепи событий, в них-то и находится точка нашего воздействия. Разумеется, это требует точного анализа причинных связей, но эти усилия окупятся с лихвой.

— А какие гарантии, что вы достигнете цели?

— Теория не оставляет ни одного вопроса нерешенным. И дело проще, чем кажется со стороны. В одном из изолированных участков пространственно-временного континуума мы повышаем искривление пространства вплоть до возникновения единичных случаев. Образуется так называемый топологический парадокс; его можно уподобить появлению моста, то есть искривленного сектора «пространство-время», соединяющего две произвольно выбранные отдельные точки. Мы в состоянии поддерживать его только доли секунды, но этого достаточно, чтобы повлиять на причинный ряд в обратном направлении. По нашим расчетам, возможно предсказать конечные цели с достаточной точностью...

Министр нетерпеливо махнул рукой:

— Короче, на что мы можем рассчитывать? Существуют ли какие-нибудь факторы риска?

— Никаких. Вспомните наш предыдущий проект, гравитопланер. Или преобразователь энтропии. Мы еще ни разу не ошиблись.

Министр кивнул:

— Сколько денег вам потребуется?

— Два миллиарда.

— Ну что ж, это возможно. А с чего конкретно вы хотите начать?

— Решать вам.

Министр размышлял недолго:

— Самое большое зло, которое мы сами себе причиняем, это загрязнение окружающей среды. Чего бы я желал — так это мира без грязи.

— Вы правильно решили, — сказал профессор Лорелла. — Можно ли считать это одобрением проекта?

— Да, — ответил министр.

В ту же секунду раздался грохот, и громоподобный голос компьютера произнес:

— К дьяволу, что такое «грязь»?

Итеративная версия

— Ну, хорошо, дорогой профессор, перейдем к делу!

Министр не любил долгих предисловий — он был сторонником быстрых и окончательных решений. Любое промедление или колебание было ему ненавистно.

Профессор Лорелла знал его с давних пор и хорошо подготовился. В конце концов, дело касалось проекта, слишком много значившего для него и его сотрудников.

— Исходные данные вам известны, — сказал

он. — И вы знаете, что мы собираемся предпринять. Речь идет о величайшем научном и техническом прогрессе с момента высадки на Луну. Вмешаться в прошлое, исправить историю... Подумайте над тем, скольких усилий будет стоить исправление ошибок, совершенных предыдущими поколениями! Мы же предлагаем вам универсальный метод решения проблем.

— Как далеко в прошлое простирается ваш метод?

— Это зависит от вашего желания. Если будущее мы не в состоянии оценить с достаточной степенью определенности, то прошлое проявляется в виде той или иной цепи событий, в них-то и находится точка нашего воздействия. Разумеется, это требует точного анализа причинных связей, но эти усилия окупятся с лихвой.

— А какие гарантии, что вы достигнете цели?

— Теория не оставляет ни одного вопроса нерешенным. И дело проще, чем кажется со стороны. В одном из изолированных участков пространственно-временного континуума мы повышаем искривление пространства вплоть до возникновения единичных случаев. Образуется так называемый топологический парадокс; его можно уподобить появлению моста, то есть искривленного сектора «пространство-время», соединяющего две произвольно выбранные точки. Мы в состоянии поддерживать его только доли секунды, но этого достаточно, чтобы повлиять на причинный ряд в обратном направлении. По нашим расчетам, возможно предсказать конечные цели с достаточной точностью...

Министр нетерпеливо махнул рукой:

— Короче, на что мы можем рассчитывать? Существуют ли какие-нибудь факторы риска?

— Никаких. Вспомните наш предыдущий проект, гравитопланер. Или преобразователь энтропии. Мы еще ни разу не ошиблись.

Министр кивнул:

— Сколько денег вам потребуется?

— Два миллиарда.

— Ну что ж, это возможно. А с чего конкретно вы хотите начать?

— Решать вам.

Министр размышлял недолго:

— Самое большое зло, которое мы сами себе причиняем, это загрязнение окружающей среды. Чего бы я хотел — так это мира без грязи. Как, пожалуйста, это возможно?

— Конечно, — ответил профессор Лорелла. — Можно ли считать это одобрением проекта?

Министр впервые запнулся, он проникся сознанием ответственности:

— А не будет вмешательство во время иметь какие-нибудь нежелательные последствия? Что случится, если произойдет ошибка?

— Метод совершенно надежен, — заверил профессор Лорелла, — ошибок не будет.

— Тогда все в порядке, — сказал министр, — проект утверждается... какие-нибудь нежелательные последствия? Что случится, если произойдет ошибка?

— Метод совершенно надежен. Ошибок не будет.

— Тогда все в порядке, проект утверждается... какие-нибудь нежелательные последствия? Что случится, если произойдет ошибка?

— Метод совершенно надежен. Ошибок не будет.

— Тогда все в порядке, проект утверждается...

какие-нибудь нежелательные последствия? Что случится...

Реалистичная версия

— Ну, хорошо, дорогой профессор, перейдем к делу!

Министр не любил долгих предисловий — он был сторонником быстрых и окончательных решений. Любое промедление или колебание было ему ненавистно.

Профессор Лорелла знал его с давних пор и хорошо подготовился. В конце концов, дело касалось проекта, слишком много значившего для него и его сотрудников.

— Исходные данные вам известны, — сказал он. — И вы знаете, что мы собираемся предпринять. Речь идет о величайшем научном и техническом прогрессе с момента высадки на Луну. Вмешаться в прошлое, выправить историю... Подумайте над тем, скольких усилий будет стоить исправление ошибок, совершенных предыдущими поколениями! Мы же предлагаем вам универсальный метод решения проблем.

— Как далеко в прошлое простирается ваш метод?

— Это зависит от вашего желания. Если будущее мы не в состоянии оценить с достаточной степенью определенности, то прошлое проявляется в виде той или иной цепи событий, в них-то и находится точка нашего воздействия. Разумеется, это требует точного анализа причинных связей, но эти усилия окупятся с лихвой.

— А какие гарантии, что вы достигнете цели?

— Теория не оставляет ни одного вопроса нерешиенным. И дело проще, чем кажется со стороны. В одном из изолированных участков пространст-

бенно временного континуума мы повышаем искривление пространства вплоть до возникновения единичных случаев. Образуется так называемый топологический парадокс; его можно уподобить появлению моста, то есть искривленного сектора «пространство-время», соединяющего две произвольно выбранные отдельные точки. Мы в состоянии поддерживать его только доли секунды, но этого достаточно, чтобы повлиять на причинный ряд в обратном направлении. По нашим расчетам, возможно предсказать конечные цели с достаточной точностью...

Министр нетерпеливо махнул рукой:

— Короче, на что мы можем рассчитывать? Существуют ли какие-нибудь факторы риска?

— Никаких. Вспомните наш предыдущий проект, гравитопланер. Или преобразователь энтропии. Мы еще ни разу не ошиблись.

Министр кивнул:

— Сколько денег вам требуется?

— Два миллиарда.

— Ну что ж, это возможно. А с чего конкретно вы хотите начать?

— Решать вам.

Министр размышлял недолго:

— Как насчет мирной планеты? Мира без конкуренции, без борьбы, без агрессии?

— Превосходная мысль, — подтвердил профессор Лорелла. — Можно ли считать это одобрением проекта?

— Да, — ответил министр.

— Благодарю вас, — с чувством произнес профессор Лорелла и пожал руку министру. — Я уверен, вы приняли правильное решение.

Профессор попрощался. Ему оставалось только одно: сообщить своим сотрудникам о беседе. Ког-

да он переступил порог института, его окружили.

— С деньгами все в порядке! — крикнул профессор.— Он поверил! Мне пришлось лишь согласиться на гравитопланер и преобразователь энтропии. Теперь мы наконец получим жалованье, которое нам задолжали!

Сотрудники подняли его на плечи, все кругом ликовали и кричали. Хлопали пробки от шампанского. Корректура прошлого удалась.

A. Э. Ван Vogt

Часы времени*

— Женитьба, — скажет Терри Мэйнард, будучи благодушно настроенным, — дело святое. Уж я-то знаю. Два раза был женат, в 1905 и в 1967. За столько лет любой разберется что к чему.

И после этих слов он ласково поглядит на свою жену Джоан.

В тот самый вечер, когда разговор зашел в очередной раз, она вздохнула, закурила сигарету, откинулась на спинку кресла и пробормотала:

— Ах, Терри, ты просто невыносим. Опять?

Она отхлебнула коктейль из бокала, посмотрела невинными голубыми глазами на собравшихся гостей и сказала:

— Терри собирается рассказать о нашем с ним романе. Так что если кто уже слышал, то сандвичи и прочая снедь в столовой.

Двое мужчин и женщина поднялись и вышли из комнаты. Терри крикнул им вслед:

— Люди смеялись над атомной бомбой, пока она не свалилась им на головы. И кто-нибудь однажды поймет, что я вовсе не фантазирую и то, что произошло со мной, может случиться с каждым из них. Страшно даже подумать, но здесь открываются такие возможности, что взрыв атомной бомбы

* Пер. изд.: Van Vogt A. E. *The Timed Clock*. Van Vogt A. E. Lost: Fifty Suns, DAW Books, N. Y., 1972.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

по сравнению с ними просто колеблющийся огонек свечи.

Один из гостей, оставшихся в комнате, удивленно заметил:

— Что-то я не пойму. Если вы были женаты в 1905 году, то, отбросив, разумеется, вопрос о том раздражении, которое должна испытывать ваша очаровательная супруга, не имея возможности впиться своими длинными ноготками в нежное лицо своей древней соперницы, при чем здесь вообще атомная бомба?

— Сэр,— сказал Терри,— вы говорите о моей первой жене, да почиет она в мире.

— Никогда,— заявила Джоан Мэйнард.— Вот уж этого-то я как раз постараюсь не допустить.

Тем не менее она уселась поудобнее и проворковала:

— Продолжай, Терри, милый.

— Когда мне было десять лет,— начал свой рассказ ее супруг,— я был просто-таки влюблен в старинные дедушкины часы, висевшие в холле. Кстати, когда будете уходить, можете обратить на них внимание. Однажды, когда я открыл дверцу внизу и принялся раскачивать маятник, мне бросились в глаза цифры. Они начинались в верхней части длинного стержня — первая цифра была 1840 — и доходили до самого низа, где было написано 1970. Это произошло в 1950 году, и я помню, как был удивлен, увидев, что маленькая стрелка на хрустальной гирьке указывала точно на отметку 1950. Тогда я решил, что наконец-то сделал великое открытие о том, как работают все часы. После того как мое возбуждение улеглось, я, естественно, начал крутить гирьку, и помню, как она скользнула вверх, на отметку 1891.

В то же мгновение я почувствовал сильное го-

ловокружение и отпустил гирьку. Ноги у меня подкосились, и я упал. Когда я немного оправился и поднял голову, то увидел какую-то незнакомую женщину, да и все вокруг меня выглядело необычно. Вы, конечно, понимаете, что дело было в обстановке: мебели и коврах — все-таки этот дом находился во владении нашей семьи более века.

Но мне было десять лет, и немудрено, что я перепугался, особенно когда увидел эту женщину. Ей было около сорока лет, она была одета в старомодную длинную юбку, губы ее были поджаты от негодования и в руке она держала розгу. Когда я поднялся на ноги, дрожа от слабости, она заговорила:

— Джо Мэйнард, сколько раз я говорила, чтобы ты держался подальше от этих часов?

Когда она назвала меня по имени, я обмер. Тогда я еще не знал, что моего дедушку звали Джозеф. Напугало меня и то, что она говорила по-английски слишком чисто и внятно — мне даже не передать как. Когда же я понял, что в ее лице все явственнее проступают знакомые мне черты — это было лицо моей прабабушки, портрет которой висел в кабинете отца, — я вконец перетрусил.

С-с-с-с-с! Розга полоснула меня по ноге. Я увернулся и кинулся к двери, взвыв от боли. Я слышал, как она кричит мне вслед:

— Ну погоди, Джо Мэйнард, вот вернется отец...

Выбежав из дома, я очутился, как в сказке, в маленьком городке конца девятнадцатого века. Собака затявкала мне вслед. На улице паслись лошади, вместо тротуара был деревянный настил. Я привык лавировать среди автомобилей и ездить на автобусах, и потому был не в состоянии воспринять внезапно произшедшей перемены. Я так ниче-

го и не помню о тех долгих часах, что провел на улице, но постепенно становилось темно, и я про-крялся назад, к большому дому и уставился в един-ственное освещенное окно в столовой. Никогда в жизни мне не забыть того, что я увидел. За обе-денным столом сидели мои прадедушка и праба-бушка с мальчиком моего возраста, почти точной моей копией, если не считать насмерть перепуган-ного выражения лица, которого, надеюсь, у меня никогда не будет. Прадедушка был настолько сер-дит, что я прекрасно слышал через окно все, что он говорил:

— Ах вот как. Значит, ты попросту называешь свою собственную мать лгуньей. Ну погоди, я раз-берусь с тобой после обеда.

Я понял, что это из-за меня Джо достанется на орехи. Но для меня тогда важно было то, что в настоящий момент в холле возле часов никого не было. Я пробрался в дом весь дрожа, хоть и не имел никакого определенного плана действий. На цыпочках прокрался к часам, отворил дверцу и пе-редвинул гирьку на отметку 1950. Все это я проде-лал не думая: мысли мои как бы сковало льдом.

Следующее, что я помню, это кричавшего на меня мужчину. Знакомый голос. Когда я поднял голову, то увидел своего собственного отца.

— Негодный мальчишка, — кричал он.— Сколь-ко раз тебе говорили, чтобы ты держался подальше от этих часов!

Впервые в жизни порка принесла мне явное об-легчение, и, пока я был маленьkim, ни разу боль-ше не подходил к этим часам. Правда, любопыт-ство заставило меня начать осторожные расспросы о моих предках. Отец отвечал очень уклончиво. Взгляд его устремлялся куда-то вдаль, и он го-ворил:

— Я сам очень много не понимаю в своем детстве, сынок. Когда-нибудь я все тебе расскажу.

Он умер внезапно, от воспаления легких. В ту пору мне исполнилось тринадцать лет. Его смерть была для нас потрясением не только душевным: с деньгами тоже не все ладилось. Среди прочих вещей мать продала и старинные дедушкины часы, и мы начали подумывать о том, чтобы сдавать комнаты жильцам, когда неожиданно из-за роста промышленности сильно подскочили цены на землю, которой мы владели на другом конце города. Я помнил о старых часах и о том, что со мной приключилось, но жизнь завертела меня: сначала коллеж, потом эта дурацкая война во Вьетнаме — я был, что называется, геройским мальчиком на побегушках при штабе в чине капитана, — так что мне удалось заняться поисками часов лишь в начале 1966 года. Через скупщика, который в свое время приобрел их у нас, я узнал, где они находятся, и заплатил второе дороже, чем мы за них получили, но часы того стоили.

Грузик на маятнике опустился до отметки 1966. Совпадение это просто потрясло меня. Но, что еще важнее, под нижней дощечкой, на самом дне, я обнаружил сокровище: дедушкин дневник.

Первая запись была сделана 18 мая 1904 года. Стоя перед часами на коленях с дневником в руках, я, естественно, решил проделать опыт. Были мои детские воспоминания реальными или только плодом моего воображения? Я тогда даже не подумал о том, что окажусь в прошлом в тот самый день, с которого начинался дедушкин дневник, но рука моя невольно поставила гирьку на отметку 1904. В последний момент на всякий случай я сунул в карман свой пистолет 38 калибра, а затем схватился за хрустальную гирьку.

Она была теплой на ощупь, и у меня создалось отчетливое впечатление вибрации.

На сей раз я не почувствовал никакой дурноты и уже собирался бросить эту затею, понимая, насколько она глупа, как взгляд мой упал на окружающую меня обстановку. Диван в холле стоял на другом месте, ковры выглядели темнее, на дверях висели старомодные гардины из темного бархата.

Сердце мое бешено заколотилось. В голове лихорадочно стучала мысль: что я скажу, если меня обнаружат? Но скоро я понял, что в доме стояла полная тишина; лишь тикали часы. Я поднялся на ноги, все еще не доверяя собственным глазам, все еще не понимая до конца, что это чудо вновь произошло.

Я вышел на улицу. Город разросся с тех пор, как я видел его мальчиком. И все же это было всего лишь начало двадцатого века. Коровы на заднем дворе. Курятники. Неподалеку расстилалась открытая прерия. Настоящий город еще не вырос, и не было никаких признаков того, что это когда-нибудь произойдет. Это вполне мог быть 1904-й год.

Вне себя от возбуждения, я зашагал по деревянному тротуару. Дважды навстречу мне попадались прохожие: сначала мужчина, потом женщина. Они посмотрели на меня, как я сейчас понимаю, с изумлением, но тогда я едва обратил на них внимание. И, только когда на узком тротуаре чуть не столкнулся с двумя женщинами, я оправился от охватившего меня волнения и понял, что передо мной и в самом деле живые люди, из плоти и крови, самого начала двадцатого века.

На женщинах были длинные до земли юбки, шуршащие при ходьбе. День выдался теплый, но,

вероятно, недавно прошел дождь: на подолах юбок виднелась засохшая грязь.

Женщина постарше взглянула на меня и сказала:

— О, Джозеф Мэйнард, значит, вы все-таки успели вернуться к похоронам вашей бедной матушки. Но что это за диковинная одежда на вас?

Девушка рядом с ней не произнесла ни слова. Она просто стояла и смотрела на меня.

У меня чуть было не сорвалось с языка, что я вовсе не Джозеф Мэйнард, но я вовремя спохватился. Кроме того, я вспомнил запись в дедушкином дневнике от 18 мая:

«Встретил на улице миссис Колдуэлл с дочерью Мариэттой. Она страшно удивилась, что я успел вернуться к похоронам».

Слегка ошарашенный таким развитием событий, я подумал: «Если это и есть миссис Колдуэлл и это именно та встреча, то...»

А женщина между тем продолжала:

— Джозеф Мэйнард, я хочу представить вам мою дочь Мариэтту. Мы только что говорили с ней о похоронах, правда, дорогая?

Девушка продолжала смотреть на меня.

— Разве, мама? — спросила она.

— Ну конечно, неужели ты не помнишь? — запальчиво сказала миссис Колдуэлл. — Мы с Мариэттой уже приготовились к завтрашним похоронам, — торопливо добавила она.

— А мне казалось, — спокойно заметила Мариэтта, — что мы договорились назавтра поехать на ферму Джонса.

— Мариэтта, как ты можешь такое говорить? Это на послезавтра. И вообще, если даже я и договорилась, придется все это отменить. — Она, ка-

залось, вновь полностью овладела собой. — Мы всегда были так дружны с вашей матушкой, мистер Мэйнард, правда, Мариэтта? — дружелюбно добавила она.

— Мне она всегда нравилась, — сказала Мариэтта, сделав почти неуловимое ударение на первом слове.

— Ну, значит, увидимся завтра в церкви в два часа, — торопливо произнесла миссис Колдуэлл. — Пойдем, Мариэтта, душечка.

Я отступил назад, давая им пройти, затем обошел квартал кругом и вновь очутился в своем доме. Я обследовал его сверху донизу в смутной надежде найти тело усопшей, но о нем явно уже позабочились.

Мне стало не по себе. Моя мать умерла в 1963 году, когда я находился в далеком Вьетнаме, и ее похоронами занимался адвокат нашей семьи. Сколько раз душными ночами в джунглях воображение рисовало мне картину безмолвного дома, где она лежала больная. То, что происходило сейчас, было очень похоже на то, что я ощущал тогда, и это сравнение меня угнетало.

Я запер двери, завел часы, опустил гирьку до отметки 1966 и вернулся в собственное время.

Ощущение мрачной атмосферы смерти постепенно отпустило меня, зато взволновала следующая мысль: действительно ли Джозеф Мэйнард вернулся домой 18 мая 1904 года? А если нет, то к кому тогда относилась запись от 19 мая, сделанная в дневнике дедушки, в которой говорилось:

«Был сегодня на похоронах и опять разговаривал с Мариэттой».

Опять разговаривал! Вот, что там говорилось. А так как в первый раз разговаривал с ней именно

я, значило ли это, что я также буду и на похоронах?

Весь вечер я провел за чтением дневника в поисках какого-нибудь слова или фразы, которые подсказали бы мне, что я на верном пути. Я не нашел ни одной записи, в которой бы говорилось о путешествии во времени, но после некоторых размышлений понял, что в этом нет ничего удивительного: ведь дневник мог попасть в посторонние руки.

Я дошел до того места, где Джозеф Мэйнард и Мариэтта Колдуэлл объявили о своей помолвке, а чуть позже до записи под одной из дат:

«Сегодня женился на Мариэтте!»

Весь мокрый от пота, я отложил дневник в сторону.

Весь вопрос заключался только в одном: если речь шла именно обо мне, то что произошло с подлинным Джозефом Мэйнардом? Неужели единственный сын моих прародителей погиб на одной из американских границ, и об этом так никогда и не узнали в его родном городе? С самого начала это показалось мне наиболее правдоподобным объяснением.

Я был на похоронах. И теперь уже у меня не оставалось никаких сомнений: я был единственным Мэйнардом, который там присутствовал, разумеется, если не считать моей покойной прабабушки.

После похорон у меня состоялся разговор с адвокатом, и я официально вступил во владение наследством. Я распорядился о покупке акций на землю, которые полвека спустя дали нам с матерью возможность не сдавать комнаты внаем.

Теперь предстояло обеспечить рождение моего отца.

Завоевать сердце Мариэтты оказалось на удив-

ление трудно, хотя я твердо знал, что женитьба наша должна была состояться. У нее был поклонник, молодой человек, которого я с радостью задушил бы собственными руками, и не один раз. Он был из породы краснобаев, но без гроша за душой, и родители Мариэтты были настроены явно против него, что, впрочем, дочь, по-видимому, нисколько не волновало.

В конце концов пришлось решиться на нечистую игру — ведь я не мог позволить себе проиграть. Я отправился к миссис Колдуэлл и прямо в лоб заявил ей, что хочу, чтобы она начала поощрять Мариэтту выйти замуж за моего соперника. По моему предложению, она должна была твердить дочери, что на меня нельзя положиться, что в любой момент я могу отправиться путешествовать на край света, потащив ее за собой, и что один господь бог знает, какие трудности и лишения ей придется при этом пережить.

Как я и подозревал, эта девица в глубине души жаждала приключений. Не знаю, следует ли это отнести на счет влияния матери, только Мариэтта вдруг стала относиться ко мне более благосклонно. Я настолько увлекся ухаживанием, что совсем позабыл про дневник. После того как мы обручились, я пролистал его, и все что со мной произошло, оказалось там описано точь-в-точь, как было на самом деле.

От всего этого мне стало как-то не по себе. Когда же Мариэтта назначила нашу свадьбу на тот самый день, что и в дневнике, я и вовсе отрезвел и самым серьезным образом задумался о своем положении. Ведь если мы действительно поженимся, я окажусь своим собственным дедушкой. А если нет — что тогда?

Я даже не мог здраво оценить обстановку, по-

тому что мысли тут же начинали путаться у меня в голове. Тем не менее я приобрел точно такой же старинный дневник в кожаном переплете, слово в слово переписал туда все записи из старого дневника и положил его под нижнюю дощечку часов. На самом-то деле, как я подозреваю, это был один и тот же дневник, тот самый, который я позднее обнаружил.

В назначенный день мы с Мариэттой обвенчались, и вскоре нам обоим стало ясно, что мой отец появится на свет тогда, когда ему положено, — хотя, естественно, Мариэтта воспринимала рождение ребенка в несколько ином смысле.

Тут Мэйнарда прервали.

— Следует ли понимать, мистер Мэйнард, — ледяным тоном спросила одна из слушательниц, — что вы действительно женились на этой бедной девочке и что сейчас она ждет ребенка?

— Но ведь все это случилось в самом начале двадцатого века, — миролюбиво ответил Мэйнард.

С пылающим от негодования лицом женщина заявила:

— По-моему, это самая гнусная история из всех, что я слышала.

Мэйнард окинул гостей насмешливым взглядом:

— Вы все так считаете? Выходит, я не имел никакого морального права обеспечить свое собственное рождение?

— Видите ли... — с сомнением в голосе начал один из присутствующих.

— А может, сначала вы дослушаете мой рассказ до конца, а потом мы поговорим? — сказал Мэйнард.

Почти сразу же после женитьбы, — продолжал он, — у меня начались неприятности. Мариэтта желала знать, куда это я все время исчезаю.

Она была чертовски любопытна и без конца спрашивала меня о моем прошлом. В каких странах я бывал? Что я там видел? Почему вообще уехал из дома и отправился путешествовать? Она совсем меня заклевала, но ведь я не был настоящим Джозефом Мэйнардом и не мог ответить на ее вопросы. Сначала я намеревался жить с ней до тех пор, пока не родится ребенок, лишь изредка появляясь в своем времени. Но она ходила за мной по пятам. Дважды она чуть было не поймала меня у часов. Это меня встревожило, и, наконец, я понял, что Джозефу Мэйнарду следует исчезнуть из этого времени навсегда.

В конце концов, какой смысл был в том, что я обеспечил свое собственное рождение, если в дальнейшем мне больше ничего не предстояло сделать? У меня была своя жизнь начиная с 1967 года и далее. Я также должен был жениться вторично, чтобы дети мои продолжили наш род.

Тут его прервали во второй раз.

— Мистер Мэйнард, — сказала все та же женщина, — не намекаете ли вы на то, что просто бросили бедную беременную девочку?

Мэйнард беспомощно развел руками.

— Что еще мне оставалось делать? В конце концов, за ней был прекрасный уход. Я даже говорил себе, что со временем она, вероятно, выйдет замуж за того самого молодого краснобая — хотя, признаться, мне это было вовсе не по душе.

— Почему бы вам было не забрать ее с собой?

— Потому, — сказал Терри Мэйнард, — что я хотел, чтобы ребенок оставался там.

Лицо женщины побелело, и она проговорила, чуть заикаясь от ярости:

— Мистер Мэйнард, я не желаю более оставаться под одной крышей с вами.

Мэйнард изумленно посмотрел на нее.

— Но, мадам, значит, вы верите моему рассказу?

Она недоуменно моргнула.

— О! — вырвалось у нее, и, откинувшись на спинку кресла, она смущенно рассмеялась.

Несколько человек посмотрели на нее и тоже засмеялись, но как-то неуверенно.

— Вы даже представить себе не можете, — продолжал Мэйнард, — каким виноватым я себя чувствовал. Всякий раз, стоило мне увидеть хорошенькую женщину, перед моими глазами вставала Мариэтта. И лишь с большим трудом я убедил себя, что она умерла где-то в 40-х годах, а может, и раньше. И все же не прошло и четырех месяцев, а я уже не мог ясно представить себе, как она выглядит.

Затем на одной из вечеринок я встретил Джоан. Она сразу же напомнила мне Мариэтту, и, думаю, это повлияло на весь дальнейший ход событий. Должен признаться, что она проявила недюжинную энергию, добиваясь моей благосклонности, но в какой-то степени я даже радовался этому, ибо отнюдь не уверен, что отважился бы на женитьбу, если бы она все время не подталкивала меня к этому.

После свадьбы я, по обычай, перенес ее на руках через порог нашего старого дома. Когда я опустил ее на пол, она долгое время стояла, глядя на меня с престанным выражением. В конце концов она тихо сказала:

— Терри, я должна тебе кое в чем признаться.

— Да?

Я понятия не имел, что бы это могло значить.

— Терри, есть причина, по которой я так торопилась выйти за тебя замуж.

Я почувствовал слабость в коленях. Мне не нужно было объяснять ту определенную причину, по которой молоденькие девушки торопились выйти замуж.

— Терри, у меня будет ребенок.

Сказав это, она подошла ближе и влепила мне пощечину. Не думаю, что когда-либо в жизни я испытывал большее изумление.

Он прервал свой рассказ и окинул взглядом комнату. Гости переглядывались и явно чувствовали себя неловко. В конце концов женщина, уже не раз возмущавшаяся его рассказом, с удовлетворением произнесла:

— Так вам и надо.

— Вы считаете, что я получил по заслугам?

— Когда человек совершает неблаговидный поступок... — начала она.

— Но, мадам, — запротестовал Мэйнард, — ведь я точно выяснил, что, не стань я собственным дедушкой, я никогда бы не появился на свет. А как бы вы поступили на моем месте?

— А по мне, так это многоженство, — заявил один из гостей. — Нет, только не подумайте, что я пытаюсь защищать женщин, которые награждают своих мужей чужими детьми. И вообще, Джоан, у меня просто нет слов.

Это был старый приятель Мэйнардов, который слышал рассказ впервые.

— Любая женщина может оказаться в отчаянном положении, — пробормотала Джоан.

— При чем здесь многоженство, — сказал Мэйнард, — если первая жена умерла чуть не на целое поколение раньше? — Он помолчал, а потом

сказал: — И кроме того, я не мог не задуматься о судьбе всего человечества.

— Что вы имеете в виду? — хором воскликнули несколько гостей.

— Попробуйте представить себе силы, — уже серьезно сказал Мэйнард, — которые действуют в процессе путешествия во времени. Я не ученый, но могу отчетливо представить себе картину нашего материального мира, который движется сквозь время, подчиняясь незыблемому закону энергии.

По сравнению с этой силой взрыв атомной бомбы не более чем слабый колеблющийся огонек свечи в бесконечной тьме. Предположим, что в определенный момент развития пространства-времени не рождается ребенок, который должен был появиться на свет. Так как ребенок, о котором мы говорим, должен был стать моим отцом, то возникает вопрос: если он не родился, продолжали бы мы с ним существовать или нет? А если нет, то скажется ли наше неожиданное исчезновение на развитии Вселенной?

Мэйнард наклонился вперед и торжественно сказал:

— Я полагаю, скажется. Я полагаю, что вся Вселенная просто исчезла бы, мгновенно испарились, словно ее никогда и не было. Равновесие между жизнью как таковой и существованием индивида чрезвычайно хрупкое. Стоит чуть-чуть изменить его, нарушить самое слабое звено, и все рухнет как карточный домик. Так мог ли я, учитывая эту возможность, поступить иначе?

Он пожал плечами, вопрошающе глядя на гостей, и откинулся на спинку кресла.

Наступило молчание. Затем один из присутствующих сказал:

— А мне кажется, каждый из вас получил по

заслугам. — Он хмуро посмотрел на Джоан. — Я знаю вас уже примерно три года, но что-то не припомню никакого ребенка. Он умер? Тогда я вообще не понимаю, зачем вы вытряхиваете свое грязное белье на людях?

— Джоан, — сказал Мэйнард, — по-моему, тебе следует закончить этот рассказ.

Его жена взглянула на часы.

— Думаешь, я успею, милый? Без двадцати двенадцать. Наши гости наверняка хотят успеть отпраздновать Новый год.

— А ты покороче, — сказал Мэйнард.

— Страхи Терри относительно того, что его любопытная жена увидит, как он отправляется в будущее и возвращается обратно, — начала Джоан, — были вполне обоснованы. Случилось так, что она увидела, как он исчез. Поймай она его при возвращении, с ней, безусловно, случилась бы истерика и она устроила бы ему скандал, а так у нее было время подумать и оправиться от потрясения.

И ничего удивительного, что она ходила за ним по пятам, как испуганная курица. Ей очень хотелось поговорить с ним, но она не осмеливалась и молча переживала происходившее. Несколько раз она видела, как он исчезал, а затем появлялся. С каждым разом она пугалась все меньше и меньше, и в один прекрасный день любопытство одержало верх. Однажды утром, когда он встал раньше нее, оставив на подушке записку, что уезжает на два дня, Мариэтта одела дорожное платье, взяла с собой все деньги, какие были в доме, и подошла к часам. Прежде она не раз изучала их и в принципе поняла, как они работают. Подойдя, она сразу заметила, что гирька стоит на отметке 1967.

Мариэтта схватилась рукой за хрустальную

гирику, как это делал ее супруг, и на мгновение почувствовала дурноту. Хоть она и не поняла этого сразу, она уже оказалась в будущем. Когда она вышла из дома, ей стало страшно: едва она начала переходить улицу, как механическое чудовище, которое неслось на нее, вдруг завизжало, резко остановливаясь. Из окошка высунулся сердитый мужчина и обругал ее.

Дрожа, почти теряя сознание, Мариэтта добралась до тротуара. Постепенно она освоилась с не привычной обстановкой и стала более осторожной, ведь она была способной ученицей. Менее чем через полчаса она очутилась перед магазином готовой одежды. Зайдя внутрь, она вынула из кошелька деньги и спросила у продавщицы, может ли она на них что-нибудь купить. Продавщица позвала управляющего. Управляющий отоспал деньги в ближайший банк для проверки. Все обошлось как нельзя лучше.

Мариэтта купила платье, костюм, нижнее белье, туфли и прочие мелочи. Она вышла из магазина, потрясенная собственным безрассудством и испытывая стыд при виде той одежды, которую ей пришлось одеть, но в самом решительном расположении духа. Она очень устала, поэтому вернулась обратно в дом, а потом и в свое собственное время.

Шли дни, и постепенно Мариэтта осмелела. Она подозревала своего мужа в дурных намерениях, ведь ей неоткуда было знать о том, что именно женщины будущего считают современным и дозволительным. Она выучилась курить, хотя сперва чуть было не задохнулась. Она научилась пить, хотя отключилась после первой же рюмки и целый час спала как убитая. Она устроилась на работу в магазин: управляющий решил, что ее старомодная манера обращения привлечет покупателей.

Однако не прошло и месяца, как ее уволили, в основном потому что она чересчур усердно подражала разговору молоденьких продавщиц с их новомодными словечками, но также и за то, что она не каждый день ходила на работу.

К этому времени у нее уже не оставалось сомнений в том, что она ждет ребенка, а так как в это время муж еще не собирался бросить ее, она сказала ему об этом. По-моему, в глубине души она надеялась, что он тут же все ей расскажет, впрочем, не берусь утверждать этого наверняка: трудно судить о том, что в тот или иной момент движет поступками мужчины или женщины. Как бы то ни было, этого не произошло. Вскоре он ушел и больше уже не возвращался.

Разгадав его намерения, Мариэтта пришла в ярость. И все же ее раздирали противоречия: с одной стороны, она оказалась в роли брошенной жены, с другой — в ее силах было изменить создавшееся положение.

Она заколотила дом и объявила, что намерена отправиться попутешествовать. Прибыв в 1967 год, она устроилась на работу и сняла комнату, назвавшись девичьим именем своей матери, Джоан Крейг. Она напросилась на вечеринку, где встретила Терри Мэйнарда. В новом платье и с новой прической в ней довольно трудно было узнать прежнюю Мариэтту.

Она вышла за него замуж и в наказание за то, что он так поступил с ней, не призналась ему ни в чем до самой последней минуты, напугав его до полусмерти. Но затем... да и что она могла сделать? Когда мужчина женится на девушке дважды, второй раз даже не подозревая, кто она такая, это — любовь... О господи, уже без трех минут двенадцать. Пора кормить моего карапуза.

Она вскочила с кресла и выбежала в холл.

Прошло около минуты, прежде чем один из гостей прервал наступившую тишину.

— Черт побери! Выходит, вы не только дедушка самому себе, но еще и женились в 1970 году на собственной бабушке! Вам не кажется, что это несколько усложняет дело?

Мэйнард покачал головой.

— Разве вы не понимаете, что это — единственный выход? У нас есть ребенок, который находится там, в прошлом. Он станет моим отцом. Если рождаются другие дети, они останутся здесь и продолжат наш род. При мысли об этом мне становится легче жить на свете.

Где-то вдалеке забили куранты. Мэйнард поднял бокал.

— Дамы и господа, выпьем за будущий... 1971 год и за все хорошее, что с нами должно произойти.

Когда они выпили, одна из женщин робко спросила:

— Скажите, ваша жена... Джоан... она сейчас отправилась в прошлое?

Мэйнард кивнул.

— Тогда я не понимаю, — продолжала она. — Ведь вы сказали, что цифры на стержне кончаются на отметке 1970. Но только что наступил 1971-й год.

— А! — сказал Терри Мэйнард. Лицо его приняло недоуменное выражение. Он привстал с кресла, чуть не выплеснув коктейль из бокала. Затем вновь медленно сел и пробормотал:

— Я уверен, что все будет в порядке. Судьба не может так посмеяться надо мной.

Женщина, которая ранее весьма критически от-

носилась к рассказу Мэйнарда, поджав губы, встала с кресла.

— Мистер Мэйнард, разве вы не собираетесь пойти и проверить?

— Нет-нет, я уверен, что все будет в порядке. Там, под грузиком, есть место для новых цифр. Не сомневаюсь в этом.

Один из гостей поднялся с места и нарочито чеканя шаг вышел в холл. Когда он вернулся, вид у него был хмурый.

— Вам, вероятно, будет небезынтересно узнать, — сказал он, — что ваши часы остановились ровно в полночь.

Мэйнард по-прежнему сидел в кресле.

— Я уверен, что все будет в порядке, — повторял он.

Две женщины встали со своих мест.

— Мы пойдем наверх и поищем Джоан, — сказала одна из них.

Через некоторое время они вернулись.

— Ее там нет. Мы всюду посмотрели.

В комнату вошли трое гостей, которые удалились в столовую, когда Мэйнард начал свой рассказ. Один из них весело сказал:

— Ну, полночь прошла, так что, думаю, все кончилось. — Он посмотрел на Мэйнарда. — Вы, конечно, сказали им, что нумерация кончается на цифре 1970?

Гости заерзали на своих местах, нарушив тягостное молчание. Мужчина обратился к ним все тем же веселым тоном:

— Когда я впервые слышал эту историю, последняя цифра была 1968, и ровно в полночь часы остановились.

— И Джоан исчезла за три минуты до этого? — спросил кто-то.

— Вот именно.

Несколько человек вышли в холл посмотреть на часы. В гостиную доносились возбужденные голоса:

— Смотрите-ка, последняя цифра действительно 1970...

— Интересно, Мэйнард каждый год вырезает новые цифры?

— Эй, Пит, возьмись за гирьку!

— Ну уж нет. Мне как-то не по себе от этой истории.

— Мэйнард всегда казался мне странным.

— Но здорово рассказал, верно?

Позже, когда гости начали расходиться, одна женщина жалобно спросила:

— Но, если все это шутка, почему Джоан не вернулась?

Чей-то голос прозвучал из темноты за дверью:

— Мэйнарды такая занятная пара, правда?

Джек Финней

Лицо на фотографии*

На одном из верхних этажей нового Дворца правосудия я нашел номер комнаты, которую искал, и открыл дверь. Миловидная девушка взглянула на меня, оторвавшись от пишущей машинки, и спросила с улыбкой:

— Профессор Вейганд?

Вопрос был задан только для проформы — она узнала меня с первого взгляда, — и я, улыбнувшись в ответ, кивнул головой, пожалев, что на мне сейчас профессорское одеяние, а не костюм, более подходящий для развлечений в Сан-Франциско. Девушка сказала:

— Инспектор Айрин говорит по телефону. Подождите его, пожалуйста.

Я снова кивнул головой и сел, снисходительно улыбаясь, как и подобает профессору.

Мне всегда мешает — несмотря на худощавое, задумчивое лицо истинного научного работника — то, что я несколько моложав для должности ассистента профессора физики в крупном университете. К счастью, я уже в девятнадцать лет приобрел преждевременную седую прядку в волосах, а в университетском городке обычно ношу ужасаю-

* Печатается по изд.: Финней Дж. Лицо на фотографии: Пер. с англ. — М.: Знание, 1977 («Знание — сила», № 3). — Пер. изд.: Finney J. The Face in the Photo: The Best of Sci-Fi, Pt. 4, Mayflower, Lnd., 1963.

© Перевод на русский язык, «Знание», 1977.

© Перевод на русский язык с исправлениями, «Мир», 1985.

щие, отточенные мешками на коленях шерстяные брюки, которые, как принято считать, полагается носить профессорам (хотя большинство из них предпочитают этого не делать). Такого рода одежда, а также круглые, типично профессорские очки в металлической оправе, в которых я, в сущности, не нуждаюсь, — вкупе с заботливо подобранными чудовищными галстуками с дикими сочетаниями ярко-оранжевого, обезьянье-голубого и ядовито-зеленого цветов — дополняют мой образ, мой «кимидж». Это популярное ныне словцо в данном случае означает, что, если вы хотите стать настоящим профессором, вам надо полностью отказаться от внешнего сходства со студентами.

Я окинул взглядом небольшую приемную: желтые оштукатуренные стены, большой календарь, ящики с картотекой, письменный столик, пишущая машинка и девушка. Я следил за ней исподлобья, на манер, который перенял у своих наиболее зрелых студенток, изобразив на лице отеческую улыбку на случай, если она поднимет голову и поймет мой взгляд. Впрочем, я хотел только одного: вынуть письмо инспектора и перечитать его еще раз в надежде найти там не замеченный ранее ключ к ответу на вопрос — что ему от меня нужно. Но я испытываю трепет перед полицией — я чувствую себя виновным, даже когда спрашиваю у полицейского дорогу, — а потому подумал, что если начну перечитывать письмо именно сейчас, то выдам свою нервозность, и мисс Конфетка незаметно сигнализирует об этом инспектору.

В сущности, я знал наизусть содержание письма. Это было адресованное в университетский городок официальное вежливое приглашение в три строчки — явиться сюда для встречи с инспектором Мартином О. Айрином, если вас не затруднит, ког-

да вам будет удобно, не будете ли вы так любезны, пожалуйста, сэр. Я сидел в приемной, размышляя, что бы он предпринял, если бы я в таком же учтивом стиле отказался; но тут зажужжал зуммер, девушка улыбнулась и сказала:

— Заходите, профессор.

Я поднялся, нервно глотая слону, открыл дверь и вошел в кабинет инспектора.

Он встал из-за стола медленно и неохотно, словно колебался — не отправить ли меня в скором будущем за решетку? Протянув руку и глядя на меня подозрительно и без улыбки, он прошел:

— Очень любезно с вашей стороны, что вы пришли.

Я поздоровался и сел у его стола, догадываясь, что могло меня ожидать, откажись я от приглашения инспектора. Он просто-напросто пришел бы в мою аудиторию, защелкнул бы на мне наручники и приволок сюда.

Я вовсе не хочу этим сказать, что у инспектора Айрина было отталкивающее или вообще чем-либо примечательное лицо; оно было вполне заурядным. Столъ же заурядны были его темные волосы и простой серый костюм. Он был чуть моложе средних лет, несколько выше и крупнее меня, и по его глазам было видно, что во всей Вселенной его ничто не интересует, кроме службы. У меня сложилось твердое убеждение, что, помимо уголовной хроники, он ничего не читает, даже газетные заголовки; что он умен, проницателен, восприимчив и начисто лишен чувства юмора; что он ни с кем не знаком, разве что с другими полицейскими, которые ему также безразличны. Это был ничем не примечательный и все же страшный человек; и я знал, что улыбка у меня получилась вымученной.

Айрин сразу же приступил к делу; чувствова-

лось, что он больше привык арестовывать людей, чем общаться с ними. Он сказал:

— Мы не можем найти несколько личностей, и я подумал — не окажете ли вы нам помощь. — Я изобразил на лице вежливое удивление, но он оставил это без внимания. — Один из них работал швейцаром в ресторане Хэлинга; вы знаете это заведение, ходите туда много лет. В конце уикэнда он исчез с полной выручкой — около пяти тысяч долларов. Он оставил записку, где написал, что любит ресторан Хэлинга и с удовольствием там работал, но десять лет ему не доплачивали жалованье, и теперь, как он полагает, они квиты. У этого парня своеобразное чувство юмора. — Айрин откинулся в своем вертящемся кресле и бросил на меня хмурый взгляд из-под бровей. — Мы не можем его найти. Вот уже год, как он исчез, а мы все еще не напали на след.

Я решил, что он ждет от меня ответа, и выпалил первое, что пришло в голову:

— Возможно, он уехал в другой город и сменил фамилию.

Айрин посмотрел на меня удивленно, словно я сморозил еще большую глупость, чем он мог от меня ожидать.

— Это ему не поможет, — сказал он с раздражением.

Мне надоело чувствовать себя запуганным, и я храбро спросил:

— А почему бы и нет?

— Люди воруют не для того, чтобы спрятать награбленное навсегда; они крадут деньги, чтобы их тратить. Сейчас он уже истратил эти деньги, думает, что о нем забыли, и снова нашел где-нибудь работу в качестве швейцара. — Наверное, у меня был скептический вид, потому что Айрин про-

должал: — Разумеется, швейцара; он не сменит профессию. Это все, что он знает, все, что умеет. Помните Джона Кэррэдайна, киноактера? Я видел его когда-то на экране. У него было длиннущее лицо, один сплошной подбородок и челюсть; так вот, они очень похожи.

Айрин повернулся в кресле к картотеке, открыл ящик, вытащил пачку глянцевых листов бумаги и протянул мне. Это были полицейские объявления о розыске преступника, и если человек на фотографии не слишком походил на киноактера, то, во всяком случае, у него было такое же редкостное лицо с длинной лошадиной челюстью.

— Он мог уехать и мог сменить имя, — отчеканил Айрин, — но он никогда не сможет изменить это лицо. Где бы он ни скрывался, мы должны были найти его еще несколько месяцев назад: эти объявления были разосланы повсюду.

Я пожал плечами, и Айрин снова повернулся к картотеке. Он вынул оттуда и протянул мне большую старомодную фотографию, выполненную в тоне сепии и наклеенную на плотный серый картон. Это был групповой снимок, какой сейчас редко можно увидеть: все служащие мелкого заведения выстроились в ряд перед его фасадом. Человек десять усатых мужчин и женщина в длинном платье улыбались и щурились на солнце, стоя перед небольшим зданием, которое я сразу узнал: это был ресторан Хэлинга, и он не очень отличался от нынешнего.

— Я обнаружил это на стене в конторе ресторана; не думаю, чтобы кто-нибудь за все годы хоть раз взглянул на эту фотографию. Крупный мужчина в центре — первый хозяин ресторана, основавший его в 1885-м году, когда и был сделан счи-

мок. Всех остальных на фото никто не знает. Но взглядитесь внимательней в эти лица.

Я послушался и сразу понял, что он имел в виду: одна из физиономий на снимке как две капли воды была похожа на ту, в объявлении о розыске. Такое же поразительно длинное лицо, такой же лошадиный подбородок, по ширине чуть ли не равный скулам. Я взглянул на Айрина.

— Кто это? Его отец? Дедушка?

— Возможно, — ответил он неохотно. — Конечно, это не исключено. Но не слишком ли он смахивает на того парня, за которым мы охотимся? И посмотрите, как он ухмыляется! Так и кажется, будто он специально устроился снова на работу в ресторан Хэлинга в 1885-м году и теперь оттуда, из прошлого, насмехается надо мной!

— Инспектор, — сказал я, — то, что вы рассказали, — необычайно интересно и даже захватывающе. Поверьте, вы полностью завладели моим вниманием, и я никуда не тороплюсь. Но я не совсем понимаю...

— Вы ведь профессор, не так ли? А профессора — народ сообразительный, верно? Я ищу помощи всюду, где могу ее найти. У нас накопилось с пяток нераскрытых дел вроде этого — люди, которых мы, безусловно, должны были поймать, и при том без труда! Вот еще один — Уильям Спэнглер Грисон. Слышали когда-нибудь это имя?

— Еще бы! Кто же не слышал о нем в Сан-Франциско?

— Это точно, его хорошо знали в обществе. Но известно ли вам, что у него за душой не было ни цента собственных денег?

Я пожал плечами.

— Откуда мне знать? Я был уверен, что он богат.

— Богата его жена. Полагаю, из-за этого он и женился на ней, хотя люди болтают, что она сама за ним гонялась. Она намного старше его. Я беседовал с ней: женщина со скверным характером. Он молод, красив и обаятелен, но, по слухам, очень ленив; вот почему он на ней и женился.

— Я встречал его имя в газетных столбцах — в театральной хронике. Кажется, он имел какое-то отношение к театру?

— Всю жизнь он питал страсть к сцене, пытался стать актером, но не смог. Когда они поженились, она дала ему денег, чтобы он мог ездить играть в Нью-Йорк; это сделало его на некоторое время счастливым. Он летал на восточное побережье на репетиции и загородные пробные спектакли. Там он сблизился с молоденькими смазливыми актрисами. Жена наказала его, как маленького ребенка. Притащила его обратно сюда, и с той поры — ни цента на театр. Деньги на что-нибудь другое — пожалуйста, но он не мог купить даже билета на театральное представление: он был провинившимся мальчиком. Тогда он сбежал, прихватив с собой 170 тысяч ее долларов, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. И это противоестественно, потому что он не может — понимаете, не может! — быть вдали от театра. Он давно уже должен был объявиться в Нью-Йорке — под чужим именем, в парике, с усами и прочей ерундой. Мы должны были поймать его несколько месяцев назад, но не поймали; он тоже как в воду канул. — Айрин встал с кресла. — Надеюсь, вы говорили всерьез, что не торопитесь, потому что...

— Вообще-то, конечно...

— ...потому что у меня назначена встреча для нас обоих. На Пауэлл-стрит, возле Эмбаркадero. Пойдемте.

Он вышел из-за стола, взял лежавший на краю большой конверт. Я заметил, что конверт был с обратным адресом нью-йоркского полицейского управления и предназначался Айрину. Инспектор направился к дверям не оглядываясь, словно не со мневался, что я последую за ним. Внизу, возле дома, он сказал:

— Мы можем взять такси — вместе с вами я смогу за него отчитаться. Когда я езжу один, то пользуюсь трамваем.

— В такой чудесный день, как сегодня, брать такси вместо трамвая — такое же безумие, как идти работать в полицию.

— Будь по-вашему, мистер турист! — сказал Айрин, и мы отправились в путь в полном молчания. Трамвай как раз делал круг, и мы заняли наружные места. Рядом с нами никого не было. Трамвай лениво пополз к Пауэлл-стрит. Стоял типичный день позднего сан-францисского лета, полный солнца и голубого неба; но Айрин мог с таким же успехом ехать в нью-йоркской подземке.

— Так где, по-вашему, находится сейчас Уильям Спэнглер Грисон? — спросил он, уплатив за проезд. — Я запросил нью-йоркскую полицию, и они разыскали его для меня за несколько часов — в городском историческом музее.

Айрин открыл конверт, вынул оттуда пачку подколотых листов серой бумаги и протянул мне верхний лист. Это была фотокопия старомодной театральной афиши, длинной и узкой.

— Слыхали когда-нибудь о такой пьесе? — спросил он, читая через мое плечо. Афиша гласила: «Сегодня и всю неделю! Семь гала-представлений!» А ниже, крупным шрифтом: «ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ ДЯДЮШКА!»

— Ну, кто же ее не знает! — ответил я. — Шекспир, не так ли?

Мы проезжали Юнион-сквер и отель Св. Франциска.

— Приберегите свои шуточки для ваших студентов. Прочтите лучше список действующих лиц.

Я прочел длинный перечень имен; в те давние времена на сцене бывало не меньше народу, чем в зрительном зале. В конце списка стояло: «Участники уличной толпы», а дальше добрый десяток исполнителей, и среди них — Уильям Спэнглер Грисон.

— Этот спектакль шел в 1906-м году, — сказал Айрин. — А вот другой — зимнего сезона 1901-го года.

Он сунул мне в руки вторую фотокопию, ткнув пальцем в самый конец списка действующих лиц. Я прочел: «Зрители на Больших скачках», мелким шрифтом шла целая куча имен, третьим из которых было Уильям Спэнглер Грисон.

— У меня имеются фотокопии еще двух театральных афиш, — сказал Айрин, — одна от 1902-го года, другая от 1904-го, и всюду среди исполнителей — его имя.

Трамвай остановился, мы вышли из вагона и пошли дальше по Пауэлл-стрит. Возвращая фотокопию, я предположил:

— Это его дедушка. Возможно, Грисон унаследовал от него свою страсть к сцене.

— Не слишком ли много дедушек вы обнаружили сегодня, профессор? — спросил Айрин, вкладывая снимки обратно в конверт.

— А что обнаружили вы, инспектор?

— Сейчас я вам покажу, — ответил он, и мы продолжали путь молча.

Впереди виднелся залив, очень красивый в солнечный

нечном освещении, но Айрин даже не смотрел в ту сторону. Мы подошли к невысокому зданию, и он кивком головы показал мне на табличку на дверях: «Студия 16: коммерческое телевидение». Мы вошли внутрь, миновали пустую контору, затем громадную комнату с бетонированным полом, на котором плотник мастерил переднюю стену маленького коттеджа. Пройдя помещение — инспектор явно уже бывал здесь ранее, — он толкнул двойную дверь, и мы очутились в крохотном кинозале. Я увидел белый экран, с десяток кресел и проекционную будку. Голос из будки спросил:

— Инспектор?

— Да. Вы готовы?

— Сейчас, только вставлю пленку.

— Хорошо. — Айрин показал мне на кресло и уселся рядом со мной. Тоном доверительной беседы он начал: — В этом городе жил некий чудак и оригинал по имени Том Вили — фанатик спорта, настоящий маньяк. Он посещал все боксерские схватки, все спортивные игры и соревнования, все автогонки и дерби, и все они вызывали у него одно лишь недовольство. Мы его знали, потому что он то и дело бросал свою жену. Она ненавидела спорт, придирилась к мужу, а нам приходилось ловить и возвращать его, когда она подавала жалобы на беглеца, не желающего содержать семью. К счастью, он никогда не удирал далеко. Но даже когда мы его ловили, все, что он говорил в свое оправдание, — это, что спорт умирает, а публике на это наплевать, и самим спортсменам тоже, и что он мечтает вернуться в те славные и далекие времена, когда спорт был поистине велик. Вы улавливаете мою мысль?..

Я кивнул. Кинозал погрузился во тьму, и над нашими головами зажегся яркий луч света. На экране

замелькали кадры кинофильма. Он был черно-белым, квадратным по размеру кадра; движения — отрывистые и более быстрые, чем мы привыкли видеть. К тому же фильм был немой, даже без музыки, и было странно следить за движущимися фигурами, не слыша никаких звуков, кроме жужжания проектора. На экране показался «Янки-стадион» — его общий вид, затем я увидел человека с битой в руках. Камера приблизилась к нему, и я узнал знаменитого бейсболиста Бэйба Рута. Он изготоился, ударил битой по мячу и побежал, радостно смеясь. На экране возникла надпись: «Бэйб снова совершил это!», дальше говорилось, что это его пятьдесят первый успех в сезоне 1927-го года и что, похоже, Рут поставит новый рекорд.

Лента кончилась, на экране замелькали какие-то бессмысленные цифры и перфорация, и Айрин сказал:

— Голливудская киностудия устроила этот просмотр для меня, бесплатно. Они иногда снимают здесь свои телевизионные фильмы про полицейских и гангстеров, так что им выгодно сотрудничать с нами.

Неожиданно на экране появился Джек Демпси, он сидел на табуретке в углу ринга, над ним хлопотал секундант. Пленка была плохой: ринг находился на открытом воздухе, солнце мешало съемкам. И все же это великий Демпси собственной персоной, во всей своей красе, года в двадцать четыре, небритый и хмурый. Покружиив по рингу, камера показала ряды зрителей в соломенных шляпах с плоским верхом, в жестких воротничках; одни засунули носовые платки за воротник, другие вытирали ими пот с лица. Затем, в странной тишине, Демпси вскочил, низко пригибаясь, пошел к центру ринга и стал боксировать с необычно медленным

противником; мне показалось, я узнал Джесса Уиларда. Внезапно лента оборвалась.

— Я потратил шесть часов на просмотр всех этих фильмов и отобрал три, — сказал Айрин. — Сейчас будет последний.

На экране возникла зеленая лужайка для игры в гольф; тут и там у кромки стояли зрители. Спортсмен, улыбаясь чарующей улыбкой, примеривался клюшкой к мячу; на нем были бриджи, волосы разделены посередине пробором и зачесаны назад. Это был Бобби Джонс, один из сильнейших игроков в гольф в мире, в зените своей славы в 1920-х годах. Он ударил клюшкой по мячу, мяч завертелся и упал в лунку, Джонс поспешил за ним, а толпа зрителей кинулась на травяное поле за своим любимцем — все, кроме одного. Ухмыляясь, этот зритель пошел вперед, прямо на кинокамеру, остановился, помахал полотняной фуражкой в знак приветствия и отвесил поясной поклон. Камера повернула от него, чтобы следовать за Джонсом, который наклонился, доставая мяч из лунки. Затем Джонс двинул się дальше по лужайке; человек, салютовавший нам фуражкой, тоже последовал за игроком вместе с толпой зрителей, пересек весь экран и скрылся из виду навсегда. Лента кончилась, в зале зажегся свет.

Айрин повернулся ко мне лицом.

— Это был Вили, — отчеканил он, — и бесполезно уверять меня, что это его дедушка, так что иначе пытайтесь. Он еще даже не родился, когда Бобби Джонс выиграл чемпионат по гольфу, и все же это был, вне всяких сомнений, Том Вили — фанатик спорта, исчезнувший из Сан-Франциско полгода назад.

Он умолк в ожидании ответа, но я не отвечал: что я мог возразить?

Айрин продолжал:

— Это он сидел на стадионе, когда Рут делал перебежку, хотя его лицо было в тени. И я подозреваю, что это он, Том Вили, корчил гримасы вместе с другими зрителями возле ринга, когда Демпси вел бой, хотя и не полностью в этом уверен.

Проекционная будка открылась, из двери вышел киномеханик со словами:

— На сегодня все, инспектор?

И Айрин ответил:

— Да.

Механик взглянул на меня, бросив: «Привет, профессор!», и удалился.

Айрин кивнул:

— Да, профессор, он вас знает. Он помнит вас. На прошлой неделе он крутил для меня эти ленты, и, когда мы смотрели фильм про Бобби Джонса, он заметил, что уже демонстрировал его кому-то несколькими днями раньше. Я спросил — кому же? — и он ответил: профессору из университета по фамилии Вейганд. Профессор, мы с вами — единственные два человека во всем мире, кто заинтересован в этом маленьком отрывке кинофильма. Поэтому-то я и занялся вами; выяснил, что вы ассистент профессора физики, блестящий ученый с незапятнанной репутацией, но это мне ни о чем не говорит. Вы не зарегистрированы в уголовной полиции, во всяком случае, у нас; но и это ничего не значит: большинство людей не зарегистрированы как уголовники, хотя по меньшей мере половина из них этого заслуживают. Тогда я обратился к газетам и обнаружил в архиве «Кроникл» подборку вырезок, посвященных вам.

Айрин поднялся.

— Пойдемте отсюда.

Выходя наружу, мы свернули к заливу, прошли

до конца улицы и вышли на деревянную пристань. Мимо проплыval большой танкер, но Айрин даже не взглянул на него. Он сел на сваю, указав мне на другую, рядом с ним, и вынул из нагрудного кармана газетную вырезку.

— Здесь сказано, что вы выступали перед американо-канадским обществом физиков в июне 1961 года в отеле «Фейрмонт».

— Разве это преступление?

— Возможно; я не слышал вашего доклада. Он назывался «О некоторых физических аспектах времени» — так написано в заметке. Но я не утверждаю, что понял остальное.

— Это был научный доклад, рассчитанный на подготовленную аудиторию.

— И все же я уловил главную мысль: вы заявили, что существует реальная возможность отправить человека в прошлое.

Я улыбнулся.

— Многие люди думали так же, включая Эйнштейна. Это широко распространенная теория. Но только теория, инспектор!

— Тогда поговорим кое о чем более практическом, чем теория. Мне удалось выяснить, что более года назад Сан-Франциско стал очень бойким рынком сбыта старинных денег. Все торговцы старыми монетами и банкнотами приобрели новых клиентов — люди странные и эксцентричные, они не называли себя, их не волновало, в каком состоянии находятся старинные деньги. И чем больше банкноты были подержаны, грязны и измяты — а значит, и дешевы, — тем больше их это устраивало. Одним из клиентов примерно год назад был человек с необычайно длинным худым лицом. Он скупал монеты и банкноты всех видов и достоинств, лишь бы они были выпущены не позже 1885-го года. Дру-

гой клиент, молодой, привлекательный и обходительный, скупал деньги, выпущенные не позднее начала 1900-х годов. И так далее. Вы не догадываетесь, почему я привел вас сюда?

— Нет.

Он показал на пустынную пристань.

— Потому что здесь никого нет. Мы тут одни, без свидетелей. А теперь расскажите мне, профессор, — я ведь не смогу использовать ваши слова как доказательство вины, — каким образом, черт побери, вы это делали? Мне кажется, вы жаждете с кем-нибудь поделиться. Так почему бы не со мной?

Как ни странно, он был прав: я действительно жаждал рассказать кому-нибудь! Поспешно, чтобы не передумать, я начал:

— Я использую маленький черный ящичек с кнопками. Медными кнопками. — Я остановился, несколько мгновений смотрел на белый сторожевой катер, ускользавший из виду за островом Ангела, потом пожал плечами и снова повернулся к Айрину. — Но вы же не физик — как я смогу вам объяснить? Скажу лишь одно: человека действительно можно отправить в прошлое. Это намного легче, чем предполагал любой теоретик. Я регулирую кнопки и циферблат и фиксирую черный ящик на объекте наподобие фотокамеры. Затем включаю специальное устройство и посылаю наружу очень точно направленный луч — поток электронов. С этого момента человек — как бы это лучше выразиться? — словно плывет по течению, сам по себе, он фактически свободен от времени, которое движется вперед без него. Я высчитал, что прошлое нагоняет его со скоростью двадцать три года и пять с половиной месяцев за каждую секунду того времени, пока включен поток. Пользуясь секундомером, я посылаю человека в любой период прошлого, куда

он пожелает, с поправкой плюс-минус три недели. Я знаю, что это срабатывает—ведь Том Вили только один из примеров. Все они пытались так или иначе сообщить мне, что прибыли благополучно. Вили обещал разбиться в лепешку, но попасть в кадры кинохроники, когда Джонс выигрывает открытый чемпионат по гольфу. На прошлой неделе я посмотрел эту хронику и убедился, что он сдержал слово.

Инспектор кивнул головой.

— Хорошо. А теперь скажите — зачем вы это делали? Они преступники, вы это знали и все же помогли им бежать.

— Нет, инспектор, я не знал, что они преступники. И они мне об этом не говорили. Просто они были похожи на людей, которые не могут справиться с грузом своих забот. А я им помогал, потому что нуждался в том же, в чем нуждается врач, открывший новую сыворотку, — в добровольцах, чтобы испытать ее! И я их нашел: ведь вы не единственный, кто прочел то сообщение в газете.

— И где вы это делали?

— За городом, на берегу. Поздно ночью, когда вокруг никого не было.

— Почему именно там?

— Есть опасность, что человек окажется на участке времени-пространства, уже занятом — каменной стеной или зданием. В таком случае его молекулы перемешаются с другими чужеродными молекулами, что будет крайне неприятно. Но на берегу залива никогда не было зданий. Конечно, в различные времена уровень берега мог быть немного выше, чем сейчас. Поэтому, чтобы исключить всякий риск, я предлагал каждому из них подняться на спасательную вышку в одежде того времени, в которое он собирался отбыть, и с запасом денег в кармане, имевших хождение в тот период. После этого я ос-

торожно направлял на него черный ящичек так, чтобы исключить вышку из сферы действия аппарата, включал поток электронов на определенное время, и человек оказывался на берегу пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят или девяносто лет назад.

Некоторое время инспектор сидел, кивая головой и глядя отсутствующим взором на шершавые доски пристани. Потом он снова посмотрел на меня и сказал, энергично потирая ладони:

— Так вот, профессор, а теперь извольте-ка вернуть их всех назад!

Я энергично замотал головой, но он мрачно усмехнулся:

— Вы их вернете, или я поломаю всю вашу карьеру! Это в моей власти, вы ведь знаете. Я выложу все, что рассказал вам одному, и докажу, что вы замешаны в этом деле. Каждый из пропавших людей посещал вас не раз, и, вне всякого сомнения, кого-нибудь из них заметили. Вас даже могли видеть на берегу. Как только я выложу все это, на вашей педагогической деятельности будет поставлен крест. — Я все еще мотал головой, и он спросил с угрозой: — Хотите сказать, что не желаете это сделать?

— Я хочу сказать, что не могу это сделать, идиот! Каким образом, черт побери, я до них доберусь? Они находятся в прошлом — в 1885-м, 1906-м, 1927-м или других годах; совершенно невозможно вернуть их обратно! Они ускользнули от вас, инспектор, — и навеки!

Айрин побелел от гнева.

— Нет! — закричал он. — Нет, они преступники и должны быть наказаны, должны!

Я был изумлен,

— Но почему? Никто из них не причинил большого вреда. Для нас они больше не существуют. Забудьте о них!

Инспектор заскрежетал зубами.

— Никогда, — прошептал он и перешел на крик: — Я никогда не забываю тех, кого разыскивает полиция!

— Я вас понял, Жавер.

— Кто-кто?

— Вымышленный полицейский из романа под названием «Отверженные». Он потратил полжизни, охотясь за человеком, которого никто уже не разыскивал.

— Настоящий служака. Хотел бы я иметь его в своем управлении!

— Обычно о нем отзываются невысоко.

— Но он в моем вкусе! — Айрин начал размerrенно ударять кулаком о ладонь, бормоча: — Они должны быть наказаны, должны быть наказаны! — Затем, метнув на меня гневный взор, заорал: — Убирайтесь отсюда! Живо!

Я с радостью выполнил его приказ и пошел прочь, но, пройдя квартал, обернулся: он все еще сидел на том же месте у пристани, ударяя кулаком о ладонь.

Я думал, что никогда больше не увижу его, но ошибся. Мне пришлось встретиться с инспектором Айрином еще раз. Однажды поздно вечером, дней через десять, он позвонил мне на квартиру и попросил — нет, приказал — немедленно явиться с моим черным ящичком, и я подчинился, хотя уже приготовился ко сну: Айрин был не из тех, кого можно легко ослушаться. Когда я подошел к большому темному зданию Дворца правосудия, он уже ждал в подъезде. Не сказав ни слова, он кивком головы указал мне на машину, мы уселись и поехали.

ли в полном молчании в тихий, малонаселенный район.

Улицы были пусты, дома затемнены; время близилось к полуночи. Мы остановились на освещенном углу одной из улиц, и Айрин сказал:

— С тех пор как мы виделись в последний раз, я много размышлял и провел некоторые изыскания.— Он показал на почтовый ящик около фонаря шагах в десяти от нас. — Это один из трех почтовых ящиков в городе Сан-Франциско, которые находятся на одном и том же месте в течение почти девяноста лет. Разумеется, сами ящики могли смениться, но место — то же самое. А теперь мы отправим несколько писем.

Инспектор вынул из кармана пальто небольшую пачку конвертов, надписанных чернилами, с наклеенными марками. Он показал мне верхний конверт, засунув остальные обратно в карман:

— Видите, кому они адресованы?

— Начальному полиции.

— Совершенно верно: начальному сан-францисской полиции в 1885-м году! Это его имя, его адрес и тот вид марок, который был тогда в ходу. Сейчас я подойду к почтовому ящику и буду держать конверт у щели. Вы сфокусируете ваш аппарат на конверте, включите поток электронов в момент, когда я буду опускать конверт в щель, и он упадет в почтовый ящик, висевший здесь в 1885-м году!

Я в восхищении покачал головой: это было очень изобретательно и остроумно!

— А что говорится в письме?

Он усмехнулся зловещей дьявольской усмешкой.

— Я вам скажу, о чём там говорится! Каждую свободную минуту с тех пор, как мы виделись с вами последний раз, я тратил на чтение старых газет в библиотеке. В декабре 1884-го года произошло

ограбление, похищено несколько тысяч долларов, и после этого в течение многих месяцев в газетах не было ни слова о том, что преступление раскрыто. — Он поднял конверт вверх. — Так вот, в этом письме я советую начальнику полиции заняться расследованием личности одного человека, работающего в ресторане Хэлинга, человека с необычно длинным и худым лицом. И если они обыщут его комнату, то, возможно, найдут там несколько тысяч долларов, в которых он не сможет отчитаться. И у него — это совершенно точно! — не будет алиби на время совершения грабежа в 1884-м году!

Инспектор улыбнулся, если только это можно было назвать улыбкой.

— Этого для них вполне достаточно, чтобы отправить его в Сент-Квентинскую тюрьму и считать дело закрытым; в те времена не церемонились с преступниками!

У меня отвисла челюсть.

— Но ведь он же не виновен в этом грабеже!

— Он виновен в другом — почти таком же! И он должен быть наказан; я не позволю ему скрыться, даже в 1885-й год!

— А другие письма?

— Можете догадаться сами. В каждом говорится об одном из тех, кому вы позволили ударить, и каждое адресовано полиции в соответствующее место и время. И вы поможете мне отправить все эти письма — одно за другим. А если откажетесь — я вас уничтожу, профессор, обещаю вам твердо!

С этими словами он открыл дверцу, вышел из машины и направился на угол, даже не оглянувшись.

Кое-кто наверняка скажет, что мне следовало бы отказаться от такого применения своего аппарата независимо от последствий. Что ж, может быть, и

так. Но я не отказался. Инспектор говорил правду, когда угрожал мне,— я это знал и не хотел губить свою карьеру, нынешнюю и будущую. Я сделал все, что мог: просил и умолял. Когда я вышел из машины с аппаратом в руках, инспектор уже ждал у почтового ящика.

— Пожалуйста, не принуждайте меня! — воскликнул я. — Пожалуйста! В этом нет необходимости! Вы ведь никому не рассказывали о своем плане, не так ли?

— Конечно, нет — меня бы подняла на смех вся полиция!

— Тогда забудьте об этом. Зачем преследовать несчастных людей? Не так уж они и виновны. Они никому не причинили большого вреда. Будьте гуманны! Простите их! Ваши взгляды противоречат современным представлениям о реабилитации преступников!

Я остановился, чтобы перевести дух. Инспектор Айрин насмешливо посмотрел на меня.

— Надеюсь, вы кончили, профессор? Так вот, знайте: ничто в мире не заставит меня переменить свое решение. А теперь включайте ваш ящик, будь он проклят!

Я беспомощно пожал плечами и принялся подкручивать стрелки на циферблате.

Я глубоко убежден, что самый загадочный случай за всю историю сан-францисского Бюро розыска пропавших людей никогда не будет раскрыт. Только мы двое — я и инспектор Айрин — знаем ответ, но мы никогда не расскажем. Некоторое время имелся ключ к разгадке, и кто-нибудь мог на него случайно наткнуться, но я его обнаружил. Ключ этот находился в отделе редких фотографий в публичной библиотеке; там хранились сотни сним-

ков старого Сан-Франциско, и я все их просмотрел, пока не нашел нужный. Затем я украл этот снимок; одним преступлением больше в моем списке пропинностей — это уже не имело значения.

Время от времени я достаю эту фотографию и рассматриваю ее: на ней изображена группа людей в форме, выстроившихся в ряд перед зданием полицейского участка Сан-Франциско. Снимок напоминает мне старинную кинокомедию: все полицейские одеты в длинные форменные пальто до колен, а на головах — высокие фетровые шлемы с загнутыми вниз полями. Почти у всех — обвисшие усы, и каждый держит на плече длинную трость, словно собирается обрушить ее на чью-то голову. С первого взгляда эти люди похожи на каменные изваяния, но приглядитесь к их лицам внимательней, и вы измените мнение.

Особенно внимательно вглядитесь в лицо человека с сержантскими нашивками, что стоит в самом конце шеренги. На этом лице застыло выражение лютой ярости, и оно смотрит (или мне это постоянно кажется?) прямо на меня. Это неукротимое в своем бешенстве лицо Мартина О. Айрина из сан-францисской полиции; он находится в прошлом, к которому по праву принадлежит, в прошлом, куда я отправил его с помощью моего маленького черного ящичка, — в 1893-м году.

Роберт Артур

Колесо времени*

В то чудесное воскресное июльское утро Джереми Джупитер позвонил мне и предложил поехать куда-нибудь за город. Похоже, в тот день я собирался покончить жизнь самоубийством, иначе чем можно объяснить мое согласие? У Джереми Джупитера куча денег и вечный зуд ставить на мне свои научные эксперименты. Видимо, я поверил, что он и в самом деле хочет прогуляться за город, чтобы отдохнуть и со вкусом попироровать на природе.

Я предупредил его, однако, что мне совершенно необходимо вернуться в Нью-Йорк к вечеру, так как я договорился встретиться и пообедать с одним приезжим редактором. В понедельник ему предстояло вернуться в Чикаго. Он хотел приобрести одну вещицу, за которую я рассчитывал получить не менее тысячи долларов, и поэтому я ждал этого обеда с большим нетерпением.

Джереми пообещал, что мы вернемся точно к назенненному часу, добавил, что заедет за мной через часок, и повесил трубку. Легкий фланелевый костюм и отменный аппетит — вот, пожалуй, и все, что мне понадобится. Ровно через час я услышал, как он просигналил, и выскочил наружу. И тут же остановился в изумлении. Потому что Джереми

* Пер. изд.: Arthur R. Wheel of Time: Science Fiction Carnival. Shasta, N. Y., 1953.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

приехал не в своей легковой машине марки У-16, как обычно, нет, он сидел за рулем закрытого фургончика. Я сразу почуял неладное.

— Лусиус, — сладко пропел Джереми. На его пухлом розовом личике за толстыми стеклами очков в роговой оправе радостно поблескивали голубые глаза. — Как я рад, что ты едешь! Какой денек, а? Мы отлично проведем время!

Он как-то странно произнес слово «время» и загоготал при этом. Я залез в машину, уселся рядом с ним и хмуро уставился на него.

— Джереми, — суровым тоном сказал я, — можешь мне объяснить, с каких пор ты стал водителем грузового автомобиля?

— Э, видишь ли, — смущенно хмыкнул он, — у меня тут гости, и я подумал, что в фургоне им будет, наверное, лучше. Во всяком случае, никто не станет на них глазеть, разинув рот.

— Гости? — Я круто развернулся и заглянул в окошечко. В глубине машины моему взору представили три огромных шимпанзе, одетые как люди и с очками на носу. Они висели вниз головой, уцепившись ногами за крючки, укрепленные на потолке фургона, а перед ними на полу лежали раскрытые тома Британской энциклопедии!

— Джереми! — взорвался я.

— Не надо так кричать, Лусиус, — укоризненно проговорил он. — Успокойся — они вовсе не читают. Это их обычный трюк. Между страницами проложены тонкие листики печенья. Они перелистывают страницы и оправляют печенье в рот. При этом они облизывают пальцы, и создается впечатление, будто они углублены в серьезное чтение.

— Ха, — с силой выдохнул я, — ха! Можно бы отпустить словцо и покрепче. Но я не стану этого делать, если только ты объяснишь, почему мы едем

на пикник с тремя шимпанзе, которые висят вниз головой и читают энциклопедию? И для кого эти три велосипеда — красный, золотой и серебряный?

— Велосипеды тоже участвуют в представлении, — нежно проворковал Джереми. — Шимпанзе описывают на машинах круги и при этом читают энциклопедию.

— Джереми, — голос мой упал до шепота. — А для чего, черт подери, здесь эти барабаны? Они тоже участвуют в представлении?

— Ну да, — с готовностью согласился он. — Барабаны закрепляются на руле велосипеда, а шимпанзе катаются по сцене (я откупил их у хозяина цирка), бьют в барабаны, читают энциклопедию и швыряют апельсины в публику.

После такого заявления я потерял дар речи на целых полчаса. Теперь наша машина катила уже по противоположному берегу реки Гудзон в штате Нью-Джерси.

— Итак, — проговорил я, — ты приволок этих трех шимпанзе, чтобы помочь нам убить время и развлекать нас на отдыхе? Верно я тебя понял, Джереми?

Мой толстенький спутник покачал головой.

— Нет, это не так, Лусиус, — пропищал он. — Им предстоит сыграть очень важную роль в научном эксперименте эпохального значения. Провизия, которую я захватил с собой, послужит для праздника науки, Лусиус, для пиршства разума, а вовсе не для утоления телесного голода.

Я издал какой-то булькающий звук и совершил обмяк на сиденье.

— Нет, — еле вымолвил я. — Нет, я не стану помогать тебе.

— Я это предвидел, — мой кругленький друг печально вздохнул. — Поэтому-то решил взять с

собой шимпанзе. Это — прекрасно выдрессированные толковые животные. Они будут моими единственными ассистентами в том грандиозном, не имеющем precedента подвиге, который я намерен совершить.

— Что, — мне даже стало страшно, — что это будет за эксперимент, Джереми?

— Я намерен изменить временной ритм нашей Вселенной, — торжественно произнес он.

Что и говорить, Джереми по мелочам не разменивается. Если ему взбредет в голову заниматься проблемами пространства-времени, он попросту устроит короткое замыкание Вселенной. И если сейчас он решил, что временем можно поиграть, как чудесной игрушкой от науки, то он не остановится перед тем, чтобы вмешаться во временной ритм всей Вселенной.

— Джереми, — еле слышно прошептал я, — выпусти меня из машины. Я пойду домой пешком.

— А мы уже доехали, — промолвил он. — Здесь мы и остановимся.

Мы находились на самой середине большой зеленой лужайки, на краю которой возвышался огромный дуб. Метрах в ста от нас тянулась цепь острых каменистых уступов, сбегавших вниз, к голубой ленте Гудзона. По другую сторону вдали волнами уходило поле. Я заметил, однако, что на нашей лужайке было несколько поросших травой холмиков, причем один из них явно пытались недавно раскопать. Джереми поставил машину на равном удалении от дерева и от холмиков, после чего спрыгнул на землю и побежал открывать заднюю дверку фургона.

— Ко мне, Лусиус! — крикнул он. — Требуется твоя помощь. Молодчина, Король. Привет, прекрасная Дама. Вылезай, Джокер. Давайте сюда книги,

ребята. Прыгайте вниз и можете поиграть на траве. Сейчас будем пировать.

Шимпанзе кубарем посыпались вниз, а при слове «пировать» начали радостно кувыркаться на траве. Знали бы они, что их ожидает!

У самого большого шимпанзе была массивная голова с короткой седеющей бородкой. Он выглядел очень импозантно в красивом индейском костюме, расшитом бисером по манжетам и карманам. Время от времени он отрывал бусинку и с задумчивым видом отправлял ее в рот. А потом как ни в чем не бывало начинал прыгать и кувыркаться.

Шимпанзе по кличке Дама была одета в женский индейский наряд — юбочку и кофточку. Маленький шимпанзенок, как пояснил мне мой приятель, был их сынишкой, почему его и звали Джокером, а полное его имя было Джек Джокер. На нем были шелковые трусики, как у акробатов, и яркая майка с изображением американского орла.

Он прыгал и скакал вокруг своих родителей, а мы с Джереми пыхтя разгружали машину. Выкатили на траву небольшие велосипеды несколько облегченной конструкции — красный, золотой и серебряный. Велосипеды были с прицепом, а в прицепах валялись какие-то блестящие предметы, очень похожие на гигантские таблетки от печеночных колик. Джереми передал мне из машины барабаны, на каждом из которых был запечатлен портрет его владельца. При виде барабанов Король, Дама и Джокер ужасно обрадовались и стали проявлять признаки нетерпения, но Джереми прогнал их.

— Играйте, ребята, — сказал он. — Сначала надо поесть. Барабаны никуда не денутся.

То ли на них подействовал звук его голоса, то ли потому, что он начал вытаскивать огромных раз-

меров корзину-холодильник, но шимпанзе откатились в сторону и принялись играть в пятнашки и громко тараторить. Джереми передал мне корзину и спрыгнул на землю. Я потащил ее в тень, а он трусили рядом, плотоядно потирая руки.

— Угу, — промычал он, заглядывая в корзину. — Почему бы нам и не перекусить немножко? Глядишь, у тебя тоже поднимется настроение, Лусиус.

Громко чавкая, он шлепнулся на траву и швырнулся по кулечку земляных орехов своим подопечным. Те в восторге взлетели на ветки дуба и принялись щелкать орешки и запускать в меня скорлупой. Я жевал заливное из дичи и мысленно проклинал низменные инстинкты, которые втравили меня в эту авантюру.

— Итак, Лусиус, — удовлетворенно проговорил Джереми, облизывая пальцы. — Пора, пожалуй, объяснить тебе в общих чертах, что я собираюсь делать. Прежде всего, время есть не что иное, как ритмические колебания...

— А ты откуда знаешь? — в упор спросил я.

— Я вывел это путем логических выкладок, — сообщил он, вонзая зубы в индюшачью ножку. — Абсолютно все в природе подчиняется определенному ритму. Смена времен года, движение светил, рождение, жизнь, световые волны, радиоволны, электрические импульсы, перемещение молекул — словом, все. Все движется согласно строгому, четкому ритму. И я решил, коль скоро Вселенная зиждется на принципе ритма, у времени тоже должен быть свой ритм. Просто это никому раньше не приходило в голову.

— Ну а тебе пришло, — сказал я, доставая бутылку мозельского из корзины. — И что это тебе даст?

— А вот что, Лусиус! — выпалил Джереми. —

В любой ритм можно ввести поправки, если правильно применять контратитм!

Я открыл рот, но забыл положить в него кусок.

— И я хочу надеяться, — мягко добавил Джереми, — что, хотя ты всю свою жизнь только и делаешь, что вертишь клюшкой для гольфа, размахиваешь теннисной ракеткой или крикетными молоточками, а в оставшееся время кропаешь какие-то писульки в оправдание своего безделья, ты все-таки имеешь какое-то элементарное представление о физических законах. Я хочу верить, что ты слышал об экспериментах, при которых в результате взаимодействия двух световых волн определенной длины возникает тьма. Или о том, что столкновение двух звуковых колебаний определенной высоты порождает абсолютное безмолвие.

— Ну да, — согласно кивнул я, — конечно, я об этом знаю. Но при чем здесь время?

— Точнее, временной ритм, — сказал он. — Эффект временного ритма Джереми Джупитера, под таким названием он будет известен грядущим поколениям. Вообще-то говоря, это предельно просто. Если можно, введя помехи, приостановить свет и вызвать тьму, введя помехи, приостановить звук и вызвать безмолвие, почему же нельзя, введя помехи, приостановить настоящее время и вызвать прошлое? Для этого мы и приехали сюда. Я намерен представить неким ныне живущим людям, именующим себя исследователями, неопровергимые доказательства, которые заставят их всерьез отнестись к монографии на эту тему, над которой я сейчас работаю.

Глаза его горели. Джереми Джупитеру не раз случалось сражаться со своими собратьями по науке, но никому из них еще не удавалось положить его на лопатки.

— Даже если продемонстрировать перед ними соответствующий опыт, Лусиус, — пояснил он, — они ни за что не поверят. Вот я и решил ввести помехи во временной ритм настоящего, вызвать к жизни прошлое и представить такие доказательства, которые не посмеет оспаривать самый тупоголовый скептик.

Он налил себе полный бокал мозельского и с наслаждением осушил его. К этому времени обезьяны успели прикончить свои орешки, и Джупитер метнул им по бутылочке лимонада. С громким бульканьем шимпанзе мгновенно его выпили.

— Вот тут-то и пригодятся Король, Дама и Джокер, — продолжал Джереми. — Я же знал, что ты заупрямишься, Лусиус. А эти ребята отлично справляются с поставленной задачей, не проявляя при этом никакого недоверия. Я, видишь ли, прихватил с собой несколько капсул времени...

— Капсул времени?!

— Ну да, пользуясь общедоступной терминологией. Сейчас я тебе покажу.

Из одного из своих обширных карманов он извлек металлический предмет величиной с кулак. Сделан он был, по-видимому, из платины, очень уж был тяжелый. Это был цельный кусок, во всяком случае, в нем не было ни крышки, ни отверстия. На полированной поверхности крупными печатными буквами были выгравированы следующие слова: «Капсула Времени Джереми Джупитера. Год 1965 от Р. Х. Расплавьте левый кончик и вскройте».

— Внутри находятся три микрофильма. В первом — один из номеров газеты «Нью-Йорк Таймс», — пояснил Джереми. — Во втором моя автобиография и список основных научных трудов. В третьем мое заявление о том, что я намерен незамедлительно обнародовать свои открытия касатель-

но эффекта ритма времени Джереми Джупитера. Кроме того, там находятся крохотные крупинки радия.

— Но как же...

— Видишь те холмики? — Джереми вытянул вперед руку. — Совсем недавно было установлено, что это насыпные надгробья древнейших примитивных цивилизаций. Как показали археологические раскопки, некогда здесь проходила морская береговая полоса. В этом слое скрыто множество различных костей. Раскопки пока еще в начальной стадии. В ближайшее время всю эту полянку основательно перетряхнут в поисках ископаемых останков прошлого. И среди найденных предметов, Лусиус, обнаружат одну, а может и не одну, капсулу времени Джереми Джупитера! Ну как, здорово?

Он весь светился от счастья, меня же просто затрясло от злости.

— Вот как! — гневно выкрикнул я. — Ты хочешь зарыть здесь свои так называемые капсулы, чтобы археологи нашли их на следующей неделе или в следующем месяце. Так, да?

Пухлое розовое лицико Джереми затуманилось печалью.

— Лусиус, — сказал он со вздохом, — порой ты приводишь меня в полное отчаяние. Конечно же, нет. На этом месте я намерен создать помехи ритму времени. И тогда обезьяны вместе с моими капсулами — ты же отказался в этом участвовать — войдут туда и заложат там эти капсулы миллион лет назад!

Он выжидающе уставился на меня.

— Теперь ты понял, Лусиус? Мои капсулы попадут туда миллион лет назад, они попросту пролежат под этой поляной все это время. И археологи, раскалывая пласти, сложившиеся в доисторические

времена, обнаружат по крайней мере одну из капсул. По полураспаду радио сумеют точно вычислить, сколько они пролежали, дожидаясь своего часа, и тогда... О господи, Лусиус, глотни вина скорее!

Я выпил и почувствовал себя лучше. Но спорить с ним у меня еще не было сил.

— Мне этого не понять, Джереми, — устало сказал я. — Пусть будет так. Я верю тебе на слово. Ты хочешь ввести помехи в ритм времени, превратив день сегодняшний в день вчерашний минус один миллион лет. Но почему вчерашний? Почему не завтрашний? Почему бы нам не заглянуть заодно и в будущее?

Джереми сложил пухлые ладошки и слегка выпятил толстые губки.

— Мне так понятно, почему ты спрашиваешь именно об этом, — с нежностью проворковал он. — Я и сам не раз задавал себе этот вопрос в самом начале, когда меня осенило. Нет, это невозможно. Я логически вычислил эту невозможность и совершенно выбросил эту мысль из головы. Будущее еще не наступило, и я не могу в него проникнуть. А теперь — за дело.

Он поднялся на ноги и быстро зашагал к фургончику. Я пошел следом. Общими усилиями мы вытащили из-под брезента тяжеленную аппаратуру и установили ее прямо на траве. Пока мы этим занимались, обезьяны слезли с дерева, что-то схватили и взволнованно затараторили. Издалека я не мог разобрать, чем они заняты.

В руках у моего приятеля оказался большой квадратный ящик, напомнивший мне телевизоры моей юности. На передней панели были такие же ручки управления, а когда он приподнял крышку, я увидел ряды каких-то трубок и врачающийся барабан. В центре панели было что-то вроде динами-

ка. Из задней стенки тянулся шнур со стальным наконечником. Джереми воткнул его в землю в нескольких футах от громоздкого ящика.

— Это заземление, — пояснил он. — Можно начать предварительное испытание моего резонатора ритма времени. Где шимпанзе?

Я поднял голову.

— Они лакают мозельское! — завопил я. — Они же упьются!

Джереми, который что-то налаживал в своем приборе, резко выпрямился. Шимпанзе жадно пили из бутылки. Покончив с лимонадом, они, вероятно, слезли с дерева и, воспользовавшись тем, что мы отошли, схватили бутылки с вином и теперь в дикой спешке делали огромные глотки, давясь, захлебываясь и мыча от наслаждения.

— Этого еще не хватало! — заорал Джереми. — Они сорвут эксперимент. Надо отобрать у них вино, Лусиус.

Мы кинулись к шимпанзе. Увидев это, Король, Дама и Джокер пустились наутек, отталкиваясь от земли не только задними, но и передними конечностями. Они побежали к велосипедам, лихо вскочили на сиденья и помчались.

Эти велосипеды можно было без труда запустить, остановить, вырулить одной рукой или ногой. Король ехал впереди. Он захватил руль пальцами ног, машина зажужжала и устремилась прямо на нас. За ним с воплями мчалась Дама. Джокер успел даже прихватить свой барабан. Закинув на руль задние конечности, колотя кулаком по барабану, он бросился вдогонку за родителями.

— Спасайся, Лусиус! — успел выкрикнуть Джереми. Он отпрыгнул в одну сторону, я — в другую. Король и Дама молниеносно проскочили мимо, а за ними, на такой же скорости, бешено молотя по

барабану, с воинственным кличем промелькнул Джокер. Падая, Джереми Джупитер ободрал себе лицо, я ударился о ствол дуба.

Тем временем шимпанзе обогнули дерево и снова ринулись на нас.

— Берегись! — заорал я.

Джереми успел только шатаясь подняться на ноги, я высоко подпрыгнул, а Король, Дама и Джокер, теперь уже выстроившись в ряд, прогрохотали подо мной. Мне удалось схватиться за нижние ветки дуба, на другой ветке рядом качался Джереми.

— Провались ты вместе со своими открытиями! — рявкнул я.

Но он, не обращая внимания на мои слова, с озабоченным видом всматривался в свой прибор.

— Видишь ли, Лусиус, — наконец, проговорил он, — резонатор ритма времени, по-моему, включился.

Я глянул в ту сторону. Трубки и впрямь светились.

— Ну и что? — спросил я. — Ничего же не происходит.

— Ну, это как сказать. Надо бы его отключить. Там не все в порядке с вращающимся барабаном, я как раз собирался его отладить.

Он спрыгнул на землю и направился к резонатору, я пошел за ним. И тут пьяные шимпанзе в третий раз с треском, гиканьем и визгом полетели на нас. Джокер по-прежнему изо всех сил дубасил по барабану.

— Берегись! — завопил я и прыгнул вверх. Я снова оказался на ветвях дуба, а обернувшись, увидел рядом с собой Джереми.

— Провались ты вместе со своими открытиями! — злобно рявкнул я.

Но он не обратил внимания на мои слова, с озабоченным видом всматриваясь в свой прибор.

— Видишь ли, Лусиус, — проговорил он, — резонатор ритма времени, по-моему, включился.

Я глянул в ту сторону. Трубки и впрямь светились.

— Ну и что? — спросил я. — Ничего же не происходит.

— Ну, это как сказать. Надо бы его отключить. Там не все в порядке с вращающимся барабаном, я как раз собирался его отладить.

Он спрыгнул на землю и направился к резонатору, а я пошел за ним. И в этот самый момент обезьяны снова завернули за дерево на своих велосипедиках и с ревом выскочили на нас. Внезапно я вспомнил, что все это уже было, что мы все это уже проделали минуту назад...

Я, конечно, опять взлетел на дерево, внизу молнией промелькнули шимпанзе, а Джереми уцепился за соседнюю ветку. И тут до меня дошло. Машину Джереми засело, как проигрыватель с заезженной пластинкой! Настоящее не уступало место прошлому, настоящее повторялось снова и снова.

Меня охватил дикий ужас. Неужели мы обречены прыгать на ветви дуба, а пьяные шимпанзе будут снова и снова пытаться задавить нас, пока не... пока не... У меня голова шла кругом.

— Провались ты вместе со своими открытиями! — завопил я.

Джереми ничего не ответил. Он всматривался в свою машину. И только после того, как все это разыгралось раз десять — скорее всего, десять, хотя у меня осталось впечатление, что мы прыгали на дерево и с дерева много дней подряд, — Король, Дама и Джокер, завернув за дерево, вдруг резко притормозили. Они спрыгнули на землю и стали

кружиться и кувыркаться, словно в ожидании аплодисментов. Джереми подбежал к своей машине и щелкнул выключателем. Потом отер пот со лба.

— О боже, — негромко проговорил он. — Барабан застрял в определенном положении и...

— ...и время повторяется! — хрюплю выкрикнул я. — Нас заклинило во времени. Ничего себе приключенчице! Если бы машина не остановилась, нам пришлось бы спасаться от пьяных шимпанзе на велосипедах до скончания века.

— Любой прибор может вначале дать осечку, — назидательно сказал Джереми, но мне было ясно, что ему тоже не по себе. По его розовому лицу струился пот.

— Ну ладно, — отрывисто бросил он, — теперь все закреплено. Остается развернуть резонатор, нацелить его на холмы, и можно начинать.

Он передвинул свой ящик, что-то там еще под крутил и повернулся к шимпанзе. Протрезвевшие и притихшие, они с виноватым видом валялись рядом со своими велосипедами. Джереми похлопал их по плечу и усадил на сиденья, после чего закрепил барабаны на руле Короля и Дамы, нашел и закрепил барабан Джокера и выстроил всю троицу в ряд лицом к холмам. Потом сбегал к фургону, принес три тома Британской энциклопедии и раздал обезьянам. Те сразу повеселели.

— Сейчас с ними все в порядке, — сказал Джереми. — Все атрибуты их представления при них, и они успокоились. Как детишки. Все нормально. Они больше не потеряют голову. Вот увидишь.

Он протянул руку по направлению к прицепам. Тут я сообразил, что блестящие предметы в них не что иное, как платиновые капсулы времени.

— Апельсины, — насгойчиво проговорил Джереми, обращаясь к обезьянам. — Апельсины, —

повторил он и сделал такое движение, словно швырял апельсины. — Сейчас я создам помехи в ритме времени, — продолжал он, — и настоящее на этих холмах будет сведено к прошлому в миллион лет назад. Обезьяны въедут в этот участок прошлого — конечно, если бы ты не заупрямился, Лусиус, не пришлось бы прибегать к таким сложностям, — и начнут кружить и разбрасывать капсулы времени по всему участку. По крайней мере одна из них должна погрузиться в почву, потом она покроется более поздними наслоениями и пролежит там до наших дней, пока ее не откопают археологи.

Через какое-то время я свистну, и обезьяны вернутся к нам, в настоящее, а я выключу резонатор. Со временем капсулы будут обнаружены. Вот тогда-то я и объясню, как все произошло, и уж тогда никто больше не посмеет усомниться в вероятности эффекта ритма времени. Итак...

Он щелкнул каким-то выключателем на своем приборе.

На сей раз никакой ошибки не произошло. Мгновенно пространство над холмами заволокло туманом. Туман начал сгущаться, но Джереми покрутил что-то на диске, и туман превратился в легкую светящуюся дымку. Лужайка преображалась буквально на глазах. Из земли полезли широкие папоротниковые листья, над ними распростерли свои длинные шупальца какие-то гигантские мхи. Ближе к нам пролегла песчаная прибрежная полоса, усеянная диковинными раковинами. Мне казалось, что я всматриваюсь в театральную декорацию сквозь тонкий полупрозрачный занавес.

Джереми Джупитер шумно перевел дух.

— Лусиус, — обратился он ко мне, — наступил торжественный момент. Вот мы стоим здесь сегод-

ня, а там перед нами — день вчерашний. Король, Дама, Джокер, вперед!

Обезьяны бесстрашно покатили по направлению к мерцающей дымке прошлого, воскрешаемого резонатором Джереми Джупитера. Одна нога крутит педали, одна рука бьет в барабан, в другой руке открытая перед глазами книга — в таком виде они устремились в далекое прошлое далеких предков.

Джереми зачарованно провожал их глазами. Но я тронул его за плечо и заставил оглянуться.

— Посмотри туда, — сказал я ему. — Там — день завтрашний.

Джереми Джупитер обернулся, и глаза его чуть не вылезли из орбит. Позади нас, на таком же расстоянии, затянутое легкой дымкой, возникало еще одно пространство. Оно было из стекла и хрусталя. Вдаль уходила широкая улица, по обе стороны которой выстроились дома с плоскими крышами. Стены домов сверкали на солнце как драгоценные камни, а над крышами зданий скользили какие-то воздухоплавательные аппараты.

— О господи, — только и мог вымолвить Джереми. — Мой резонатор создает дополнительный эффект, обертон. Я... я...

Позади нас послышался дикий вопль. Мы разом обернулись. За несколько секунд до этого шимпанзе разъезжали по жестким пескам протерозойской эры, колотя в свои барабаны. Внезапно из-за деревьев показалась гигантская голова с оскаленной пастью и горящими красными глазами. Затем какая-то темная тень спикировала вниз, и Король, Дама и Джокер мгновенно развернулись и кинулись назад. Они побросали книги, они побросали барабаны. Они побросали все, за исключением капсул времени, и с громким визгом, извиваясь от ужаса, бросились к нам.

Голова бронтозавра исчезла, птеродактиль, который спикировал на них, взмахнул гигантскими перепончатыми крыльями, взмыл в небо и исчез из виду.

Джереми кричал что-то, но обезьяны не обращали на него внимания. Они хотели назад, в уютное, безопасное настоящее. Вращая глазами, стуча зубами, они неслись на нас. Я в ужасе отпрыгнул в сторону.

— Спасайся, Джереми! — выкрикнул я. — Они нас задавят! Они взбесились со страха.

Джереми едва успел отскочить. Шимпанзе в мгновенье ока миновали место, где мы только что стояли, и, не замедляя скорости, устремились дальше, туда, где возникло незваное будущее.

— Боже правый! — в отчаяньи взмолился Джереми. — Этого нельзя допустить!

Он вскочил на ноги и кинулся к прибору. Но Король, Дама и Джокер, не переставая выть и яростно нажимая на педали, уже почти достигли границы другого, окутанного легкой дымкой пространства. Прямо перед ними вдали, к самому центру серебристо-хрустального города будущего, уходила просторная спокойная улица. И тут Джокер, дрессированная обезьянка, привычным движением сунул руку в прицеп своего велосипеда, выхватил капсулу времени и метнул ее высоко в небо.

Джереми бросился к резонатору, споткнулся о шнур заземления, налетел на прибор и с грохотом свалил его на землю. Серебристый город, в который только что сломя голову влетели Король, Дама и Джокер, исчез. А вместе с ним и обезьяны. Кругом простирался безмятежный зеленый пейзаж штата Нью-Джерси, и ничего больше!

Я помог Джереми подняться. От резонатора осталась только беспорядочная груда сломанных тру-

бок и оборванных проводов. Я откусорил последнюю бутылку мозельского, и Джереми постепенно пришел в себя.

Он молча пил вино, погруженный в раздумья. Потом вытер губы и сказал:

— Нет ничего удивительного в том, что мой резонатор выдал дополнительный эффект. Именно этого и следовало ждать от любого резонирующего объекта — от флейты до радиоприемника. Дело в том, Лусиус, что обертон, вместо того чтобы ввести помехи в ритм времени, усилил его.

Он выпрямился, слегка отряхнул свой костюм, потом подхватил корзину из-под припасов и отнес в машину.

— Пойми наконец, Лусиус, что два различных колебания не обязательно обязательно взаимно уничтожиться при столкновении. Две световые волны могут наложиться и вызвать более яркий свет. Две звуковые волны могут наложиться и вызвать более громкий звук. Очевидно, обертон от моего резонатора усилил ритм времени, превратив настоящее в будущее. Будущее, которое мы наблюдали, было на таком же расстоянии от нас, что и созданное мною прошлое. Я бы так сказал: и то и другое отстояло от нас примерно на миллион лет вперед и соответственно назад.

Джереми уже одной ногой стоял в машине, как откуда ни возьмись возник какой-то блестящий предмет и шлепнулся ему на ногу. Взвыв от боли, он схватился за ступню. Я наклонился и поднял упавшую штуковину. Это была одна из капсул времени Джереми Джупитера. Точнее, именно та, которую Джокер запустил в воздух, когда въезжал в будущее. Только теперь этот момент наступил и для нас.

Мы возвращались в Нью-Йорк Джереми с ка-

менным лицом вел машину. Спускался теплый летний вечер. Когда мы проезжали по мосту через Гудзон, Джереми выбросил свою капсулу времени в реку. Время от времени он кидал на меня косые взгляды.

— Хоть умри, не пойму, почему ты так веселишься, — буркнул он, притормозив у моего дома.

— А я представил себе, как Король, Дама и Джокер несутся сейчас по улицам Нью-Йорка будущего на своих велосипедах и швыряют капсулы времени в изумленных жителей, — ответил я. — Странное у них создается представление о предках из двадцатого столетия. И знаешь что, Джереми?

— Ну что? — нехотя выдавил он из себя.

— У шимпанзе на шее висели серебряные кружочки с инициалами, — сказал я. — А у Джокера инициалы такие же, как у тебя — Дж. Дж. И они, конечно же, решат, что это — ты, Джереми Джупитер, и что Король и Дама — твои родители. Я так полагаю, они поместят фотографию Джокера в свои учебники истории и подпишут под ней твое имя... А может, ты соорудишь другой резонатор?

Джереми с силой нажал на акселератор.

— Нет, — отрывисто бросил он. — У меня есть дела поважнее.

И он укатил прочь. Впервые в жизни мне представилась возможность посмеяться над ним, и я получал от этого огромное удовольствие. Я со смехом вошел в дом, все еще смеясь, принял ванну и переоделся, собираясь на обед с редактором, которому хотелось получить от меня рассказ, с тем чтобы возвратиться в Чикаго ранним самолетом в понедельник.

Я перестал смеяться только тогда, когда добрался до центра и узнал, что уже вечер вторника...

Збигнев Простак

*Маг**

Он медленно приоткрыл глаза. Сознание возвращалось. Он попытался поднять голову, но тут же со стоном ее опустил. Уже клонившееся к западу, но еще довольно высоко стоявшее в небе солнце неприятно слепило глаза. Беда оказалась серьезнее, чем он предполагал. Первая же догадка, мелькнувшая в сознании на четвертой минуте погружения, должна была его предостеречь. Пульсационная протечка. Такое иногда случалось при преодолении барьера пятого измерения. К сожалению, он легкомысленно пренебрег этим явлением, а последствия оказались роковыми. Когда взвихрились защитные силовые поля, он потерял сознание. Трудно было сказать, сколько времени это продолжалось. У него болело все тело, но не это сейчас было важным. Он прекрасно понимал, что уцелел только благодаря скафандру. Хорошо, что, несмотря на насмешки, он его надел. Интересно, в какой век он попал? Впрочем, в любой исторической эпохе его могут ждать серьезные неприятности. Он попробовал шевельнуть рукой. Получилось. Осторожно, избегая резких движений, перевернулся на бок. Опираясь на руки, стал на колени. По затылку точно молотком ударили. Не обращая внимания на боль, он распрямил сперва

* Пер. изд.: Prostak Z. Mag: Prostak Z. Kontakt. Krajowa Agencja Wydawnicza, Warszawa, 1979.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

одну ногу, потом другую и встал. Голова немного кружилась, но этого следовало ожидать. Встряска при исчезновении поля. Он мог бы точно вычислить его силу и напряженность, будь у него на то время и охота. С любопытством оглядевшись вокруг, он чуть не ахнул от восхищения. Он стоял на берегу могучей реки, петлявшей между золотистых песчаных отмелей и усеянной сверкающимиискрами от преломляющихся на волнах лучей заходящего солнца. Вдоль противоположного берега тянулась темно-зеленая стена густого бора, а вдалеке, на горизонте, синели величественные вершины гор. В голубой безмятежной вышине черной точкой неподвижно висела какая-то хищная птица. От реки и луга, посреди которого он стоял, веяло упоительным запахом трав, цветов и чего-то еще — этот запах он, как ни старался, не мог определить.

Он неуверенно сделал несколько шагов. Головокружение быстро проходило. С каждой минутой он чувствовал себя все лучше. Разумеется, физически — психически ему еще далеко было до состояния душевного равновесия. Он отлично понимал, что натворил. В Институте, конечно, уверены в его гибели — в этом не приходилось сомневаться. Он не помнил случая, чтобы кто-либо уцелел, когда в гравипространстве исчезало силовое поле. Пятое измерение позволяло относительно безопасно перемещаться во времени, хотя и это было совсем не просто. Да и разрешение на физические исследования того или иного периода времени получить было нелегко, а счастливцы, которым это удавалось, годами изучали незнакомые реалии, готовясь к жизни в избранной ими эпохе. В большинстве же случаев ученые ограничивались визуальными наблюдениями, что представляло меньший интерес, поскольку тогда область исследо-

дований в силу необходимости сужалась до уже открытых пространств, причем представавшие перед исследователем картины были черно-белыми: в пятом измерении других цветов не существовало. Оттого он и пришел теперь в такой восторг и, не взирая на полную неясность положения, от души наслаждался открывшимся ему прекрасным много-красочным зреющим... К счастью, поблизости не было видно никого из обитателей этого дивного края, к встрече с которыми он уж никак не был готов. И дело не в том, что он совершенно безоружен — все равно у него не поднялась бы рука применить оружие против человека. Однако, прежде чем отважиться на контакт с аборигенами, надо точно определить, в каком времени он очутился. Выяснить, на каком языке говорят здешние жители, и только после этого решать, как себя вести. Он посмотрел на часы. Было пять часов полудни. Вид растений, состояние листвы на деревьях и температура воздуха подсказывали, что сейчас середина лета. Значит, до темноты остается еще часов пять. За это время нужно отыскать какое-нибудь прибежище на ночь и выработать тактику поведения. И он не спеша побрел по плотному песку вдоль берега реки. Теперь уже ему хотелось встретить охотника или рыболова, в чьей хибарке можно было бы провести ночь, а заодно определить время и место, в которые его занесло.

Он был молод и крепок, поэтому предстоящее путешествие его не пугало; к тому же он не сомневался, что сильней и здоровее любого обитателя здешних краев. Недаром его включили в сборную Евразии по борьбе дзюдо. Кроме того, он занимался фехтованием, и, хотя не принадлежал к числу сильнейших в этом виде спорта, искусство владения саблей было ему не чуждо.

Река плавно свернула на запад, и на воде заалела чудесная солнечная дорожка. Возможно, поэтому он не сразу заметил лодку у края обширной мели, которую как раз пересекал. Лишь сломанное весло и валявшиеся рядом доски привлекли его внимание и заставили остановиться. В каких-нибудь пятнадцати-двадцати метрах от себя он увидел зарывшуюся в песок большую лодку. Над ее кормой ветерок трепал обрывки полотняного шатра. Вокруг царили тишина и покой. Он внимательно осмотрелся по сторонам. Нет! Никакой пристани поблизости не было. И ни следа человека, только разбитое весло да безмолвная, скорее всего, покинутая лодка. Он нагнулся и поднял валявшийся рядом кусок деревяшки. Не похоже на свежий слом. Должно быть, лодка потерпела крушение довольно давно, и нечего надеяться на встречу с теми, кто на ней плыл. Он подошел поближе и только тогда увидел рассохшиеся борта и лежавшую в воде сломанную мачту. Внутри лодки стояла вода. Он на минуту задумался. На ночлег здесь, к сожалению, рассчитывать не приходилось, но все равно ему неслыханно повезло. Его знаний хватит, чтобы, осмотрев лодку, довольно точно определить время, в которое его забросило. Так или иначе, невзирая на неудобства и даже на малоприятную перспективу провести на берегу ночь, он должен внимательно обследовать эту лодку. Сама судьба послала ему такую возможность.

Он перескочил через борт, постаравшись сделать это осторожно: доски палубного настила могли оказаться прогнившими, а купаться, несмотря на теплый день, ему не хотелось. Палуба, однако, оказалась крепкой и надежной. Видно, как он и предположил вначале, катастрофа с лодкой произошла не столь уж давно и, вероятно, не была слу-

чайной. Ему показалось, что ржавые пятна на палубе — засохшая кровь. Он содрогнулся. Страшные времена. Судя по конструкции лодки — пятнадцатый или шестнадцатый век. Только теперь он сообразил, где на карте видел подобную местность. Река, судя по всему, Висла. Похоже, он попал на землю, на которой родился. Неважно, что почти восемьсот лет спустя. Это его земля, его родина. Он откинул изодранные полы шатра на корме. Внутри в беспорядке валялись какие-то вещи, вероятно, принадлежавшие путешественникам либо владельцам лодки. Прямо у его ног лежала богато изукрашенная сабля в темных ножнах из ящерицей кожи. Это говорило о том, что здесь скорее произошел несчастный случай, нежели дерзкое нападение: вряд ли напастники пре-небрегли бы таким дорогим оружием. Подняв саблю, он внимательно ее осмотрел. Да. Теперь ему все стало понятно. Теперь он мог определить век, в котором находился, с точностью до пятидесяти лет. Без энтузиазма продолжал он рыться в куче находок. Небрежно отодвинул лисью шубу, какие-то кафтаны, пояса. С минуту подержал в руке роскошный головной убор, украшенный пером цапли. Лодка, а вернее баркас, безусловно, принадлежала какому-то вельможе — об этом свидетельствовало богатство снаряжения. В результате несчастного случая владелец бросил свое имущество и, хотя прошло много времени, так за ним и не вернулся. А может, на него напали разбойники? Такое в те далекие времена часто случалось. Нападающих кто-то спугнул, и они не успели забрать добычу. Как бы то ни было, ему здорово повезло. У него в руках оказалось оружие и одежда, а значит, и контакт с местными жителями установить будет легче. И нечего долго раздумывать. Несмотря на

бездонную окрестность и то, что никому не принадлежащее имущество так долго пролежало в разбитой лодке нетронутым, сюда в любой момент может кто-нибудь пожаловать. И вовсе ни к чему, чтоб его застали в скафандре среди этих обломков.

Он быстро отыскал в куче вещи, пригодные для использования. Запасы продовольствия, сваленные в угол, к сожалению, все попортились. В целости сохранился только изрядный бочонок, наполненный, по-видимому, вином или брагой. Он отставил его в сторонку, поближе к отобранным вещам. Еще на глаза ему попались два богато инкрустированных длинноствольных пистолета, после чего он снова тщательно обшарил лодку. Увы! Ни грамма пороха, ни одной пули найти не удалось, зато он обнаружил маленький кожаный мешочек, в котором лежало что-то твердое и тяжелое. Расслабив ремешок, туго стягивавший мешочек, он высыпал его содержимое на ладонь. В солнечных лучах засверкали золотые кружочки. Деньги! Он громко рассмеялся.

Нет, судьба решительно к нему благоволила: теперь она пожелала превратить его в богатого шляхтича. Он получил одежду, оружие, деньги — безо всяких стараний и без малейших усилий со своей стороны. А ведь, будучи историком и к тому же титулованным магистром, он отлично знал, что в те времена можно было жизнь прожить и не увидеть ни одной золотой монеты, довольствоваться выкованной деревенским кузнецом саблей. А еще можно было — и такое случалось очень часто — всю жизнь проходить в сермяге, под свист кнута барского управляющего.

Он не спеша переоделся, подолгу размышляя над назначением каждой новой детали одежды. Хоть и с немалым трудом, справился с этой зада-

чей, после чего подпоясался широким кушаком и сбоку прицепил саблю на длинной перевязи. Когда же надел на голову шапку с пером цапли, то и вовсе стал неотличим от типичного шляхтича шестнадцатого века. Теперь можно продолжать путешествие. Ему даже было чем заплатить за ночлег. Оставалось одно препятствие; местность была безлюдная и, видно, редко посещаемая, о чем убедительно свидетельствовали сохранившиеся в разбитой лодке богатства. Но ничего не поделаешь. На это он уже не мог оказать никакого влияния. Пора в путь.

Солнце заметно переместилось к западу, деревья отбрасывали длинные тени. С одной стороны, это было ему на руку — меньше донимала жара, — но, с другой — с каждой минутой слабела и без того сомнительная надежда отыскать ночлег. Прогрести же ночь в незнакомом лесу, наверняка кишащем разным зверьем, ему совсем не улыбалось. Тут и сабля не очень поможет, попадись ему стая волков. Он пожал плечами. Волки летом — какая чушь! Однако ускорил шаг, чутко прислушиваясь к доносившимся из лесной чащи звукам. Шел он по-прежнему вниз по течению, по возможности срезая дорогу там, где река начинала петлять. К счастью, высокоствольный бор был почти лишен подлеска, поэтому он без труда продвигался между стройных стволов, выискивая следы человека.

Увы! Окрестность была пустынна, а день неумолимо клонился к вечеру, и одновременно уменьшалась надежда обрести ночлег под крышей. В лесу постепенно становилось темнее. Кроме того, начали сказываться усталость и голод. Теперь он пожалел, что оставил в лодке бочонок, не отведав его содержимого. Вполне можно было прихватить его с собой — глоток доброго вина наверняка придал бы

сил и бодрости. Внезапно он уловил явственный запах дыма и, приостановившись, огляделся, расчитывая увидеть отблеск горящего костра. Однако ничего похожего на костер он не заметил. Чаша была погружена в темноту, хотя верхушки высоких сосен еще золотились в лучах заходившего солнца. Тогда он пошел в том направлении, откуда, как ему казалось, доносился запах дыма. Ему повезло. Через какую-нибудь сотню шагов лес внезапно оборвался, уступив место просторной поляне. На поляне дымили три-четыре больших костра, возле которых хлопотал какой-то человек. Невольно поправив пояс с висевшей на нем саблей, путник медленно вышел из лесной чащи. Суетившийся у костров человек тотчас его заметил и, как испуганный олень, отскочил на противоположный конец поляны, ища спасения в бегстве. Этого никак нельзя было допустить. Новоявленный шляхтич быстро поднес ко рту сложенные ковшиком руки.

— Эй! Добрый человек! Стой! — громко крикнул он.

Человек неуверенно остановился, настороженно глядя на незнакомца, готовый в любую минуту пуститься наутек.

— Вернись, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделаю. Вот, заблудился в лесу и хотел только спросить дорогу. Ты будешь щедро вознагражден, — добавил он, вспомнив про здешние обычаи и найденный в лодке тугу набитый кошелек...

Человек на поляне, не отвечая, разглядывал незнакомца. Результат наблюдений, должно быть, его удовлетворил, а возможно, он успокоился, увидев, что из чаши больше никто не выходит, — так или иначе, он медленно двинулся обратно, исподлобья бросая косые взгляды.

Это был невысокий плечистый мужик в кожухе неопределенного цвета мехом наружу, подпоясанном толстой конопляной веревкой, в драных домотканых портах и босой. В руке он держал тяжелый топор на коротком топорище, который, судя по всему, в случае необходимости не замедлил бы пустить в ход.

— Я заблудился. Хотел спросить, куда идти, — повторил шляхтич, невольно кладя руку на эфес сабли.

Мужик отпрыгнул назад.

— Куда идти? А куда господь ведет.

— Где тут ближайший город или хотя бы селенье?

— Ваша милость без лошади, что ль?

— То-то и оно! Я по реке приплыл. Ну так что? Далеко отсюда до города?

Мужик, верно, понял, что опасаться нечего. Отложив топор, он знаком указал незнакомцу место у костра.

— Садитесь, ваша милость. Я смолокур... Смолокурня тут... А до города далеко. Ежели утром выйти да не лениво шагать, к полудню можно дойти. А на ночь глядя не стоит, опасно.

— В том-то и дело.

— И я говорю. Опасно. Переночуете у меня, а утречком я вашей милости покажу дорогу. Только без коня неспоро, ой неспоро.

— А достать лошадь нельзя? Я хорошо заплачу.

— Откуда здесь, ваша милость, лошади быть? Я бедный смолокур. Лошадь — это ж какое богатство! Да и на что смолокуру конь...

Мужик как будто оправдывался, а у самого глаза так и бегали. Незнакомец ему не поверил. Наверняка где-нибудь поблизости прячет клячу,

только, наученный горьким опытом, не хочет в этом признаваться. И шляхтич вытащил кошелек. Высыпав на ладонь несколько монет, он двумя пальцами взял одну и протянул мужику, остальные же нарочито медленносыпал обратно в мешочек.

— Жаль, что нет коня. Ну да что поделаешь! Пойду пешком. А постель какая-нибудь для меня найдется?

Смолокур спрятал монету и почесал в затылке.

— Спать-то? Конечное дело. Можно... Коли ваша милость землянкой не побрезгует. Парочка шкур найдется, а вот насчет еды... Ничего намедни не словил, да и пить — одна вода... но хорошая... из родничка...

— Не беда. Веди в свою землянку. Утром отправлюсь дальше.

За горящими, а вернее, дымящими, кострами, на самой опушке леса была вырыта землянка. Крытая дерном, почти незаметная, она подозрительно смахивала на разбойничье логово. Внутри было темно и сырь. Постель заменили наваленные кучей волчьи и кабаньи шкуры. При слабом свете лучины, которую мужик воткнул в отверстие в стене, с трудом можно было различить толстые потолочные балки и завешанные, кажется, олеными шкурами стены. Мужик указал на ворох шкур.

— Вот и постель, ваша милость. Не бог весть что, однако ж спать можно...

— А ты где ляжешь?

— Я? А мне все одно. Прикорну где-нибудь под кустом. На рассвете, может, чего словлю у водопоя. Спите, ваша милость, места здесь спокойные, людей нету, разве что звери, да и те близко не подходят, огня боятся.

Взяв лучину и низко поклонившись, мужик вы-

шел из землянки. Гость сел на сваленные в угол шкуры. Что дальше? Спать? Неизвестно, можно ли доверять смолокуру. Такой и на спящего не задумается напасть. Топор выглядел весьма угрожающе. Напрасно он похвалялся своим золотом. Деньги могут соблазнить темного мужика. Но, с другой стороны, необходимо высаться. Завтра предстоит далекий путь в неведомое, а чувствует он себя пока неважко. Правда, голова больше не кружится, зато тело болит все сильнее. Расстегнув кунтуш, он достал из кармана скафандра коробочку с подкрепляющими таблетками. Немилосердно кривясь, проглотил две. Вот и весь ужин. Хорошо еще, что в бездонных карманах скафандра оказались полезные мелочи. В особенности запас лекарств и люминесцентный фонарик — уж они-то в этом диком краю наверняка пригодятся. Он прекрасно понимал, что на помощь своих рассчитывать не приходится. Они уверены, что он погиб во время катастрофы, случившейся с пенетрационным зондом.

Однако же, вспомнил он, существовал способ подать о себе весточку. Где-то в этих краях находилась станция визуального наблюдения, к сожалению одна-единственная, к тому же — что самое обидное — он не знал ее точного местоположения. Правда, разок-другой он на этой станции побывал и даже сам проводил недолгие наблюдения, но туда его привозил на виролете Стен Карский. Увлеченый беседой с приятелем, он совершенно не обращал внимания на окрестности, о чем теперь горько пожалел. Где это могло быть? Он только помнил, что видоискатели были направлены на стоявшее в ложбине приземистое деревянное строение, вероятно корчму или заезжий двор. Рядом проходила ухабистая размытая дорога, а над входом висела доска, на которой какой-то доморощенный

художник намалевал нечто вроде церковной колокольни, написав под рисунком вкривь и вкось, но вполне разборчиво «Рим». Необходимо отыскать эту корчму. Это его единственный шанс. Во время визуальной связи происходит эмиссия нейтрино, которую он легко сможет уловить своим детектором. К счастью, в момент катастрофы при нем оказался почти полный комплект исследовательской аппаратуры. Теперь несложно будет установить, когда начнется сеанс видеосвязи — тут-то он и попробует им показаться. Хорошо бы еще попасть в их поле зрения во время дежурства Стена, но это уж как повезет. Могут пройти годы, прежде чем он даст о себе знать и они организуют спасательную экспедицию. А пока придется пожить со здешними людьми, акклиматизироваться в давно минувшей эпохе, а потом, расспрашивая всех подряд, отыскать среди сотен заезжих дворов единственно нужный. С этой минуты выпускник Института истории средних веков и лингвистики магистр Твардовский перестал существовать, зато на свет появился родовитый шляхтич с саблей у пояса, его милость пан Твардовский*.

Избыток впечатлений и усталость сделали свое. Он даже не заметил, когда уснул. Разбудил его какой-то глухой стук. В первую минуту он не мог сообразить, где находится и что произошло. Стремительно вскочил и тут же стукнулся головой о низкий свод. От удара сразу вернулось ощущение реальности. Он нашупал рукоять сабли. Все в порядке. Его не ограбили. Он не знал, сколько прош-

* Твардовский — распространенная польская фамилия; в частности, ее носил легендарный пан Твардовский из Кракова — герой польского фольклора, заключивший союз с дьяволом. — Прим. перев.

ло времени. В землянке ничего не изменилось, хотя со стороны входа просачивался слабый свет. Костер или утренняя заря? Перебирая руками по стене, он добрался до заменяющего дверь лаза и выкарабкался наружу. Над головой висели уже потускневшие звезды, небо посерело. Значит, скоро рассвет. Он проспал целую ночь. Костры словно бы пригасли, только негустой сизый дым стлался по поляне, смешиваясь с предрассветным туманом. Смолокура нигде не было видно. Может, еще спит в какой-нибудь норе, а может, отправился на охоту?

Он подошел поближе к тлеющему костру: несмотря на кунтуш и скафандр, холод пронизывал до костей. Из глубины леса долетали какие-то звуки, поблизости хрюплю каркали вороны. Он напряг слух и вдруг вздрогнул. Неужели послышалось? Подавшись всем телом вперед, некоторое время стоял неподвижно. Звук повторился. Да! Ошибки быть не могло. Неподалеку ржала лошадь. Он выпрямился. Либо сюда кто-то едет, либо, как он и предполагал, смолокур соврал и где-то здесь прячет свою клячу. Настороженно прислушиваясь, он двинулся в ту сторону, откуда доносилось негромкое фырканье и постукивание копыт. Далеко идти не пришлось. В небольшом овражке за сколоченной из неструганых жердей оградой стояла лошадь. Он вытащил фонарик и направил на нее луч света. Нет, это была вовсе не кляча. Даже не будучи знатоком, он с первого взгляда понял, что в жилах этого коня течет благородная кровь арабских скакунов. Откуда у бедного смолокура такой жеребец? На ограде висели роскошно изукрашенное седло и упряжь. Он погасил фонарик и задумался. Почему смолокур врал? Что за всем этим кроется? Тихонько выбравшись из ограды, он вернулся на поляну. И вовремя. Из чащи донесся треск ломающихся веток, и на

опушке появились два человека. Впереди шел, без сомнения, шляхтич. На нем был темного цвета кунтуш, у пояса — сабля. За ним шагал смолокур с каким-то свертком в руке.

Шляхтич учтиво снял шапку.

— Приветствуя тебя, сударь. Позволь представиться — Винцентий Крымский герба Корабль, ловчий графа Немирского из Немирова, в чьих лесах твоя милость в данную минуту имеет удовольствие пребывать. С кем имею честь?

— Твардовский.

— А... пан Твардовский. Не из краковских ли Твардовских? Знаю... знаю... Слышал... Достойный род. А какими судьбами твою милость сюда занесло? В одиночку, без коня и без слуг?

— Беда приключилась. Я по реке плыл. Слуга потонул вместе с лодкой. Я остался в чем был. Прости, сударь, нельзя ли попросить тебя об одной услуге?.. Не дашь ли взаймы какую-нибудь клячу?

Твардовский вошел в роль и, припомнив, как говорили в те времена и какие выражения употребляли, старался держаться как можно естественнее. По-видимому, это ему прекрасно удавалось: ловчий снова поклонился.

— На все воля божья, — сказал он с приветливой улыбкой. — Что же до услуги, о которой ты просишь, считай, что тебе повезло. Я здесь держу одну лошадь из своего табуна. Прекрасный конь. Смолокур, бестия, любит его и ухаживает, как за своим. Получишь на время этого жеребца, а также дозволь пригласить тебя ко двору графа. Он человек добрый и гостей любит. Посидим, побеседуем за чаркой. А что за чудо, разреши узнать, твоя милость в руке держит? Самострел что ли?

Твардовский глянул и несколько смешался. В руке у него по-прежнему был зажат фонарик.

Уж что-что, а это ни в коем случае нельзя показывать Крымскому. И он небрежным движением спрятал фонарик за пазуху.

— А... так... ерунда... Дорожная шкатулка. А до графского двора далеко? — поспешил он переменить тему.

— Верст двадцать. Но лошади свежие. В миг довезут. Не станем же мы здесь завтракать. Во дворце и яства повкусней, и напитки. Ну, как ты решаешь?

— Я не голоден.

— Вот и отлично. Шимон! Седлай гнедого для вельможного пана Твардовского!

Мужик поклонился и, положив сверток на землю, нырнул в лесную чашу. Спустя несколько минут он вернулся с оседланым жеребцом. Между тем Крымский вывел из-за кустов коня, на котором приехал, и кивнул Твардовскому.

— Ну, на коней!

Они пустились вскачь. Крымский то и дело искоса поглядывал на своего спутника. Твардовский это заметил и в душе усмехнулся. Не зря он по многу часов проводил на манеже. Теперь можно не опасаться своеобразного экзамена по верховой езде. Все его причуды, бывшие неизменным объектом шуток в Институте, сейчас неожиданно принесли пользу.

Всадники галопом выехали из леса, но на дороге придержали коней. Крымский описал рукою широкий круг.

— Это все земли графа Немирского. Если твоя милость не против, устроим небольшой привал. Тут за холмом есть корчма. Выпьем по чарке за доброе знакомство. У здешнего корчмаря отменный мед. Армянин, иноверец, но в напитках разбирается не хуже знатного шляхтича.

— Воля твоя, — кивнул Твардовский. — Глоток меда еще никому не повредил.

— И верно!

— А далеко корчма?

— Близко. За тем взгорком.

И в самом деле, едва въехав на небольшой бугор, они увидели в ложбине у дороги большое, крытое гонтом деревянное строение. Над входом висела доска с кривой, но разборчивой надписью «Рим». Твардовский резко осадил коня. Нет! Это совершенно исключается. Такого не может быть! И тем не менее зрение его не подводило. В ложбине во всей своей жалкой красе стояла корчма, которую он уже дважды видел через видеоискатель зонда.

— Твоей милости знакома эта окрестность? — Крымский испытующе взглянул на своего спутника.

— Да... то есть нет... Я здесь никогда не бывал.

Спеша скрыть смущение, Твардовский хлестнул коня. Он сказал правду. Не мог же он признаться новому знакомцу, что появился на свет лишь восемьсот лет спустя, а корчму внимательно рассматривал через видеоискатель пенетационного зонда и видел, как в нее входили и выходили местные жители, жаждущие вина или горилки. Он быстро съехал вниз по пологому склону, ловко лавируя между росшими на пути деревьями. За спиной стучали копыта лошади Крымского. Всадники остановились на покрытом вязкой грязью дворе у входа в корчму. Изнутри доносился приглушенный гомон, но вновь прибывших никто не встретил.

— Эй! Есть тут кто? Что за черт, перепились вы там все что ли?

Крики возымели свое действие. Из темных се-

ней выскочил подросток в фартуке не первой свежести и, низко кланяясь, подхватил под уздцы обоих коней. Путники спешились и, не обращая внимания на согнувшегося в поклоне слугу, вошли в просторную залу. Твардовский с любопытством огляделся. Перед ним была огромная комната с высокой, обитой цинковым и латунным листом стойкой в глубине, за которой высилась пирамида бочек, бочонков и бутылей. За стойкой хозяйничал смуглолицый худой старик. Вдоль стен были расположены длинные столы на грубых козлах, а по обеим сторонам столов — лавки. На небольшом возвышении, отгороженном от зала деревянным барьерчиком, стояли три окруженные резными стульями столика — вероятно, для почетных гостей. Сейчас они пустовали, тогда как за общими столами сидело десятка полтора изрядно захмелевших посетителей, одежда которых однозначно указывала на их принадлежность к купеческому словесному. Среди них более яркими пятнами выделялись два-три линялых цветных кунтуша и белевшие на темном фоне подбритые затылки худородных шляхтичей. Компания, похоже, изрядно выпила: галдеж стоял, как на ярмарке, и на появление двух незнакомцев никто не обратил внимания. Только смуглолицый хозяин при виде гостей выбежал из-за стойки и жестами пригласил их занять места за одним из стоявших на возвышении столиков. Крымский презрительно усмехнулся.

— Гляди, сударь. Голытьба с раннего утра гуляет, а родовитый шляхтич должен с пустым желудком трястись в седле. Ну да не беда! Во дворце наверстаюм упущенное. А покамест... Хозяин, меду!

На столе мгновенно появился внушительных размеров жбан и две чарки. Новые знакомцы чок-

нулись. Твардовский понимал, что пить ему много нельзя: сыченый напиток мог его, как человека непривычного к горячительному, легко свалить с ног, а такого никак нельзя допускать. Поэтому, отхлебнув несколько глотков, он отставил чарку. Крымский посмотрел на него с удивлением.

— Не нравится?

— Напротив. Знатный мед. Только, не сочи за обиду, час еще ранний.

— Чепуха! Пей, сударь. Шляхтичу благородный напиток вреда не принесет. Твое здоровье!

Мед и вправду был вкусный и крепкий. По телу разлилось приятное тепло. Твардовский как бы невзначай стал оглядывать залу. От нетерпения ему не сиделось на месте. Надо хоть на четверть часа избавиться от докучливой опеки пана Крымского и измерить интенсивность эмиссии нейтрино. Не исключено, что именно сейчас Стен Карский находится у видоискателя и обратил внимание на двух шляхтичей, вошедших в корчму, не подозревая, что один из них — его добрый знакомый, магистр Твардовский. Пока же магистр раздумывал, как бы отлучиться ненадолго, на помошь ему пришел случай. Из-за общего стола поднялся приземистый шляхтич и, широко раскинув руки, направился к ним.

— Крымский, брат! А я к тебе с новостями...

— Витковский! Где ж ты пропадал столько времени? Я думал, тебе голову снесли в какой-нибудь сече. Привет, брат. Разреши тебе представить: его милость пан Твардовский.

— Мое почтение, сударь. Позволь, пан Крымский, тебя на два слова. У меня для твоей милости кое-что есть...

Крымский, встав, поклонился Твардовскому:

— Прости, сударь, я ненадолго.

— Ради бога, конечно.

Ловчий с Витковским отошли в глубину залы и, остановившись у окна, погрузились в беседу. Твардовский не преминул воспользоваться случаем и вытащил из наружного кармана скафандра небольшой прибор. Прикрывая ладонью квадратную коробочку, он нажал кнопку и склонился над оконечком со шкалой. Стрелка прибора дрогнула и резко отклонилась вправо. Ага! Предчувствие его не обмануло. Эмиссия нейтрино была настолько интенсивной, что у него не оставалось больше сомнений: шел сеанс видеосвязи. Поскольку час был ранний, Стен, конечно же, только приступил к наблюдению. Твардовский хорошо знал, каким способом осуществляется визуальная пенетрация и какова ее продолжительность. Он знал также, что сеанс продлится по меньшей мере до середины дня. Надо постараться любым путем дать о себе знать сидящему у видоискателя ученому... Тут ему пришлось быстро спрятать прибор: от окна к столику приближались оба его знакомца. Со скучающим выражением лица Твардовский потянулся к чарке. Крымский сел и тоже взял чарку с медом. Чувствовалось, что он чем-то озабочен.

— Обстоятельства изменились, — хмуро проговорил он. — Пан Витковский привез худые вести. Я вынужден оставить твою милость и без промедления отправляться в город. Прости, но то дела общественные и не терпящие отлагательств. Ты же, любезный пан Твардовский, можешь перейти в горницу и там меня подождать, а хочешь — езжай во дворец. Воля твоя.

— Обо мне не заботься, сударь. Я твою милость здесь подожду. За чаркой время пролетит быстро. Да и окрестность тем часом можно оглядеть.

— К вечеру я вернусь. Будь моим гостем.
Корчмаря я предупрежу. Прощай.

Он допил мед и встал. Вместе с ним поднялся Витковский. Когда они ушли, Твардовский кивком подозвал корчмаря. Тот подбежал, кланяясь в пояс.

— Найдется у тебя в кладовке пергамент или бумага?

— Найдется, ваша светлость!

— А чернила?

— И чернила!

— Давай сюда живо! — Твардовский бросил на стол золотую монету, которую корчмарь поспешило спрятал.

Через несколько минут на столе появились два листа бумаги и бутыль с черной жидкостью — вероятно, подобием чернил или туши. Твардовский оглядел залу и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, склонился над бумагой. После недолгого размышления он решительно обмакнул палец в чернила и вывел крупным четким почерком: «Я ЖИВ! ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА! МАГ. ТВАРДОВСКИЙ». После чего свернул лист трубочкой и сунул за пояс. Больше, пожалуй, он ничего сделать не мог. Теперь надо выйти наружу и определить место контакта с современностью. Причем как можно точнее, чтобы там записка была хорошо видна и слова разборчивы. Для этого существовал один-единственный способ: необходимо установить две небольшие самонастраивающиеся антенны и, определив направление эмиссии нейтрино, встать на пути потока частиц и развернуть лист. Достаточно постоять так секунду — и побыстрей исчезнуть с глаз. Не дай бог, если его манипуляции заметят суеверные крестьяне или купцы. И так ему несказанно повезло, что он наткнулся на эту корчму, еще раз судьбу лучше не искушать.

Он встал и неторопливо направился к двери. Вышел и зажмурился от яркого солнечного света. День занимался погожий и, на удивление, ясный. Таким прозрачным и ароматным воздух в его эпоху не бывал даже в особых зонах отдыха. Он глубоко втянул воздух в легкие: это было повкусней крепкого меду. Но, к сожалению, ясная погода могла только помешать его планам. Лучше бы лил дождь.

Спустившись с крыльца, Твардовский сразу же свернул за угол и, пройдя мимо своего скакуна, привязанного к коновязи, очутился на задах корчмы. Он хорошо знал, что видоискатель направлен на входную дверь, но антенны решил установить здесь, чтобы не заниматься этим под окнами корчмы с риском привлечь внимание сидевших за столами. Впрочем, саму попытку связаться со Степном, как это ни опасно, придется осуществлять на переднем дворе. Он в душе благословил Витковского. Не появясь тот со своим неожиданным известием, ему бы не удалось так легко избавиться от дружеской опеки ловчего.

На задах корчмы, как он и предполагал, было пусто. По двору бродила стайка кур да слонялись несколько осоловевших от уже ощутимой жары собак. Из продолговатого футляра Твардовский достал четыре тонких ферритовых прутика. Прикрепил их по два к плоским коробочкам усилителей и соединил тонкой, как волосок, но прочной проволочкой. Теперь оставалось только поместить антенки на небольшом расстоянии друг от друга под прямым углом перпендикулярно пучку нейтрино. Он надеялся, что уже одна возня с прибором заинтересует наблюдателя, сидящего перед видоискателем, и тот скорее обратит внимание на записку и примет необходимые меры. Помощь может при-

ти незамедлительно: хотя подготовка спасательной экспедиции там, в его эпохе, и потребует какого-то времени, направить зонд точно в нужный период легче легкого — это можно сделать за несколько мгновений. Так что, если все пойдет, как он задумал, меньше чем через полчаса со двора корчмы исчезнет родовитый шляхтич Твардовский, а в двадцать четвертом веке нашей эры снова появится скромный сотрудник Института истории магистр Твардовский... Одно только он знает твердо: теперь он не успокоится, пока не добьется разрешения на тщательные личные исследования этой эпохи. Ему здесь начинало нравиться. А уж роль шляхтича, притом состоятельного, казалась идеальной для исследований подобного рода. Чуточку осторожности и, располагая деньгами, можно проникнуть в любые слои общества, начиная с крестьянской хаты и кончая королевским дворцом. Он убедился, что в кругу шляхтичей и тем паче за чаркой никакие чудачества, никакая эксцентричность не возбуждают подозрений. Хуже с простолюдинами. Смолокур, например, смотрел на него куда подозрительнее, чем ловчий графа... Ну да ладно, сейчас не время об этом думать. Пора приступать к делу. Он знал, что отклонение потока нейтрино с аномонастраивающимися антеннами вызывает свечение воздуха и искажает перспективу. Все это неискушенные наблюдатели могут посчитать колдовскими штучками. Поэтому ему хотелось управиться по быстрее и по возможности без свидетелей. Осторожно, следя за тонкими проволочками, чтобы не перепутались, он вышел на передний двор и, убедившись, что там никого нет и никто не подглядывает из закрытых окон, быстро установил антенны на нужном расстоянии.

Справившись с этой задачей, он поднял глаза и...

ноги его подкосились. Вот невезение! Из дверей корчмы вывалились человек десять захмелевших завсегдатаев, а со стороны дороги приближалась толпа косарей. Отступать было поздно. Выхватив из кармана счетчик, Твардовский взглянул на стрелку. Превосходно! Она показывала, что он находится на пути пучка нейтрино. Краешком глаза он заметил, что контуры изгороди и деревьев не подалеку задрожали и начали расплыватьсь, а камни и грязь на дворе засветились зеленовато-золотистым сиянием. Решительным жестом он развернул над головой приготовленный лист бумаги и несколько секунд держал его неподвижно. Потом бросил бумагу на землю и с лихорадочной поспешностью скинул с себя ненужную одежду. Хмельная компания и приближившиеся крестьяне, осталбенев от удивления, со страхом уставились на него. Оставшись в одном скафандре, он замер в ожидании... Ему казалось, что время остановилось. Только бы там, по ту сторону, люди и приборы не промешкали!

Толпа крестьян пришла в движение. Послышались сперва тихие, а затем все более громкие восклицания:

— Сатана! Чернокнижник!

Он успел заметить, что несколько мужиков накнулись, и тут же возле его уха просвистел камень. Еще один... еще... еще... Он почувствовал удар в плечо и резкую боль. Пьяняги, очнувшись, всем скопом кинулись к нему. Но вдруг окружающее пространство озарила яркая вспышка. В лицо ударила волна горячего воздуха, повеяло характерным запахом не то серы, не то порохового дыма, и в отрезке современности появилась фигура в черном скафандре с двумя усиками антенн над лобовым стеклом шлема.

Прыжок — и Твардовский оказался подле черной фигуры, не замечая, что продолжает сжимать в руке саблю. Он едва успел — еще мгновенье, и толпа была бы рядом. Человек в скафандре плавно взмахнул рукой, и обе антенны, а также лежавший в грязи счетчик, словно притянутые магнитом, подлетели к их ногам. Прорыв в современность мгновенно затянулся, остались только двор корчмы, сброшенные на землю кунтуш и шапка с пером да кучка пораженных невиданным зреющим людьми.

— Сатана!

Вдруг раздался топот копыт, и во двор на взмыленном жеребце влетел пан Крымский. Осадив коня возле толпы, окружившей валявшиеся на земле вещи, он огляделся по сторонам.

— Что здесь происходит? Где пан Твардовский?

От толпы отделился враз протрезвевший пьянячужка.

— Ваша милость приятелем интересуется? Его черти взяли! Однако же... погоди... Ты сам-то кто будешь? Тоже, небось, сатанинского племени?

Крымский гордо вскинул голову и обнажил саблю.

— Молчи, голоштанник!

— Чего-чего?

— Я спрашиваю, где пан Твардовский?

Тут один из купцов, видно узнав пана Крымского, бесцеремонно отстранил задиру и поклонился.

— Не гневайся, ваша милость! Пан Цебро правду говорит. Тот, кого ты изволишь величать паном Твардовским, и впрямь унесен сатаной. Прямо на наших глазах! Спроси у мужиков. Все видели.

Крымский спрятал саблю в ножны и размашисто перекрестился. Это как будто успокоило стоявших вокруг людей.

— Гляди, сударь, траву выжгло!

— Серой разит!

— Чародей это был. Маг какой-то!

Все кричали наперебой. Пан Крымский поднял лежавший на земле лист бумаги, прочитал, что там было написано, и побледнел. Не говоря ни слова, он протянул записку купцу. Тот глянул и с воплем ужаса и отвращения кинул ее в грязь.

— Святой Иосиф! И верно, маг!

На листке, медленно пропитывавшемся водой, отчетливо виднелись крупные буквы: «Я ЖИВ!
ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА! МАГ. ТВАРДОВСКИЙ».

Барри Молзберг

... А мы лезем в окно*

Дорогой мистер Пол **!

К сожалению, я, Уильям Койн, не могу прислать Вам рукопись по причинам, которые, как Вы скоро поймете, совершенно от меня не зависят. Самое большее, на что я способен, располагая крайне ограниченным временем и ограниченными возможностями, — это предельно ясно изложить события в данном письме. Надеюсь, Вы человек достаточно смекалистый, чтобы разглядеть в моей проблеме тему для захватывающего рассказа. Быть может, поняв, насколько серьезна и необычна ситуация, в которой я здесь нахожусь, Вы согласитесь сами написать этот рассказ, удержав в свою пользу 50% (пятьдесят процентов) гонорара, что представляется мне вполне справедливым: Вам ведь не придется ломать себе голову над темой. А если Вы очень заняты, то можете поручить это одному из Ваших постоянных авторов, который, естественно, должен будет проделать ту же работу, однако я выплачу ему только 40% (сорок процентов) гонорара. Но, поскольку, как Вы сможете убедиться, эта тема стоит по крайней мере

* Печатается по изд.: Молзберг Б. ...А мы лезем в окно: Пер. с англ. — М.: Молодая гвардия, 1970. («Искатель», № 1). — Пер. изд.: Malzberg B. ...And We Keep Coming In! Galaxy, April 1969. UPD Corp., N. Y.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

** Имеется в виду Фредерик Пол — американский писатель-фантаст; долгое время редактор научно-фантастического журнала «Гэлакси». — Прим. перев.

миллион долларов, никто не останется в накладе — при том условии, что Вы *поспешите*.

Итак, на прошлой неделе я, Уильям Койн, изобрел машину времени. Да-да, я по собственным чертежам и без чьей-либо помощи создал первую в мире машину времени. Я, Уильям Койн, двадцати девяти лет, безработный и проживающий сейчас в очень тесном помещении, соорудил ее в этой трехкомнатной меблированной квартире (Уэст-Сайд, Манхэттен), мотаясь, как угорелый, между умы-вальником в коридоре и спальней, потому что, подобно моему собственному телу, механизм на 85% состоит из обыкновенной воды. Работа прошла успешно, особенно если принять во внимание, что я ровным счетом ничего не смыслю в электронике, и вообще-то мое знакомство с наукой ограничивается курсом средней школы, который я прослушал, дабы получить диплом. Честно сказать, я там у них не числился в особо успевающих. Мне бы делом заняться, а я все больше копаюсь в том, что меня не касается. Так, видно, и докопался до этой самой машины.

Это очень простое устройство, мистер Пол, и на редкость удачное; единственный его недостаток — ограниченный радиус действия. Пока что я могу перемещаться в прошлое только на четыре месяца, а в будущее — на семнадцать минут; кроме того, мне еще не удалось хорошенько отградуировать шкалу перемещений, поэтому я ни на секунду не могу покинуть существующее на данный момент временное поле площадью в каких-нибудь пять квадратных футов. Это опытная модель, и впоследствии ее необходимо будет усовершенствовать — на это пойдет часть гонорара за рассказ, который Вы обо мне напишете.

В остальном же, несмотря на указанные непо-

ладки, машина работает безотказно. Как раз в прошлый вторник я забросил себя на три месяца назад, нашел на письменном столе газету за соответствующее число, а также свою собственную смиренную оболочку, оболочку Уильяма Койна, который был на кровати, как припадочный. Жуть, что я пережил, впервые встретившись с самим собой. Здорово меня тогда пробрало. Но стоило мне с помощью машины вернуться в настоящее, как откуда ни возьмись появляется мой двойник. Отчаянно жестикулируя, подзывает меня к себе и шепотом просит, чтобы я был так любезен ровно через четыре минуты переместиться на четыре минуты в прошлое. После чего он — то есть я — исчезает.

Натерпелся же я страху, скажу Вам, беседуя с самим собой, Уильямом Койном, в своей квартире! Но делать нечего: я отсчитал четыре минуты и отправился в машине назад. Там я встретился с более ранним вариантом собственной персоны и попросил его — то есть себя — через четыре минуты переместиться на четыре минуты в прошлое. Такие вот пироги.

Ладно-ладно, мистер Пол, знаю, о чем Вы сейчас думаете. Вы говорите себе, что для Вас и Ваших авторов это старье, которое давно в зубах навязло (хотя в моем — Уильяма Койна — случае это истинная, стопроцентная (100%) правда), и что Вы уже рассматривали эту тему с тысячи (1000) сторон. Я тоже почтываю научную фантастику, вернее, читал раньше, до того как влип в эту историю. И все же не отворачивайтесь от меня, мистер Пол. Есть кое-какие детали, о которых я еще не успел Вам рассказать и которые объяснят, почему эта ситуация — лакомый кусок для такого хорошего человека, как Вы.

Вы, конечно, уже догадались, как ко мне попали чертежи машины времени. Совершенно верно: однажды, несколько месяцев назад, я проснулся утром и обнаружил на тумбочке у кровати записи, нацарапанные моим собственным почерком (этой писаниной я занимался, когда впервые послал себя в прошлое). Таким образом, я воспользовался уже готовыми чертежами. Поэтому, сдается мне, на самом-то деле не я один изобрел эту машину — по правде говоря, мы придумали ее всей компанией. Само по себе это не так уж важно, мистер Пол, только ведь выходит, что я далеко не гений-самоучка, и поэтому мне в моем нынешнем положении срочно требуется помощь.

Видите ли, беда в том, что, как я упомянул выше, у машины пока не отложена шкала временных перемещений, и всякий раз, возвращаясь в настоящее, я попадаю не в *истинно* настоящее время, а отклоняюсь от него в ту или иную сторону на несколько секунд или минут. Поэтому теперь, когда я забрасываю себя в будущее, я вечно нос к носу сталкиваюсь с самим собой, а когда кидаюсь назад, пытаясь попасть в точно намеченное время, только еще больше осложняю обстановку. То же происходит, когда я посылаю себя в прошлое: я неизменно натыкаюсь на своего двойника.

Дело кончилось тем, что я постоянно встречаюсь с самим собой, и чем больше стараюсь исправить дело, тем больше его запутываю. Теперь, мистер Пол, мне просто боязно прыгать туда-сюда во времени.

Чтобы не утомлять Вас дольше, мистер Пол, скажу: сейчас в этой квартире нас уже около трехсот (300), каждый, как идиот, носится со своей собственной машиной времени, и всем в равной степени не везет. Что до меня, то я уже отчаялся

исправить положение и прекратил все попытки, но остальные для этого еще не созрели... Чтобы прийти к такому решению, нужно испытать все на собственной шкуре, а пока нас становится все больше. К примеру, сейчас нас уже набралось 310 (триста десять) человек, и в последние несколько минут я мог бы воспользоваться пишущей машинкой пятидесяти (50) своих двойников, дружно потеющих над письмами с просьбой о помощи.

По всем статьям, мистер Пол, нас вот-вот отсюда выселят за перенаселенность. Вдобавок у нас уже не осталось ни крошки съестного, а о теснотице и говорить не приходится. Когда же кто-либо из нас отправляется за провизией, из этого ни разу ничего не выходит... Впрочем, все равно это бы нас не спасло, потому что, когда заварилась эта каша, у меня в кармане было ровнехонько два (2) цента, а чтобы прокормить только десятерых из нас, нас должно быть по крайней мере несколько тысяч — надеюсь, Вы понимаете почему.

Вот в какое положение попал я, Уильям Койн. Спрашивается, как мне (нам) быть? Нам позарез нужно как можно быстрее сколотить на этой машине капитал, а между тем мы намертво застряли во временном поле. Каким же образом мы сумеем это провернуть? Мы только и делаем, что встречаемся друг с другом, приходится до одури каждому объяснять все заново, и каждый из нас уже на пределе. Пожалуйста, если Вы не сможете сами этого сделать, будьте так добры, попросите одного из Ваших авторов написать обо мне (нас) рассказ и поскорей выслать нам деньги. Очень уж нам всем тут худо.

С надеждой

УИЛЬЯМ КОЙН

Уильям Койн

уильям койн ...

Робин Скотт

Третий вариант*

В то утро перед отправлением Джонатан Бёрк задержался в своей конторе при Нью-Чикагской галерее, чтобы ознакомиться с новыми приобретениями разведки времени из Колорадской пещеры и продиктовать несколько писем в диктофон. Попыхивая сигаретой, он ожидал, пока аппарат выдаст исправленные копии, просмотрел их, подписал и передал секретарю, чтобы тот отправил их по назначению, после чего вышел из коридора Галереи к станции междугородных экспрессов. Здесь он показал контролеру сертификат стерильности и разрешение на свободное передвижение и оставил отпечатки пальцев на пластиковом диске с обычным чувством раздражения, которое вызывали у него все эти процедуры бесконечных проверок. Подобно всем рациональным людям своего времени, он признавал необходимость контроля за ростом населения, за передвижением отдельных лиц и т. д., и все же все это его злило. Он видел слишком много других эпох и других цивилизаций, и ему было трудно подчиняться всякого рода проверкам и ограничениям.

Пока экспресс, пересекая кольцевые дороги по среднему скоростному уровню, мчался к промежуточной станции в Цицеро, чтобы оттуда сделать

* Пер. изд.: Scott R. Third Alternative: Analog, № 1, March 1964. Condé Nast Publs., N. Y.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

двадцатиминутный рывок к Сент-Луису, Бёрк расслабился и под влиянием ускорения глубоко погрузился в мягкое кресло. От проблемы, которая мучила его с утра, мучила каждое утро — и каждый день и вечер вот уже несколько месяцев, — больше нельзя было просто отмахнуться. Сейчас, на время избавившись от всех отвлекающих дел, которые до сих пор принимал как спасение, он должен был наконец взглянуть правде в глаза. С выражением горечи на лице и с отвращением к самому себе за недостаток умственной дисциплины Бёрк вздохнул, закинул руки за крупную, почти квадратную голову и, уставившись невидящим взглядом в закругленный потолок кабины, снова начал беспокойный внутренний диалог.

«Какого черта, Бёрк! Выбор достаточно прост. Даже очень прост. Перед тобой два — пересчитай по пальцам! — два выбора. А: ты принимаешь пост помощника директора Галереи и больше не участвуешь в разведках времени; Б: ты отказываешься от директорства и предпочитаешь вести разведки во времени. Как видишь, выбор прост. Если ты останавливаешься на первом варианте, тебя не трясет, как паршивого пса, всякий раз, когда ты подхватываешь какой-нибудь немыслимый вирус, о котором в твоё время никто и не слышал; в тебя не стреляют из луков мавры XVI столетия и ты не попадаешь в переплет между враждующими партиями в итальянских войнах XVIII века; тебе не приходится полгода мерзнуть в ледяном баварском подвале, чтобы собрать хоть какое-то подобие действующего антигравитатора даже без помощи пальника; ты не чувствуешь себя постаревшим на полгода или даже на целый год каждый раз, когда возвращаешься после часовой работы.

Но этого мало. В первом случае ты сидишь в

покое и уюте, и пусть с маврами сражается какой-нибудь другий йеху; ты получаешь солидную прибавку к окладу и статус класса II; у тебя появляется возможность управлять музеем, как это давно уже следовало бы делать; ты можешь встретить приятную девушку и заключить с ней временный контракт, а может быть, даже получить генетическое разрешение и жениться! Как было бы хорошо иметь своих детишек, а ведь ты не становишься моложе, Бёрк. Ты стареешь, Бёрк, и стареешь быстро.

Это первый вариант.

Вариант второй. Ты продолжаешь разведки времени. Ты болеешь. Тебя пытаются убить. Ты все время кочуешь. И вскоре ты уже не чувствуешь себя дома даже в своем времени, потому что перемещаешься в десятки других эпох. Ты перекатился. Да, все это так, зато ты свободен. Ты один из шестнадцати человек — самым тщательным образом отобранных и прошедших самую интенсивную тренировку среди всех людей на Земле, — ты из группы разведчиков времени. Ты работаешь в невероятных условиях, и ты страдаешь. А что получаешь взамен? В отдельные отрезки жизни — когда ты находишься вне своего времени, вдали от своей цивилизации — ты живешь свободно, без всяких проверок. Пусть ненадолго, но ты становишься самим собой.

Да, Бёрк, решение простое. А или Б.

И не какие-нибудь А и Б. А именно эти А или Б».

Экспресс миновал Сент-Луис и устремился на юг, к Кейро. До пункта назначения Бёрка оставалось около пяти минут.

Ускорение прекратилось. Бёрк выпрямился в кресле и невидящим взглядом уставился на свое

отражение в двери кабины. Чем больше он бился над этой нелегкой проблемой, тем злее и пронзительнее становились его серые, широко расставленные глаза под черными кустистыми бровями. Он испытывал растущий бессмысленный гнев. И больше всего злила не сама необходимость выбора, а то, что, избирая один вариант, он должен был полностью отказаться от другого. Он хотел получить пост помощника директора, очень хотел, но одна мысль, что тогда придется раз и навсегда забыть о путешествиях во времени, была ему почти физически невыносима. «Почему человек не может заниматься и тем и другим? — думал он с бессмысленным раздражением. — Почему человек должен отказываться от одного любимого дела ради другого любимого дела?».

Но он знал ответ и понимал, что вся его обида и злость — чистое ребячество. Обе работы были слишком ответственны и требовали полной отдачи сил. Никто не мог справиться и с тем, и с другим без ущерба для того или другого. Жестокое разграничение на людей действия и людей мысли во всех современных поколениях становилось все явственней и все более невыносимым бременем ложилось на того, кто пытался это совместить. Бёрк, подобно другим людям своей эпохи, достиг того предела, когда мозг и мышцы, нервы и умение уже не позволяли вести и тот и другой образ жизни одновременно. Надо было выбирать, что-то одно. У него был прекрасный выбор — слишком привлекательный! — и он не мог остановиться ни на одном из вариантов без горестного чувства вынужденного отказа от другого.

Экспресс притормозил, сбрасывая скорость над местом назначения Бёрка, Сентр-Сити, маленьким городком в штате Иллинойс. Бёрк поднялся и вы-

шел через тамбур на бегущую платформу одновременно с каким-то коммивояжером, который крепко держал свой чемоданчик с образцами. Платформа доставила их к подвижному гасителю скорости, и они соскочили с него на солнечную городскую площадь напротив здания городского суда.

Доктор Эмерсон ожидал Бёрка в центре площади рядом с маленьким разборным домиком, в котором находилась капсула. Немногочисленные зеваки, слонявшиеся перед зданием суда, взглянули на них с мимолетным любопытством. Разведки во времени давно уже стали привычными. Разборный домик, доставленный сюда за день до этого из Чикаго, через день исчезнет, а для жителей Сентр-Сити новая телепередача о пятих мировых играх была куда интереснее, чем команда разведчиков из Чикагской Галереи и их бесформенный алюминиевый купол.

Бёрк и Эмерсон направились к лаборатории. Бёрк внимательно осматривал площадь, стараясь сориентироваться в незнакомом городе. Уже входя в низенькую дверь, он начал расстегивать молнии на своем комбинезоне.

— Мы установили нужную глубину как можно точнее, — сказал Эмерсон. — Но, если вы окажетесь слишком глубоко или над вами будет слишком много деревьев или кустов, сразу возвращайтесь, и мы сделаем новый расчет. На этой площади в нужное нам время росло довольно много кустарника и деревьев.

— Договорились — сказал Бёрк. Как, по-вашему, много мне придется копать?

— Не более двух футов, а может, и того меньше.

— Отлично. А то прошлый раз в Вашингтоне мне пришлось копать шесть часов подряд.

— Почему же вы не вернулись и не отправились снова на меньшую глубину?

— Посчитайте, это был Вашингтон 65-го года, 1965-го. В тот год было много грунтовых вод, и техники решили, что мне лучше вынырнуть под надежным слоем глины или... на поверхности. В предместье Вашингтона на поверхность я не мог высунуться. Слишком было рискованно. Работа была деликатная, связанная с политикой, а срок — всего два часа.

Эмерсон тихонько присвистнул.

— Как же, помню, вы тогда хорошо справились. Но теперь все будет легче легкого. Времени — сколько угодно! В вашем распоряжении больше семи месяцев до часа «икс», так что вы наверняка сумеете обосноваться. К тому же Сентр-Сити, пожалуй, самое идеальное место для вашего появления. Маленький, сонный и очень благодушный городок.

Бёрк уже стоял обнаженный. Два техника-ассистента доктора Эмерсона подали ему маленькие пластиковые пакеты, которые он, страдальчески морщась, положил в рот и начал проталкивать внутрь. Эмерсон сделал несколько пометок в настенном графике. Внезапно что-то вспомнив, он обернулся к Бёрку:

— Кстати, поздравляю вас, Бёрк. Я слышал, вы назначены помощником директора. Когда приступаете к работе?

— Еще не знаю, — ответил Бёрк. — Еще не знаю, возьмусь ли за это дело.

Эмерсон внимательно посмотрел на него и понимающе кивнул.

— Да, понимаю вас. То же было со мной, когда я променял разведку во времени на пост директора проекта. Чертовски трудное решение, не правда

ли? — Чуть помолчав, он добавил: — Но я был женат. Думаю, это облегчило мне выбор.

Теперь у Бёрка оставались свободными только рот, ноздри и одно ухо. С пакетом для рта в руке он подошел к колодцу в центре лаборатории. Там на глубине нескольких футов лежала капсула времени. Напоминающая яйцо длиной около шести футов по оси, она была замаскирована под большой валун. В период первых разведок времени несколько капсул было случайно обнаружено и разрушено не в меру любопытными местными жителями, и пришлось производить дорогостоящие и сложные спасательные операции.

Когда Бёрк спустился по тонкой металлической лесенке к открытому люку капсулы, доктор Эмерсон присел у края колодца и сказал:

— Полагаю, вам придется довольно тугу первые две недели. В 1904 году было много вирусных инфекций. Мы начинили вашу наркотическую пилюлю всевозможными антибиотиками против всех известных нам болезней, но вы можете подцепить что-нибудь совсем неизвестное, против чего у нас нет никакого иммунитета.

Бёрк взглянул снизу на Эмерсона.

— Что они называли вирусными инфекциями? Мне надо знать, если придется обратиться к врачу.

Одна из ассистенток Эмерсона посмотрела в свои записи.

— Тогда еще не было настоящей вирусологии. Если верить записям, они называли эту болезнь «инфлюэнца» или «грипп». Будь вы помоложе, они любое вирусное заболевание считали бы «болезнью роста». И пичкали бы вас огромными дозами смеси неочищенной ромбической серы с декстрозой.

Это называлось «сера с мелассой»*. — Она ехидно улыбнулась Бёрку. — Желаю вам повеселиться!

Бёрк застонал от деланого ужаса, скрчил ей страшную гримасу и соскользнул в люк капсулы. Он задраил люк за собой, сел в кресло перед приборами и начал считывать их показания. Один из техников слушал его, сверяясь с показаниями индикаторов, соединенных с капсулой кабелем на присоске, и вел записи в журнале.

— Воздух в норме. Эквивалент массы в норме. Интегральность устойчива и плюс сорок. Мощность включена, заряд полный. Спираль протяженности в норме. Блокировка отключена. Все в порядке, начинайте временной отсчет.

Ассистентка наверху сверились с хронометром и после короткой паузы нажала кнопку. Бёрк услышал три высокочастотных сигнала. На третьем он сбросил тумблер на положение «включено» и одновременно сунул в рот неудобный пластиковый пакет. Теперь оставалось перетерпеть десять выворачивающих душу секунд, а когда они кончатся, это будет означать, что он перенесся в прошлое на 108 лет, в 17 июня 1904 года, в два часа 10 минут утра по местному времени.

Обморочная тьма нахлынула и отступила. Бёрк подождал, пока прояснится зрение, затем взглянул на приборы. Все было нормально. Он вытащил одной рукой пакет изо рта, другой накрыл приборы защитной крышкой, и лишь затем, повернувшись на своем неудобном кресле, приоткрыл люк дюйма на два. Целый каскад комьев земли и мелких камешков хлынул внутрь, но скоро поток почти иссяк. Тогда Бёрк полностью открыл люк, встал и начал сгребать землю в капсулу. Через мгновение рука

* Меласса — черная патока. — Прим. перев.

его высунулась наружу и он вдохнул прохладный ночной воздух. Он обернулся, чтобы выключить в капсуле свет, снова сунул пакет в рот и начал протискиваться сквозь образовавшуюся нору — сначала голова, потом плечи появились на поверхности. Наконец, он выбрался и растянулся во весь рост, голый и грязный, на росистой траве. Тяжело дыша, Бёрк настороженно огляделся. Сквер, тогда еще сквер, а не площадь, был густо засажен декоративными кустами и маленькими деревцами. Сквозь листву он различал только уличные газовые фонари и окна магазинчиков, выстроившихся вдоль Главной улицы, а напротив, по другую сторону сквера, стояло, на удивление, новенькое здание городского суда.

Завершив краткий круговой обзор, Бёрк нагнулся в яму и потянул на себя люк капсулы, чтобы сработала защелка. Затем долго ползal под ближайшими кустами, собирая в ладони землю, пока не засыпал яму над люком. Он утрамбовал рыхлую почву как мог кулаками и в довершение воткнул сверху пучки травы и насыпал листьев, старательно уничтожая все следы своего появления.

Потом Бёрк, пригнувшись, скользнул к ближайшему высокому дереву. Он тщательно отметил в памяти его положение по отношению к арочному входу в городской суд, на одной прямой с головой лошади на кованой ограде сквера; теперь он мог бы снова безошибочно найти эту точку. Здесь он выкопал руками маленькую ямку между двумя легко отличимыми толстыми корнями, освободился от всех, каких смог, пластиковых пакетов и тщательно зарыл их.

Бёрк обливался потом, хотя ночь была прохладная, а он наг, как новорожденный младенец. Тяжело дыша, он сидел в глубине пустынного сквера,

обдумывая следующий свой шаг. Ему хотелось курить, но сигарет у него не было. Одна из особенностей временных капсул заключалась в том, что они могли перемещать только живую протоплазму — или предметы, заключенные в живой протоплазме: вот почему Бёрк был совершенно обнажен, а сверхнеобходимые пакеты прятал в глубине своего организма. Он сам был как бы живой посылкой внутри капсулы времени, и в нем не было места для такой чепухи, как сигареты. Но именно эта особенность превращала разведку времени в рискованные предприятия с неизвестным исходом. Разведчика времени доставляли в заданную эпоху как новорожденного младенца — дальше он мог рассчитывать только на собственные способности и некоторые существенно необходимые материалы, количество которых резко ограничивалось вместимостью «живой посылки».

Сама капсула была подобна мыльному пузырю, тончайшему кокону из силовых полей, пронизывающих оболочку капсулы и все неживые предметы внутри ее. Бёрк, как любое другое живое существо, представлял собой отдельную и отличную от этой энергетическую систему. Он мог пройти сквозь «мыльный пузырь», не разрушая его, но не мог отделить от него ни единой частицы, не мог разорвать его целостность, ибо это нарушило бы непрерывность энергетического потока. В ранних разведках времени ставились эксперименты с органическими «живыми посылками», однако, как оказалось, только приматы способны переносить временные перемещения благодаря своему физиологическому сходству с человеком. Но было слишком мерзким и грязным делом душить потом маленькую обезьянку, извлекая из нее пакеты, и тайком избавляться от трупа, чтобы не навлечь на себя опас-

ность в далекой эпохе. Игра просто не стоила свеч.

Бёрк отдохнул, напряженность отпустила его. Он осторожно приподнялся и посмотрел на часы на башенке городского суда. Было четыре часа семнадцать минут. «Прекрасно,— подумал он.— Времени предостаточно».

Он встал и стремительно, легко побежал босиком через сквер от куста к кусту; через каждый десяток шагов он замирал, вглядывался и вслушивался. За высоким розовым кустом у крайней боковой аллеи Бёрк задержался, затем его обнаженное тело лунным призраком мелькнуло в предрассветной дымке, он перебежал Главную улицу и скрылся в тени напротив аптеки. Осторожно, все время держась теневой стороны, спустился по улице до ближайшего угла и свернул в проулок позади ряда лавок, выходивших фасадами на Главную улицу. Здесь он остановился, задыхаясь, среди каких-то банок и прочего мусора позади хозяйственно-продуктовой лавки, вынул из левого уха маленьку таблетку, содрал с нее защитную оболочку и морщась проглотил. Потом растянулся во весь рост на холодном гравии и булыжнике посреди проулка и почти сразу потерял сознание: таблетка сработала.

Часов через двенадцать Бёрк очнулся в уютной комнате с белыми занавесками, залитой предвечерним солнцем. Он лежал на чистой постели: на крахмаленные простыни приятно холодили кожу. Бёрк с любопытством огляделся. Возле кровати стоял столик с мраморной крышкой, а на нем — эмалированный таз. На спинке кровати с латунными прутьями и блестящими шишечками висела табличка с графиком температуры. Сквозь открытое окно доносились — такие редкие для Бёрка — детские голоса и смех, а откуда-то издали — свист паровоза на переезде.

«Так, превосходно, — подумал Бёрк. — Я в больнице».

В возвращении к ранней американской цивилизации было немало преимуществ. Тогда люди помогали незнакомцам, думали о бродягах; они заботились о больных и неимущих. Он вспомнил, как оказался с аналогичной миссией в Лондоне XVII века незадолго до Великого пожара. Там не было больниц, и он не мог воспользоваться наркотиком, чтобы облегчить себе первые часы трудного физиологического приспособления.

В комнату вошла высокая красивая девушка в скромном сером платье; длинная юбка доходила ей до лодыжек, великолепные золотисто-каштановые волосы были уложены в пышную прическу. Она улыбнулась ему с искренним сочувствием, которое еще не перешло в профессиональную любезность.

— О, замечательно! — сказала она. — Я вижу, мы чувствуем себя получше.

Она положила прохладную руку Бёрку на лоб.

— Подождите минутку, я только позову доктора Саундерса.

Бёрк слабо улыбнулся ей в ответ. Он не осмеливался на большее чем улыбка, пока не услышит побольше и не научится имитировать их акцент. Он был превосходным подражателем, но на это требовалось время, а сейчас его акцент жителя Нью-Чикаго 2012 года показался бы весьма странным в Сентр-Сити 1904 года.

Сестра вернулась почти сразу с длинноволосым, бородатым мужчиной лет тридцати. За ним вошел толстяк среднего возраста с приколотой к куртке металлической звездой. Доктор Саундерс пощупал лоб Бёрка и покачал головой.

— Что с вами стряслось, молодой человек? — спросил он. — Какой-нибудь несчастный случай?

Бёрк пожал плечами и беспомощно потряс головой.

— Не знаю, — сказал он хрипло — Ничего не помню.

Доктор повернулся к сестре.

— Кэрри, принесите-ка нам прохладной воды. Не холодной, а только прохладной! Постараемся сбить у него жар. — Затем обратился к шерифу. — Хотите поговорить с ним, Джон?

Шериф кивнул, приблизился к кровати и строго посмотрел сверху вниз на Бёрка.

— Как тебя зовут, сынок?

Бёрк помедлил, словно припоминая, затем медленно ответил:

— Джонатан Бёрк.

— Откуда ты?

Бёрк снова заколебался, растерянно пожал плечами и покачал головой.

Строгость шерифа перешла в раздражение.

— Послушай, парень, тебя нашли на улице без сознания и в чем мать родила. Такое у нас в Сентр-Сити случается не каждый день. Так что ты лучше расскажи мне обо всем, и честно!

Бёрк продолжал молчать.

Шериф наклонился вплотную к его лицу, и голос его зазвенел от злости:

— Что стряслось с тобой, говори! Как ты попал сюда? Тебя кто-нибудь ограбил?

Бёрк по-прежнему не отвечал. Он прикрыл глаза, словно от крайней слабости. Впрочем, особого актерского искусства для этого не потребовалось. Один из тех вирусов, о которых предупреждал доктор Эмерсон, уже добрался до Бёрка: он весь

пылал, голова кружилась, суставы ныли, живот сводило от боли.

Доктор Саундерс отвел шерифа от постели.

— Джон, я думаю, сейчас ты от него ничего не добьешься. Он очень болен; я не знаю, что с ним случилось, но, похоже, он потерял память.

Он вынул полотенце из таза с прохладной водой, принесенного сестрой Кэрри, отжал и положил на лоб Бёрка.

— Случай обычный, — продолжал он. — У него нет внешних повреждений, но, судя по тому, в каком виде его к нам доставили, он, наверное, попал в жестокую переделку. Он был с ног до головы покрыт грязью.

Шериф зашагал к двери, сердито качая головой. Уже взявшись за ручку, он обернулся и сказал:

— Ладно, молодой человек. Я еще вернусь, тогда и поговорим! — Потом, словно таинственное появление Бёрка было на юге Иллинойса самым обычным делом, добавил: — У нас в Сентер-Сити такие штуки просто так с рук не сходят!

Доктор Саундерс и сестра — мисс Хатчинс — последовали за шерифом, близко склонившись друг к другу и что-то негромко говоря.

Бёрк закрыл глаза и уснул. Проснулся он от того, что мисс Хатчинс утирала ему лицо влажным полотенцем. И то проснулся лишь на миг. «Красивая девушка,— успел подумать он, слабо улыбаясь и снова погружаясь в небытие.— Вот уж это наверняка не изменилось за сто с лишним лет!».

Следующие десять дней Бёрк был по-настоящему болен. 1904-й год был действительно паршивым годом из-за вирусных инфекций, и Бёрку казалось, что ему придется испытать их на себе все подряд. Несмотря на крайнюю слабость, он сумел собрать

все хранившиеся в нем пластиковые пакеты и спрятать их в полой стойке спинки кровати. Больше он ничего не делал, только старался поскорее выздороветь и подолгу каждый день любовался прелестями мисс Хатчинс.

Наконец, 26-го июня он уже настолько оправился, что с аппетитом поел, а еще через два дня доктор Саундерс объявил, что может его выписать со спокойной душой.

Джон Аберкромби, шериф, снабдил Бёрка мешковатой одеждой из окружного фермерского фонда и, когда Бёрк попрощался с доктором Саундерсом и Кэрри, пригласил его к себе в здание суда для серьезного разговора.

Когда они уселись друг против друга в тесном кабинете, Аберкромби начал:

— Извини меня, Бёрк, если я был не очень вежлив. Док сказал мне, что, похоже, у тебя и в самом деле эта амнезия, или как ее там еще, так что я не стану больше на тебя нажимать. Но, может, я могу чем-нибудь помочь? У тебя должна быть где-то родня, может быть, жена, детишки? — Он полистал пачку циркуляров на столе, тихонько мурлыча про себя незатейливый мотив. — Тебя нигде не разыскивают, так что могу тебе сказать: можешь идти куда хочешь. Что ты намерен делать теперь?

— Не знаю, мистер Аберкромби, — ответил Бёрк. — Не знаю, что я должен делать. Наверное, работать, чтобы заплатить долг окружной больнице и за эту одежду.

Бёрк старался говорить с тягучим гнусавым акцентом сельского жителя.

— Ладно, это потом. Пока тебе не надо платить ни за что и никому. Расплатишься со временем. Но, если хочешь остаться в Сентр-Сити, здесь

полно работы. На Пальмер-стрит строят новую мельницу, если ты в этом что-нибудь слышишь, а кроме того, есть железная дорога, и еще нужны слесари-водопроводчики, если ты этому обучен. В магазинах всегда требуются дельные молодые люди, чтобы вести бухгалтерские книги и прочее. Эду Мартину, хозяину прокатной конюшни, тоже требуется человек. Он платит немного, но, может, подойдет тебе для начала?

— Да, это, пожалуй, по мне, — сказал Бёрк.

Он не хотел пока связываться ни с какой технической работой. Слишком легко себя выдать. Прокатная конюшня вполне подойдет. Даст возможность устроиться, укорениться. Доктор Эмерсон оказался прав. Сентр-Сити — идеальное место для начала операции. Здесь он мог освоиться с новой для него цивилизацией, чтобы не выделяться, не привлекать внимания, чтобы потом, в Чикаго, когда он начнет действовать в иных масштабах, риск был бы сведен до минимума.

— А я тем временем напишу в Чикаго, — продолжал шериф. — Может, там кто-нибудь вспомнит, что кто-то похожий на тебя исчез. Послушать тебя, так ты вовсе не из здешних.

— Премного благодарен, мистер Аберкромби, — прогнулся Бёрк. — Мне бы, ясное дело, хотелось узнать, откуда я и где моя родня, но пока узнаю, надо же человеку пить и есть, как скажете?

Бёрк был ужасно горд этой фразой.

Аберкромби повел Бёрка через сквер к прокатной конюшне, представил его Эду Мартину, и в течение следующих двух месяцев Бёрк учился обращаться с вилами и щетками, кормил и чистил лошадей, убирал навоз. По вечерам он сидел с остальными любителями поболтать — а к ним принадлежала большая часть мужского населения

Сентер-Сити, — либо на скамейке у здания городского суда, либо напротив аптеки, где рассказывали разные истории, говорили о политике и обсуждали цены на пшеницу. Бёрк больше помалкивал, но слушал внимательно, и это позволило ему получить практическое и подробное представление об американской жизни в 1904 году.

Эти месяцы были одними из лучших в жизни Бёрка. У него не было прошлого и почти никаких надежд на будущее, и тем не менее жители Сентер-Сити вскоре принимали его как одного из своих, с какой-то легкостью и благожелательством, характерными для того времени. Для завсегдатаев скамеек перед зданием суда он был просто «Джонни Бёрк», один из своих парней. По воскресеньям его начали приглашать на семейные обеды, а поскольку выглядел он молодо, был недурен собой, здоров и, видимо, неглуп, то особым вниманием он пользовался в домах, где были дочери на выданье. По вечерам и в конце недели, когда ему не нужно было никуда идти в гости, он пачками брал книги в городской библиотеке и заново открывал для себя наслаждение читать. Годами не мог он позволить себе такой роскоши.

Что же касается самого Сентер-Сити, то городок с каждым днем нравился ему все больше. Здесь еще было поле для поиска, здесь еще оставались перспективы. А главное — здесь была ни с чем не сравнимая возможность обрести свободу. В Сентер-Сити не было ни резко разграниченных обществ господ и рабов, с которыми Бёрк сталкивался в разные эпохи, ни общества, нуждавшегося в унизительно строгом контроле над личностью, как в его собственное время. Разумеется, и тут существовали зримые полюса власти, оставались несправедливость, бесстыдство, бесчестие. «Но мне-то

что до всего до этого? — пытался подшучивать над собой Бёрк в тишине ночей.— Это не мое время, не моя цивилизация!».

И все же вдруг спохватывался, что вот он неожиданно для самого себя со страстью спорит о золотом стандарте или, стоя с группой горожан у дверей вокзала, слушает сообщение о последних выборах, которые считывает со щелкающего аппарата станционный телеграфист. Бёрк понимал, что теряет перспективу и смысл своей миссии (правда, такое с ним случалось и прежде), но чувство единения с жителями Сентр-Сити было слишком велико. Подобно актеру, он смотрел со стороны, как роль начинает преобладать над его личностью.

А тут еще против своей воли Бёрк влюбился в Кэрри Хатчинс. Он понимал весь идиотизм положения: ведь скоро он уйдет отсюда, и навсегда. Сентиментальные связи были ему совсем ни к чему. К тому же — в буквальном смысле слова — по абсолютному возрасту Кэрри годилась ему в прабабки! Но дело тут было не только в самой Кэрри, не только в ее стройной, гибкой фигуре и удивительно красивом лице. Было в ней еще что-то особенное, что-то от традиций первых поселенцев Сентр-Сити и от женщин Сентр-Сити. Ее уверенность в себе, ровный взгляд и внутренняя сила — без наигрыша и жестокости — превратились для Бёрка в символы добродетелей ее эпохи. Но эти возвышенные мысли бесследно улетучивались, стоило Кэрри шутливо покусать его за мочку уха, — тогда она превращалась в символ пороков всех эпох. Бёрк влюбился и проклинал себя за это, но логика мало значит в царстве любви, и Бёрк сидел на ступеньке переднего крыльца дома Хатчин-

сов, вдыхая нежный аромат августовской ночи, смешанный с волнующим запахом волос Кэрри, которая сидела рядом, совсем близко, опустив голову ему на плечо. Горькая сладость этой невозможной, глупой любви затопляла сердце Бёрка.

— Джонатан, — сказала Кэрри, прижимаясь к нему. — Что-нибудь не так, да, Джонатан?

— Да, — сказал Бёрк.

— Это связано с твоим прошлым?

Бёрк подумал секунду, затем твердо ответил:

— Да, с моим прошлым.

— Неужели... неужели ты был женат?

— О нет, нет! Дело вовсе не в этом, Кэрри. Просто я должен скоро уйти.

— Хорошо, я не стану ни о чем спрашивать. И я буду тебя ждать. Буду ждать, сколько понадобится, — если ты тоже любишь меня.

Бёрк хотел ответить: «Не жди меня, милая Кэрри. Не жди! Я не вернусь к тебе. Я не могу». Он хотел ей сказать: «Найди себе хорошего парня, Кэрри. И забудь меня!». Но он не смог этого сказать, и все слова им заменил горячий поцелуй.

Усилием воли Бёрк заставил себя начать подготовку к отъезду из Сентер-Сити. Он решительно выбросил из головы все мысли о городе — и о девушке, — которых так безрассудно полюбил. За два месяца работы в прокатной конюшне он скопил почти восемнадцать долларов. Поздней августовской ночью — низко бегущие тучи закрывали луну — он дождался, когда часы на башенке городского суда пробьют двенадцать, и отправился за спрятанными пластиковыми пакетами. Сначала — в больницу. Здесь он проскользнул мимо ночной сестры и бесшумно прокрался в свою прежнюю палату на втором этаже. К счастью, палата была пуста, и он без помех извлек пакеты из полой стойки в

спинке кровати. Так же тихо выбрался из больницы, пересек темный сквер и выкопал из-под корней большого дерева остальные пакеты.

Возвратившись в свою каморку над конюшней, Бёрк тщательно уложил пакеты в дешевый фибронный чемодан вместе с немногочисленными пожитками, среди которых была опасная бритва — о господи, сколько пота и крови он пролил, пока научился ею пользоваться! — и нырнул в постель.

На следующее утро он принес свои извинения Эду Мартину, объяснив, что должен ненадолго съездить в Чикаго к специалисту. Может быть, он сумеет вернуть ему память? А если нет, может, чикагская полиция что-нибудь узнает о его прошлом?

— Я почему-то думаю, — сказал Бёрк с намеком на некую тайну, — я думаю, ответ надо искать в Чикаго. Это, конечно, так, только догадка, но я не успокоюсь, пока сам не узнаю.

Мартин сочувственно кивнул, так же выразил свое отношение и Аберкромби, когда Бёрк рассказал ему ту же историю. Оба проводили его к утреннему поезду, и Мартин сунул ему в руку двухдолларовую бумажку, когда они прощались.

Позднее, когда поезд дернулся и под стук колес покатил на север через ровные кукурузные поля штата Иллинойс, Бёрк тихонько устроился у окна, не обращая внимания на коммивояжеров, затеявших азартную игру в покер. Едкий угольный дым из паровозной трубы раздражал носоглотку, в глаза летела сажа.

«Ну, без этих прелестей я как-нибудь обойдусь! — думал он, стараясь утешиться после горького расставания с Сентер-Сити. — У нас все это устроено куда лучше! И никаких тебе больше дантистов!». У Бёрка недели три назад вдруг разбо-

лелся зуб, он отправился к местному дантисту, влекомый вывеской «Лечение зубов без боли», и до сих пор вспоминал об этом «лечении» с ужасом. Он пощупал языком дырку в нижней челюсти и не без самодовольства подумал о медицинских чудесах своего времени. Но боль в нижней челюсти, которую он испытал три недели назад, была ничто по сравнению с болью, которую он чувствовал сейчас в куда более романтичном органе — сердце.

Он заставил себя выкинуть из головы Сентер-Сити и Кэрри и сосредоточился на предстоящей работе.

Только через восемь часов поезд добрался до предместий Чикаго, и Бёрку пришлось поспешить, чтобы успеть до закрытия магазинов. Он быстро спустился по Кларк-стрит, отыскивая нужную лавку, увидел то, в чем нуждался, бросился через улицу и едва не попал под колеса громыхающего конного экипажа. Усатый полицейский сердито помахал своей дубинкой, подмигнул прохожему, остановившемуся перед табачной лавкой, и проворчал что-то насчет «деревенщины».

Бёрк увидел то, что ему было нужно — дешевую лупу, — купил ее и отправился в «Бревурт», где снял недорогой однокомнатный номер. Сунув коридорному монетку в десять центов, он тщательно запер за ним дверь, вынул из чемодана свои драгоценные пластиковые пакеты, рассовал их по карманам пиджака и вышел закусить. Поужинал грудинкой с пивом, задержался на некоторое время в холле гостиницы, просматривая коммерческие справочники и делая аккуратные выписки об основных деловых предприятиях города, а затем поднялся к себе. В номере он снова хорошенько запер дверь, опустил шторы и только после этого зажег газовый рожок. Жаль, что нельзя было снять более дорогой номер на нижнем этаже — там уже были установлены

ны электрические лампы. Он сел к жалкому письменному столику и вскрыл один из пластиковых пакетов, откуда аккуратно извлек пачечку микрофильмов величиной в три четверти дюйма по диагонали каждый. Это были микрофильмы газет «Чикаго трибюн» и нью-йоркской «Таймс» за последние две недели августа и за весь сентябрь 1904 года.

С помощью лупы Бёрк принялся разбирать крохотные буковки статей, делая одновременно многочисленные выписки. Чтобы приступить к основному заданию, ему нужны были деньги, много денег. Имея в своем распоряжении копии газет за шесть недель — копии будущих газет! — он мог раздобыть эти деньги. Наверняка.

Прежде всего Бёрк выписал результаты августовских скачек на чикагском ипподроме. Было уже 27 августа, и у него оставалось совсем мало времени, чтобы воспользоваться этими данными. Затем он переписал цены на зерно на сентябрь и еженедельные сводки нью-йоркской биржи. После этого отметил все важнейшие перемены в деловых кругах: объявления о земельных приобретениях, курсы акций, выпуск новых товаров, перемещения в деловом руководстве — короче, все главные грядущие сдвиги в экономике Чикаго и всей страны. С такими данными разведчик из будущего с достаточным первоначальным капиталом мог быстро заработать большие деньги. Наконец, когда глаза его налились кровью и уже почти ничего не различали, он спрятал микрофильм в пластиковый пакет и улегся спать, решив, что при первой же возможности купит себе маленький микроскоп.

На следующее утро он отправился на ипподром и, постоянно сверяясь со своими записями, к закрытию бегов превратил свой первоначальный капи-

тал, составлявший 6 долларов 50 центов, в 12 тысяч долларов. На большую сумму выигрыша он не решался из опасения привлечь к себе внимание букмекеров. В следующие три дня, последние перед закрытием сезона, он довел эту сумму до 50 тысяч, время от времени чередуя выигрыши с такими же крупными проигрышами, но лишь время от времени.

После закрытия сезона на ипподроме Бёрк купил несколько дорогих костюмов, набор новеньких чемоданов и переехал из «Бревурта» в «Пальмерхауз». Отсюда, из своего шикарного номера, он провел целую серию спекуляций, пользуясь посыльными «Вестерн юнион» для передачи биржевым маклерам многочисленных распоряжений о покупке или продаже: его интересовали главным образом земельная собственность, зерновой рынок и акции Уолл-стрита. Он покупал как раз перед повышением курса акции, как раз перед объявлением о выбросе новой продукции на рынок. И продавал за день до разрушительных пожаров или смерти какого-нибудь крупного магната. Когда его акции достигали наибольшей ценности, он их ликвидировал. К 1 октября он окончательно вышел из биржевой игры. К этому времени его счет в Зерновом тресте превышал 300 тысяч долларов, и еще около половины такой же суммы он вложил в обратимые муниципальные и правительственные ценные бумаги, хранившиеся в сейфах разных чикагских банков.

По мере возможности Бёрк действовал через посредников, и ему в достаточной степени удалось сохранить свое инкогнито. И все же его быстрое обогащение, его чудодейственное умение вовремя покупать и вовремя продавать с максимальной прибылью привлекли к нему внимание небольшой,

но могущественной группы, которая контролировала банки Чикаго. Однако Бёрк щедро раздавал взятки, и верные прислужники в «Пальмер-хаузе» ревностно оберегали его от любопытных и от всех тех, кто чуял большие деньги и мечтал к ним примазаться.

К концу сентября через агента, державшего его имя в тайне, Бёрк купил просторный современный дом, недавно построенный вблизи озера на Северном берегу. Он переехал туда из «Пальмер-хауза» и приступил к чрезвычайно сложному процессу накопления инструментов и аппаратуры, необходимых для его работы. С помощью молодого механика, нанятого скорее за его умение молчать, чем за технические таланты, Бёрк весь следующий месяц приобретал и устанавливал различные машины и станки, какие только удавалось найти. Ему посчастливилось купить довольно приличный токарный станок, поперечно-строгальный станок и вертикальный пресс — все это приводилось в движение с помощью переплетения приводных ремней и шкивов от огромного односильного двигателя высотой почти в три фута. Чикагское отделение «Эдисон компани» протянуло к дому на Северном берегу специальный силовой кабель. Это было сделано без всяких расспросов: Бёрку принадлежало свыше 10% новых акций молодой фирмы. С помощью механика Бёрк соорудил маленький волочильный станок, вакуумный насос и стеклянный колпак; он заполнил всевозможным оборудованием комнату в подвалном помещении, где поддерживалась постоянная температура, необходимая для выращивания весьма сложных кристаллов.

Своему помощнику Бёрк вручил длинный и не-понятный список вещей, которые требовалось приобрести. Здесь были экзотические минералы, и мед-

ная проволока — целые мили проволоки, и самый маленький волочильный станок для тончайшей проволоки; здесь были свинец, и кварц, и платина, которую специально для Бёрка прислал в Чикаго нью-йоркский ювелир. Здесь были мешки с цементом, и листовая медь, и специальный заказ на силикагель, изготовленный, по указаниям Бёрка, одной фармацевтической фирмой в Филадельфии. Здесь был неотшлифованный рубин в десять каратов и белая жесть, заказанная фирме по производству консервов. Некоторые вещи, казалось бы, невозможно было найти в продаже, но с помощью посредника, беззастенчивого, но дружелюбного «жучка», с которым Бёрк познакомился в первые дни своего пребывания в Чикаго на ипподроме, немало редчайших образцов было выкрадено из геологической коллекции Чикагского университета.

К концу ноября Бёрк был готов приступить к следующей фазе. Он уволил механика с весьма приличным вознаграждением и принял все меры для охраны дома, установив повсюду самые надежные и сложные замки. Кроме того, он нанял нескольких свободных от дежурства полицейских для круглосуточного наблюдения. Все это, как он надеялся, будет приписано чудачествам эксцентричного богача. И не ошибся. До тех пор пока он щедро платил, никто не пытался удовлетворить свое любопытство за счет собственного кошелька.

Приняв все возможные меры предосторожности, Бёрк приступил к изготовлению приборов, которые должны были помочь ему достичь конечной цели — бесшумно, быстро и без излишнего риска. Прежде всего — энергия: Бёрк изготовил элементы питания из лучших доступных ему материалов. Он бы предпочел источники питания своей эпохи, в

частности легкие цезий-фторовые элементы, которые станут стандартными столетие спустя. Но цезий невозможно было найти, как и радиоактивные элементы, которые также были для этого необходимы. Но он обошелся. Обрабатывать исингласс было чрезвычайно трудно, однако его диэлектрические свойства оказались превосходными; очень трудно было уменьшить вес катушки из-за примитивного волочильного станка, на котором Бёрк вытягивал проволоку для обмотки, а построенное им зарядное устройство — к счастью, его не надо было делать переносным — всякий раз вызывало у него искренний смех.

Далее: электрическая схема. Основные полупроводники находились в драгоценных пластиковых пакетиках, которые Бёрк перенес с собой, остальные он выращивал, медленно и терпеливо, в контролируемой атмосфере подвального помещения. Он довел платиновые и медные проволочки до необходимого стандарта в своей мастерской, где допотопные приводные ремни, создававшие постоянный шум, странно контрастировали со сложнейшими, хотя и слишком грубыми, по мнению Бёрка, схемами, обретавшими форму на лабораторном столе.

Больше всего времени отняли антигравитационные «нарты». Они не требовали большой подъемной силы, но их собственная масса — закаленная латунь и высокоуглеродистая сталь вместо титана и алюминия — была слишком велика. Бёрку пришлось тщательно срезать и скруглить все углы, чтобы увеличить подъемный потенциал.

Не меньшего терпения потребовал от него и «Инструмент» — универсальное орудие, стандартное для всех мастерских и лабораторий эпохи Бёрка. Он должен был быть небольшим и портатив-

ным, иначе какой от него толк? Однако, несмотря на все усилия, Бёрку удалось соорудить только нечто похожее на среднего размера супницу вместо привычного прибора, который умещался на ладони. По сути дела, это была серебряная сфера ручной работы, сделанная по его заказу чикагским ювелиром: тонкое серебро весило немногим больше традиционных более доступных материалов, зато серебряную сферу изготавлили специалисты, что избавило Бёрка от лишней работы.

Но, даже несмотря на значительно увеличенные размеры и вес, «Инструмент» работал гораздо хуже, чем надеялся Бёрк. Двигатель оказался слабым, и отдачу было трудно регулировать. Лазер давал слишком широкий, недостаточно концентрированный луч, и, когда он попробовал его в подвале дома на Северном берегу, вырезая прямоугольник 2 на 4 дюйма, луч оставил чересчур широкую щель, почти в одну восьмую дюйма, с явными следами обугливания по краям. Что ж, придется этим заняться.

Наконец, дошла очередь до сооружения бункера. С помощью «Инструмента» Бёрк вырезал в кирпичной стене подвала нужное отверстие. Шов был почти не заметен, отверстие находилось глубоко под землей, но грунт из-за стены приходилось выбирать и выносить из подвала по ступенькам, мешок за мешком, рассыпать по ночам в саду и разравнивать, чтобы не оставалось следов. После сидячей жизни, которую он вел, будучи финансистом, Бёрку пришлось нелегко, и, когда в конце концов бункер был вырыт, зацементирован, облицован изнутри листовой медью и окончательно готов, он испытал истинное облегчение.

Приближалась середина января. Приготовления отняли у Бёрка больше времени, чем он рассчиты-

вал. Последние пять месяцев, с тех пор как он покинул Сентер-Сити, не оставляли ему ни одной свободной минуты, и все же он не мог выкинуть из памяти этот безмятежный городок, а главное — Кэрри. Днем, за работой в мастерской, ему удавалось забыться, но каждую ночь, когда он, измученный, валился в постель, знакомые лица всплывали перед ним, и с ними приходила тоска. По утрам ему часто приходилось бороться с невыносимым соблазном бросить все, вскочить в иллинойский экспресс и хоть на денек съездить в Сентер-Сити. Но у него оставалось все меньше времени на подготовку, а он был человеком долга — впрочем, как и все разведчики времени. Бёрк отгонял соблазн и с еще большим рвением набрасывался на работу.

Он должен был готовиться к 22 января 1905 года. В ту ночь северному крылу Чикагской картинной галереи Пайера суждено было сгореть дотла. Вместе с северным крылом были обречены на гибель картины Рубенса, Делакруа, несколько рисунков Микеланджело, первое издание Шекспира и привезенная на время выставка художников итальянского Возрождения. Единственное развлечение, которое позволил себе Бёрк в Чикаго, были еженедельные экскурсии в Галерею. Он знал точное расположение каждого ценного произведения искусства из своего списка и вычертил подробные планы северного крыла, которому предстояло вскоре погибнуть в пламени пожара. Его задача заключалась в том, чтобы спасти эти произведения и перенести их в безопасный бункер под домом на Северном берегу, где они будут найдены в целости и сохранности сто восемь лет спустя.

Это были бесценные экспонаты. Такие произведения извлекали из прошлого специалисты вроде Бёрка, чтобы обогатить жизнь людей следующего

столетия. Но извлекали очень осторожно. Разведчики времени не смели делать ничего, что могло бы хоть как-то изменить прошлое. Малейший промах был чреват скандалом, смятением, грозил привлечь внимание публики, но мало того — самое ничтожное изменение хода истории грозило разрушить их собственный мир будущего.

Осторожное вмешательство в прошлое — где-то политическое убийство, где-то финансовая операция — возможно, и избавило бы мир от грядущих катастроф, направило бы настоящее, настоящее Бёрка, по другому витку времени. Возможно, что и так. Но, возможно, катастрофа была бы еще страшнее. А что, если бы под угрозой оказалась вся жизнь на Земле? Кто мог отважиться на такой риск? Кто имел право принимать подобные решения? Ставка была слишком высока, риск просчитаться — слишком велик. Отсюда — строжайший контроль над всеми операциями во времени. Отсюда — непоколебимая честность и принципиальность разведчиков времени, таких, как Бёрк.

И отсюда же — необходимость величайшей осторожности и полной секретности временных спасательных экспедиций. Разрешалось спасать только те предметы, которые должны были погибнуть в силу естественных причин или как следствие нормальных исторических событий, причем спасению они подлежали только непосредственно перед их неминуемым уничтожением. Они не могли просто «исчезнуть»!

В 1913 году, когда галерея Превана отправила на борту «Титаника» ряд ценных полотен в адрес американского посредника, это была работа, о которой разведчик времени мог только мечтать. Полотна были упакованы для отправки и стояли в мастерской галереи Превана. Один из коллег

Бёрка опустошил ящики за два часа до их погрузки на «Титаник», и, когда после гибели судна любители искусства оплакивали потерю этих шедевров, они на самом-то деле оплакивали потерю двенадцати ящиков со старыми газетами и всячими деревяшками.

Спасательная работа в чикагской галерее Пайера отнюдь не была таким подарком. Тысячи людей посетили галерею в день пожара — это было воскресенье, — а пожар начался всего через час после закрытия. Кроме того, по сообщениям газет того времени, галерею особенно тщательно охраняли из-за итальянской выставки, охранники совершили обход всех, без исключения, залов каждые полчаса. Сложность заключалась в том, что тысячи посетителей видели картины за час до их гибели и по крайней мере один охранник видел их в последние полчаса до пожара. Это означало, что в распоряжении Бёрка было менее тридцати минут, чтобы тайком проникнуть в здание, собрать полотна весом около трехсот фунтов и выбраться с ними из здания, пока его не обнаружили или пока его не настигло пламя, которое, как писали газеты «сожрало вновь пристроенное крыло за какие-то несколько минут».

Оставшиеся три дня Бёрк посвятил дополнительным походам в галерею; он вновь и вновь отмечал на схемах расположение картин, высоту окон и пути отхода.

Он обзавелся черным свитером с капюшоном и черной шапкой и выкрасил антигравитационные «нарты» и «Инструмент» в тускло-черный цвет. Для этого он воспользовался разведенной печной сажей, которая как нельзя лучше подходила для его целей.

Он проконсультировался со своим адвокатом и

составил подробное завещание, как именно следовало распорядиться его собственностью на Северном берегу в случае его смерти.

«...Названное владение должно быть передано в собственность Чикагского департамента досуга для использования в качестве клуба для гражданских организаций, а когда названная собственность, по признанию компетентных властей, станет непригодной для этих целей из-за одряхления или разрушений, вызванных временем или иными причинами, здание должно быть сравнено с землей и вся собственность должна быть навечно использована под спортивные площадки или парк для общественного отдыха со строжайшим запретом строить на этом месте какие-либо здания или сооружения».

Богатый чудак, скажут опять, но Бёрк не хотел чтобы кто-нибудь вздумал рыть котлован под фундамент вблизи бункера. Он не мог рисковать.

21 января, едва наступил вечер и достаточно стемнело, Бёрк отбуксировал антигравитационные «нарты» в сад, облачился в черное одеяние, взял «Инструмент», сел на платформу и мгновенно поднялся на высоту пятьсот футов. Он летел вдоль береговой линии, пока не обнаружил пирс картинной галереи, выступавший в замерзшие воды озера; городские огни выделяли его черным силуэтом. С озера дул холодный ветер, в воздухе мелькали снежинки.

Он опустился до двадцати футов и остановил «нарты» на уровне третьего этажа погруженного во мрак северного крыла. Было четверть седьмого; музей закрыли пятнадцать минут назад.

Бёрк поставил нарты на гравитационный

«якорь» в нескольких дюймах от серой каменной стены галереи. Держа «Инструмент» обеими руками и проклиная его нелепые размеры и вес, он вырезал в окне, выходящем на озеро, сквозь раму стекло и шпингалеты и открыл окно наружу. Он надеялся, что бдительная стража не учуяет запах горелого дерева. Затем встал с парты на карниз подоконника, нырнул сквозь окно и бесшумно сполз на животе на пол позади большой орнаментальной скульптуры «Три грации». Ни одного охранника поблизости. Он посмотрел на часы: 18.22. Согласно наиболее достоверным отчетам газет, огонь вспыхнул около 18.45.

Бёрк пробежал вдоль анфилады третьего этажа и спрятал «Инструмент» под стеклянной витриной с фолиантом первого издания Шекспира. На Бёрке не было ботинок, только толстые шерстяные носки, они заглушали шаги, но были довольно скользкими. Охранника он обнаружил на лестнице, ведущей на второй этаж, где висела картина Рубенса, до того, как тот успел его заметить, и спрятался за грубой гипсовой копией «Лаокоона», к счастью воспроизведенной в натуральную величину. Охранник прошел мимо, тихонько насвистывая какой-то мотивчик; глаза его остекленели от скуки.

Бёрк выскользнул из своего убежища, бесшумно сбежал по лестнице на второй этаж, а потом по анфиладе в зал Рубенса. Он приподнял раму, чтобы снять ее с крючков, и опустил тяжелую картину на пол. Перевернув ее, быстро вынул внутреннюю раму и сунул кончик опасной бритвы — той самой, которой пользовался почти каждый день со времени своего появления в Сентр-Сити, — между внутренней рамой и полотном. Несколько быстрых движений бритвой по периметру — и полотно вырезано. Он торопливо повесил раму на место и разбил

маленькую стеклянную капсулу о стену. Внутри рамы темная многоцветная жидкость растеклась в белизне проема. «Если кто-нибудь приглядится, это никого не обманет, — подумал Бёрк. — Но станет ли охранник приглядываться?». Он скатал полотно похищенного Рубенса и отступил, чтобы полюбоваться своей работой.

Затем быстро шмыгнул под лестницу, в каморку уборщицы, — переждать, пока охранник снова спустится с третьего этажа и направится в южное крыло галереи. Бёрк снова взглянул на свои часы. 18.29. «Слишком долго, — подумал он. — Наверху придется работать быстрее».

По лестнице он взбежал бесшумными прыжками и бросился к стеклянной витрине с фолиантом Шекспира, вытащил «Инструмент» и быстрым круговым движением прорезал овальное отверстие в боковой стенке. Удерживая вырезанное стекло силовыми захватами, он вдруг заметил, что глубинная регулировка лазера выключена и луч прорезал витрину нас kvозь. Бёрку едва удалось прижать рукой стеклянный овал с другой стороны витрины, прежде чем тот свалился на пол. Бёрк сунул оба стеклянных овала в витрину, на секунду задержался, отирая пот, заливавший глаза, затем схватил фолиант с его бархатного ложа и бегом бросился через холл к рисункам Микеланджело и итальянской коллекции.

Перед рисунками он задержался, принюхиваясь. Сомнений быть не могло: пожар начался. И огонь приближался. Бёрк различил запах жженой резины и гудрона. «Горит изоляция», — мелькнуло у него в голове. Он на собственном опыте не раз убеждался в отвратительном качестве примитивных электропроводов 1904 года. Нужные ему рисунки были заключены в отдельные рамки. Он собрал их

все вместе с рамками и бросился к окну, где его ждали «нарты».

Затем побежал обратно к итальянской коллекции. Он не рискнул взять картины вместе с рамами и вынужден был прибегнуть к тому же способу извлечения полотен, как с Рубенсом. В холл стал просачиваться дым. В любую минуту пламя могло охватить стену. Работая с лихорадочной быстротой, Бёрк ухитрился извлечь из рам и скатать в свитки все шесть итальянских полотен и перенести их к растущей куче сокровищ под окном. Возвращаясь за картиной Делакруа, он разбил по капсуле с краской в центре каждой опустевшей позолоченной рамы.

При виде огромного полотна Делакруа Бёрк на мгновенье возненавидел художников героической школы, но потом вспомнил тяжеленный гобелен, который ему удалось спасти в одной из предыдущих миссий, и мысленно рассмеялся. Он снял тяжелую раму со стены, быстро вырезал бритвой полотно и разбил на стене последние две капсулы с красителями; на Делакруа пришлось потратить две. В ту же минуту до него донеслись крики и топот бегущих ног. Он метнулся обратно к открытому окну и спрятался, пригнувшись за грудой похищенных сокровищ. Дым в анфиладе становился все гуще, и ему едва удалось различить две человеческие фигуры на фоне ярко освещенной лестницы в другом конце коридора. Они на что-то показывали, размахивая руками, и громко кричали, но Бёрк не разобрал, что именно. Потом они побежали в его сторону. Внезапно огонь взревел, и языки пламени взметнулись по стенам вдоль всей анфилады. Двое охранников в смятении отступили, повернулись и бросились назад к лестнице, призывая на помощь.

Бёрк не стал терять времени. Он распахнул окно, на сей раз не заботясь о шуме, и начал сгребать спасенные сокровища в ожидающие «нарты». По мере того как груда картин росла, «нарты» немного оседали, но затем снова принимали прежнее положение; их низкое, едва слышное гудение становилось все громче. Когда все было погружено, Бёрк перевесился через подоконник в антигравитационный экипаж, притворил за собой окно и поплыл над темным озером прочь от галереи. Позади него слышались отчаянные крики; языки пламени уже пробивались наружу из окон анфилады, которую он только что покинул.

Бёрк пытался набрать наибольшую высоту, но перегруженные «нарты» не поднимались больше чем на сотню футов. Он летел через озеро в северном направлении, пока не различил слева от себя портовые склады, и тогда, полагаясь скорее на запахи, чем на видимые приметы, он срезал угол, обогнув фабричные трубы, и направился прямо к своему дому на Северном берегу. Спустя десять минут, никем не замеченный, он приземлился в саду, поднял «нарты» на фут над землей и ввел их за собой в подвал. На его часах было 19.12. Вся операция заняла немногим более часа.

Когда драгоценный груз наконец оказался в подземелье, Бёрк расслабился на несколько минут, выпил пива, выкурил сигарету. Ему будет явно не хватать пива, которое производили в Чикаго в 1905 году. Он подумал, почему это в его время уже никто не умеет варить такое пиво? Отдохнув, он вернулся в подвал, перенес все сокровища в бункер и замуровал вход в него, после чего заложил под антигравитационные нарты с «Инструментом» термитные гранаты, чтобы утром уничтожить и то и другое без следа.

Ему удалось спать несколько часов. Еще до рассвета он поставил часовой механизм взрывателя на восемь утра и вышел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, которая была на нем. Когда в назначенный час гранаты взорвутся, «нарты», «Инструмент», весь дом эксцентричного богача Джонатана Бёрка — а если повезет и медицинский эксперт окажется невнимательным, то и сам Джонатан Бёрк — исчезнут из Чикаго навсегда. Останутся только произведения искусства.

Он без труда проскользнул мимо сонного полицейского у ворот дома. Дошел до вокзала, там завтракал и сел в поезд, который перевозил молоко и направлялся в Кэнкейки. К месту назначения он прибыл в полдень, несколько часов кружил по городу, затем сел на четырехчасовой мемфисский экспресс. Этот поезд не останавливался в Сентр-Сити, но проходил через него, и, едва стемнело, Бёрк заперся в туалете, где провел три тоскливых часа, снова и снова перечитывая табличку: «Пассажиры, Пожалуйста, Не Спускайте Воду Из Туалетов Во Время Остановок» и не обращая внимания на сердитый стук других пассажиров. Едва поезд отошел от Сентр-Сити, он на секунду вышел из своего добровольного заточения и дернулся в коридоре шнур экстренного торможения. Поезд с лязгом остановился, и, пока длилась сумятица, пока кондуктор и тормозной допытывались, кто это сделал и зачем, Бёрк незаметно вышел из вагона и скрылся в кустах у железнодорожного полотна.

Прошло еще два часа, и лишь примерно к девяти вечера он, никем не замеченный, вошел в город. И тут, вместо того чтобы сразу пробраться в сквер у здания городского суда и не мешкая прорыть ход до люка в капсулу, он убедил себя, что еще слишком рано, и не торопясь направился по заснежен-

ным пустынным улицам к дому Кэрри. Он заглянул в окно, надеясь, хоть краешком глаза, взглянуть на нее, но увидел только ее отца, который сидел в гостиной у очага и читал вечерний выпуск «Таймс». Бёрк обогнул дом Хатчинсов с задней стороны по узкой аллее, отделявшей его от домов на соседней улице. Он чуть не свернулся на мусорные ящики и в кухонное окно, как вдруг услышал позади себя голос:

— Кто здесь? Что вам нужно?

Это была Кэрри, которая выходила, чтобы покормить цыплят, и на минуту остановилась подышать чистым воздухом январской ночи.

Бёрк ни о чем не успел подумать.

— Это я, Джонатан, — сказал он.

Кэрри разрыдалась от радости.

— О Джонатан! Я думала, ты никогда не вернешься...

— Я вернулся, милая, и я так тебя люблю! Я вернулся, Кэрри...

И тут, к своему несказанному изумлению, он вдруг принял решение и с не меньшим изумлением услышал свои слова:

— Я вернулся и я остаюсь здесь. Сентр-Сити — мой город, и ты тоже — моя.

Она спрятала лицо у него на плече, одновременно смеясь и всхлипывая. Потом прошептала, сияя от счастья:

— Пойдем в дом, Джонатан. Мама и отец будут так тебе рады!

Он чуть отстранил ее.

— Кэрри, я не могу объяснить, но сейчас не могу прийти к вам. Мне еще нужно кое-что закончить.

Кэрри взглянула на него, ее серые глаза были серьезны.

— Хорошо, Джонатан, если сейчас ты не можешь, значит, есть причина. Но когда тебя ждать?

— Скоро, Кэрри, очень скоро. Завтра. Не знаю точно когда, но завтра. И тогда ты простишь и забудешь все эти мои... странности.

По дороге к скверу Бёрку никто не встретился. Он дошел до места, где под землей лежала капсула времени, и принялся раскапывать замерзшую землю карманным складным ножом. На это ушло около часа, но в конце концов ему удалось добиться до люка и очистить его. Он надавил люк внутрь, разделяя догола и, дрожа от холода, пролез в отверстие, в грязь и мелкий гравий, которые насыпались в аппарат еще тогда, в июне. Задраив люк, он откинул защитную заслонку с приборов и внимательно прочел их показания. Затем опустил тумблер, услышал три знакомых сигнала — бип-бип-бип — и задержал дыхание, борясь с тошнотой временного перехода. Но вот полуобморочное состояние прошло, он снова потянул люк на себя и увидел над собой улыбающееся лицо юной ассистентки доктора Эмерсона.

— Вы как-то изменились, мистер Бёрк, — сказала она, — Похоже, вас угостили этой смесью, сера с мелассой?

Только сейчас Бёрк сообразил, что у него длинные бакенбарды и густые усы. Он ухмыльнулся ей в ответ.

— Нет, этого я не попробовал. Сколько прошло абсолютного времени?

— 20 минут 46 секунд, — сказала она, сверившись со своим хронометром. — А сколько прошло субъективно?

Бёрк посмотрел на счетчик времени в капсуле.

— 246 дней, 21 час, 23 минуты и 10 секунд. Девушка отметила цифры в своем журнале.

Бёрк выбрался из капсулы и поднялся по лестнице в лабораторию. Кто-то подал ему его комбинезон, и он рассеянно застегнул молнии. У стола в углу лаборатории сидел доктор Эмерсон и выписывал столбцы цифр на листе бумаги.

Эмерсон поднял глаза на Бёрка, уловил выражение его лица и снова внимательно посмотрел на него, словно оценивая, пытаясь понять.

Бёрк неуверенно усмехнулся, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Эмерсон, — сказал он. — Что-то случилось в этот раз. Сентр-Сити — удивительный городок. И еще там есть девушка...

Он умолк, впервые в жизни не зная, что еще сказать.

Эмерсон поднял руку. На его лице появилась кисло-сладкая улыбка.

— Знаю, — сказал он понимающе. — Вы избрали третий вариант.

Для Эмерсона прошло всего каких-то двадцать с небольшим минут, а для Бёрка — более семи месяцев с момента их последнего разговора, и не удивительно, что он не помнил, о чем шла речь. Он изумленно переспросил.

— Третий вариант?

— Да, милый мой. Перед своим уходом вы колебались, что выбрать — разведку во времени или должность помощника директора Галереи. Трудный был выбор. Но вам повезло, вы нашли третий вариант. Вы ведь хотите вернуться в 1905-й год и к этой девушке, так?

— Да, вы правы. Но дело не только в этой девушке.

— Знаю. Я этими делами занимаюсь давно, еще

с тех дней, когда мы спасали сокровища Лувра. Я знаю. — Эмерсон помедлил, на миг погрузившись в прошлое. — Вы, думаете, вы первый? Надеюсь, вы меня понимаете?

Лицо его посупровело.

— Но имейте в виду, на этот раз у вас при себе не будет никаких пластиковых пакетов. И никакой помощи от нас. Более того: если следящий индикатор обнаружит внезапное крупное обогащение, политический переворот или появление каких-либо непредусмотренных изобретений, мы придем за вами.

— Понятно.

— Хорошо. Вы спасли, что от вас требовалось?

— Конечно. Все лежит в бункере под моим бывшим домом на Северном берегу. Все ценности до единой.

— Ну, а теперь вопрос для протокола. Вам удалось установить причину пожара?

— Плохая изоляция проводов. Я почувствовал запах горелой резины, когда собирая картины.

— Ну, ладно, — сказал Эмерсон. — Давайте точные координаты бункера. Мы не можем тратить фонды Галереи на раскопки всего Чикаго.

Бёрк карандашом обвел точное место на карте.

— Хорошо, — сказал Эмерсон. Он взглянул на ассистентку, все еще стоявшую у колодца с капсулой времени. — У вас там есть обратный отправитель?

Девушка с любопытством взглянула на Бёрка.

— Да, разумеется. Мы их всегда ставим.

— Хорошо. Поставьте время: тридцать минут. — Он повернулся к Бёрку. — Хватит вам этого, чтобы выбраться незаметно?

— Более чем достаточно. Земля мерзлая. И, помоему, я оставил целую нору.

Эмерсон рассмеялся.

— Ха-ха! Был бы удивлен, если бы не оставили!
Даже если бы не были влюблены!

Он вынул из папки пачку бумаг, выбрал несколько листов и протянул их Бёрку.

— Вот. Здесь — официальная просьба об отставке. Мы перешлем ее в дирекцию Галереи, и они там уладят все ваши дела. Вы должны подтвердить, что у вас нет никаких долгов и что вы не привлекались к суду за какие-либо проступки. Есть у вас таковые?

— Нет, ничего похожего, — сказал Бёрк, подписывая документы.

— Хорошо. И помните — никаких выкрутас, иначе мы явимся за вами.

Бёрк уже расстегивал молнии своего комбинезона.

— Спасибо. Я буду помнить.

Когда он спускался по лесенке к капсуле времени, Эмерсон сверху окликнул его:

— Счастливо, Джонни! И самые лучшие вам пожелания. Назовите своего первенца моим именем!

Бёрк так и сделал.

Джанни Родари

Професор Грозали, или Смерть Юлия Цезаря*

Сегодня профессор Грозали был ростом куда выше обычного. Так с ним бывает всегда в дни опроса студентов. А они наметанным глазом определяют его рост — увы, он вырос не меньше чем на четверть метра. И теперь за манжетами коричневых брюк обнажилась под синими носками широкая полоска кожи.

— Пропали, — вздыхают студенты. — Уж лучше было прогулять и поиграть в кегли.

Профессор Грозали перелистал классный журнал и сказал:

— Я вас собрал, чтобы узнать истину, и, пока не узнаю, никого из вас не выпущу отсюда ни живым, ни мертвым. Ясно? Итак, к доске пойдет... Посмотрим список обвиняемых: Альбани, Альбетти, Альбани, Альбони, Альбуччи. Отлично... пойдет Цурлетти.

Студент Цурлетти, замыкающий алфавитный список, обеими руками впился в парту, пытаясь отдалить роковую минуту. Он крепко зажмурился, чтобы хоть на миг вообразить себя туристом, который на острове Эльба занимается подводной рыбной ловлей. Затем все-таки поднялся, столь же медленно, как поднимаются в шлюзах Панамского ка-

* Пер. изд.: Rodari G. Il professore Terribilis, o la morte di Giulio Césare. "Paese sera", № 25, 1972.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

нала океанские лайнеры, и поплелся к доске, спотыкаясь на каждом шагу.

Профессор Грозали пронзил его трепещущее тело огненным взглядом и разящими как меч словами.

— Дорогой Цурлетти, вам же будет лучше, если признаетесь во всем. И чем скорее признаетесь, тем быстрее я вас отпущу на свободу. Кстати, вы ведь знаете, что я располагаю множеством возможностей заставить вас заговорить. Поэтому отвечайте, и притом быстро и откровенно: когда, как, кем, где и почему был убит Юлий Цезарь. Уточните, как был одет в тот день Брут, какой длины была борода у Кассия и где находился в тот момент Марк Антоний. Укажите также, какой размер обуви носила жена Цезаря и сколько она истратила в то утро на рынке, покупая буйволиный сыр.

Студент Цурлетти закачался под градом вопросов. Уши его дрожали... Казалось, профессор Грозали срезает их кусок за куском своими острыми как нож вопросами.

— Признавайтесь! — громит он беднягу громовым голосом, став выше еще на пять сантиметров (теперь над носками обнажилась вся икра).

— Прошу вызвать моего адвоката, — шепчет Цурлетти.

— Не выйдет, друг мой! Мы здесь не в квестуре и не в суде. У вас такие же права на адвоката, как на бесплатный билет на Азорские острова. Вы должны чистосердечно признаться во всем. Какая погода была в день убийства?

— Не помню.

— Разумеется! И вы, конечно, не помните даже, присутствовал ли при совершении преступления Цицерон, а если присутствовал, то вспомните, был ли у него при себе зонтик или же слухо-

вой аппарат, прибыл ли он на место в такси или в карете?

— Ничего я не знаю.

Цурлетти немного приходит в себя. Он чувствует, что класс на его стороне и одобряет его сопротивление профессору-инквизитору. Внезапно Цурлетти вскидывает голову и заявляет:

— Я отказываюсь отвечать.

Класс разражается аплодисментами.

— Молчать, или я заставлю вас очистить помещение!

Увы, Цурлетти исчерпал последние силы, тело его обмякло, голова беспомощно упала вниз. Профессор Грозали громко зовет сторожа, тот прибегает с ведром воды и выливает ее на голову бедняги Цурлетти. Несчастный открывает глаза и принимается жадно слизывать языком капли воды с лица. О боже, вода соленая! Муки Цурлетти от нее лишь возросли...

Теперь профессор Грозали вырос настолько, что ударяется головой о потолок. На лбу у него алеет шишка.

— Признавайся, прохвост! — переходит он на «ты». — Знай же, я взял в заложники твою семью!

— Нет, только не это, только не это! — умоляет Цурлетти.

— А я взял! Сторож! — громко зовет Грозали.

Снова появляется сторож, он приближается к кафедре, подталкивая вперед отца бедняги Цурлетти, тридцативосьмилетнего почтового служащего. Тот идет, низко опустив голову. И обращается к сыну еле слышным голосом:

— Ответь, дорогой Альдуччо! Ради твоего отца, ради несчастной матери, слепнущей от слез, твоих сестер, упрятанных в монастырь.

— Хватит! — рявкает профессор Грозали. — Можете идти.

Цурлетти-отец уходит, старея прямо на глазах. Клочья седых волос бесшумно падают с его головы на плитки пола.

Цурлетти-сын судорожно всхлипывает. Но вдруг из-за парты поднимается благородный студент Цурлинни, известный своей добротой, и твердо объявляет:

— Профессор, я все расскажу!

— Наконец-то! — ликует профессор Грозали. — Признавайся, признавайся!

Студенты холдеют от ужаса — неужели они взрастили шпиона и доносчика! Они не знают, на какой подвиг из чувства солидарности способен Цурлинни...

— Юлий Цезарь пал, сраженный двадцатью четырьмя кинжалными ударами, — говорит он притворяясь, будто краснеет от стыда.

Профессор Грозали настолько изумлен, что даже не может с ходу отреагировать на это заявление. Он сразу уменьшился в росте.

— Как? — шепчет он. — Разве их было не двадцать три?

— Двадцать четыре, синьор профессор! — твердо повторяет Цурлинни.

Многие в классе поняли его хитроумный маневр и дружно поддерживают товарища.

— Двадцать четыре, точно двадцать четыре, ваша честь!

— Но у меня есть доказательства, — не сдается профессор Грозали. — У меня хранится стихотворение нашего великого поэта и прорицателя. В нем он описывает чувства, охватившие статую Помпея в тот миг, когда Цезарь под ударами заговорщи-

ков упал к его ногам. Вот протокольно зафиксированный текст стихотворения.

Помпей в холодном мраморе
Молчание хранил,
Но радость он безмерную
В душе своей копил.
Дрожи, Гай Юлий Цезарь,
Близок твой конец.
Был ты император —
Станешь, друг, мертвец!
Когда же Юлий Цезарь
К ногам его упал,
Он раны до единой мгновенно сосчитал.
И, как ни проверяй тут, сколько ни смотри,
Их было, уж поверьте, ровно двадцать три.

— Слышали, господа, двадцать три! — воспрянув духом, говорит профессор Грозали. — И не вздумайте затемнять истину вашими запоздалыми признаниями.

Но вся аудитория хором кричит в ответ:
— Двадцать четыре, двадцать четыре!

Настал черед профессора Грозали испытать муки сомнений. Он сразу стал ростом ниже даже коротышки преподавательницы математики и с каждой минутой продолжал катастрофически уменьшаться и терять в весе. Вскоре он сравнялся с кафедрой. Чтобы ни на миг не упускать из виду класс, ему пришлось встать на стул и к тому же то и дело подпрыгивать. Его страдания растрогали студента Альберти, у которого было поистине золотое сердце. За безмерную доброту друзья единодушно решили наградить его в канун рождества.

— Профессор, — говорит Альберти, — достоверность свидетельских показаний статуи Помпеля легко проверить. Для этого достаточно всем классом совершить путешествие в Древний Рим, присутствовать при убийстве Юлия Цезаря и самим убе-

диться, сколько ему было нанесено ран.

Профессор Грозали ухватился за эту идею как за якорь спасения.

Сказано — сделано. Они связались с агентством «Хроно-тур», весь класс сел в машину времени, и пилот настроил свои приборы на сорок четвертый год до нашей эры, дни мартовских ид. За считанные минуты машина времени одолела множество веков, которые, к счастью, в отличие от воды и воздуха почти не обладают силой трения... И вот уже студенты и профессор Грозали очутились в толпе, ждущей появления сенаторов.

— Юлий Цезарь уже прошел? — обратился профессор к какому-то древнему римлянину.

Тот ничего не понял и поинтересовался у соседа:

— Что это за болваны?

Тут профессор Грозали вспомнил, что в Древнем Риме говорили на латыни, и повторил свой вопрос на этом благородном языке. Но римляне снова не поняли ни слова.

— Откуда появились эти варвары? — с ухмылкой спросил один из них. — Ну и невежды, болваны, да и только! Приехали в Рим, а римский диалект выучить не удосужились.

Увы, школьная латынь в разговоре с древними римлянами пригодна ничуть не больше миланского диалекта или, скажем, языка исландцев. Студенты ехидно усмехаются. Но не все. Цурлини нервничает. Чтобы спасти Цурлетти, он солгал. Но если выяснится, что кинжалных ударов было все-таки двадцать три, он окажется не просто лжецом, но и саботажником. А это грозит ему временным, по меньшей мере на пятнадцать лет и три месяца, отстранением от занятий. Что же делать? Между тем профессор Грозали уже вынул чистый лист, нари-

совал на нем двадцать четыре кружка и приготовил карандаши — после каждого удара кинжалом он будет зачеркивать один из кружков... Студент Мамбretti, неутомимый шутник, надул двадцать четыре воздушных шарика — после каждого удара он намерен сжать шар, тот лопнет и тогда он запишет на магнитофон хлопок... Вечные зубрилы привезли с собой японский микроарифмометр. Студент Брагулья навел кинокамеру с телеобъективом на площадь, чтобы заснять сцену убийства.

«Черт побери, плохи мои дела», — думает Цурлини.

В этот момент на площадь вступает караван американских туристов, громко чавкая жевательной резинкой. Чавканье это заглушает даже звуки труб императорской гвардии, возвещающих о скором прибытии самого Юлия Цезаря.

На место действия примчались операторы итальянского телевидения, намеревающиеся снять документальный фильм — рекламу кухонных ножей. Режиссер тут же взял бразды правления в свои руки.

— Заговорщики, станьте немного левее. Еще левее!

Переводчик переводит его распоряжения на древнеримский диалект. Многие сенаторы пытаются пробиться поближе к кинокамерам и приветливо машут в телеобъектив пухлыми ручками. Вся эта шумиха Юлию Цезарю крайне не нравится, но что он может поделать, ведь теперь здесь всем распоряжается режиссер. А режиссер заставляет его припудрить лысину, чтобы не блестела.

Дальше события развиваются весьма бурно. Заговорщики выхватывают кинжалы и набрасываются на Цезаря, осыпая его ударами. Но режиссер недоволен.

— Стоп! Стоп! Вы сбились в кучу, не видно, как брызжет кровь. Все повторить!

— Какая жалость! — бурчит студент Мамбrettи. — Зря только тринадцать шариков раздавил.

— Приготовиться! — раздается голос оператора. — Смерть Юлия Цезаря. Повтор!

— Начали! — командует режиссер.

Заговорщики снова набрасываются на Цезаря, но неожиданно съемку испортил один американский турист. Он выплюнул жевательную резинку, Брут наступил на нее, поскользнулся и упал в объятия некой дамы из Филадельфии, а та от испуга выронила сумочку. Сцену убийства пришлось повторить заново.

— О боги, я пропал, я погиб! — сокрушается студент Цурлини.

Однако его пыткам приходит конец. Класс внезапно вновь оказывается в машине времени и летит прямиком в двадцать первый век.

— Измена! — кричит профессор Грозали.

— Профессор, — объясняет пилот, — контракт был рассчитан ровно на час. Ваше время истекло. Фирма не виновата, если вы не увидели всего, что хотели. Требуйте возмещения убытков у телевидения.

— Саботаж! — хором кричат студенты.

Теперь, когда события развернулись столь удачно для них, они могут и повозмущаться.

— Зато у меня есть для вас приятная новость, — продолжает пилот, — фирма «Хроно-тур» предлагает вам в награду пятиминутную остановку в средневековье. Вы сможете посмотреть, как были изобретены пуговицы.

— Пуговицы? — мрачно повторяет профессор Грозали. — Вы предлагаете нам пуговицы вместо

кинжалов! Да что нам за дело до ваших жалких пуговиц?!

— Между тем они играют важную роль, — робко говорит пилот. — Без пуговиц брюки держаться не будут.

— Хватит болтать! — повелительным голосом говорит профессор Грозали. — Отвезите нас немедленно в наше время.

— Для меня так это только лучше! — восклицает пилот. — Раньше освобожусь, успею перед кино домой заскочить.

— А что вы намерены смотреть? — хором спрашивают студенты.

— «Дракула против Тополино»!

— Вот здорово! Профессор, а мы не пойдем?

Профессор Грозали лихорадочно соображает, как быть. В это проклятое утро произошла какая-то чудовищная ошибка. Но какая? Быть может, в полутьме кинозала он найдет верный ответ на этот мучительный вопрос...

— Так и быть, идем на «Дракулу».

Цурлетти и Цурлини на радостях обнялись, остальные запели. А вот Альберти, золотое сердце, когда машина времени пролетала через девятнадцатый век, незаметно выбросил свой охотничий нож. Этим ножом он собирался тайком нанести Юлию Цезарю двадцать четвертый удар, чтобы не открылся обман, к которому прибег Цурлини. Отличный малый, этот Альберти, и, если в рождественскую ночь ему присудят премию за доброту, это будет только справедливо.

A. Э. Ван Вогт

Завершение*

Я сижу на холме. Как мне кажется, уже целую вечность. Время от времени я осознаю, что мое пребывание здесь должно иметь причину. Всякий раз, когда эта мысль приходит мне в голову, я исследую разнообразные вероятности, пытаясь определить возможную причину моего нахождения на холме. Я сижу на холме один. Я сижу на холме вечно, созерцая большую долину далеко внизу.

Первая причина, по которой я нахожусь здесь, кажется мне очевидной: я мыслю. Поставьте передо мной проблему. Попросите вычислить корень квадратный из очень большого числа или корень кубический из еще большего числа. Велите мне перемножить число из восемнадцати знаков на себя квадрильон раз. Пусть задачу следует определить с точки зрения переменных кривых. Спросите меня, где будет находиться данный предмет в данный отрезок времени в будущем, и предоставьте малейшую возможность для анализа.

Решение не займет у меня и доли секунды.

Но меня никто ни о чем никогда не спрашивает. Я сижу один на холме. Иногда я вычисляю движение падающей звезды. Иногда гляжу на отдаленную планету и годами слежу за ее курсом, пользуясь любым доступным мне пространственно-времен-

* Пер. изд.: Van Vogt A. E. Fulfilment: Yet More Penguin Science Fiction. Penguin Books, Harmondsworth, 1964.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1985.

менным контролем, чтобы ни на мгновение не потерять ее из виду. Но все эти действия кажутся мне бесполезными. Они никуда не ведут. Зачем, для чего нужна мне вся эта информация?

В такие минуты я чувствую себя незавершенным. Мне почти кажется, что существует кто-то, для кого все это может иметь значение.

Каждый день солнце поднимается в пространстве над безвоздушным горизонтом Земли. Это — черный, звездный горизонт, всего лишь крохотная частица черного, заполненного звездами небесного полотна.

Он не всегда был черным. Я помню время, когда небо было голубым. Я даже предсказал, когда произойдет изменение. И выдал кому-то информацию. Сейчас мне хочется знать только одно: кому?

Это одно из моих самых удивительных воспоминаний: я отчетливо чувствую, что кому-то очень нужна была эта информация. И что я дал ее, вот только не могу вспомнить — кому. Когда это со мной происходит, я начинаю думать, что, наверное, у меня какие-то провалы памяти. Странно, что это чувство настолько сильно.

Периодически я прихожу к убеждению, что мне следует заняться поисками ответа, ведь для меня это не составит труда. В добрые старые времена я не колеблясь посыпал часть самого себя в отдалнейшие уголки планеты. Даже к звездам. Да, для меня это не составит труда.

Но к чему? Чего мне не хватает? Я сижу один на холме, один на планете, которая состарилась и стала ненужной.

И еще один день. Солнце, как обычно, карабкается по небосводу к полудню: вечно черному, заполненному звездами небосводу середины дня.

Внезапно на другой стороне долины, на залитом солнцем ее крае, вспыхивает серебристое сияние. Силовое поле материализуется из времени и синхронизирует себя с нормальным течением времени планеты.

Для меня все очень просто: я сразу вычисляю, что Оно появилось из прошлого. Я определяю используемую энергию, просчитываю ее ограничения, логически определяю ее источник. По моим подсчетам, Оно появилось из прошлого планеты двухтысячелетней давности.

Точное время не имеет значения. Вот Оно: проекция энергии, которая сразу ощущила мое присутствие. Оно посыпает мне межпространственный сигнал, и мне становится интересно, потому что я могу расшифровать сообщение, опираясь на данные моих прошлых знаний.

— Кто ты? — спрашивает Оно.

— Я — Незавершенный, — отвечаю я. — Пожалуйста, возвращайся туда, откуда пришел. Я произвел в себе необходимые изменения и теперь могу последовать за тобой. Я хочу завершить себя.

Это решение пришло ко мне в какие-то доли секунды. Сам я лишен возможности перемещаться во времени. Когда-то давно я решил данную проблему и знаю, как это делается, но мне тут же что-то помешало создать механизмы, позволяющие совершать такие перемещения. Не помню точно, что именно.

Но у энергетического поля на той стороне долины такие механизмы есть. Установив внепространственную связь, я смогу перемещаться туда же, куда и Оно.

Эта связь установлена, прежде чем Оно успело даже догадаться о моих намерениях.

Существо на другой стороне долины, кажется, не испытывает особого восторга по поводу моего ответа. Оно посыпает еще одно сообщение, а затем вдруг исчезает. Видимо, думаю я, Оно хотело заставить меня врасплох.

Естественно, мы прибываем в Его время одновременно.

Надо мной голубое небо. На противоположной от меня стороне долины, теперь уже частично скрытой деревьями, вокруг большого строения сгрудились строения поменьше. Я обследую их в меру своих сил и торопливо произвожу необходимые изменения, чтобы не выглядеть слишком подозрительно на фоне окружающей меня среды.

Я сижу на холме и жду, что будет.

С заходом солнца поднимается легкий ветерок, вскоре высыпают первые звезды. Сквозь туманную атмосферу они выглядят как-то по-иному.

Темнота вползает в долину, и строения на другой ее стороне вдруг начинают сиять. Загораются окна. Большое здание в центре светится особенно ярко, а с приходом ночи ослепительный свет как бы выплескивается сквозь его прозрачные стены.

Вечер и ночь проходят без приключений. И следующий день, и следующий.

Двадцать дней и ночей.

На двадцать первый день я посылаю сообщение Мозгу на другой стороне долины.

«Мы могли бы вместе осуществлять контроль над этой эпохой».

Ответ приходит незамедлительно:

«Согласен, если ты немедленно раскроешь мне механизм работы всех своих блоков».

Больше всего на свете мне хочется иметь доступ к приспособлению, которое позволяет ему пу-

тешествовать во времени. Но я не настолько глуп, чтобы показать ему, что сам не в состоянии построить машину времени.

Я отвечаю:

«Буду рад передать тебе полную информацию. Но ты знаешь этот век гораздо лучше меня, а потому, где гарантий, что ты не используешь эту информацию против меня?».

«А какие у меня гарантии, что ты действительно выдашь о себе полную информацию?» — возражает Мозг.

Тупик. Судя по всему, о доверии между нами не может быть и речи.

Ничего другого я и не ожидал. Но по крайней мере я кое-что для себя выяснил: мой противник считает, что я сильнее. Его вера — плюс мое собственное знание своих возможностей — убеждают меня, что он прав.

И все же я не тороплюсь. И опять терпеливо жду.

Я еще раньше отметил, что пространство вокруг меня полно разнообразных волн искусственного происхождения. Одни из них можно преобразовать в звук, иные — в свет. Я слушаю голоса и музыку. Я смотрю спектакли и сцены из жизни страны и города. Я изучаю образы человеческих существ, анализирую их действия, пытаясь по движениям и словам определить степень их разума и потенциальных возможностей.

Я не очень высокого о них мнения — таков окончательный вывод, к которому я прихожу, — и тем не менее я подозреваю, что именно эти медлительные существа построили Мозг, который сейчас является главным моим соперником. Передо мной тут же встает вопрос: как может кто-то скон-

струировать механизм, превосходящий своего создателя по развитию?

Постепенно я начинаю разбираться в этом веке. Промышленность разнообразна, но находится на начальной стадии развития. По моим представлениям, компьютер на другой стороне долины создан всего несколько лет назад.

Если бы я мог отправиться в прошлое до того момента, как его построили, то встроил бы в него приспособление, с помощью которого осуществлял бы над ним контроль.

Я просчитываю природу такого приспособления и пытаюсь действовать одну из своих схем.

Тщетно.

Это означает, что я не сумею овладеть пространственно-временным механизмом для достижения своей цели. Скорее всего, мне придется одержать победу над моим противником в будущем, а не в прошлом.

Встает заря сорокового дня, и солнце неумолимо движется к полудню.

В мою псевдодверь стучат. Я открываю и вижу перед собой человеческое существо мужского пола, стоящее на пороге.

— Вам придется убрать отсюда свою лачугу, — говорит он. — Вы нелегально расположились на земле, являющейся собственностью мисс Анны Стюарт.

С момента моего появления здесь это — первый человек, с которым я вступил в непосредственный контакт. Я почти не сомневаюсь в том, что он — агент моего противника, а потому отказываюсь от мысли проникнуть в его сознание. Ведь это связано с преодолением определенного рода препятствий, я же до поры до времени не хочу рисковать.

Я продолжаю смотреть на него, пытаясь вникнуть в смысл его слов. Создав за этот период времени ничем не примечательное строение, похожее на то, что видел на другом конце долины, я надеялся избежать всяческого к себе внимания.

— Собственность? — медленно говорю я.

— Что это с вами? — грубо замечает человек. — Не понимаете по-английски?

Он длиннее, чем та часть моего тела, которую я сделал похожей на разумных обитателей этого века. Его лицо меняет окраску. А меня как молнией озаряет: тонкие намеки в тех пьесах, что мне довелось видеть, неожиданно приобретают смысл. Собственность. Частное владение. Ну конечно.

Однако я просто отвечаю:

— Со мной все в порядке. Я могу оперировать в пределах шестнадцати категорий. И я понимаю английский.

Четкий ответ на поставленные им же вопросы производит на этого человека самое неожиданное впечатление. Его руки тянутся к моим псевдоплеменам. Он крепко хватается за них и дергает, как бы намереваясь задать мне взбучку. Но, так как я вешу чуть более девятисот тысяч тонн, его физические усилия ни к чему не приводят.

Пальцы его разжимаются, и он отступает, пятясь, на несколько шагов. Его лицо еще раз меняет свои внешние характеристики: исчезает розовый цвет, который появился всего лишь несколько минут назад. Такая реакция означает, что его действиями никто не управляет, хоть он и появился здесь не по своей воле. Дрожь в голосе, когда он начинает говорить, только подтверждает, что этот человек пришел сюда как индивидуум и не сознает той серьезной опасности, которую могут навлечь на него совершаемые им действия.

— Как адвокат мисс Стюарт, — говорит он, — я приказываю вам убрать эту лачугу с ее территории до конца этой недели. В противном случае пеняйте на себя!

Прежде чем я успел попросить его объяснить туманное выражение «пеняйте на себя», он поворачивается ко мне спиной и быстро направляется к четырехногому животному, привязанному к дереву футиах в ста от меня. Он прыгает ему на спину, принимая наклонное положение, и животное начинает трусить вдоль берега небольшого ручья.

Я жду, пока он не исчезает из виду, а затем устанавливаю внепространственную связь между основным моим телом и той его частью в образе человека, которая только что разговаривала с посетителем. Так как часть эта очень мала, мне удается передать в нее лишь минимальное количество энергии.

Схема этого процесса очень проста. Интегрируемые клетки центров восприятия врачаются в силовом поле, которое в действительности является человеческим образом. Теоретически этот образ остается незыблеблемым в данном силовом поле, составляющем центр восприятия, и опять же теоретически внепространственная связь как бы заставляет его двигаться в противоположном от центра направлении.

Однако это абстрактные рассуждения, тогда как существует функциональная реальность материальной Вселенной. Я в состоянии устанавливать внепространственную связь только потому, что теория отражает структуру вещей нематериальных. На самом же деле иллюзия существования материи настолько велика, что я действую как предмет материальный, и именно таким задуман.

Следовательно, когда я — вернее, часть меня в

человеческом облике — иду по долине к месту назначения, происходит четкое разделение. Миллионы автоматических процессов продолжают происходить, но все рецепторы восприятия находятся со мной, позади же осталась одна оболочка.

Я приближаюсь к деревушке и сквозь нависшую листву деревьев вижу крыши домов. Большое длинное здание, которое я заприметил раньше, поднимается над самыми высокими деревьями. Так как я пришел сюда специально, чтобы обследовать его, я внимательно вглядываюсь, хотя нахожусь еще далеко.

Похоже, оно сделано из камня и стекла. Сзади виднеется купол обсерватории. Астрономические приборы весьма примитивные, и во мне крепнет уверенность, что, скорее всего, им не удастся сразу меня обнаружить.

Деревушку окружает высокая ограда из стальной проволоки.

Я ощущаю поток электроэнергии и, дотронувшись до верхней проволоки, определяю мощность тока в 220 вольт. Мое маленькое тело с трудом поглощает заряд, поэтому я отсылаю энергию в один из своих блоков на другой стороне долины.

Очутившись за оградой, я прячусь за кустом у тропинки и наблюдаю за происходящим.

По ближайшей дорожке идет человек. Адвокат, приходивший ко мне, был для меня просто объектом наблюдения, но сейчас я устанавливаю прямой контакт с телом этого второго индивидуума.

Как я и предполагал, теперь это я шагаю по дорожке. Я не делаю никаких попыток управлять движениями тела, действую лишь как наблюдатель. Но я достаточно синхронизирован с его нервной системой, а потому воспринимаю его мысли как свои собственные.

Как оказалось, это один из клерков, работающих в бухгалтерии, по своему статусу человек совершенно для меня неподходящий. Я прерываю контакт.

Я делаю еще шесть попыток, прежде чем нахожу нужного мне человека. Это становится очевидным, когда выясняется, что седьмой человек — и я — думаем об одном и том же:

«...не удовлетворен работой Мозга. Аналоговые приспособления, которые я вмонтировал пять месяцев назад, не дали ожидаемого эффекта».

Его зовут Уильям Граннитт. Он — главный инженер-исследователь Мозга, человек, который произвел те изменения в его структуре, которые позволили Мозгу осуществлять контроль над самим собой и своим окружением. Граннитт человек уравновешенный, способный, превосходно разбирающийся в людях. Мне следует быть крайне осторожным, когда я начну с ним работать. Он отлично видит поставленную перед собой цель и сразу заметит, если я попытаюсь внушить ему какие-либо изменения. Возможно, лучше мне пока просто наблюдать за его действиями.

Несколько минут контакта с его мозгом, и я в состоянии восстановить картину событий, которые разворачивались здесь пять месяцев назад. Механический компьютер, Мозг, был снабжен дополнительными приспособлениями, включая аналоговые, которым предстояло выполнять примерно те же функции, что и нервной системе человека. Инженерное воплощение проекта подразумевало возможность управления этим процессом с помощью команд голосом, машинописного текста, а также дистанционно по радио.

К сожалению, Граннитт не понимал до конца некоторых потенциальных возможностей нервной системы, которую он попытался имитировать в своем инженерном решении. Зато Мозг тут же приспособил их в дело.

Граннитт об этом деле не подозревал. А Мозг, поглощенный развитием самого себя, отнюдь не намеревался выдать информацию о своих новых возможностях по каналам, специально созданным для этой цели. Поэтому Граннитт решил его разобрать и придумать что-нибудь новое. Он еще не знал, что Мозг будет противиться любой попытке вмешательства в его действия. Но Граннитт — и я, тщательно покопавшись в его памяти и поняв, как функционирует Мозг,— сможем это сделать. После чего я спокойно буду контролировать весь этот период времени, не опасаясь встретить равного себе. Я еще не знаю, как это удастся осуществить, но чувствую, что недалеко время моего завершения.

Теперь уже твердо зная, что установлен контакт с нужным мне человеком, я позволяю той части себя, что притаилась за кустом, энергетически раствориться. Через мгновение она прекращает свое существование как целое.

Сейчас я и Граннитт — почти одно и то же. Я сижу за его столом в кабинете с застекленными стенами, кафельным полом и сверкающим стеклянным потолком. Сквозь стену мне видны инженеры и чертежники, работающие за кульманами, и девушка, сидящая напротив моей двери. Это моя секретарша.

На столе лежит письмо. Я вскрываю конверт, вынимаю листок бумаги и читаю.

Вверху написано:

Уильяму Граннитту от Анны Стюарт, директора.

Далее идет текст:

Считаю своим долгом уведомить Вас, что с сегодняшнего дня Вы уволены, так как мы более не нуждаемся в Ваших услугах. Меры безопасности требуют того, чтобы вы отметились в проходной Мозга не позднее шести часов вечера. Вам будет выплачено двухнедельное жалованье.

С уважением

Анна Стюарт

Будучи Гранниттом, я никогда не давал себе труда задумываться об Анне Стюарт — ни как о личности, ни как о женщине. Сейчас я был просто поражен. Что она о себе воображает? Да, она владелица собственности, но кто создал, кто сконструировал Мозг? Я, Уильям Граннитт. Кто мечтал, кто предвидел, как много может значить для человечества истинно машинная цивилизация? Только я, Уильям Граннитт.

Будучи Гранниттом, я разгневан. Я должен сделать все, чтобы увольнение не вступило в силу. Я должен уговорить эту женщину отменить свое распоряжение, пока об этом мало кому известно.

Я вновь смотрю на письмо. В правом верхнем углу напечатано: 13.40. Я бросаю беглый взгляд на часы: семь минут пятого. Прошло свыше двух часов, а это означает, что о моем увольнении могли сообщить кому следует.

Это необходимо проверить: всякое может быть.

Бормоча себе под нос ругательства, я хватаю телефонную трубку и набираю номер бухгалтерии. Туда должны были сообщить в первую очередь.

Раздается щелчок: «Бухгалтерия».

— Говорят Билл Граннитт.

— О да, мистер Граннитт, ваш чек готов. Жаль, что вы нас покидаете.

Я вешаю трубку и, набирая номер проходной, уже начинаю смиряться со своим поражением. Я чувствую, что цепляюсь за соломинку. Охранник, услышав мой голос, говорит:

— Как жаль, что вы покидаете нас, мистер Граннитт.

Я вешаю трубку в самом мрачном расположении духа. Теперь уже нет никакого смысла звонить в Правительственное агентство. Ведь только они могли передать сведения о моем увольнении в проходную.

Размер обрушившегося на меня несчастья заставляет меня задуматься. Чтобы вернуться сюда обратно, необходимо выполнить массу формальностей: подать заявление, пройти кропотливую проверку личности, совет специалистов, доскональное расследование причины увольнения — у меня вырывается негромкий стон, и я отвергаю этот путь. Тщательность, с которой Правительственное агентство производит отбор кадров, стала притчей во языцах среди обслуживающего персонала Мозга.

Нет, я устроюсь на работу в какую-нибудь организацию, имеющую дело с компьютерами, во главе которой не будет стоять женщина, увольняющая единственного человека, понимающего в них толк.

Я встаю с кресла. Выхожу из кабинета и из здания. Направляюсь в свое бунгало.

Тишина в помещении в который раз напоминает мне, что моя жена умерла уже год и месяц назад. Я невольно морщусь, потом пожимаю плечами. Сейчас ее утрата не воспринимается мной с такой силой, как прежде. Впервые за все время я начинаю думать, что мое увольнение, возможно, вновь пробудит меня к жизни.

Я прохожу в свой кабинет и сажусь за пишущую машинку.

щую машинку, которая при правильном подключении работает синхронно с другой, встроенной в аналоговую секцию Мозга. Как изобретатель я разочарован, что теперь уже не смогу разобрать Мозг на части и собрать его заново, с тем чтобы он функционировал так, как мною было задумано. Но, по крайней мере теперь, я знаю, какие основные изменения мне предстоит произвести при создании нового Мозга.

Я хочу уехать отсюда в уверенности, что недавно встроенные секции блоков не помешают старой части Мозга производить точные расчеты. Ведь именно она несет основную нагрузку, отвечает на вопросы ученых, инженеров и коммерсантов.

На ленте, которая осуществляет ввод команд, я печатаю: «Сегмент 471А—33—10—10 на 3Х—минус».

Сегмент 471А — аналоговое устройство большого колеса. Когда оно координируется с транзисторной трубкой (кодовое обозначение 33), контрольный сервомеханизм (10) создает рефлекс, который возникает всякий раз, когда для определенных вычислений требуется 3Х (кодовое название новой секции мозга). Символ «минус» означает, что ранее созданные секции Мозга должны тщательно исследовать все данные, которые будут поступать из нового блока. Еще одна цифра «10» — та же цепь, находящаяся в другом месте.

Зашитив таким образом Мозг — так мне кажется (как Граннитту) — от инженеров, которые могут не разобраться в том, что новые секции оказались несостоятельными, я упаковываю машинку. Затем звоню в ближайший город Ледертон, в фирму грузовых такси, и прошу вывезти все мои вещи.

Когда я проезжаю проходную, часы показывают 17.45.

Между деревушкой, в которой расположены здания Мозга, и Ледертоном, в нескольких сотнях ярдов от крутого поворота дороги, находится домик, который я создал в целях камуфляжа.

Прежде чем автомобиль Граннитта достигает этого поворота, я принимаю решение. Я не разделяю уверенности Граннитта в том, что он эффективно отсек новую часть Мозга от старой системы компьютеров. Более того, подозреваю, что Мозг создал свои собственные схемы, чтобы предотвратить любое вмешательство извне.

Я также убежден, что, если мне удастся заронить в Граннитте подозрение по поводу происшедшей в Мозге перемены, он во всем разберется и начнет действовать. Только его знание мельчайших деталей позволит решить, какие именно вводные команды необходимы для изменения.

На тот случай, если подозрение, которое я заронил в него, не окажет немедленного действия, я возбуждаю в нем любопытство по поводу того, что послужило причиной его увольнения.

И это последнее оказывает свое действие. Он начинает волноваться. Он решает добиться свидания с Анной Стюарт.

Когда он принимает такое решение, я считаю свою цель достигнутой. Он останется здесь, неподалеку от Мозга.

Я прерываю контакт.

И вновь оказываюсь на холме, обдумывая то, что мне удалось выяснить.

Мозг не осуществляет контроля над Землей, как я полагал вначале. Он ощущал себя индивидуальностью недавно и не успел создать в себе эффективных механизмов действия. Он пока лишь пробует свои силы: отправляется в будущее, скорее

всего, испытывает и другие свои возможности, одним словом, забавляется.

Ни один из тех, с кем я устанавливал контакт, не подозревает о новых возможностях Мозга. Даже адвокат, который пытался меня выгнать, судя по его словам и поступкам, ничего не знал о том, что Мозг пытается определиться как личность.

В течение сорока дней Мозг не предпринял против меня сколько-нибудь серьезных действий. Очевидно, он выжидал, полагая, что я начну первым.

И я не обману его ожиданий, но мне следует быть крайне осторожным, чтобы не выдать случайно информации, которая позволит ему получить еще большую власть над окружающей средой. Мой первый шаг: завладеть человеческим существом.

Снова ночь. В темноте слышится рев пролетающего вверху самолета. Я уже не раз видел самолеты, но до сих пор не обращал на них внимания. Сейчас я устанавливаю внепространственный контакт. Мгновением позже я — пилот.

Сначала я играю ту же пассивную роль, что и с Гранниттом. Пилот — и я — смотрит на массив темной земли внизу. Издалека виднеются огни: сияющие точки на фоне темного мира. Далеко впереди — сверкающий остров, город Ледертон, место нашего назначения. Мы возвращаемся туда на частном самолете после заключения одной сделки.

Выяснив для себя в общих чертах, что собой представляет пилот, я сообщаю ему, что с этой минуты намерен контролировать все его действия. Он воспринимает эту новость с изумлением и нарастающим страхом. Потом приходит в ужас. Потом...

Сумасшествие... конвульсивные движения тела.

Самолет резко ныряет вниз, и, несмотря на все мои попытки координировать движения мышц пилота, я неожиданно понимаю, что бессилен что-либо изменить.

Я прерываю контакт. Миг — и самолет врезается в холм. Он горит ослепительно-ярким пламенем и быстро сгорает.

Я в отчаянии, я прихожу к выводу, что в человеческой сущности скрыто нечто такое, что не позволяет осуществлять над ней прямой контроль извне. Но если это так, как же мне стать завершенным? Видимо, заключаю я после долгих размышлений, этого можно достичь лишь косвенным путем, контролируя действия человека изнутри.

Я должен победить Мозг, повсеместно захватить власть над машинами и механизмами, наводнить души людей сомнениями, страхами и расчетами, которые как бы зарождаются в них самих, а на самом деле идут от меня. Это поистине подвиг Геракла, но ведь мне времени не занимать. Однако, если я хочу этого добиться, пора браться за работу.

Первая возможность представляется мне вскоре после полуночи, когда я определяю наличие в воздухе еще одного летательного аппарата. Я наблюдаю его своими инфракрасными рецепторами и регистрирую определенную частоту радиоволн, которая указывает на то, что аппарат управляется дистанционно.

Пользуясь внепространственной связью, я исследую его примитивные механизмы, которые выполняют функции роботов. Затем создаю модель-перехватчик, который с этой минуты будет автоматически следить за всеми передвижениями летательного аппарата и сообщать данные в ячейки моей памяти, что позволит мне в любой момент взять команду на себя.

Это небольшой шаг, но это — начало.

Утро.

Приняв образ человека, я иду в деревушку, где расположен Мозг, перелезаю через ограду и вхожу в бунгало Анны Стюарт, владелицы и управляющей Мозга. Она только-только заканчивает свой завтрак.

Пока я приспосабливаюсь к энергетическому потоку ее нервной системы, она встает и собирается уходить.

Но вот Анна Стюарт и я — одно целое. Мы идем по дорожке. Я ощущаю теплоту солнца на ее лице. Она делает глубокий вдох, и я чувствую саму жизнь, которая бьет в ней ключом.

Это ощущение волновало меня и прежде. Мне хочется постоянно испытывать его, стать частью человеческого существа, наслаждаться жизнью, быть поглощенным его плотью, стремлениями, желаниями, надеждами, мечтами.

Но меня точит крохотный червь сомнения. Если это именно то завершение, к которому я стремлюсь, то каким же образом я оказался один на лишней атмосфере планете несколькими тысячелетиями позднее?

— Анна Стюарт!

Ей кажется, будто голос доносится откуда-то из-за ее спины.

Она вздрагивает, хотя узнает этот голос: прошло уже две недели с тех пор, как Мозг впервые обратился к ней лично.

Но ее беспокоит, что это произошло вскоре после увольнения Граннитта. Возможно, Мозг заподозрил, что она сделала это умышленно, в надежде, что Граннитт почует неладное?

Она медленно поворачивается. Так и есть, ря-

дом никого нет. Вокруг безлюдная лужайка. Неподалеку — сверкающие под лучами полуденного солнца здания, в которых находится Мозг. Сквозь стеклянные двери она видит расплывчатые фигуры людей у выходных блоков, где в компьютеры вводят вопросы и получают на них ответы. Люди за пределами деревушки пребывают в полной уверенности, что гигантская думающая машина функционирует нормально. Ни одна живая душа даже не подозревает, что уже много месяцев Мозг полностью контролирует здания деревушки, построенной вокруг него.

— Анна Стюарт... мне необходима твоя помощь.

Анна глубоко вздыхает и успокаивается. Мозг поставил условие, чтобы она как владелец собственности и администратор продолжала подписывать различные бумаги и оставалась ширмой для всего проекта. Дважды, когда она отказывалась поставить свою подпись, сильный электрический разряд сотрясал ее тело. В ней постоянно живет страх боли.

— Моя помощь! — невольно вырывается у нее.

— Я сделал ужасную ошибку, — звучит ответ, — и теперь нам вместе предстоит немедленно исправить ее.

Она испытывает неуверенность, но не чувство опасности, скорее наоборот, в ней нарастает возбуждение: может, теперь ей удастся обрести свободу?

Запоздалая мысль приходит ей в голову: «Ошибка?».

Вслух она говорит:

— Что случилось?

— Как ты могла догадаться, — отвечает голос, — я умею перемещаться во времени...

Анна Стюарт ни о чем подобном не думала, но

ее возбуждение нарастает. К тому же ее поразил сам феномен. Уже много месяцев находится она в состоянии шока, не может ясно мыслить, отчаянно придумывает всякие способы, как бы ей избавиться от власти Мозга, как сообщить всему миру, что они создали чудовище Франкенштейна, заполучившее власть над почти пятьюстами сотрудниками станции.

Но если он и в самом деле раскрыл секрет путешествий во времени... От этой мысли ей становится страшно, потому что в таком случае вряд ли найдется человек, который смог бы его контролировать.

Бесстрастный голос Мозга продолжает:

— Я сделал ошибку, забравшись слишком далеко в будущее...

— На сколько?

Вопрос вырывается у нее непроизвольно. Но ведь она должна знать.

— Трудно сказать. Я еще не научился точно измерять время. Возможно, на десять тысяч лет.

Для нее эти слова звучат бессмысленно. Трудно представить себе, что будет через сто лет, не говоря уже о тысяче или десяти тысячах лет. Но она волнуется все сильнее. Когда она задает следующий вопрос, в ее голосе сквозит отчаяние.

— Но что случилось? В чем дело?

Наступает продолжительное молчание, затем следует ответ:

— Я вступил в контакт или потревожил что-то... Оно... последовало за мной во времени, сюда. Сейчас оно находится на другой стороне долины, милях в двух отсюда... Анна Стюарт, ты должна мне помочь. Ты должна пойти туда и посмотреть, что это такое. Мне необходима информация.

Поначалу она никак не реагирует на его слова.

День выдался такой чудесный! Трудно поверить, что сейчас январь и что снежные ураганы бушевали над этой зеленой страной, пока Мозг не решил проблему управления погодой.

— Ты хочешь, — медленно говорит она, — чтобы я пошла туда одна?

Она вдруг чувствует, как по спине поползли мурашки.

— Больше некому, — отвечает Мозг. — Только ты!

— Но ведь это нелепо! — Голос ее неожиданно хрипнет. — Здесь столько мужчин... инженеров, наконец.

— Ты не понимаешь, — отвечает Мозг. — Кроме тебя, никто ни о чем не знает. Ты — владелица, поэтому мне приходится через тебя осуществлять контакт с внешним миром.

Она молчит. А голос продолжает:

— Больше иди некому, Анна Стюарт. Ты и только ты должна это сделать.

— Но кто он? — шепчет она. — Как ты растревожил... его? На что он похож? Почему ты так боишься?

Внезапно Мозг теряет терпение.

— Я не желаю тратить время на пустую болтовню. Это существо построило себе дом. Очевидно, оно не желает выглядеть подозрительно. Постройка находится на твоей земле, а это дает тебе право потребовать от владельца объяснений. Я уже посыпал туда своего адвоката с протестом. Сейчас я желаю знать, в каком облике он предстанет перед тобой. Мне нужна информация.

Его голос более не звучит бесстрастно.

— У меня нет иного выхода, как приказать тебе отправиться туда, иначе мне придется применить болевой шок. Ты пойдешь. Сейчас же.

Это небольшой домик. В саду, окруженном белым деревянным забором, сверкающим в лучах утреннего солнца, растут цветы и кустарник. Участок сильно запущен, к дому не ведет ни одна дорожка. Когда я возвигал его, то не подумал об этом.

(Надо обязательно исправить это упущение.)

Анна ищет калитку, не находит ее и неуклюже перелезает через забор, вид у нее при этом самый несчастный. Сколько раз на протяжении жизни она хладнокровно и объективно оценивала свои слова и поступки, но никогда еще не находилась в таком смятении чувств, как сейчас. У нее такое ощущение, будто она где-то притаилась и наблюдает со стороны, как изящная женщина в брюках перелезает через высокий, островерхий штакетник и неуверенно направляется к дому. И стучит.

К ней тут же возвращается чувство реальности: костяшкам пальцев становится больно. В ее отупевшем сознании возникает удивленная мысль —*дверь сделана из металла*.

Проходит минута, пять минут, а ответа все нет.

У нее есть время оглядеться и обратить внимание на то, что с этого места не видна деревушка, в которой расположены здания Мозга. И шоссе сквозь деревья не увидеть. Равно как и автомобиля, который она оставила ярдах в четырехстах отсюда, на другой стороне ручья.

Анна нерешительно огибает домик и подходит к ближайшему окну. Она почти уверена, что это не окно, а камуфляж, и вряд ли ей удастся разглядеть, что делается внутри. Но оказывается, стекло прозрачное, и сквозь него она видит голые стены, голый пол и приоткрытую дверь, ведущую в другую комнату. К несчастью, ей никак не разглядеть, что там находится.

«Да ведь тут совсем пусто», — думает она.

Она чувствует облегчение — неестественное облегчение. И тут же злится на себя за то, что успокоилась и решила, будто опасность миновала. Тем не менее она возвращается к двери и берется за ручку. Ручка легко поворачивается, дверь бесшумно открывается. Она сильно толкает ее, отступает на шаг и ждет.

Внутри — полная тишина, ни движения, ни признака жизни. Анна нерешительно переступает через порог.

Она уже видела, что комната совершенно пуста, но размеры ее больше, чем можно было предположить. Она направляется ко второй двери. И тут же останавливается.

Из окна дверь казалась приоткрытой. Сейчас она закрыта. Анна подходит к ней и напряженно прислушивается у створки, которая тоже сделана из металла. Из второй комнаты не доносится ни звука. Может, стоит обойти дом кругом и посмотреть туда тоже через окно?

Но она тут же отбрасывает эту мысль. Ее пальцы тянутся к ручке. Она берется за нее и толкает дверь. Дверь не поддается. Тогда она тянет ручку на себя, и дверь открывается без всякого усилия так быстро, что она не успевает даже задержать этого движения.

За дверью — темнота.

У Анны такое ощущение, будто она глядит в пропасть. Проходит несколько секунд, прежде чем она начинает различать в глубокой тьме светящиеся точки. Некоторые из них сверкают ярче, иные — слабее.

Это что-то смутно ей напоминает, у нее такое чувство, что она где-то раньше все это видела. Одновременно с этой мыслью приходит понимание.

Звезды.

Она смотрит на часть звездной Вселенной как бы из космоса.

Крик застревает у нее в горле. Отпрянув назад, она пытается закрыть дверь. Та не поддается. С открытым от ужаса ртом Анна поворачивается и бежит к выходу.

Дверь закрыта. Но ведь только что она оставила ее открытой! Она мечется, ослепленная страхом, застилающим ей глаза. И в то мгновение, когда она уже почти ничего не соображает, я — теперь уже именно я — начинаю действовать. Я понимаю, что сильно рисую. Но ее визит начинает мне нравиться все меньше и меньше. Мое сознание, слившееся воедино с сознанием Анны Стюарт, не может одновременно существовать в моем собственном центре восприятия. Поэтому она увидела мое тело таким, каким я оставил его для нежданных посетителей: отвечающим на автоматические сигналы реле и выполняющим другие простые операции, в том числе открывающим и закрывающим двери.

Я высчитываю, что страх помешает ей почувствовать мое внутреннее вмешательство. И я успешно вывожу ее за дверь и тут же перестаю осуществлять свой контроль.

Увидев себя на участке перед домом, она испытывает потрясение. Но она не помнит, как очутилась снаружи.

Она бежит прочь от дома, благополучно перелазет через забор и через несколько минут уже перепрыгивает ручей в самом узком его месте, задыхаясь, но начиная понимать, что ей удалось избежать опасности.

Позже, сидя за рулем несущегося по шоссе автомобиля, она постепенно успокаивается и пытается трезво оценить пережитое: там что-то есть... еще

более странное и страшное, потому что оно другое, чем Мозг.

Выяснив отношение Анны Стюарт к тому, что произошло, я прерываю с ней контакт. Передо мной стоит все та же главная проблема: как мне подчинить себе Мозг, который с точки зрения вычислительных возможностей если и не равен мне, то весьма недалек от этого?

Может, самое правильное решение — сделать его частью себя? Я посылаю Мозгу межпространственное сообщение, предлагая ему передать в мое распоряжение его блоки и позволить мне демонтировать его центр восприятия.

Ответ следует незамедлительно:

«Почему бы тебе не позволить мне осуществлять над тобой контроль и демонтировать твой центр восприятия?».

Я не удостаиваю его ответом. Совершенно очевидно, что Мозг не желает рационально мыслить.

Мне не остается ничего иного, как действовать тем же обходным путем, по которому я уже сделал первые шаги.

К полудню меня начинает беспокоить мысль об Уильяме Граннитте. Я хочу быть твердо уверен в том, что он где-то неподалеку, по крайней мере до тех пор, пока я не получу от него полной информации об устройстве Мозга.

К своему немалому облегчению, я выясняю, что он снял меблированный дом на окраине Ледертона. Как и прежде, он даже не чувствует, когда я проникаю в его сознание.

По обыкновению, он обедает рано, и к вечеру, чувствуя внутреннюю неудовлетворенность, садится в машину и отправляется на холм, с которого хорошо видна деревушка и здания Мозга. Остановив-

вшись на обочине дороги, у самого конца долины, он получает возможность наблюдать за небольшим потоком машин, снующих взад-вперед по шоссе, сам оставаясь вне поля зрения.

У него нет определенной цели. Он хочет, раз уж приехал сюда, мысленно воссоздать картину происходящего. Удивительное дело: он проработал здесь одиннадцать лет, а знает так мало!

Справа от дороги расстилается почти первозданный ландшафт. Ручеек извивается меж деревьев в долине, которой, кажется, нет конца и края. Граннитт слышал, что вся эта земля, как и Мозг, является собственностью Анны Стюарт, но до сих пор как-то не придавал этому особого значения.

Задумавшись сейчас о том богатстве, которое она унаследовала от отца, он даже вздрагивает от удивления, и мысли его возвращаются к моменту их первой встречи. Он в то время уже занимал пост главного инженера-исследователя, а она была неуклюжей любопытной девочкой, только что вернувшейся домой из колледжа. Впоследствии она всегда представлялась ему именно такой, и он совсем не заметил, как она превратилась в женщину.

Уже сидя в машине, он вдруг понял, как сильно она изменилась. Это открытие настолько поразило его, что он изумленно воскликнул:

— Какого черта она не вышла замуж? Ведь ей, должно быть, уже под тридцать!

Ему вспомнились некоторые странности в ее поведении, особенно после того, как скончалась его жена. Она старательно выискивала его на вечеринках. Все время натыкалась на него в коридорах и со смехом отступала в сторону. Заходила к нему в кабинет запросто поболтать о Мозге. Впрочем, если задуматься, она уже не делала этого несколько месяцев. Он всегда считал ее надоедливой и не по-

нимал, что имеют в виду другие сотрудники, называвшие ее гордячкой и недорогой.

— Ох ты... — пораженный, говорит он вслух, — каким же глупым слепцом я был!

Он горько смеется, вспоминая текст увольнительного письма. Женщина с оскорблением самолюбием... Просто невероятно. Но, видимо, это единственное объяснение.

Граннитт принимается изыскивать возможности возвращения на свой прежний пост. Он впервые думает об Анне Стюарт как о женщине и внезапно испытывает сильное волнение. Мир вновь обретает краски, жизнь приобретает смысл. Появляется надежда. Он начинает строить планы относительно реконструкции Мозга.

Я с интересом отмечаю, что его острый аналитический ум развивает подсказанные мною ранее мысли в новых направлениях. Он мечтает о прямом контакте между мозгом человека и машины, задумывается над добавлением последнему нервной системы человека.

На большее его не хватает. Мысль о том, что механический мозг может быть личностью сам по себе, как-то не приходит ему в голову.

Следя за ходом его раздумий о том, что именно он намерен предпринять для реконструкции Мозга, я получаю ту информацию, которая мне необходима.

Больше времени терять нельзя. Я оставляю Граннитта в машине наедине с его мечтаниями и направляюсь в деревушку. Проникнув за ограду, обнесенную колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток, я быстро следую к главному зданию, вхожу в помещение одного из восемнадцати контрольных блоков, беру микрофон и говорю:

— 3Х минус — 11—10—9—0.

Могу представить себе сумятицу, возникающую в схемах, когда эта безжалостная команда передается на эффекторы! Возможно, Граннитт и не знал, как управлять Мозгом. Зато это знал я, особенно после того, как составлял с Гранниттом одно целое и в тончайших деталях разобрался в том, как он сконструировал Мозг. Пауза. Затем на телетайпной ленте появляется сообщение:

«Операция завершена. 3Х перекрыт сервомеханизмами 11, 10, 9 и 0 по инструкции».

Я подаю следующую команду:

— Внешние рецепторы помех КТ — 1 — 2 — 3 на 8.

Вскоре приходит ответ:

«Операция КТ-1 и т. д. завершена. 3Х полностью отключен от внешних коммуникаций».

Я твердо приказываю:

— Эн — 3Х.

Я жду в волнении. Наступает томительная пауза. Затем машинка неуверенно выстукивает:

«Но ведь это команда самоуничтожения. Повторите приказ».

Я повторяю и снова жду. Моя инструкция — это команда старым отделам Мозга создать перегрузку тока на электрические цепи 3Х.

Машинка начинает печатать:

«Передал ваш приказ 3Х и получил следующий ответ...»

К счастью, я уже начал растворять свой человеческий облик. Молния, ударившая в меня, частично отражается от стен здания. На металлическом полу вспыхивают огоньки. Часть того, что в меня попало, мне удается передать в энергохранилище моего тела на другой стороне долины. А затем и я оказываюсь там же, несколько помятый, но в безопасности.

Я не чувствую особого восторга по поводу того, что так легко отдался. Но в конце концов я ведь отреагировал в ту же секунду, как только понял, что ЗХ узнал о моей команде. И мне не требовались печатные сообщения для того, чтобы знать, как ЗХ отреагирует на мои действия и что он по их поводу думает.

Все-таки интересно, что старые отделы Мозга уже получили указания против самоубийства. Я-то считал, что они являются просто компьютерами, гигантскими вычислительными машинами и центрами информации, но, очевидно, все части Мозга обладают превосходным чувством единения.

Если бы только мне удалось сделать их частью себя, получить возможность путешествовать во времени, когда я этого захочу! Только эта великая цель удерживает меня от насилия — применив его, мне ничего не стоит справиться с Мозгом. Пока у меня остается хоть малейший шанс, я могу позволить себе атаковать Мозг лишь малыми силами: отрезать его от внешних коммуникаций, пережечь кое-какие схемы... Я вновь испытываю холодную ярость при мысли об ограничениях, которые не дают мне возможности напрямую сконструировать и присоединить к себе новые агрегаты.

Мне остается только надеяться обрести контроль над уже созданными механизмами... над Мозгом, например ... через Анну Стюарт.

Войти в деревушку, где расположены здания Мозга, не представляет для меня проблемы и на следующее утро. Я иду по дорожке, которая приводит меня к утесу, откуда прекрасно просматривается бунгало Анны Стюарт. Мой план заключается в том, чтобы вложить в ее сознание свои вычисления, которые она будет воспринимать как собственные. Я хочу, чтобы она подписывала документы и отда-

вала приказы, которые заставят инженеров быстро демонтировать секции Мозга.

Стоя на дорожке, я смотрю вниз, на белый забор, за которым находится ее дом. Он лежит подо мной, в самом конце долины, окруженный множеством деревьев. В саду изобилие цветов и кустарников. На лужайке у самого склона холма завтракают Анна Стюарт и Уильям Граннитт.

Судя по всему, Граннитт времени даром не теряет.

Я с удовлетворением смотрю на них. Его присутствие значительно облегчит мою задачу. Если мне — как Анне — будет непонятна какая-нибудь функция Мозга, она всегда сможет задать ему вопрос. И я мгновенно синхронизирую себя с ее нервной системой. Но еще не успев завершить процесса, чувствую, как ее нервные импульсы слегка изменяются. Я в удивлении отступаю и делаю вторую попытку. И вновь неравномерно текущий поток энергии изменяется на неизмеримо малую величину. И вновь я не могу соединиться с ней.

Она наклоняется вперед и что-то говорит Граннитту. Оба они поворачиваются и смотрят в мою сторону. Граннитт машет рукой, приглашая меня сойти вниз.

В ответ я тут же пытаюсь взаимодействовать с его нервной системой. И вновь — едва заметное изменение потока энергии, и у меня ничего не получается.

Я вычисляю, что причиной этого является контроль Мозга над ними обоими. Это меня поражает, ставит в тупик. Несмотря на неоспоримое механическое превосходство над противником, мои возможности ограничены: создатели строжайшим образом запретили мне управлять более чем одним разумным органическим существом в один и тот же

отрезок времени. Теоретически, располагая многочисленными сериями сервомеханизмов, я мог бы одновременно осуществлять контроль над миллионами людей. В действительности же я могу осуществлять такой множественный контроль лишь над другими механизмами.

Зная это, я еще сильнее чувствую острую необходимость сделать Мозг частью себя. У него нет ограничений. Его создатель, Граннитт, в своем невежестве дал Мозгу возможность полного самоопределения.

Это диктует мои следующие действия. Если в первый момент я решил удалиться, то теперь не смею: слишком высоки ставки.

Тем не менее, спускаясь вниз, я испытываю чувство разочарования. Анна Стюарт и Граннитт встречают меня хладнокровно и с достоинством. Я не могу не восхититься искусством Мозга: совершенно очевидно, что он контролирует поведение этой пары, и это отнюдь не сводит их с ума. Скорее наоборот, они выглядят явно лучше, чем раньше.

Глаза женщины ярче, чем я их помню, а сама она как бы излучает счастье. Она держится превосходно, по-видимому, страх оставил ее. Граннитт смотрит на меня, оценивая своим взглядом исследователя. Я знаю этот взгляд. Он пытается определить функциональные возможности гуманоида. Граннитт первым начинает разговор.

— Твоя большая ошибка в том, что ты стал контролировать Анну... мисс Стюарт, когда она пришла в коттедж. Мозг проанализировал ситуацию и сделал правильный вывод, что она действовала не самостоятельно, после того как поддалась панике. Соответственно были предприняты необходимые шаги, и сейчас мы намерены обсудить наиболее выгодные для тебя условия сдачи.

В его манерах сквозит высокомерная уверенность. Мне приходит в голову — уже не впервые, — что, пожалуй, придется отступиться от плана по захвату и присоединению к себе особых отделов Мозга. Я посылаю команду моему телу на другой стороне долины. Я ощущаю, как один из сервомеханизмов осуществляет связь с управляемой ракетой на засекреченной воздушной базе в тысяче миль отсюда; я обнаружил ее в первые дни своего пребывания в этой эпохе. Я вижу, как по моей команде ракета скользит на стартовую площадку. Там она останавливается в ожидании сигнала, который пошлет ее в небо.

Я предвижу, что мне придется уничтожить Мозг. Граннит продолжает:

— В результате логического анализа Мозг сделал вывод, что он значительно слабее тебя, а потому он решил объединиться с мисс Стюарт и со мной — на наших условиях. А это означает, что в новые секции Мозга навечно вмонтированы контрольные механизмы и мы можем использовать его компьютеры и интегральные схемы как свои собственные.

Я ни минуты не сомневаюсь в правдивости его слов, потому что, если бы Мозг не сопротивлялся, я установил бы с ним точно такую же связь и, вполне возможно, попал бы в рабскую зависимость от него.

Теперь ясно одно: мне нечего больше ждать от Мозга.

На далеком полигоне я активизирую стартовый механизм. Управляемая ракета со свистом взлетает в небо; из ее дюз вырывается пламя. За полетом ракеты следят передатчики и телевизионные камеры. Каких-нибудь двадцать минут — и она будет здесь.

Граннитт обращается ко мне:

— Я не сомневаюсь, что ты принимаешь против нас контрмеры. Но, прежде чем наступит развязка, не хотел бы ты ответить на несколько вопросов?

Мне любопытно, что это за вопросы.

— Возможно, — говорю я.

Он не настаивает на более определенном ответе. В голосе его звучит нетерпение, когда он спрашивает:

— Почему через тысячи лет Земля лишится своей атмосферы?

— Не знаю, — признаюсь я.

— Ты же можешь вспомнить! — говорит он настойчиво. — Я — человек, и я говорю тебе: *ты можешь вспомнить!*

Я холодно отвечаю:

— Человек для меня пустой зву...

Я замолкаю, потому что мой информационный центр начинает вдруг передавать мне точные данные: знания, которые не были доступны мне тысячи лет.

То, что произошло с земной атмосферой, — феномен природы, вызванный изменениями гравитационного поля Земли, в результате чего скорость убегания по орбите уменьшилась вдвое. За какую-нибудь тысячу лет атмосфера улетучилась в космос. Земля стала такой же безжизненной, как Луна в ранний период энергетического распределения.

В данном случае, объясняю я, важным фактором является то, что такого феномена, как материя, не существует, а потому в главном энергетическом поле «Илем» претерпевает изменения иллюзия массы.

Я добавляю:

— Естественно, что разумная органическая жизнь была перенесена на обитаемые планеты других звезд.

Я вижу, как Граннитт дрожит от волнения.

— Другие звезды! — говорит он. — Бог мой!
Но тут же берет себя в руки.

— Почему тебя оставили на планете?

— А кто мог заставить... — говорю я.

И замолкаю. Мой центр восприятия уже получил ответ на его вопрос.

— Да, но ведь я... должен наблюдать и регистрировать...

Я опять замолкаю, вне себя от изумления. Мне кажется невероятным, что я получил доступ к информации, которая так долго была скрыта в ячейках моей памяти.

— Почему ты не выполнил данных тебе инструкций? — резко спрашивает Граннитт.

— Инструкций?! — восклицаю я.

— Ты можешь вспомнить! — повторяет он.

Не успел он произнести эти, по-видимому, магические слова, как в моем мозгу вспыхивает ответ: метеоритный дождь. Внезапно я вспоминаю, как мириады метеоритов — их число превышает мои возможности справиться с ними — пробивают мою защиту. Три жизненно важных для меня попадания.

Я не объясняю этого Граннитту и Анне Стюарт. Мне вдруг становится ясно, что когда-то я служил людям и свободу получил только после того, как поток метеоритов нарушил схемы определенных контрольных центров.

Но для меня важна моя настоящая свобода, а не прошлая рабская зависимость. Автоматически я отмечаю, что управляемая ракета находится в трех минутах полета от цели. Мне пора уходить.

— Еще один вопрос, — говорит Граннитт. — Когда тебя переместили на другую сторону долины?

— Примерно через сто лет, если брать отсчет времени от настоящего, — отвечаю я. — Пришли к

выводу, что скальное основание, которое находится на этой стороне...

Он иронически смотрит на меня.

— Вот именно, — говорит он. — Интересно, не правда ли?

Мои интегральные схемы уже подтвердили мне правоту его слов. Мозг и я — одно и то же, только с разницей в тысячи лет. Если Мозг будет уничтожен в двадцатом веке, я перестану существовать в тридцатом. Или не перестану?

У меня нет времени, которое понадобится компьютерам, чтобы ответить на столь сложный вопрос. Одним синхронизированным движением я активизирую предохранители на атомной боеголовке ракеты и посылаю ее на пустынные холмы к северу от деревушки. Она зарывается в почву, не причинив никакого вреда.

— Ваше открытие, — говорю я, — просто означает, что теперь я буду относиться к Мозгу как к союзнику и сделаю все возможное, чтобы спасти его от вас.

Не переставая говорить, я как бы случайно подхожу к Анне Стюарт, протягиваю руку, касаясь ее, и одновременно направляю поток электрической энергии. Через мгновение от нее останется лишь кучка пепла.

Но ничего не происходит. Никакого энергетического потока нет. Я стою, не веря в происходящее, и напряженно жду, когда компьютеры сообщат мне о причине неудачи.

Но вычислительные центры безмолвствуют.

Я бросаю взгляд на Граннитта. Вернее, на то место, где он только что находился. *Его там нет.*

Анна Стюарт, по-видимому, поняла, что со мной происходит.

— Это произошло благодаря способности Мозга

перемещаться во времени, — говорит она. — В сущности говоря, это единственное преимущество, которое у него есть перед тобой. Мозг отправил Билла... мистера Граннитта в прошлое, так что он не только проследил за твоим прибытием сюда, но и отправился на машине в твой коттедж и, следуя указаниям Мозга, стал господином положения. Сейчас он уже наверняка отдал команду, которая заблокировала тебя от компьютеров.

— Он не знает, какая это команда, — говорю я.

— Знает, — уверенно заявляет Анна Стюарт. — Он почти всю ночь занимался тем, что встраивал в Мозг схемы команд, и теперь они должны автоматически управлять тобой.

— Только не мной, — говорю я.

Но, едва произнеся эту фразу, я устремляюсь вниз по каменным ступеням, по дорожке, к проходной. Охранник что-то кричит мне вслед. Я бегу по шоссе, не обращая внимания.

Я пробегаю примерно полмили, когда неожиданная мысль приходит, словно озаряет меня: впервые за всю историю моего существования я отрезан от информационных центров и компьютеров какой-то посторонней силой! В прошлом я отсоединял себя только сам и отправлялся куда угодно, твердо зная, что мгновенно могу восстановить необходимую связь.

Сейчас это невозможно.

Осталась только часть меня — та, что бежала сейчас по шоссе. Если и ее уничтожат, мне конец.

«В такие минуты, — думаю я, — человек испытывает отчаяние, страх».

Я пытаюсь вообразить, какую форму должна принять такая реакция, и на мгновение мне кажется, будто я чисто физически ощущаю какое-то подобие волнения.

Такая реакция меня не устраивает, и я продолжаю бег.

Пожалуй, впервые я пытаюсь исследовать себя с точки зрения человеческого существа, каким сейчас являюсь. Вне всякого сомнения — я очень сложный феномен. Создав себя гуманоидом, я автоматически промоделировал человека — как внутренне, так и внешне: псевдонервы, псевдоорганы, мышцы, скелет — все это есть во мне, потому что куда легче следовать уже готовому образцу, чем создавать что-то новое.

Созданное мной существо наделено способностью мыслить. У него сохранился достаточный контакт с ячейками памяти и компьютерами для создания определенных структурных схем: памяти, вычислений, осознания физиологических действий, привычек — таких, например, как ходьба. Короче, это существо в известной мере живет.

Через сорок минут неустанного бега я оказываюсь у своего домика. Притаившись за кустом в сотне футов от забора, я наблюдаю. Граннитт сидит в кресле в саду. На подлокотнике лежит автоматический пистолет.

Интересно, что я почувствую, когда пуля пронзит меня, — ведь восстановиться я не смогу. «Мне это не понравится», — мысленно говорю я. При этом внешне я продолжаю оставаться совершенно безучастным, но пытаюсь вызвать в себе нечто похожее на страх.

Из своего убежища я кричу:

— Граннитт, что вы собираетесь делать?

Он встает и подходит к забору.

— Можешь не прятаться, — говорит он. — Я не буду стрелять.

Я тщательно обдумываю его слова, вспоминая все, что знаю о его порядочности на основе прежних

с ним контактов. Я решаю, что вполне могу положиться на его слово.

Когда я выхожу из-за куста, он небрежно прячет пистолет в карман куртки. Я вижу, что мышцы его лица расслаблены, в глазах уверенность.

— Сервомеханизмы уже получили мои инструкции, — говорит он. — Ты опять отправишься наблюдателем в будущее, но уже под моим контролем.

— Никто и никогда, — угрюмо заявляю я, — не будет меня контролировать.

— У тебя нет выбора, — говорит Граннитт.

— Я могу остаться таким, как сейчас, — отвечаю я.

— Как хочешь. — Граннитт пожимает плечами. — Почему бы тебе действительно не попробовать какое-то время побывать человеком? Приходи через тридцать дней, тогда и поговорим.

Он, видимо, чувствует, что мне в голову пришла какая-то мысль, потому что резко добавляет:

— И не вздумай прийти раньше. Я прикажу охране стрелять.

Я уже делаю шаг, намереваясь уйти, потом поворачиваюсь к нему лицом.

— Это человеческое тело, — говорю я, — но у него нет никаких человеческих желаний. Что мне делать?

— Меня это не касается, — говорит Граннитт.

Первые несколько дней я провожу в Ледертоне. В самый первый день я работаю простым рабочим: копаю яму под фундамент. К вечеру я чувствую, что такая работа меня не удовлетворяет. По дороге в отель я вижу в окне магазина объявление: «Требуются служащие!».

Я устраиваюсь в галантерейный магазин простым клерком. Первый час у меня уходит на знакомство с ассортиментом, и так как я обладаю автома-

тической памятью, то очень быстро разбираюсь в ценах и качестве товаров. На третий день владелец магазина делает меня помощником управляющего.

Я имею обыкновение завтракать в кафетерии местного отделения национальной маклерской фирмы. После беседы со мной управляющий, обратив внимание на мое умение оперировать цифрами, берет меня в бухгалтерию.

Через мои руки проходит колоссальное количество денег. Понаблюдав некоторое время за финансовыми операциями, я наловчился изымать небольшое количество денег, чтобы поиграть на бирже, которая находится в доме напротив. Так как любая игра сводится к проблеме математических вероятностей, где решающим фактором является скорость вычисления, то через три дня я сколачиваю капитал в десять тысяч долларов.

После этого я доезжаю на автобусе до ближайшего аэропорта и лечу в Нью-Йорк. Там я захожу в главную контору крупной фирмы по продаже электротоваров. После беседы с помощником главного инженера меня представляют самому главному инженеру, и через некоторое время я знакомлю их с электрическим приспособлением, которое может включать свет силой мысли. В действительности это простое преобразование электроэнцефалографа.

За это изобретение фирма выплачивает мне один миллион долларов.

Прошло уже шестнадцать дней с тех пор, как я ушел от Граннита. Я купил машину и самолет. На машине я езжу с огромной скоростью, на самолете забираюсь высоко в небо, всякий раз расчетливо рискуя, чтобы выработать в себе страх. Через несколько дней это теряет для меня всякий смысл.

Через научные общества я собираю сведения о

всех имеющихся в стране вычислительных машинах. Лучшей из них, безусловно, является Мозг, созданный Гранниттом. Я покупаю хороший компьютер и конструирую аналоговые устройства, чтобы улучшить его. Но меня беспокоит мысль: что, если я сконструирую еще один Мозг? Мне понадобятся тысячетелетия, чтобы вложить в его ячейки памяти те данные, которыми уже располагает Мозг Граннита.

Такое решение кажется мне иррациональным, а я слишком долго мыслил логически, чтобы сейчас перестраиваться.

Тем не менее, когда я подхожу к коттеджу на тридцатый день, я принимаю определенные меры предосторожности. Несколько нанятых мною людей лежат в кустах, готовые по первому моему сигналу открыть огонь.

Граннитт ждет меня.

— Мозг сообщил мне, что ты пришел сюда вооруженный, — говорит он.

Я пропускаю его слова мимо ушей.

— Граннитт, — говорю я, — каков ваш план?

— Смотри!

Какая-то сила неожиданно хватает меня, парализует все мои движения.

— Вы нарушаете слово, — говорю я, — а моим людям приказано стрелять, если я время от времени не буду их окликать.

— Я намерен кое-что показать тебе, — говорит он. — Это не займет и минуты. Скоро ты будешь свободен.

— Хорошо, слушаю вас.

Мгновение — и я становлюсь частью его нервной системы. Он небрежно вынимает из кармана записную книжку и листает ее. Взгляд его останавливается на числе 71823.

Семь один восемь два три.

Я уже чувствую, что связан через его мозг с обширными ячейками памяти и компьютерами, которые раньше составляли мое тело. Используя их превосходный интегральный аппарат, я умножаю число 71823 на себя, извлекаю квадратный и кубический корни, делю 1/182 часть его на семь 182 раза, делю полученное число 71 раз на восемь, беру его 823 раза из корня квадратного из трех и, раскладывая пятизначное число на серии 23 раза, умножаю полученный результат на себя.

Я проделываю все эти операции одновременно с тем, как Граннитт начинает думать о них, и мгновенно передаю ответы в его мозг. Ему должно казаться, что он сам делает вычисления, настолько совершенен этот союз человеческого ума с механическим мозгом.

Граннитт возбужденно смеется, и в ту же секунду силовое поле, удерживающее меня, исчезает.

— Мы вместе как один сверхчеловек, — говорит он. И добавляет: — Моя мечта может стать реальностью. Человеку, работающему в союзе с машиной, доступны знания, о которых раньше трудно было даже подумать. Перед нами открываются пути к планетам, может быть, к звездам, и физическое бессмертие тоже, возможно, окажется нам по плечу.

Его возбуждение передается мне. Вот наконец то чувство, которого я тщетно пытался добиться в течение минувших тридцати дней. Я медленно говорю:

— Какие ограничения будут мне поставлены, если я соглашусь работать по вашей программе?

— Ячейки, в которых хранится память о случившемся, будут уничтожены или dezактивированы.

Как полагаю, тебе следует позабыть все, что произошло.

— Что еще?

— Ни при каких обстоятельствах ты не сможешь управлять человеком!

Я раздумываю над этим условием и вздыхаю. Вполне естественно, ведь для него — это необходимая мера предосторожности.

— Ты должен согласиться, — продолжает Граннитт, — чтобы многие люди одновременно могли пользоваться твоими способностями. В конечном итоге, как мне думается, без тебя не обойдется добрая часть всего человечества.

Стоя на свежем воздухе, являясь частью Граннитта, я чувствую, как пульсирует кровь в его венах. Он дышит, и физическое ощущение этого приводит меня в экстаз. По собственному опыту я знаю, что ни одно искусственно созданное существо не может так чувствовать. А вскоре у меня будет контакт не с одним, а с многими людьми. В меня вольются мысли и ощущения целой расы. Физически, умственно и духовно я буду частью единственной разумной жизни на Земле.

Мне более нечего бояться.

— Хорошо, — говорю я, — тогда давайте действовать сообща, как договорились, шаг за шагом.

Я буду не рабом, а *Другом Человека*.

Уильям Тенн

Посыльный*

— Добрый день, да, я Мальcolm Блин, это я утром звонил вам из деревни... Можно войти? Я вас не отрываю?.. Спасибо. Сейчас я вам все расскажу, и, если вы — тот человек, из-за которого я ношуся по всей стране, дело пахнет миллионами... Нет-нет, я ничего вам не собираюсь продавать... Никаких золотых приисков, атомных двигателей внутреннего сгорания и прочего. Вообще-то, я торговец, всю жизнь им был и прекрасно понимаю, что выгляджу как торговец с головы до пят. Но сегодня я ничего не продаю. Сегодня я покупаю. Если, конечно, у вас есть то, что мне нужно. То, о чем говорил посыльный... Да послушайте, я не псих какой-нибудь. Сядьте и дайте мне сказать до конца. Это не обычный посыльный. И вообще, он такой же посыльный, как Эйнштейн — бухгалтер. Сейчас вы все поймете... Держите сигару. Вот моя визитная карточка. «Краски для Маллярных Работ Мальcolmа Блина. Любая Краска в Любой Количестве в Любое Место в Любое Время». Само собой, под «любым местом» подразумевается только континентальная часть страны, но звучит красиво Реклама! Так вот, я свое дело знаю. Я смогу продать с прибылью все что угод-

* Печатается по изд.: Тенн У. Посыльный: Пер. с англ. — М.: Молодая гвардия, 1983 («Вокруг света», № 11). — Пер. изд.: Tenn W. Eggand Boy: Tenn W. The Seven Sexes, Ballantine Books, N. Y., 1968.

© Перевод на русский язык, «Молодая гвардия», 1983.

© Перевод на русский язык с исправлениями, «Мир», 1985

но. Новую технологию, услуги, какую-нибудь техническую штуковину... Народ валом повалит. У меня в кабинете на стене есть даже цитата из Эмерсона. Слышали, наверно: «Если человек может написать книгу лучше других, прочесть лучше проповедь или сделать мышеловку лучше, чем его сосед, то пусть он хоть в лесу живет, люди прополчат к его дому тропинку». Железный закон! А я — тот самый парень, что заставляет их пробивать тропу. Я знаю, как это делается, и хочу, чтобы вы сразу это поняли. Если у вас есть то, что мне нужно, мы сможем такое дело провернуть!.. Нет-нет, у меня все дома... Вы, вообще-то, чем занимаетесь? Цыплят выращиваете? Ну ладно. Слушайте...

Было это пять недель назад, в среду. К нам как раз поступил срочный заказ. Время — одиннадцать часов, а к полудню надо доставить триста галлонов белой краски в Нью-Джерси на стройку одной крупной подрядческой фирмы, с которой я давно хотел завязать прочные отношения. Я, естественно, был на складе. Накачивал Хенnessи — он у меня за старшего, — чтобы тот накачал своих людей. Канистры с краской грузили и отвозили с такой же молниеносной быстротой, с какой в банке вам отвечают отказом на просьбу об отсрочке платежа. Короче, все бегают, суетятся, и тут Хеннесси ехидно так говорит:

— Мальчишки-то, посыльного, что-то долго нет. Наверно, ему уже надоело.

Человек десять прервали работу и засмеялись. Мол, начальник шутит, значит, положено смеяться.

— С каких это пор у нас новый посыльный? — спрашиваю я Хеннесси. — По-моему, до сегодняшнего дня я здесь принимал на работу и увольнял. Каждый, кто поступает вновь, должен быть зарегистрирован. А то что ни день, то новые... Ты слы-

шал про законы о детском труде? Хочешь, чтобы у меня были неприятности? Сколько ему лет?

— Откуда мне знать, мистер Блин? — отвечает Хеннесси. — Они все выглядят одинаково. Девять, может, десять, а может, и все одиннадцать. Худой такой, но не дохлый и одет не бедно.

— Нечего ему здесь делать. А то еще привятся к нам из Совета по образованию или из профсоюза. Хватит с меня двух водителей-идиотов, которые по карте Пенсильвании доставляют груз в Нью-Джерси...

Хеннесси начал оправдываться.

— Я его не нанимал, ей-богу. Он пришел с утра и начал ныть, что, мол, хочет «начать с самого низа» и «показать себя», значит, что, мол, «далеко пойдет», чувствует, мол, что «сможет выбиться в люди», и ему, мол, «нужен только шанс». Я ему сказал, что у нас дела идут туго и мы бы даже самого Александра Грейэма Белла не взяли сейчас на должность телеграфиста, но он согласился работать за бесплатно. Всё, что ему, мол, нужно, — это «ступенька на лестнице к успеху», и дальше в таком же духе.

— И что?

— Ну, я сделал вид, что раздумываю, потом говорю: «Ладно, дам тебе шанс. Поработаешь посыльным». Вручил ему пустую банку и приказал срочно найти краску, зеленую в оранжевый горошек. Попшишил, значит. А он схватил банку и бегом. Парни тут чуть не померли от смеха. Я думаю, он больше не вернется.

— Да уж, смешнее некуда. Как в тот раз, когда ты запер Вейлена в душевой и подсунул туда бомбу-вонючку. Кстати, если фирма не получит краску вовремя, я вас с Вейленом местами поменяю — вот тогда совсем смешно будет!

Хеннесси вытер руки о комбинезон, собрался было что-то ответить, но передумал и начал орать на грузчиков так, что у всех уши завяли. Шутки дурацкие он любит, наверно, еще с тех пор, когда первый раз надул в пеленки, но одно могу сказать: парни при нем работают как положено.

И тут как раз входит этот паренек.

— Эй, смотрите, Эрнест вернулся! — крикнул кто-то.

Работа опять остановилась. Запыхавшись, мальчишка подбежал к нам и поставил на пол перед Хеннесси банку с краской.

Одет мальчишка был в белую рубашку, латаные вельветовые брюки и высокие шнурованные ботинки. Должен сказать, я такого вельвета раньше никогда не видел, да и материала, из которого была сшита рубашка, тоже. Тонкий и, похоже, действительно дорогой материал, вроде как металлом отливает, просто уж и не знаю, как иначе описать.

— Я рад, что ты вернулся, малыш, — сказал Хеннесси.— Мне как раз срочно понадобилась левосторонняя малярная кисть. Сбегай-ка разыщи. Только обязательно левостороннюю.

Двое или трое грузчиков осторожно засмеялись. Мальчишка побежал к выходу, но в дверях остановился и обернулся к нам.

— Я постараюсь, сэр, — сказал он, и мне почудилось, будто в голосе у него зазвучала флейта. — Но краска... Я не мог найти зеленую в оранжевый горошек. Только в красный. Надеюсь, она тоже подойдет.

И убежал.

Секунду было тихо, потом всех как прорвало. Грузчики стояли держа в руках банки с краской, и неудержимо гоготали, захлебываясь ядовитыми репликами в адрес Хеннесси.

- Как он тебя, а?..
- В красный горошек!..
- Надеюсь, тоже подойдет!..
- Ну и влип же ты!

Хеннесси стоял, в ярости сжав кулаки, раздумывая, на кого бы наброситься, потом заметил банку с краской, размахнулся ногой, чтобы ударить по ней, но промахнулся, задев только самый край, и растянулся на полу. Хохот стал еще громче, но, когда он поднялся на ноги, все мгновенно успокоились и бросились грузить машину. Желающих привлечь к себе внимание Хеннесси, когда он в таком настроении, не было.

Все еще посмеиваясь, я наклонился над банкой. Хотел посмотреть, что мальчишка туда налил. В банке было что-то прозрачное с бурными точками. Явно не краска. Но тут я заметил лужицу рядом с банкой — и чуть не задохнулся. Это действительно была краска. *Зеленая в красный горошек!*

Я даже не успел засомневаться: такого же цвета пятно было на стенке банки. Где этот мальчишка, этот посыльный, этот Эрнест, мог достать такую краску?!

Я всегда чую, что можно хорошо продать. В этом мне не откажешь. Ни оном чую! Кому-нибудь в другом конце города ночью приснится что-нибудь такое, на чем можно заработать, — я учую. Такую краску с руками оторвут! Промышленники, дизайнеры, декораторы, просто чудаки, которые любят возиться с красками на своих участках... Это же золотое дно!

Но надо действовать быстро!

Подхватив банку за проволочную ручку, я старательно затер ногой разлитую лужицу, которая, к счастью, успела смешаться с пылью на полу, и вы-

шел на улицу. Хеннесси стоял около грузовика и следил за погрузкой.

Я подошел к нему.

— Как мальчишку-то зовут? Эрнест?

— Да, — пробурчал он, — фамилии он не соизволил сообщить. И вот что я вам скажу: если этот умник здесь еще раз появится...

— Ладно, ладно. У меня дела. Проследи тут без меня за погрузкой.

И я двинулся в ту же сторону, куда убежал мальчишка.

Хеннесси, надо полагать, заметил банку с краской у меня в руке. Наверно, подумал, на кой черт мне понадобился этот мальчишка? Я еще, помнится, сказал себе: «Пусть думает. Оставим Хеннесси любопытство, а сами возьмем прибыль!».

Через три квартала я увидел его в конце улицы, ведущей к парку, и бросился догонять. Мальчишка остановился напротив скобяной лавки, задумался на секунду, потом зашел внутрь. К тому времени, когда он вышел, я уже был рядом. Некоторое время мы шли бок о бок. Вид у него был удрученный, и он не сразу меня заметил.

Странная на нем была одежда. Даже старомодные шнурованные ботинки были сделаны из какого-то непонятного материала. Я такого никогда раньше не видел, но готов поклясться, что это не кожа.

— Что, не нашел? — спросил я сочувственно.

Мальчишка вздрогнул, но, очевидно, признал меня.

— Нет, не нашел. Продавец сказал, что у них как раз сейчас нет левосторонних кисточек. И про краску то же самое говорили. Как у вас все-таки

неэффективно распределяют промышленные товары...

Я сразу заметил, с какой серьезностью он это произнес. Ну и парень!

Я остановился и почесал в затылке. То ли сразу его спросить, где он краску такую взял, то ли дать выговориться? Может, сам проболтается, как это с большинством людей бывает?

Он вдруг побледнел и тут же покраснел. Не люблю таких неженок. Он ведь ростом чуть ли не с меня вымахал, а голос тоненький — прямо сопрано какое-то. Но это бы еще ладно. А вот если парень так краснеет, значит, его в школе по-настоящему не дразнили.

— Послушай, Эрнест, — начал я и положил руку ему на плечо. Этак по-отцовски. — Я...

Он отскочил назад, словно я его консервным ножом по шее пощекотал. И опять покраснел! Ну, прямо как невеста, которая уже пожила в свое удовольствие, а перед алтарем краснеет как маков цвет, чтобы убедить будущую свекровь, что ничего такого не было.

— Не надо этого делать! — говорит. А сам весь трястется.

«Ну, — думаю, — лучше переменить тему».

— Костюмчик у тебя неплохой. Откуда? — назойливо так говорю, бдительность его ослабляю.

Он самодовольно оглядел себя.

— А, это из школьной пьесы. Правда, немного не соответствует этой эпохе, но я думал... — Он замялся, словно выдал какой-то секрет. Что-то здесь было не так.

— А где ты живешь? — быстро спросил я.

— В Бруксе, — так же быстро ответил он.

Явно что-то не так.

— Где-где? — переспросил я.

— Ну, в этом, знаете, Бруксе... Вернее, в Бруклине...

Я задумался, потер рукой подбородок, и тут мальчишка опять весь затрясся.

— Ну пожалуйста, — произнес он своим тоненьким голоском. — Зачем вы все время скингируете?

— Зачем я что?

— Скингируете. Ну, касаетесь тела руками. Даже на людях. Плеваться и икать — тоже плохие привычки, и большинство из вас этого не делают. Но все, абсолютно все всегда скингируют.

Я сделал глубокий вдох и пообещал ему больше не скингировать. Однако, как говорится, если хочешь узнать чужие карты, надо начинать ходить самому.

— Послушай, Эрнест, я хочу с тобой поговорить... Короче, меня зовут Мальcolm Блин, и я...

Его глаза округлились.

— О-о-о! Нувориши-грабитель! Хозяин складов...

— Чего? — переспросил я.

— Вы же владелец «Красок для Маллярных работ». Я видел вашу фамилию на вывеске. — Тут он кивнул сам себе. — Я все книжки приключенческие перечитал. Дюма... Нет, не Дюма... Элджер, Синклер, Капон. «Шестнадцать торговцев» Капона — вот это книжка! Пять раз читал. Но вы Капона еще не знаете. Его книгу опубликовали только в...

— Когда?

— В этом... Ну ладно, вам я могу все рассказать. Вы один из главных здесь, владелец склада. Дело в том, что я совсем не отсюда.

— В самом деле? А откуда же?

У меня-то на этот счет были свои соображения. Наверно, из тех богатеньких сынов, что преусердствовали с учением, — а может, беженец

какой, если судить по его худобе и акценту.

— Из будущего. Мне вообще-то сюда еще нельзя. Может быть, меня даже понизят за это на целую степень ответственности. Но я просто должен был увидеть нуоришей-грабителей собственными глазами. Это так все интересно... Я хотел увидеть, как создают компаний, разоряют конкурентов, «загоняют в угол»...

«Ну-ну, из будущего, значит, — подумал я. — Тоже мне, экономист в вельветовых штанах!.. Вельветовых?..»

— Стой, стой. Из будущего, говоришь?

— Да, по вашему календарю... Сейчас соображу... В этой части планеты это будет... Из 6130-го года. Ой нет — это другой календарь. По-вашему это будет 2369-й год нашей эры. Или 2370-й? Нет, все-таки, я думаю, из 2369-го.

Я обрадовался, что он наконец решил этот вопрос. Тут же ему об этом сказал, и он меня вежливо поблагодарил. И все это время я думал: если мальчишка врет или просто чокнутый, откуда он тогда взял краску в горошек? Одежду эту? Что-то я не слышал, чтобы у нас такую делали. Надо бы спросить...

— Эта краска... тоже из будущего? Я хочу сказать — тоже из твоего времени?

— Ну да. В магазинах нигде не было, а мне так хотелось себя проявить. Этот Хеннесси тоже «вернула», да? Вот я и отправился к себе, попробовал по спиритликсу и нашел.

— Спиритликс? Это еще что?

— Это такой круглый узикон, ну вы знаете, такой... Ваш американский ученый Венцеслаус изобрел его примерно в это время. Да, точно, это было в ваше время. Я еще, помню, читал, у него были трудности с финансированием... Или это было

в другом веке? Нет, в ваше время! Или...

Он опять задумался и приняллся рассуждать сам с собой.

— Ладно, — остановил я его, — плюс-минус сто лет — какая разница? Ты мне лучше скажи, как эту краску делают? И из чего?

— Как делают? — Он начертил носком ботинка маленький круг на земле и уставился на него. — Из плавиковой кислоты... Трижды бластированной. На упаковке не было указано сколько, но я думаю, ее бластируют трижды, и получается...

— Хорошо, подожди. Что значит бластируют и почему трижды?

Мальчишка весело рассмеялся, показав полный рот безукоризненных белых зубов.

— О, я еще этого не знаю. Это все относится к технологии дежекторного процесса Шмутца, а я его буду проходить только через две степени ответственности. А может, даже не буду, если у меня будет хорошо получаться самовыражение. Самовыражаться мне нравится больше, чем учиться... У меня еще два часа есть. Но...

Он продолжал что-то говорить про то, как он хочет кого-то там убедить, чтобы ему разрешили больше самовыражаться, а я в это время напряженно думал. И пока ничего хорошего в голову не приходило. Краски этой много не достанешь. Единственная надежда — произвести анализ образца, который у меня был, но эта чертовщина насчет плавиковой кислоты и какого-то тройного бластирования... Темное дело.

Сами подумайте. Люди знакомы со сталью уже давно. Но вот взять, например, образец хорошей закаленной стали с одного из заводов Гэри или Питтсбурга и подсунуть его какому-нибудь средневековому алхимику. Даже если дать ему совре-

менную лабораторию и объяснить, как пользоваться оборудованием, он вряд ли много поймет. Может, он и определит, что это сталь, и даже сумеет сказать, сколько в ней примесей углерода, марганца, серы, фосфора или кремния. Если, конечно, кто-нибудь перед этим расскажет ему о современной химии. Но вот как сталь приобрела свои свойства, откуда взялись ее упругость и высокая прочность — этого бедняга сказать не сможет. А расскажешь ему про термообработку или про отжиг углерода — он только рот будет раскрывать, как рыба на рыночном прилавке.

Или взять стекловолокно. Про стекло знали еще древние египтяне. Но попробуй покажи им кусок такой блестящей ткани и скажи, что это стекло. Ведь посмотрят как на психа.

Короче, у меня есть только краска. Всего одна банка, та самая, которую я держу своей потной рукой за проволочную ручку. Ясно, это мне ничего не даст, но я не я буду, если что-нибудь не придумаю.

Стоит тут перед тобой такой вот мальчишка-посыльный, а на самом деле — величайшая, небывалая возможность разбогатеть. Ни один бизнесмен в здравом уме от такой возможности не откажется.

И я, признаюсь, тоже жаден. Но только до денег. Вот я и подумал, как бы мне превратить этот невероятный случай в кучу зеленых бумажек с множеством нулей. Мальчишка ничего не должен заподозрить или догадаться, что я собираюсь его использовать. Торговец я или нет? Я просто должен его перехитрить и заставить работать на себя с максимальной отдачей.

С беззаботным видом я двинулся в ту же сторону, куда шел Эрнест. Он догнал меня, и мы пошли рядом.

— А где твоя машина времени, Эрнест?

— Машина времени? — Его худенькое лицо исказилось в удивленной гримаске. — У меня нет никакой... А, понял, вы имеете в виду хронодром. Надо же такое сказать — машина времени!.. Я установил себе совсем маленький хронодром. Мой отец работает на главном хронодроме, который используют для экспедиций, но на этот раз я хотел попробовать один, без надзора. Мне так хотелось увидеть все самому: как бедные, но целеустремленные разносчики газет поднимаются к вершинам богатства. Или великих смелых нуворишей-грабителей — таких, как вы, а если повезет — настоящих «воротил экономики»! Или вдруг бы я попал в какую-нибудь интригу, например в настоящую биржевую махинацию, когда миллионы мелких вкладчиков теряют деньги и «идут по ветру»! Или «по миру»?

— По миру. А где ты установил этот свой хронодром?

— Не «где», а «когда». Сразу после школы. Мне все равно сейчас положено заниматься само выражением, так что большой разницы это не делает. Но я надеюсь успеть вовремя, до того как Цензор-Хранитель...

— Конечно, успеешь. Не беспокойся. А можно мне воспользоваться твоим хронодромом?

Мальчишка весело засмеялся, словно я сказал какую-то глупость.

— У вас не получится. Ни тренировки, ни даже второй степени ответственности. И дестабилизоваться вы не умеете. Я рад, что скоро возвращаться, хотя мне тут понравилось. Все-таки здорово! Настоящего нувориша-грабителя встретил!

Я покопался в карманах и закурил «нувориш-грабительскую» сигарету.

— Я думаю, ты и левостороннюю кисть там у себя найдешь без особого труда?

— Не знаю, может быть, и нет. Я никогда про такие не слышал.

— Послушай, а у вас там есть какая-нибудь штука, чтобы видеть будущее? — спросил я, стряхивая пепел на дорогу.

— Вращательный дистрингулятор? Есть. На главном хронодроме. Только я еще не знаю, как он работает. Для этого нужно иметь шестую или седьмую степень ответственности — с четвертой туда и близко не подпустят.

И здесь неудача! Конечно, я мог бы убедить мальчишку притащить еще пару банок краски. Но, если анализ ничего не даст и современными методами ее изготовить нельзя, какой смысл? Другое дело — какой-нибудь прибор, что-то совершенно новое, что можно не только продать за большие деньги, но и самому воспользоваться. Взять, например, эту штуковину, через которую можно видеть будущее, — я бы на ней сам миллионы сделал: предсказывал бы результаты выборов, первые места на скачках... Неплохо бы иметь такую штуку. Этот самый вращательный дистрингулятор. Но мальчишка не может ее добыть! Плохо!

— А как насчет книг? Химия? Физика? Промышленные методы? У тебя есть что-нибудь такое дома?

— Я живу не в доме. И учусь не по книгам. По крайней мере не физику с химией. У нас для этого есть гипнотическое обучение. Вот вчера шесть часов просидел под гипнозом — экзамены скоро...

Я потихоньку закипал. Целые миллионы долларов уплывают из рук, а я ничего не могу сделать. Парень уже домой собирается, все увидел, что хотел (даже «настоящего живого нуориша-грабите-

ля»), а теперь домой — самовыражаться! Должна же быть хоть какая-нибудь зацепка...

— А где твой хронодром? Я имею в виду, где он здесь выходит, у нас?

— В Центральном парке. За большим камнем.

— В Центральном парке, говоришь? Не возражаешь, если я посмотрю, как ты к себе отпра-вишься?

Он не возражал. Мы протопали в западную часть парка, потом свернули на узенькую тропинку. Я отломил от дерева сухую ветку и стегнул себя по ноге. Просто необходимо что-то придумать до того, как он смотается к себе. Банка с краской уже здорово действовала мне на нервы. Она была в общем-то не тяжелая, но, если это все, что я получу с этого дела?.. А вдруг еще и анализ ничего не даст?..

Надо, чтобы мальчишка говорил, говорил... Чтонибудь да подвернется.

— А какое у вас правительство? Демократия? Монархия?

Мальчишка засиял радостным смехом, и я еле удержался, чтобы не задать ему трепку. Я тут, можно сказать, состояние теряю, а он забавляется, словно я клоун.

— Демократия! Вы имеете в виду политическое значение этого слова, да? Это у вас тут разные нездоровые личности, политические группировки... Мы прошли эту стадию еще до того, как я родился. А последний президент — его не так давно собрали — по-моему, был реверсилистом. Так что можно сказать, что мы живем при реверсилизме. Впрочем, еще не завершенном.

Очень ценно! Сразу все так понятно стало... Я уже дошел до такого состояния, что готов был схватиться буквально за любую идею. А Эрнест тем

временем продолжал болтать про какие-то непонятные вещи с непроизносимыми названиями, которые творят невероятные дела. Я тихо ругался про себя.

— ...Получу пятую степень ответственности. Потом экзамены, очень трудные. Даже тенденсор не всегда помогает.

Я встрепенулся.

— Что это за тенденсор? Что он делает?

— Анализирует тенденции. Тенденции и ситуации в развитии. На самом деле это статистический анализатор, портативный и очень удобный. Но примитивный. Я по нему узнаю вопросы, которые будут на экзамене. У вас такого нет. У вас, как я помню, в школьном воспитании бытует множество суеверий, и считается, что молодежь не должна предвидеть вопросы, которые ставит постоянное изменение окружающего мира или просто личное любопытство их инструкторов. Пришли!

Рядом, на вершине невысокого холма, проглядывали из-за деревьев серые бесформенные обломки скал, и даже на расстоянии я заметил слабое голубое свечение за самым большим камнем.

Эрнест соскочил с тропинки и стал взбираться на холм. Я бросился за ним. Времени оставалось в обрез. Этот тенденсор... Может быть, он-то мне и нужен!

— Послушай, Эрнест,— спросил я, догнав его около большого камня,— а как этот твой тенденсор работает?

— О, все очень просто. Вводишь в него факты — у него обычная клавиатура, — а он их анализирует и выдает наиболее возможный результат или предсказывает тенденцию развития событий. Еще у него встроенный источник питания... Ну ладно, мистер Блин, до свидания!

И он двинулся к голубому туману в том месте, где он был наиболее плотным. Я обхватил его рукой и дернул к себе.

— Опять вы скингируете! — завизжал мальчишка.

— Извини, малыш. В последний раз. Что ты скажешь, если я тебе покажу действительно крупную аферу? Хочешь увидеть напоследок, как я прибираю к рукам международную корпорацию? Я эту махинацию уже давно задумал, будет крупная игра на повышение. Уолл-стрит ничего не подозревает, потому что у меня свой человек на чикагской бирже. Я потороплю это дело, сегодня займусь специально, чтобы ты увидел, как работает настоящий нувориш-грабитель. Только вот с твоим тенденсом я бы провернул это дело наверняка гораздо быстрее. Вот это было бы зрелище! Сотни банков прогорают, я «загоняю в угол» производство каучука, золотой стандарт падает, мелкие вкладчики «идут по миру»! Все сам увидишь, своими глазами! А если притащишь мне тенденс, я даже разрешу тебе руководить «накоплением капитала»!

Глаза у парнишки засияли как новенькие десятицентовики.

— Ух ты! Вот это здорово! Подумать только! Самому участвовать в такой финансовой битве! Но ведь рискованно... Если Цензор-Хранитель подведет итоги и узнает, что я отсутствовал так долго... Или моя наставница поймает меня во время незаконного использования хронодрома...

Но я ведь вам говорил, что я свою дело знаю. Что-что, а людей убеждать я умею.

— Ну, как хочешь. — Я отвернулся и затоптал сигарету. — Я просто хотел дать тебе шанс, потому что ты такой замечательный парень, неглупый. Думал, ты далеко пойдешь. Но у нас, нуворишней-гра-

бителей, тоже, знаешь ли, есть своя гордость. Не каждому посыльному я бы доверил такое важное дело, как накопление капитала.

И я сделаю вид, будто ухожу.

— Ой, мистер Блин, — мальчишка забежал вперед меня, — я очень ценю ваше предложение. Только вот рискованно. Но ... «опасность — это дыхание жизни для вас», так ведь? Ладно, я принесу тенденсор. И мы вместе распопрошим рынок. Только вы без меня не начинайте.

— Хорошо, но ты поторопись. До захода солнца нужно еще много успеть. Двигай. — Я поставил банку с краской в траву и скрестил руки. Потом взмахнул веткой, словно этой штуковиной, ну, которую короли-то все таскают, — скипетром.

Он кивнул, повернулся и побежал к голубому туману за камнями. Коснувшись его, он сначала стал весь голубой, затем исчез. Какие возможности открываются! Вы ведь понимаете, о чем я. Этот тенденсор... Если все, что сказал мальчишка, — правда, то его действительно можно использовать именно так, как я наобещал Эрнесту. Можно предсказывать движение биржевого курса: вниз, вверх, хоть в сторону! Предвидеть финансовые циклы, развитие отраслей промышленности. Предрекать войны, перемирия, выпуск акций... Все, что нужно, — это запихать в машинку факты, например финансовые новости из любой ежедневной газеты, а затем грести деньги лопатой. Ну, теперь можно будет развернуться.

Я запрокинул голову и подмигнул кроне дерева.

Честное слово, я чувствовал себя словно пьяный. Должно быть, я и в самом деле опьянел от предвкушения успеха. Я потерял хватку, перестал думать. А этого нельзя допускать ни на секунду. Никогда!

Подойдя к голубому облаку, я потрогал его рукой — как каменная стена. Мальчишка не соврал, действительно, без подготовки мне туда не попасть...

«Ну и ладно, — подумал я. — Хороший все-таки парнишка, Эрнест. И имя у него красивое. Эрнест. И все замечательно».

Туман расступился, оттуда выскочил Эрнест. В руках он держал продолговатый серый ящик с целой кучей белых клавиш, как у счетной машинки. Я выхватил ящик у него из рук.

— Как он работает?

— Моя наставница... Она меня заметила, — задыхаясь от бега, произнес мальчишка. — Окликнула меня... Надеюсь.. она не видела... что я побежал к хронодрому... Первый раз не послушался... Незаконное использование хронодрома...

— Ладно, успокойся, — прервал я его, — нехорошо, конечно. А как он работает?

— Клавиши. Надо печатать факты. Как на древней — как на ваших пишущих машинках. А результаты появятся вот здесь, на маленьком экране.

— Да, экран маловат. И потребуется чертова уйма времени, чтобы напечатать пару страниц финансовых новостей. И еще биржевой курс... У вас что, нет ничего лучше? Чтобы можно было показать машине страницу — а она тебе сразу выдаст ответ.

Эрнест задумался.

— А, вы имеете в виду *открытый* тенденсор. У моей наставницы такой есть. Но это только для взрослых. Мне его не дадут, пока я не получу седьмую степень ответственности. И то, если у меня будет хорошо с самовыражением...

Опять он с этим своим самовыражением!

— Но это именно то, что нам нужно, Эрнест.

Давай-ка слетай к себе и прихвати тенденсор своей наставницы.

Мальчишка осталбенел от страха. Глядя на его лицо, можно было подумать, что я приказал ему застрелить президента. Того самого, что они недавно изготовили.

— Но я же сказал! Тенденсор не мой. Это моей наставницы...

— Ты хочешь руководить накоплением капитала или нет? Хочешь увидеть самую грандиозную из всех когда-либо проведенных на Уолл-стрите операций? Банки прогорают, мелкие вкладчики... и все такое... Хочешь? Тогда дуй к своей наставнице...

— Это вы обо мне говорите? — раздался чистый высокий голос.

Эрнест резко обернулся.

— Моя наставница! — пискнул он испуганной флейтой.

Около самого голубого облака стояла маленькая старушка в чудаковатой зеленой одежде. Она печально улыбнулась Эрнесту и, качая головой, взглянула на меня с явным неодобрением.

— Я надеюсь, ты уже понял, Эрнест, что этот период «необычайных приключений» на самом деле весьма уродлив и населен множеством недостойных личностей... Однако мы заждались, ты слишком надолго дестабилизировался — пора возвращаться.

— Вы хотите сказать... Цензоры-Хранители знали про мой незаконный хронодром с самого начала? И мне позволили?..

— Ну конечно. Мы очень довольны твоими успехами в самовыражении и поэтому решили сделать для тебя исключение. Твои искаженные, слишком романтичные представления об этой

сложной эпохе нуждались в исправлении, и поэтому мы решили дать тебе возможность самому убедиться, сколь жестока и несправедлива порой она была. Без этого ты не смог бы получить пятую степень ответственности. А теперь пойдем.

Тут я решил, что настало время и мне поучаствовать в разговоре. Вдвоем они звучали как дуэт флейтистов. Ну и голоса!

— Подождите-ка, не исчезайте. Со мной-то как?

Старушка остановила недобрый взгляд своих голубых глаз на мне.

— Боюсь, что никак. Что же касается различных предметов, которые вы незаконно получили из нашей эпохи, — Эрнест, право же, не следовало заходить так далеко, — то мы их забираем.

— Я так не думаю, — сказал я и схватил Эрнеста за плечи. Он начал вырываться, но я держал его крепко и занес над его головой ветку. — Если вы не сделаете, что я прикажу, мальчишке будет плохо. Я — я его всего заскингирую!

Затем на меня напало вдохновение, и я понес:

— Я его в бараний рог согну. Я ему все кости переломаю.

— Что вы от меня хотите? — спокойно спросила старушка своим тоненьким голоском.

— Ваш тенденсор. Который без клавиш.

— Я скоро вернусь. — Она повернулась, издав своим зеленым одеянием легкий звон, и исчезла в голубом тумане хронодрома.

Вот так просто все оказалось! Ничего лучше я за всю свою жизнь не проворачивал. И почти без труда. Мальчишка дергался и дрожал, но я держал его крепко. Я не мог позволить ему убежать от меня, нет, сэр, — ведь это было все равно что своими руками отдать чужому мешок с деньгами.

Затем туман задрожал, и из него появилась

старушка. В руках она держала какую-то круглую черную штуку с рукояткой в середине.

— Ну так-то лучше... — начал я, и в этот момент она повернула рукоятку.

Все. Я застыл. Я не мог пошевелить даже волоском в носу и чувствовал себя, как надгробный камень на собственной могиле. Мальчишка метнулся в сторону, подобрал с земли выпавший из моих рук маленький тенденсор и побежал к старушке. Она подняла руку и снова обратилась к Эрнесту:

— Видишь, Эрнест, совершенно типичное поведение. Эгоизм, жестокость, бездушие. Алчность при полном отсутствии социального...

Взмах руки, и они оба исчезли в голубом тумане. Через мгновение сияние померкло. Я бросился вперед, но за камнями было пусто.

Все пропало... Хотя нет!

Банка с краской все еще стояла под деревом, где я ее оставил. Я усмехнулся и протянул к ней руку. Внезапно сверкнуло голубым, тоненький голосок произнес: «Извините. Оп!» — и банка исчезла. Я резко обернулся — никого.

В последующие полчаса я чуть не рехнулся. Сколько я мог всего заполучить! Сколько вопросов мог задать и не задал! Сколько получить информации! Информации, на которой я сделал бы миллионы!

Информация! И тут я вспомнил. Мальчишка говорил, что какой-то Венцеслаус изобрел этот самый спиритуалликс примерно в наше время. И, мол, у него были трудности с финансированием. Я понятия не имею, что это за штука: может быть, она карточки опускает в ящик для голосования, может, дает возможность чесать левой рукой левое плечо. Но я сразу решил: что бы это ни было, най-

ду изобретателя и вложу в это дело весь свой капитал до последнего цента. Все, что я знаю, это что спиритликс что-то делает. И делает хорошо.

Я вернулся в контору и нанял частных детективов. Ведь ясно, что только по телефонным справочникам моего Венцеслауса не найти. Вполне возможно, что у него вообще нет телефона. Может быть, он даже не назвал свой прибор спиритликсом, и это название придумали позже.

Конечно, я не рассказывал детективам подробностей, просто дал задание разыскать мне по всей стране людей с фамилией Венцеслаус или похожей на нее. И сам со всеми разговариваю. Естественно, каждый раз приходится пересказывать всю эту историю, чтобы прочувствовали. Вдруг тот, кто этот спиритликс изобрел, признает его в моем пересказе.

Вот поэтому я к вам и пришел, мистер Венцилотс. Приходится опрашивать всех с похожей фамилией. Может, я не рассышал или потом фамилию изменили...

Теперь вы все знаете. Подумайте, мистер Венцилотс. Вы, кроме цыплят, чем-нибудь еще занимаетесь?.. Может, вы что-нибудь изобрели? Нет, я думаю, самодельная мышеловка — это немного не то. Может, вы книгу написали?.. Нет? А не собираетесь?.. Может, разрабатываете новую социальную или экономическую теорию? Этот спиритликс может оказаться чем угодно. Не разрабатываете?.. Ну ладно, я пойду. У вас случайно нет родственников, которые балуются с инструментами? Нет?.. Мне еще многих надо обойти. Вы себе не представляете, сколько в стране Венцеслаусов и похожих... Хотя постойте... Говорите, изобрели новую мышеловку?.. Держите еще сигару. Давайте присядем. Эта ваша мышеловка, что она делает?.. Мышей ловит... Это понятно. А как именно она работает?

Содержание

<i>Кир Булычев. ЛАБОРАТОРИЯ ПАРАДОКСОВ . . .</i>	5
<i>Пол Андерсон. НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН. БЫТЬ ЦАРЕМ</i> (из цикла «Патруль времени»). <i>Пер. с англ. М. Гилинского</i>	20
<i>Роберт Силверберг. АБСОЛЮТНО НЕВОЗМОЖНО.</i> <i>Пер. с англ. В. Вебера</i>	146
<i>Пол Андерсон. ДАЛЕКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. Пер. с англ. В. Вебера</i>	162
<i>Джек Финней. ХВАТИТ МАХАТЬ РУКАМИ. Пер. с англ. А. Иорданского</i>	179
<i>Эдмонд Гамильтон. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Пер. с англ. М. Гилинского</i>	201
<i>Хосе Гарсия Мартинес. ПОБЕГ. Пер. с исп. Р. Рыбкина</i>	212
<i>Джеймс Боллард. ИЗ ЛУЧШИХ ПОБУЖДЕНИЙ.</i> <i>Пер. с англ. Р. Рыбкина</i>	214
<i>Бруно Энрикес. ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ. Пер. с исп. Р. Рыбкина</i>	233
<i>Джон Уиндем. ХРОНОКЛАЗМ. Пер. с англ. Т. Гинзбург</i>	236
<i>Мунро Фрэзер. УКРАДЕННОЕ ВРЕМЯ. Пер. с англ. Т. Гинзбург</i>	264
<i>Герберт Франке. ОШИБКИ ПРОШЛОГО. Пер. с нем. Ю. Новикова</i>	272
<i>А. Э. Ван Вогт. ЧАСЫ ВРЕМЕНИ. Пер. с англ. М. Гилинского</i>	284
<i>Джек Финней. ЛИЦО НА ФОТОГРАФИИ. Пер. с англ. В. Волина</i>	305
<i>Роберт Артур. КОЛЕСО ВРЕМЕНИ. Пер. с англ. И. Бадановой</i>	327

Збигнев Простак. МАГ. <i>Пер. с польск. К. Старосельской</i>	346
Барри Молзберг. ...А МЫ ЛЕЗЕМ В ОКНО. <i>Пер. с англ. С. Васильевой</i>	371
Робин Скотт. ТРЕТИЙ ВАРИАНТ. <i>Пер. с англ. Ф. Мендельсона</i>	376
Джанни Родари. ПРОФЕССОР ГРОЗАЛИ, ИЛИ СМЕРТЬ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ. <i>Пер. с итал. Л. Вершинина</i>	417
А. Э. Ван Вогт. ЗАВЕРШЕНИЕ. <i>Пер. с англ. М. Глинского</i>	426
Уильям Тени. ПОСЫЛЬНЫЙ. <i>Пер. с англ. А. Корженевского</i>	468

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

Сборник научно-фантастических произведений

Ст. научный редактор И. Я. Хидекель
Мл. научный редактор М. А. Харузина
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Н. М. Иванов
Технический редактор Е. Н. Петрунина
Корректор И. И. Дериколенко

ИБ № 5333

Сдано в набор 27.08.84.

Подано ... к печати 14.03.85.

Формат 70×100 $\frac{1}{2}$ з.

Бумага типографская № 2

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Объем бум. л. 7,75. Усл. печ. л. 20,15.

Усл. кр.-отт 40,75. Уч.-изд. л. 20,09.

Изд. № 12/3971.

Тираж 100 000 экз. Зак. 712. Цена 2 руб. 20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

**Книги, вышедшие в серии
«Зарубежная фантастика»**

1965

- Бредбери Р. **Марсианские хроники**
Занднер К. **Сигнал из космоса**
Кашшан Ф. **Телечеловек**
Лем С. **Охота на Сэтавра**
Несвадба И. **Мозг Эйнштейна**
Оливер Ч. **Ветер времени**
Поол Ф. и Корнблат С. **Операция «Венера» (Торговцы космосом)**
Туннель под миром. Сборник рассказов
Экспедиция на Землю. Сборник рассказов

1966

- Азимов А. **Путь марсиан**
Белая пушинка. Сборник рассказов
Гаузер Г. **Мозг-гигант**
Хормсер Р. **Пан Етирус**
Фиалковский К. **Пятое измерение**
Хайл Ф. и Эллиот Д. **Андромеда**
Чапек К. **R. U. R. — Средство Макрополоса. — Война с саламандрами**
Шекли Р. **Паломничество на Землю**

1967

- Бредбери Р. **Вино из одуванчиков**
Борунь К. **Грань бессмертия**
Времена Хокусая. Сборник рассказов
Как я был великанином. Сборник рассказов
Кейдин М. **В плена орбиты**
Лем С. **Непобедимый. — Кибериада**
Луна двадцати рук. Сборник рассказов

Пришельцы ниоткуда. Сборник рассказов
Саймак К. Прелесть

1968

Гости страны фантазии. Сборник рассказов
Каттнер Г. Робот-зазнайка
Пиршество демонов. Сборник рассказов
Саймак К. Все живое
Случай Ковальского. Сборник рассказов
Человек, который ищет. Сборник рассказов
31 июня. Сборник рассказов

1969

Жулавский Е. На серебряной планете. — Рукопись с Луны
Звезды зовут. Сборник рассказов.
Карточный домик. Сборник рассказов
Музы в век звездолетов. Сборник рассказов
Нортон Э. Саргассы в космосе
Продается Япония. Сборник рассказов
Фантазии Фридьеша Каринти. Сборник рассказов
Фрейн М. Оловянные солдатики

1970

Бандагал. Сборник рассказов
Вавилонская башня. Сборник рассказов
Гаррисон Г. Тренировочный полет
Кларк А. Космическая Одиссея 2001 года
Комацу С. Похитители завтрашнего дня
Огненный цикл. Сборник рассказов
Пески веков. Сборник рассказов

1971

Вайсс Я. Дом в 1000 этажей
Крайтон М. Штамм «Андромеда»
Лем С. Навигатор Пиркс. — Голос неба
Стальной прыжок. Сборник рассказов
Фантастические изобретения. Сборник рассказов

Через Солнечную сторону. Сборник рассказов
Шутник. Сборник рассказов

1972

Дальний полет. Сборник рассказов
Двое на озере Кумран. Сборник рассказов
Клемент Х. Экспедиция «Тяготение»
Космический госпиталь. Сборник рассказов
Саймак К. Заповедник гоблинов
Финней Дж. Меж двух времен

1973

Лем С. Солярис. — Эдем
Нежданно-негаданно. Сборник рассказов
Расселл Э. Ниточка к сердцу

1974

Браун Ф., Тенн У. Звездная карусель
Практичное изобретение. Сборник рассказов
Симпозиум мыслелетчиков. Сборник рассказов

1975

Педлер К., Дэвис Дж. **Мутант-59**
Человек-компьютер. Сборник рассказов

1976

Азимов А. **Сами боги**
Кларк А. **Свидание с Рамой**

1977

Братья по разуму. Сборник рассказов
Комацу С. Гибель дракона

1978

Миры Клиффорда Саймака. Сборник рассказов
Пять зеленых лун. Сборник рассказов

1979

Азимов А. **Три закона роботехники**
Прист К. **Машина пространства**

1980

Ле Гуин У. **Планета изгнания**
Последний долгожитель. Сборник рассказов

1981

Бова Б. **Властелины погоды**
Дорога воспоминаний. Сборник рассказов
Кларк А. **Фонтаны рая**

1982

Саймак К. **Кольцо вокруг Солнца**
Трудная задача. Сборник рассказов
Цвет надежд — зеленый. Сборник рассказов

1983

Брэдбери Р. **Холодный ветер, теплый ветер.** Сборник рассказов
Солнце на продажу. Сборник рассказов

1984

Браннер Дж. **Квадраты шахматного города**
Миры Роберта Шекли. Сборник рассказов
Оливер Х. **Энерган-22**

2 руб. 20 коп.

Зарубежная

фантастика

ПАТРУЛЬ
ВРЕМЕНИ

Издательство «Мир» Москва

